

М. ВЕЛЛЕР

ЖЕСТОКИЙ

М. ВЕЛЕР

ЖЕСТОКИЙ

Такое кино

Санкт-Петербург

2002

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.12.02.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 20000 экз. Заказ 4613.

В новую книгу Михаила Веллера вошли остросюжетные повести, рисующие события с яркостью и динамичностью кинематографа. Их герои — люди с сильными характерами, умеющие и любящие преодолевать препятствия. Приключения и злоключения этих авантюристов заставляют задуматься о непреходящих ценностях жизни...

ISBN 5-94966-009-9

© М. Веллер, 2002
© Художественное оформление.
В. Медведев, 2002

ЖЕСТОКИЙ

кино-роман

Посвящение

*Дольфу Лундгрену,
родившемуся на свет,
чтобы сыграть эту роль.*

Пояснение

Середина XI века — конец эпохи викингов. «Веер викингов» накрыл всю Северную Европу, Испанию, Италию, Византию, Русь, Каспий. Лучшие бойцы мира — они жили мечом и сдавали его в наем. «Избави нас, Господи, от гнева Своего и от неистовства норманнов», — молились монастыри. Родственные династии скандинавов сплетались в клубок и сменяли друг друга на дальних и богатых престолах.

Перечисление

Харальд III Хардероде — конунг Норвегии, последний «морской король». «Хардероде» означает жестокий, крутой, беспощадный, суровый, победный.

Вильгельм Бастард — герцог Нормандии, завоеватель Англии, норманн.

Кнут Великий — король Дании, Швеции, Норвегии, Исландии, Англии, норманн.

Яришлейв Скупой, он же конунг Руси Ярослав Мудрый, норманн.

Ингигерда, его жена, дочь конунга Швеции Олава.

Элисив, она же Елизавета, их дочь, жена Харальда.

Рогер Сицилийский, герцог Сицилии, норманн.

Магнус Добрый, конунг Норвегии.

Зоя Великая, императрица Византии.

Гарольд Уэссекский, король Англии.

Мы опускаем такие значимые фигуры, как Свейн Датский, Хардакнут, Олав Святой, Турир Собака, Сигурд Свинья, ярл Моркар и ряд других, чтобы не запутать зрителя в густых и смертельных узлах борьбы за власть этой эпохи фаталистов и рубак.

Предупреждение

Мировая история не знала такого головокружительного боевика, как судьба Харальда Хардероде, покрывшего себя славой первого бойца эпохи и не познавшего поражений в сотнях схваток.

Итак — когда наш мир был юн, энергичен, нетерпелив и жесток, тысячу лет назад...

Беглец

1. Ночь, дом из валунов и бревен с земляным полом и узкими окнами-бойницами, факелы и крики нападающих. Стрела влетает в окно и дрожит в стене. Мать перевязывает рослому пятнадцатилетнему подростку раны на руке и боку.

— Беги, — говорит она, торопя.

— Я умру вместе с тобой, — презрительно отвечает он, — но сначала перебую дюжину этих собак.

— Ты не должен умереть. Ты должен отомстить.

— Я отомщу каждому, кто войдет.

— Ты должен стать конунгом и отомстить тем, кто повел их.

В отблесках факелов по его лицу катится пот, когда она перетягивает рану, но лицо неподвижно, не кривится.

— Почему они пошли против отца? Ведь он был конунг по праву.

— Потому что они глупы и доверчивы. Они думали, что так они станут свободны и не будут платить налоги.

— А разве это не так?.. — мрачно говорит он.

— Нет. Теперь они станут платить датчанам и англичанам — не только скотом. Дочерьми, кровом и кровью. Кто защитит их? Для того Кнут и дал им оружие и своих англов и данов, чтоб завладеть стадом без пастуха.

— Так что, они не понимают?

— Сегодня еще нет. Ум простых людей короток.

Слетает бревно с крыши, сверху лучник стреляет в щель, стрела вонзается матери в грудь.

— Управляй... без... жалости... — выговаривает она.

Подросток мечет в щель нож, лучник со стоном исчезает.

Торопливо надевает кольчугу, шлем, открывает внутреннюю дверь в скотную службу под общей крышей.

Выводит белого коня, обвязывает ему морду тряпкой, смочив в ведре с водой. Берет в левую руку щит, правой проверяет меч без ножен на боку. Ждет.

Крепкий дом трещит под ударами, в щели летят факелы, загорается утварь. Пятнадцатилетний Харальд тяжело влезает в седло, пригибаясь под низким потолком. Перегнувшись, отворяет тяжелую окованную железом дверь и вылетает наружу.

2. От неожиданности штурмующие, вооруженные крестьяне-бонды, на секунду опешивают. Он сбивает конем одного, срубает второго, принимает на щит удар третьего и в мягком стуке копыт уносится в ночь.

3. Стрела вдогон цокает сзади по шлему и соскальзывает вниз, оцарапав шею и застряв в вырезе кольчуги. Он презрительно отбрасывает ее.

Викинг

4. Серое небо, серые волны, бурый берег. Поскрипывает причальный канат — дракон на высоком форштевне узкого черного корабля оскалил пасть. Крытые дерном хижины, кучка викингов.

Они смотрят на подходящего Харальда. Конь идет позади — меч, щит, шлем приторочены к седлу.

Взглядом Харальд определяет предводителя:

— И хочу уйти в поход с твоей дружиной.

— Готов поговорить об этом... года через три.

Смешок по толпе.

— Я пришел сейчас, — увесисто говорит Харальд.

— Я ответил, — презрительно бросает ярл.

— Я тоже готов ответить. — Харальд отступает к коню, надевает шлем, берет щит и меч: — Вели выйти любому из твоих бойцов, если не хочешь сам.

Смешок переходит в хохот.

— Эйгар, — бросает ярл.

Сзади выходит некрупный норманн в кожаной рубахе, подпоясанной веревкой. Улыбаясь, развязывает веревку, подбирает камень-голыш размером с крупный кулак и обвязывает концом веревки, превращая в род

примитивного цепа или кистеня. Резкими взмахами вращая за веревку перед собой, делает шаги навстречу Харальду.

— Ты презираешь меня и вышел с камнем, как на собаку?.. — кривит рот от унижения Харальд. — Хорошо. Я поступлю с тобой как с собакой.

Отбрасывает щит и меч, снимает шлем, начинает стаскивать кольчугу. Они видят кровавые пятна на руке и боку, расползающиеся по холсту рубахи, лица серьезнеют.

Харальд теряет сознание, оседает.

5. Приходит в себя, лежа на шкурах в хижине, его пят горячим отваром.

— Кто ты? — спрашивает ярл. — Говори не боясь, ты мой гость.

— Харальд, сын Сигурда.

После паузы:

— Нам не нужны враги в Норвегии, — раздумчиво говорит рослый рыжебородый викинг за плечом ярла.

— Мы уходим надолго. Кто знает, что задумали боги, — отвечает ярл.

6. Викинги переносят свои сундучки на корабль. Укладывают оружие и припасы, навешивают щиты вдоль бортов. Канатом привязывают за кормой большую лодку: поход долгий, нужно место для добычи и пленных.

Выздоровевший Харальд отводит от поселка за холм своего коня.

— Ты служил отцу, и ты служил мне. Больше ты никому не должен служить. Ты будешь ждать меня на пастбищах у ворот Валгаллы, на тебе я въеду к Одину — клянусь. — Вонзает коню в грудь меч.

7. Викинги наваливаются на весла. Парус. Даль.

Буря

8. Буря, ночь, молнии. Пенные валы бьют драккар. С хрустом он напарывается на риф, проволакивается по нему. Течь в корпусе, вычерпывают воду, драккар оседает: утонет.

— Переходить в лодку! — кричит один в свисте ветра.

— Она и половину нас не вместит! — кричит другой.

— Пусть решит жребий! — говорит ярл.

Он достает пучок стрел.

— Эйгар! Дай твои черные стрелы.

Ярл кладет рядом по две стрелы — белую, лучшую различимую во тьме, и черную — и секирой рубит их попарно на равные отрезки. Ссыпает палочки в шлем.

Викинги по одному тянут жребий. Вытянувшие белый перебираются в подтянутую к корме лодку. Вытянувшие черный возвращаются к веслам и вычерпывать воду.

Харальд в лодке. Ярл — ему тоже выпало спастись — переходит последним и собирается перерезать канат.

С кормы молодой викинг кричит:

— Это ли ты обещал мне, ярл, когда звал с собой в поход?

— Что ты предлагаешь? — тяжело спрашивает ярл.

— Чтобы ты перешел на мое место, а я — на твое.

— Будь по-твоему. — Ярл собирается вернуться в драккар.

— Людям нужен вождь, — Харальд оказывается впереди него и прыжком возвращается на драккар.

Он презрительно говорит в лицо тому юноше:

— Ты, должно быть, очень любишь жизнь и думаешь, что умереть — это трудное дело. — Хватает его за шиворот и штаны и швыряет в лодку. И взмахом ножа перерезает канат.

Лодка исчезает в темноте, люди на ней отгребают в сторону.

— На весла! — командиром гаркает Харальд. Наваливается на рулевое весло на корме. — Держим по ветру! Вычерпывай!

— Зачем напрасно спорить с богами, — сурово замечает викинг рядом с ним. И тут же получает нож под ребро и уносится волной за борт.

— Боги приказывают сражаться всегда, — бешено отвечает Харальд, стряхивая кровавую воду с ножа.

Очередной вал накрывает их с головой. Отплываваясь и задыхаясь, Харальд привязывает себя к веслу.

Спасение

9. На рассвете их вышвыривает на отмель низкого берега. Корабль в щепы, спасают лишь оружие. Сбиваемые с ног прибоем, выбираются на сушу.

10. Угрюмой мокрой кучкой бредут вдоль стихшего серого прибоя. Указывают рукой на предмет, болтающийся в волнах и прибиваемый к берегу. Идут туда, бегут.

Их лодка качается у берега, кверху пробитым днищем. Невдалеке на песке — сундучок одного из викингов с сорванной крышкой...

Утонули те, кто должен был спастись...

— Один поменял наши жребии, — говорит один.

Суеверно глядя на Харальда, другой указывает пальцем:

— Один сохранил его жребий. И нас вместе с ним.

Третий смотрит задумчиво, обмеряя Харальда взглядом:

— Похоже, твоя удача велика, сын Сигурда. Будь с нами.

Набег

11. Один принохивается. Другой указывает рукой: струйка дыма над холмами. Молча, быстро идут в том направлении, на ходу группируясь в компактную кучку, проверяя и удобнее перехватывая оружие.

12. Поселок у берега меж холмов — десяток домов, крытых дерном, несколько коров на лугу, пара вытасщенных лодок близ берега.

13. С ревом набегают викинги, разворачиваясь в цепь, работая мечами и секирами, вышибая двери

и не щадя никого. Кровь стекает через порог. Женский крик. Выскакивает с копьем крестьянин и падает, срубленный. Пытается убежать девушка с распущенными волосами, но ее догоняет брошенный нож. Черный дым поднимается над хлевом.

14. Викинги сносят все добро в лодки у берега: ткани, меха, украшения, сундучки, кожаные мешочки с монетами, топоры и ножи... Обмениваются радостными замечаниями: жизнь налаживается! Переступают через трупы.

15. Пир на берегу. Огромный костер. Бычья туша на вертеле. Связка жареных гусей. Ковшами черпают пиво, передают чаши с вином, гогочут, вытирают об одежду масляные руки, обливаются пойлом, блики огня на заросших лицах. Упиваются.

Казнь

16. Харальд приходит в себя, не может пошевелиться, стонет, открывает глаза.

Крепко связанный, он лежит на траве.

Его друзья, стянутые веревками, лежат здесь же.

— Тор и Фрейя! Кто посмел! — рычат и ругаются викинги. Некоторые извиваются, силясь высвободиться из пут.

— Посадите их, — раздается повелительный голос.

Чужие воины сажают викингов на земле, некоторых — опирая спинами друг о друга по двое-трое.

Коренастый человек в длинной кольчуге стоит над ними, отдавая распоряжения. Рукоять меча за его поясом инкрустирована камнями.

— Хелльбранд, старый знакомый, — протягивает он, узнавая одного из викингов. Тот отводит глаза и зло сплевывает.

Огромный, похожий на медведя воин вопросительно смотрит на предводителя.

17. Харальд смотрит: чужой драккар стоит у берега, черный, смоленый, и стяг вьется на неспущенной мачте: на небесно-зеленом поле — черный ворон с распу-

ценными крыльями; ветер веет, и ворон, растопыривший когтистые лапы, шевелит крыльями.

18. Предводитель делает характерный жест ладонью.

19. Часть викингов с перерезанным ночью горлом лежит на траве.

20. Оставшихся человек пятнадцать рассаживают через промежутки на огромном бревне, лежащем у сожженного поселка. Руки их связаны за спиной, меж спиной и вязкой проходит вбитый в землю за бревном кол, таким образом что его верхушка торчит на уровне лопаток: не дернуться. Двое воинов подтаскивают очередного викинга за плечи и сажают на бревно, третий просовывает сверху кол за его спиной под вязки рук и камнем вбивает в землю, пока верхушка не уйдет ниже уровня шеи сидящего.

Похожий на медведя боец с широкой секирой подходит к бревну, перехватывает секиру за самый конец длинной рукояти, делает широкий круговой горизонтальный взмах — и голова крайнего викинга отскакивает и катится.

Негромкий одобренный гул его товарищей.

Вторая голова. Третья. Исполнитель явно шеголяет техникой удара.

Наконец, он подходит к Харальду. Секира в крови.

— Не испачкай мне волосы, — презрительно говорит Харальд.

Наблюдающие казнь воины усмеваются шутке. Эти люди умеют ценить мужество.

— А что же мне, мыть ради тебя одного топор? — пренебрежительно отвечает исполнитель, задетый его мужеством и моральным превосходством в этот миг.

— Можешь вырубить мне кровавого орла, — бросает Харальд как бы небрежно.

Секундная пауза и внимание зрителей.

— Ты просишь разрубить тебе ребра и вырвать легкие? — уточняет исполнитель: тень недоверия и уважения в его голосе.

— Ты можешь посмотреть, как умирает викинг из Норвегии, — говорит Харальд, глядя в глаза вождю.

— В Норвегии есть мужчины, — одобчительно замечает один из зрителей.

Исполнитель разрезает веревки за спиной Харальда, освобождает и отводит от спины его руки и рывком разрывает рубаху.

— Кол тебе не мешает? — спрашивает Харальд и пересаживается чуть в сторону, чтобы палачу было удобнее.

Тот перехватывает рукоять секиры ближе к лезвию и примеривается.

Вождь делает приостанавливающий жест.

— Хочешь ли ты получить жизнь? — спрашивает он.

— Смотри кто ее предлагает, — с достоинством отвечает Харальд. — Не от каждого можно принять такой подарок.

Воины гудят, хохочут и хлопают друг друга по спине. Симпатии явно перешли на сторону Харальда.

— Мальчишка молодец!..

— Ты прав, — говорит вождь. — Тебе предлагает ее ярл Ингвар. Можешь ли ты принять мой подарок?

— Могу, — с паузой, ровно отвечает Харальд.

— Хорошо, — говорит ярл. — А то я уже боялся, что ты мне откажешь.

Общий хохот.

— Назови себя, чтобы я знал, кого одарил, — велит ярл.

Харальд встает, гордо выпрямляется:

— Ты имеешь право знать мое имя. Харальд Сигурдарсон, сын конунга Норвегии.

В зрителях — криканье, покачивание голов.

— Ты стоишь денег, — задумчиво говорит ярл.

— Я стою больше.

— Но я еще не назвал суммы.

— Сумма неважна. Все равно больше. Хотя сейчас мой дом сожжен, а отец мертв, и некому заплатить тебе.

Исполнитель переступает ближе к нескольким еще живым викингам и вопросительно смотрит на ярла. Обезглавленные трупы сидят на залитом кровью бревне.

— Храни тебя Один, Харальд, — улыбается первый в очереди и командует исполнителю: — Ну!

— Развяжите их, — приказывает ярл. — Мне понравился один из них.

Он протягивает руку. В руку вкладывают меч Харальда. Он протягивает его Харальду со словами:

— Он твой. И я предлагаю вам с ним служить мне, — и после паузы и взгляда добавляет, — пока ты не вошел в силу.

— Сколько будет стоить мой отказ?

— Их жизни. — Ярл кивает на троих оставшихся в живых викингов.

— А мое согласие?

— Мою дружбу. И честную долю в добыче.

— Мои люди будут подчиняться мне, — говорит Харальд.

— Это справедливо. А ты — мне.

— Это справедливо. Пусть будет так.

21. И вот они уже пьяны в попойке — на том же месте, где сутки назад, и такая же бычья туша на гигантском вертеле над костром, те же бочонки и чаши вкруговую и отблески костра на лицах, и искры, улетающие во тьму.

— Ты бы действительно убил их? — негромко спрашивает Харальд ярла.

— Нет. А ты бы действительно отказался идти ко мне?

— Нет. Почему ты подарил мне жизнь? В Норвегии много храбрых людей.

— Я чувствую в тебе удачу. Боги любят тебя.

В кармане своих кожаных штанов Харальд машинально нащупывает палочку и вытаскивает — это его давешний белый жребий. Смотрит на него в свете костра и прячет обратно...

Монастырь

22. Драккар под красным квадратным парусом в сером бескрайнем море.

23. На палубе один из викингов, правя брусом лезвие меча и пробоя его пальцем, говорит другому:

— В монастырях много золота и серебра.

— А воинов нет совсем, — отвечает тот мечтательно.

24. С шипением и треском днища по гальке драккар врзается в берег. Парус падает. Расхвывая висящие по бортам щиты — круглые, деревянные, раскрашенные — викинги сыпятся на берег.

25. Каменный монастырь — смесь церкви с небольшой крепостью — стоит на холме. Ворота поспешно закрываются.

Викинги, сверкая оружием, набегают с ревом.

Стрелы со стуком втыкаются в сходящиеся створки ворот, окованные железными полосами. Пронзенные, падают один и второй монахи, не успевшие закрыть их. Нападающие массой наваливаются на ворота, растворяют, текут во двор.

Падают под ударами монахи в черных рясах.

Нападающие сдирают оклады с икон, вытряхивают Святые Дары из дароносицы, разворачивают на просмотр и суют за пазухи изукрашенные парадные облачения.

В погребке вышибают днища из винных бочонков и пьют.

Пылает кровля.

26. Ярл и Харальд в башне, на винтовой лестнице перед запертой дверцей в часовню.

Ярл бьет раз и еще секирой, дверь разваливается.

Высокий седой старец с посохом, настоятель, пытается остановить их проклиная жестом.

От сотрясения разбившего дверь удара еще колеблется лампада на краю полочки под иконой — и падает на каменный пол, масло из нее растекается.

Ярл делает шаг вперед и взмахивает секирой, чтоб раскроить череп настоятелю — но пяткой поскользывается на разлившемся масле и падает навзничь, цепляясь за высокий порог сзади — и затылком на крутые каменные ступени. Безвольно съезжает вниз и замирает — красная лужица расходится под затылком.

Харальд смотрит ошеломленно.

— Всемогущ Господь! — торжествующе каркает старец, осознав происшедшее, и вздымает руку. — Кто осилит волю его?

Харальд осторожно переступает через масляную лужу и взмахом меча сбивает кресты и иконы со стен.

— Я, — отвечает он.

И в этот миг на старце вспыхивает снизу одежда — загорается на полу масло из упавших лампад.

Харальд оглядывается на лежащего внизу лестницы ярла и говорит горящему все обширнее старцу:

— Он уже в пути к Одину. Ступай и ты к своему богу.

Вынимает из его руки посох, выходит и закрывает на посох, вдев его в наружные петли по бокам дверцы, эту разбитую дверцу, оставляя старца в огне.

В набалдашнике посоха рдеет крупный рубин. Харальд выковыривает его мечом и зажимает в мертвую ладонь ярла:

— Это не цена за мою жизнь... но возьми.

И выходит из загорающейся башни.

27. Вечерний пир на берегу. Догорающий монастырь.

— Хороший погребальный костер у нашего ярла, — говорит один викинг.

— Это правда, что монах загорелся, когда ты посмотрел на него? — спрашивает другой Харальда.

— Я не знаю, отчего он загорелся. Но я посмотрел, и после этого он стал гореть.

— Ты лжешь, — говорит третий. — Только великий волшебник мог бы это.

— Вспомни, как мы спаслись, — возражает ему один из тех, кто спасся с Харальдом в кораблекрушении. — Боги дали ему большую удачу.

— Даже с самой большой удачей нельзя сжечь человека, лишь посмотрев на него!

— А если это сделал Тор, мстя за Ингвара?

Викинг в затруднении. Другой вступается:

— А зачем Тор допустил ему поскользнуться?

— Значит, его удача кончилась.

— Я не верю! — настаивает неверящий викинг.

Харальд встает, берет меч и щит и приглашающе отходит:

— Один из нас прав. Я готов доказать, что лжецы, если не веришь.

Викинг берет оружие. Им освобождают место у костра. Крадучись кружат друг вокруг друга. Звенят мечи.

Харальд замечает небольшой гладкий камень близ костра, блестящий от жира, и мясной объедок рядом. Маневрирует так, чтобы этот камень оказался позади викинга. В нужный момент делает выпад, они стучаются щит в щит, Харальд — шаг назад и замах меча, викинг — полшага назад и поднимает щит: и вдруг падает на ровном месте головой в костер, волосы мгновенно вспыхивают — он наступил на залитый жиром камень.

Единый выдох зрителей. Поверженный выбирается из огня, его гасят.

Снова пьют. Харальд передает чашу побежденному.

— Если ты не колдун, то лучше тебе быть ярлом, — говорит тот и пьет.

28. Утро. Всю добычу складывают на драккаре у мачты. Один ташит сверток шелка, другой кидает сверху кривой кинжал в изукрашенных ножнах.

— Такие носят сарацины, — замечает один.

— Это вещи из Кордовы, — говорит седой викинг.

— Мне нравится Кордова, — задумчиво говорит Харальд.

— Ему нравится Кордова! — хохочут кругом.

— А почему бы и нет. — Харальд переводит взгляд к горизонту.

Кордова

29. Высокие черные скалы скользят вдоль бортов драккара. Пролив, Гибралтар, пройден: с одной стороны уходит вдаль лазурное теплое море, с другой — появляются пальмы на песке и белые зубчатые стены мавританских построек: Кордовский Халифат.

30. Перед мачтой, на месте ярла и с осанкой ярла, стоит Харальд и шуруется вдаль. На лице пробился грубоватый светлый пушок, он повзрослел, покрупнел. Зеленый флаг с вороном над ним.

31. И викинги рубятся меж палым и белых стен с маврами в тюрбанах и с кривыми саблями. Вопли и кровь, прах и пепел: налет по полной программе.

32. Груды добра сносятся на драккар. Шелк и парча спихиваются в сундуки на палубе, узкое и легкое арабское оружие складывается в узкий ларь на корме, жемчуга и камни вмеремешку с золотыми монетами сыпаются в ларцы.

33. Кучка юных красавиц в изорванных полупрозрачных одеждах, почти не прикрывающих наготу, жмется в испуге на разгромленной площади. Окружившие их викинги обмениваются нетерпеливыми замечаниями.

Харальд шагает вперед, выбирает смуглую брюнетку — полную противоположность собственному светлomu скандинавскому типу — и волочет в ближайшую постройку, дверь ее сорвана.

Отчаянный девичий крик из развалюхи, где они скрылись.

Викинги ухмыляются и с ревом бросаются на женщин, таща в стороны.

На службе у Рогера Сицилийского

34. Тяжело осев по планширь, движется драккар по бескрайней лазури — черный корпус, красный парус, зеленый флаг.

Раскинувшись в вольных позах, с сытым выражением отдыхают викинги на палубе. В центре — заматеревший Харальд.

Виден берег, и драккар у берега, и над шатром — голубой флаг с черной змеей.

— Такое знамя было у Рогера... — шурится вдаль седой викинг. — Его отец, Танкред, был дружен с ярлом Ингваром...

35. Драккар Харальда табанит веслами близ берега и застывает на воде.

Воины на берегу — такие же викинги — с оружием, но без доспехов выжидательно собираются в цепь.

С драккара смотрят напряженно, находя ладонями рукояти мечей и топоров.

Из-за драккара выходит небольшая лодка с четырьмя гребцами. На носу стоит Харальд — без шлема, щита и кольчуги, но опоясанный мечом. Лодка врежется в берег.

Рослый, роскошно облаченный ярл, также с одним мечом, делает из цепи два шага навстречу Харальду, спрыгнувшему на песок.

— Я Харальд, сын Сигурда, — останавливается перед ярлом.

— Я Рогер, сын Танкреда, — лицо ярла яснееет. — Это тебя мавры называют Жестоким?

— Те, кто встречались со мной, уже никак меня не называют.

Они заключают рукопожатие.

Харальд выше и шире в плечах рослого крепкого Рогера.

36. Закат над морем. Харальд и Рогер на драккаре Рогера играют в кости на бочонке (драккар Харальда плывет рядом). Большие костяные кубики с черными точками бросаются из кожаного стаканчика. Рогер выбрасывает четыре и пять, удовлетворенно кивает и протягивает стаканчик Харальду.

— Зачем эта игра? — спрашивает тот.

— Если у меня окажется больше — ты сделаешь так, как хочу я.

— А как хочешь ты?

— Чтобы ты пошел со мной завоевывать Сицилию.

— А если больше окажется у меня?

— Тогда я сделаю так, как хочешь ты.

— Тогда выигрывать буду я, — заявляет Харальд.

Он вытряхивает кости из стаканчика на ладонь и пальцами ставит на бочонок две шестерки.

— Ты пойдешь со мной завоевывать Сицилию, — серьезно говорит он Рогеру.

Рогер хохочет и бьет его по спине.

— Глупая игра, — говорит Харальд. — Зачем играть, если все равно надо побеждать?

Ночь опускается на море.

37. Ясное утро. Флот викингов пристает к Сицилии. Вооруженные толпы бегут от кораблей и бросаются на штурм крепостных стен.

Стрелами и копьями сбивают со стен защитников-сарацин.

Бегом тащат с кораблей штурмовые лестницы, приставляют к стенам и лезут.

Бросают зацепляющиеся за края стен стальные кошки на веревках и лезут вверх.

С разбега от кораблей бьют группы привезенными бревнами-таранами в ворота и постепенно расшибают их.

Схватки на стенах и в переходах крепости. Убитые падают с обеих сторон.

И вот падает с башни зеленый флаг с золотым полумесяцем и взвивается голубое полотнище с черной змеей.

38. На коврах и подушках в роскошном зале сидят за вином и фруктами Харальд и Рогер.

— Я герцог Сицилии, — говорит Рогер. Он хлопает в ладоши, и танцовщицы в прозрачных одеяниях танцуют перед ними под звон струн.

— Разве тебе плохо служить у меня? — продолжает разговор Рогер. — Разве у тебя мало почета? Или доля добычи не устраивает тебя?

На лице Харальда — след нескольких прошедших лет, это уже молодой мужчина в полной силе. Небольшой шрам не портит лицо воина.

Он отхлебывает вина, кусает разрезанный крест-накрест апельсин и бросает в сторону. Подходит собака, нюхает и отходит.

— Здесь нет больше настоящих дел, — говорит Харальд.

— Мой брат Роберт ждет меня со своими людьми, чтобы идти в Ломбардию, — возражает Рогер.

Харальд слегка кривит рот.

— Мы будем диктовать волю самому Папе в Риме, — искушает Рогер.

— Разве Папа — воин?.. — пренебрегает Харальд.

— Рим сказочно богат, он богаче всех городов!

— Корабли уже не вмещают мою добычу, — говорит Харальд.

— Я дам тебе новые! — хохочет Рогер.
— Я давно не был в Норвегии.
— Что ты там оставил?
— Дом, — скупно роняет Харальд.
— Для сильного и храброго везде дом, если есть меч.

— Хочу кое-кого повидать.
— Ты уже забыл, что там видел?
— Теперь у меня есть мои люди и сокровища. И я уже не мальчик.

— Кнут правит в Англии, и в Дании, и в Норвегии, и на морях. Он сильнее тебя. Он великий конунг.

— Что ж. И я буду великим конунгом.

— Ты знаешь правду. Не раньше, чем он умрет.

— Я пройду с севера, — говорит Харальд. — Через Гардарики. Через земли русов. Яришлейв — зять конунга Швеции, ему не за что любить Кнута.

Рогер вскидывается, глаза его загораются:

— Мы завоюем всю Италию — а потом вместе с Робертом и Яришлейвом пойдем на Константинополь! — убеждает он. — Столица греков еще богаче Рима, мы наполним корабли одним золотом!

— Здесь править ты, — говорит Харальд. — Дома буду править я.

39. Беломраморная набережная и черный драккар с готовящимися отплыть викингами. На причале Рогер снимает с себя алый бархатный плащ, накидывает на Харальда и застегивает золотые застегжки.

— Удачи тебе, Харальд.

— Удачи тебе, Рогер.

Черный ворон вновь победно реет на зеленом флаге на мачте.

Змея

40. За кормой на морском горизонте показываются несколько точек. Они растут и превращаются в узкие раскрашенные корабли под треугольным парусом. Их четыре.

- Мавры.
- Мы не справимся с четырьмя, — мрачно говорит один.
- На земле мы бы перерезали их, как свиней.
- Держим к острову! — кормчий указывает на темнеющий вдаль островок.

В помощь парусу изо всех сил наваливаются на весла.

41. Плывут вдоль скалистого берега.

— Здесь негде укрыться, — говорит один, бросает грести и надевает кольчугу, готовясь к битве.

— Грести! — приказывает Харальд.

И открывается проход в бухту.

42. Драккар на всех веслах влетает в бухту. Врезается в береговую гальку. Викинги разом прыгают по колено в воду, споро выволакивают корабль на берег — и с оружием компактной массой выстраиваются наготове на удобной голой площадке среди скал.

В горло бухты влетает сарацинский корабль, замедляет ход и останавливается, спустив парус. Следом — второй и встает рядом. В горле за ними встает третий.

Мусульмане на палубах медлят в замешательстве. Схватка на суше не сулит им ничего хорошего.

Осыпают викингов стрелами, но те сжимаются и приседают за своими большими круглыми щитами, превращающимися в еж.

43. — Зачем напрасная кровь, — пожимает наконец плечами предводитель мавров на корме передового корабля: блестящий нагрудник, шелковые шаровары, красные сапожки с загнутыми носками, узкая кривая сабля за кушаком осыпана по рукояти самоцветами. — Аллах сам отдает их нам в руки — подставим же руки и подождем немного.

Делает жест гребцам.

44. Мавританские корабли пятятся на веслах вон из бухты. Викинги торжествующе кричат и делают оскорбительные жесты.

45. В тени пестрых тентов отдыхают на палубах мавры, поглядывая на выход из бухты и сторожа его со стороны моря.

— Когда у них кончится вода, — говорит бей, осушая чашу, — они сами выйдут к нам в руки.

И вытирает пот: жара... штиль... слепящее солнце.

46. На этой жаре, на камнях, измученные жаждой викинги делят по капле остатки воды из последнего бочонка.

— Придется выходить и драться, — говорит седой викинг.

— Жаль богатой добычи... — вздыхает другой.

— Спрятать на острове?.. — третий окидывает взглядом груды добра на корабле.

— Если мы выйдем отсюда, то не вернемся. — Лениво и медленно течет разговор обреченных.

— Утопить, чтоб не досталась этим собакам.

И все с надеждой смотрят на Харальда. Он задумчиво катает в ладонях маленькую отполированную палочку — свой амулет, старый белый жребий.

— Поймайте мне змею, — говорит Харальд.

— Что ты сказал? — переспрашивают удивленно.

— Ты слышал, — отвечает он.

47. Наверху, на поросших мелким лесом и кустах скалах, двое опасливо ловят обнаруженную змею. Змея шипит. Один осторожно прижимает ее палкой.

48. — Разведите костер, — приказывает Харальд.

Беспрекословно собирают наверху ветки.

Пылает костерок на берегу.

Один из викингов держит змею: голова торчит из бронированного кулака боевой перчатки, хвост извивается.

— Привяжите змею за хвост, — новый приказ.

Отрезают тонкий длинный золотой витой шнур от какого-то роскошного одеяния в добыче — и, крепко перетягивая, привязывают близ кончика хвоста змеи.

— Положите змею у костра.

Кладут, придерживая за шнур. Змея пытается уползти.

— Но не так близко, чтобы змея не зажарилась.

Отпускают ее на чуть более «длинный поводок». Костер горит, змея пытается уползти. Викинг, который придерживает ее за шнурок, утирает потоки пота:

— Если она не зажарится, то зажарюсь я... — бурчит он.

Через некоторое время, взглянув на снижающееся солнце, Харальд приказывает:

— Теперь пусть ползет. А ты держи.

49. Намотав конец шнурка на палец, викинг идет за змеей, стремительно извивающейся меж камней. Харальд с несколькими идет за ним — остальные сторожат берег.

Змея забирается выше по каменистому склону, там кустарник, расщелина во впадине, и змея юркает под камень.

— Копайте здесь, — говорит Харальд.

И двое начинают копать каменистую почву мечами.

Через некоторое время в ямке показывается вода.

На змею перестали обращать внимание, и она окончательно скрывается — золотой шнурок втягивается меж камней и исчезает.

50. Со дна маленького колодца викинги достают кожаным ведерком воду и жадно, счастливо пьют.

51. Вечереет. Харальд идет по редкому невысокому лесочку, что растет поверху меж скал острова, и за ним — двое с топорами. Он указывает на некоторые деревья — они делают на стволах широкие белеющие затесы.

52. Ночь. Большой костер на берегу. Его поддерживают двое — они кидают ветви в огонь и производят много шума, перекрикиваясь и стуча посудой.

53. На сарацинском корабле бей раздраженно говорит приближенным:

— Эти северные собаки, кажется, решили устроить себе поминальный пир.

— На котором пьют собственную мочу, — угодливо шутит приближенный, и все хохочут.

— На рассвете надо следить внимательнее, — говорит бей.

— И тогда они будут пить собственную кровь, — продолжает шутить угодливый под еще более громкий хохот.

54. В темноте викинги рубят деревья. Очищают стволы от веток и разделяют стволы на короткие бревнышки. Некоторые бревна, потолще, заостряют с од-

ной стороны, как колья. Несколько длинных нетолстых бревен складывают отдельно.

На тупых торцах кольев прорубают глубокие желобки — и крепко обвязывают эти концы как бы венчиками из прутьев, так что с тупого конца кола образуется своего рода поперечное отверстие.

55. Новый день. С сарацинского корабля наблюдают через горло бухты за викингами на берегу. Те валяются на камнях в позах бессилия. Один трясет над раскрытым ртом пустую чашу, откидывает ее и опускается на камни.

— Они хотят подохнуть там, — говорит бей. — Что ж, нам меньше хлопот.

56. Ночь, и костер в ночи.

Дракар поодаль от костра не виден. Перед ним — рядок деревянных катков, как шпалы.

Викинги снимают канаты, которыми крепится мачта, и вяжут их за высокий форштевень — два длинных каната тянутся вперед. Передние концы канатов крепят в отверстия двух кольев, вертикально вбитых впереди, по обеим сторонам дорожки из катков. В те же отверстия всовывают длинные бревнышки — рычаги этих ворот. Наваливаются и начинают вращать. Корабль идет по каткам — его волокут по суше.

Всю ночь продолжается волок через остров. Катки, по которым корабль уже прокатился, переносят и кладут спереди. Вертикально стоящие колья, когда корабль подтянут вплотную, перемещают вперед, в заранее заготовленные ямки, закрепляют камнями, придерживают при работе. Канаты разматывают — тащат вперед — и опять наваливаются, вращая ворота.

Корабль втаскивается на кручу! По ровному месту наверху его волокут уже без канатов, навалясь с бортов, споро подставляя катки сзади наперед.

Спуск. Канаты уже привязаны сзади, за такую высокую ахтерштевень — и викинги упираются ногами позади корабля, тормозя его движение по каткам вниз.

57. И вот корабль уже болтается на воде — с другой стороны острова.

Еле-еле начинает светать на горизонте.

Викинги в драккаре наваливаются на весла.

Небо сереет.

— Утренний ветер, — ловит щекой движение воздуха один.

Ставят парус — и начинает тихо бурлить вода под форштевнем.

58. Рассвет. Край солнца.

Спят мавры на кораблях.

Один поднимает голову — и замечает вдаль у горизонта еле различимый парус. Бьет солнечный луч — парус вспыхивает красным.

Мавр кричит, вскакивает, указывает рукой.

Из шатра на корме выскакивает заспанный бей, видит ускользнувшего врага — и в бешенстве рвет висащие на поясе четки.

Византия

59. Ярким днем драккар входит в большую гавань Константинополя. Множество разнообразных кораблей в порту. Высокие стены и башни, роскошь огромного города, разноязыкие толпы.

60. Викинги проходят через толчею, дивясь базарной пестротой.

61. Шумно пируют в портовой таверне. Жуликоватый хозяин, косясь на рослых светлых северян, что-то шепчет подручному, и тот исчезает.

62. А подходит этот слуга в толпе к раздетому чиновнику, важно гуляющему во главе вооруженного караула, и что-то втолковывает, указывая рукой. Чиновник высокомерно кивает. Слуга скромно протягивает руку — в эту руку кладется пара серебряных монет.

63. Войдя во главе стражи в таверну, чиновник оценивает викингов, не обращающих на него внимания. Подходит сзади к скамье, на которой они сидят за столом, и шупает бицепс ближайшего. Тот, не оборачиваясь, двигает рукой — чиновник отлетает на руки страже.

Стража обнажает оружие. Крайний викинг встает и свободной скамьей сбивает с ног всех одним мощным

взмахом, как кегли. Остальные викинги продолжают пировать, не обращая внимания на эту мелочь.

Подбежавший хозяин раболепно помогает встать чиновнику. Тот развязывает кошелек, дает ему несколько золотых монет и одобрительно кивает.

И вот уже перед вставшими лицом к противнику викингами теснится набившаяся толпа стражи. Чиновник выступает вперед, потирает ушибленную поясницу и выпрямляется:

— Я приглашаю тебя и твоих людей на службу к великому императору Михаилу, — с ответственным видом говорит он Харальду. — Императору нужны такие сильные и храбрые воины.

Один из викингов, лохматый и пьяный, громко икает, хватая стол и при поддержке пары товарищей, не обнажая оружия, выдавливает из таверны в дверь падающую стражу, как кучу песка ножом бульдозера, этим столом.

Успевший отойти в сторону чиновник залиvisto смеется и хлопает от удовольствия в ладоши.

— Это главный вербовщик императорских войск, — в ужасе сообщает хозяин.

— Такие воины заслуживают двойной платы и двойной доли добычи, — объявляет чиновник.

— А велика ли добыча? — интересуется седой викинг.

— У императора много врагов, — соблазняет чиновник.

64. В мощеном квадратном внутреннем дворе казарм викинги — свежие и веселые — упражняются во владении оружием. Уклоняются от копий, мечут в доски топоры, парируют удары; звенит железо.

65. Сверху, из дворцового окна за ними следит император с несколькими приближенными. Смуглый бородач с мрачными глазами ревниво перехватывает взгляд зрелой красавицы, прикованный к Харальду внизу. Взгляд плотояден. У красавицы холеное, капризное, властное лицо.

— Этот северный медведь забавен, — говорит она. И делает незаметный жест служанке. Служанка понимающе опускает веки.

— Да будет воля императора, — говорит мрачный бородач, — но я не доверяю бродягам и грабителям. На них нельзя полагаться.

— Полагаться мы должны только на вас, — насмешливо говорит зрелая красавица — сестра императора Зоя.

— Они нужны, чтобы ставить в самые опасные места, — говорит император. — Пусть умирают, убивая наших врагов.

Мрачный бородач, главнокомандующий императора Георгий Маниак, клянется злорадно.

66. Снизу Харальд, взглянув наверх, своим дальнорезким взглядом на миг встречается с глазами Зои. Подкидывает в руке тяжелый метательный нож, кидает — нож пробивает толстую доску, войдя по рукоять.

67. К Харальду подходит императорский слуга — и протягивает кинжал:

— Император делает тебе подарок и желает успеха в походе.

Харальд берет золотую рукоять, вытягивает из ножен клинок с чеканкой, задумчиво смотрит на окно с императорской компанией и сдержанно, с достоинством равного клянется.

Иерусалим

68. Византийские боевые корабли у знойного песчаного берега, и черный драккар викингов среди них.

Палатки на берегу, и в центре — роскошный шатер главнокомандующего Георгия Маниака.

Мелкая суета лагерного быта: солдаты, оружие, котлы.

69. Военный совет в шатре Маниака: ковер, подушки, карта, полдюжины командиров.

— Пока их войско не подошло, мы возьмем Яффу, — указывает по карте Маниак.

— Зачем рубить пальцы, если можно ударить в сердце, — пожимает плечами Харальд.

— Чем тебе не нравится наш план? О чем ты, говори прямо, Харальд!

— Надо брать Иерусалим. Там много золота и мало бойцов.

— Во-первых, мы не возьмем эти стены.

— Стены не могут защищать себя сами.

— Во-вторых, если нас там осадят, мы не дождемся помощи.

— Помощь понадобится султану, а не нам, — презрительно говорит Харальд.

— Что ты понимаешь в осаде городов! — взрывается Маниак. — В твоей стране их нет!

— Поэтому мы берем их в других странах.

— Ты подчиняешься мне!

— Я не подчиняюсь глупостям, — презрительно говорит Харальд и выходит.

70. Ночь. Харальд спит в своей палатке.

Крадучись несколько темных фигур пробираются в нее. Отблеск луны на лезвии короткого меча.

Снаружи видно, как возится короткая схватка в палатке, слышны стоны и вскрик.

71. Утро. Все войско собралось полукругом перед шатром Маниака. На полукруге свободного пространства перед шатром — пять трупов на песке. Над ними стоит вооруженный Харальд.

— Выходи, — трубно говорит Харальд. — И ответь, зачем ты прислал их убить меня.

Гул по войску. Когорта викингов стоит плечом к плечу за спиной Харальда.

Маниак показывается из-за завесы входа, принимает властную позу: он в блестящем нагрудном доспехе, золотая цепь на шее, сафьяновые сапоги, на поясе короткий меч, ножны усыпаны камнями.

— Мне неизвестно, каковы твои знакомства с убийцами и грабителями, — оскорбительно говорит он. — А среди моих людей, — обводит широким жестом, — убийц нет.

Гул по войску. Обстановка накаляется.

— Кто их убил? — спрашивает Маниак ко всем.

— Этих собак убил я, — отвечает Харальд.

— Почему?

— Почему?! Потому что они вошли ночью, чтобы убить меня спящего!

Гул по войску. Ропот среди викингов.

— Это ложь! — возвышает голос Маниак. — Зачем им было это делать?

— Затем, что это мог приказать только ты.

— Зачем мне приказывать убить тебя, Харальд?

— Мы взяли восемь городов, и восемь раз ты посылал на стены моих людей первыми — там, где стены были неприступны. Но мы брали их! Вчера мне надоело слушать твои глупости. За это ты послал их убить меня!

— Бог помутил твой разум. Но здесь война, и ты ответишь за убийство по закону войны. Взять его!

Движение в войске. Викинги мгновенно выхватывают оружие и выстраиваются в ошестинившееся каре — Харальд оказывается в середине одной из шеренг.

— Пусть наши боги — твой и мой — решат, кто лжет и чей разум помутился. — Харальд обнажает меч и делает им жест к Маниаку. — Вызываю тебя на честный поединок.

Замешательство в войске. Вызов по правилам, и положение вызывающего позволяет ему поединок с командующим. Но исход не вызывает сомнений.

— Это бунт! — кричит Маниак, переламывая ситуацию. — Лучники!

Лучники проталкиваются вперед, выдергивая стрелы из колчанов и накладывая их на тетивы.

Харальд мгновенно выхватывает нож (перехватив меч левой) и резко взмахивает рукой. Со стуком нож пробивает сияющий нагрудник Маниака и входит по рукоять — это золоченая рукоять дареного императором кинжала. Колени Маниака подламываются, рот открывается, он падает.

Миг общего ошестенения.

— Слушать и стоять! — вскидывает ладонь Харальд. — Боги послали нас на горе. Наш вожь умер от лихорадки! Оплачем его — и будем по-прежнему

верны императору и его приказам! — Жест к телу: — Похоронить с почестями! Готовить костер! Всем — вина на тризну!

Все переваривают услышанное. И подчиняются растерянно и покорно, косясь на разъяренных викингов, молча готовых убивать. Лучники убирают стрелы. Труп покрывают.

72. Через пустыню тянется походная колонна. Споро и неумолимо шагают викинги во главе ее — и черный ворон на зеленом стяге вьется над ней.

73. По дороге, поднимающейся вверх меж пологих гор, поросших выжженным бурьяном, продолжает движение войско.

74. Стены Иерусалима, и войско под стенами.

Батарея катапульт, и византийские «осадные специалисты» стреляют через стены глиняными горшками с горячей нефтяной смесью.

Подкатывают напротив ворот бронзовую трубу на колесном лафете, слегка напоминающую пушку (которых еще не существует). Воины прикрывают щитами расчет этой установки от стрел, летящих со стен. Струя жидкого огня вылетает из жерла трубы, липнет к деревянным воротам, они горят неудержимо.

Липкий белый «греческий огонь» горит на стенах, дым заволакивает зубцы стен.

Черные дымы за стенами в городе.

На вершине надвратной башни в дыму поет медная труба — и показывается белый флаг.

75. Медленно распаиваются и падают с петель обугленные обломки прогоревших ворот.

Мавр со склоненным белым флагом выходит из них.

Поодаль на холмике ждет надменный Харальд со свитой.

Процессия из ворот движется к нему. Впереди — бей в шелке: на алой подушке он несет ключи от города. Склонившись, вручает победителю.

76. Большие весы на этом холме: Иерусалим платит дань. Груда камней на одной чаше — на другую сыплют мавры золотые монеты. Чаша с данью все еще наверху — досыпают украшения, цепи, браслеты. Ко-

гда чаша опускается и уравнивается каменными гирями — наблюдающий за этим Харальд вынимает из ножен меч, его острием отдавливает чашу с гирями обратно книзу.

— Но мы не договаривались так, господин, — осторожно замечает бей.

— Ты договаривался с моим мечом, — отвечает Харальд и кидает меч на чашу с грузами, она опускается. Досыпают золота до равновесия.

Ссыпают золото в сундуки, приготовленные рядом.

— Это только половина, — говорит Харальд.

Носилки и сундуки принесших дань мавров пусты.

— Ты хочешь, чтобы я сам прошел по городу? — спрашивает Харальд. — Но знай, моим воинам не нужны пленные. Слабый отдает сильному все, таков закон.

— Но что же останется нам? — в отчаянии спрашивает бей.

— Жизнь, — отвечает Харальд.

Он достает из опустевшей чаши весов последнюю золотую монету, случайно прилипшую к чему-то на дне, и перед глазами бей сгибает ее двумя пальцами пополам — глаза того расширяются. Харальд кидает ему смятую монету:

— Это я оставляю тебе. На память о нашей встрече.

77. Караван ослов и верблюдов с узлами дани уходит по дороге от города, и колонна войск начинает тянуться за ним.

У новых, светлых, свежих ворот, окованных еще блестящими железными полосами (обгорелые обломки прежних еще валяются рядом), Харальд прощается с беєм.

— Если я вернусь, ты знаешь, что делать, чтобы не чинить ворота, — говорит Харальд. Снимает с руки свой круглый деревянный щит и прикладывает к створке выше уровня роста. Один из стоящих рядом викингов подает ему большой кованый четырехгранный гвоздь, другой — боевой топор. Обухом топора Харальд прибивает щит к воротам Иерусалима.

78. Их корабли уже готовятся отплыть, когда по гребню холмов вырастает неблизкий частокол копий:

подоспело войско султана. Всадники показываются на фоне неба и устремляются к берегу — где уже ширится полоска воды за уходящим флотом Византии.

— На его месте я бы не стал торопить нашу встречу, — недобро усмехается Харальд.

Гребцы наваливаются на весла.

Бессильная стрела шлепается в воду, не долетев до корабля.

Переворот

79. — Мы скорбим о смерти нашего верного слуги, великого полководца Георгия Маниака, — говорит император Михаил (это молодой еще хиловатый человек с дегенеративными чертами).

Это торжественный прием во дворце. Харальд стоит у подножия трона.

Слуги вносят сундуки с сокровищами, привезенными из похода, и откидывают крышки. Жадные взгляды присутствующих.

— Это все? — интересуется император.

— Это лишь половина, — гордо говорит Харальд.

— Где же вторая половина?

— Вторая половина по нашему договору принадлежит мне. И моим людям.

Легкий шумок. Пауза. Недоброе выражение мелькает в глазах императора. Он находит среди придворных взглядом главного вербовщика. Тот испуганно втягивает голову в плечи и слегка разводит руками виновато.

— Большой воин стоит больших денег, — скуповздыхает император. И дважды хлопает в ладоши.

Слуги вносят яства и питье и расставляют по коврам, разбрасывают подушки.

Начинается пир.

Императору подносят золотую чашу с вином.

— За победителя, взявшего у неверных Иерусалим! — возглашает он в сторону Харальда.

С ненавистью и завистью пьют за викинга придворные.

80. Танцуют танцовщицы, играют музыканты, шумит подвыпивший зал.

Огромными чашами пьют, огромными кусками едят викинги.

Слуга среди этой суеты ставит с поклоном чашу перед Харальдом:

— Император в знак милости послал тебе чашу своего вина.

Колеблются огни светильников, тени скачут по стенам.

Искоса сквозь суету бросает император горящий взор на Харальда.

Вдруг тонкая белая рука ложится на широкое запястье Харальда. Это служанки Зои, той самой зрелой красавицы, старшей родственницы императора Михаила.

— Не пей этого вина, — шепчет она.

— Я не понимаю тебя, — удивляется Харальд.

— Когда пир кончится, жди в саду у задней калитки дворца.

Сквозь дым и гвалт Харальд ловит устремленный на него взор Зои. Она отпивает вина и поверх края чаши смотрит, и медленно облизывает губы кончиком розового языка.

— Я понимаю тебя, — усмехается Харальд.

За его спиной, под стенкой в тени, собака грызет кость. Обернувшись с чашей, он берет левой рукой собаку за загривок и окунает ее мордой в чашу с вином императора; держит. Давясь и вырываясь, собака глотает. Отпущенная, фыркает, трясет головой, облизывается и трет мокрую морду об лапы. Обиженно уходит вон из зала — вдоль стены, в тени за спинами пирующих.

81. Харальд спускается полутемной лестницей, пробирается темным коридором, выходит из дворца на воздух. Пробираясь вдоль стены к саду, чуть не спотыкается на лунной прогалине об лежащую собаку — ту самую, она различима. Отравленная собака чуть повизгивает и дергает лапами.

— Добрый император, — тихо усмехается Харальд и проверяет меч в ножнах.

Из темноты возникает служанка в темной накидке, берет его за руку, подносит палец к губам и ведет в калитку.

82. Покои Зои. Харальд входит.

— Я очень боялась, что ты не вернешься, — говорит Зоя.

Двигается навстречу и откровенно смотрит ему в глаза, встав вплотную.

— Я ждала тебя, — говорит она.

Скидывает тяжелый роскошный халат, падающий с плеч на ковер, и остается в прозрачном газе, не скрывающем наготу.

— И продолжаю ждать, — говорит она тихо и страстно.

83. Ночь в постели. Огромная кровать, шелковые смятые простыни, раздвинутый альков, колеблющийся полусвет ночников. Зоя смугла и тяжела красотой зрелой матроны — Харальд белокож, огромен, мощен и мускулист. Он силен и неутомим — она изощрена и ненасытна.

Откидываются на подушках в поту и изнеможении. Она отпивает из чаши и протягивает ему — он осушает и отбрасывает. Она вновь садится на него наездницей.

— Ты не переживешь этой ночи, — задыхаясь в уби-
стряющемся качании скачки говорит она.

— Ты убьешь меня любовью? — сжимая ее и на-
пирая снизу, спрашивает он.

Она вскрикивает в судороге и лепечет:

— Он убьет тебя ненавистью. Сегодня... Поэтому я не могла больше ждать...

Он отбрасывает ее и садится на постели:

— Ты мне нравишься. Я проживу эту ночь и еще другие. — Вытягивает из-под из головных подушек обнаженный меч. — Пусть приходят.

— Ты не знаешь Византию. Это будет яд. Или стрела в спину. Или нож за углом коридора. Или упавший со стены камень. Или болезнь. Или несчастная случайность в казарме. Ты не должен был вернуться из похода. Маниак должен был убить тебя. Императору рассказали, как ты убил его, он все знает.

— Зачем Михаилу убивать меня?

— Он жаден до добычи. Он боится сильных и завидует им — сильного могут переманить враги. И он знает, что ты нравишься мне. Запомни: возвышают только тех, кто не опасен. А когда они становятся опасны — их убивают.

Харальд морщит лоб и напряженно думает.

— Убей его, — негромко и прямо говорит наконец Зоя. — У нас нет другого выхода. Он не верит никому, и мне тоже...

Харальд откидывается на постели и смотрит в потолок — нагой гигант с мечом в руке...

— Тогда я стану императрицей, — говорит Зоя. — И ты будешь первым во дворце и в войске. И ночей будет много.

Она отпирает ларец, достает крупный перстень — огромный рубин в окружении изумрудов — и надевает ему на палец.

— Это перстень моего отца, — поясняет она...

Возникает из тени входа та служанка, по службе не замечая их наготу:

— Я привела его людей, как ты приказала, госпожа.

84. Харальд во главе десятка вооруженных викингов тихо, быстро и решительно идет по длинным полутемным коридорам, редко освещенным коптящими факелами на каменных стенах. Семенящая впереди служанка указывает путь.

Редкие стражники снимаются бесшумно: из темноты вылетает нож в горло одному, руки из-за спины ломают шею другому...

Двое с алебардами у входа в спальню императора вскидываются было — и падают под ударами.

85. Входят в спальню. Император в ужасе забивается на край постели.

— Пришел поблагодарить тебя за вино, император, — говорит Харальд. И, после паузы, наблюдая за конвульсиями обреченного: — Но я не буду убивать тебя, как собаку. Как мужчине я дам умереть тебе. Дайте ему меч!

Император рефлекторно отталкивает рукоять протягиваемого ему меча. Потом берет, слезает на пол, встает в неловкую стойку — трясушийся, в ночном одеянии.

Харальд презрительно кидает свой меч в ножны. Легко отстраняется от неловкого выпада императора. Пинком в руку выбивает у него меч.

Берет большую золотую чашу с вином у изголовья постели.

— Оно тоже отравлено? — издевательски и гневно спрашивает он. — Выпей, император! — плещет издали длинной струей ему в лицо. — Ты хорошо отблагодарил меня за службу. Благодарю и я тебя за угощение!

С силой кидает чашу ему в голову. Император валится мертвым.

86. Пышная византийская роскошь церковной службы в главном храме Константинополя. Низко гудит мужской хор. Тысячи свечей, сотни икон, золото алтаря, парчовое облачение священников.

Зоя коронуется на царство. Помазание мирром. Возложение тяжелой короны. Дымные струйки ладана из раскачивающихся кадил.

У алтаря, в центре первого ряда придворных, возвышается на голову над всеми Харальд — поза его проникнута собственной значимостью: так может стоять первый человек в империи.

Гордый любовный взгляд бросает на него неподвижная Зоя из-под тяжелой короны.

Меч Империи

87. На флагманском корабле византийского флота, на засланной коврами корме, во главе свиты, стоит в роскошных доспехах Харальд.

Под мерный ритм барабана пашут огромными веслами гребцы.

С оружием стоят вдоль неширокой палубы верные викинги.

С обоих бортов и следом идет с Харальдом византийский флот.

Тяжелый златотканый византийский стяг на мачте флагманского корабля — а над ним, выше, на самой верхушке, реет как вымпел командующего все тот

же флаг: черный ворон простер крылья на зеленом поле.

Солнце просвечивает сквозь зеленый флаг, закрывший весь мир, и сквозь реющего ворона, сквозь прозрачную зелень, возникают беззвучные картины:

каре викингов врубается в толпу воинов в тюрбанах и с кривыми саблями — они валятся и обращаются в бегство...

толпа воинов, маша мечами и секирами, взбирается на крепостные стены...

походная войсковая колонна тянется тяжело и победно сквозь разоренный, горящий край...

крепости на далеких друг от друга холмах у горизонта, и дымы пожаров над этими крепостями...

на белом коне, во главе войска, проезжает Харальд мимо златоглавой мечети...

и растет гора кривых сабель и ятаганов, бросаемых прогоняемыми мимо пленными маврами...

88. А сейчас ровным тройным строем — прямой тройной шеренгой — движется навстречу флот султана. Десятки кораблей в нем, а в центре, меж простертых крыльев строя — командная группировка, ударный кулак, плотно подпирающий сзади середину своего строя.

Двойной дугой выгнулся ему навстречу строй византийского флота.

Сближаются флоты.

Сошлись.

Выгнутый вперед византийский центр соприкоснулся с мощным кулаком в центре ровного султанского строя — и они плотно сошлись в схватке.

Летят стрелы над водой. Швыряют камни корабельные катапульты. Прыгают на вражеские палубы отдельные воины, врубаясь в обороняющихся. Зажигательные факелы перелетают меж кораблей, поджигая смоленные снасти и холст парусов.

89. — Назад! — кричит Харальд в дыму и лязге боя.

90. — Они отходят! — торжествующе кричит подручный султанского флотоводца. — Мы смяли этих глухых собак!

— Вперед! — командует флотоводец. — Усилить центр! Сейчас мы разрежем их строй и перетопим, как щенков!

91. Дуга византийского флота начинает от центра вминаться назад под сарацинским напором. Выгнутый в начале сражения, как лук, теперь строй прогибается в обратную сторону, назад.

Мавры победно напирают в центре.

Но фланги византийцев стоят на месте — и сарацинский флот постепенно втягивается в образующийся мешок.

92. На одном из сарацинских кораблей смотрит изпод ладони бей — тот самый, что когда-то с четырьмя кораблями гнал Харальда и упустил его с острова.

— Что там на флаге их большой галеры? — спрашивает он.

Молодой матрос вглядывается с верхушки мачты:

— Там их командующий, — кричит он.

— Я спросил, что на флаге? — раздраженно повторяет бей.

— Он зеленый!

— Я сам вижу, что зеленый, дурак! Но ведь это не знамя ислама?

— На нем черный ворон!

После паузы — корабль движется вперед — бей задумчиво командует:

— Остановите.

Вопросительные взгляды свиты.

— У нас пробоина. Мы начинаем тонуть.

Замешательство в свите.

Другие корабли обходят их, они оказываются позади строя.

— Нас всех посадят на кол, великолепный, — нерешительно, титулуя начальство, кланяется один.

— Посадят, но не те, кто ты думаешь, — вздыхает бей.

— Но мы побеждаем! И нам нельзя выйти из боя, султан видит нас!

— Аллах видит нас, глупец... И он дал нам возможность спастись... но вы не поняли... и не захотели.

Бей обреченно машет рукой — и гребцы наваливаются, корабль догоняет строй.

93. Фланги Харальда охватывают строй противника и начинают смыкаться в его тылу.

Двойной строй византийского флота превращается в плотный одинарный — сплошной линией их корабли вплотную облипают противника и начинают теснить со всех сторон, сгоняя в кучу, как стадо овец.

Схватки кипят на сталкивающихся вплотную кораблях.

Но бóльшая часть султанского флота оказывается в середине огромной кучи кораблей — лишённая возможности соприкоснуться с противником. Численное превосходство пропадает впустую. Харальд устроил классические Канны флоту султана.

94. Зажигательные стрелы летят в гущу султанских кораблей. Огонь перекидывается ветром с паруса на парус, с борта на борт, флот пылает.

С хрустом протираются византийские корабли вдоль борта противника, ломая ему весла. Лишённые возможности двигаться, поврежденные крайние по кольцу корабли не дают пройти в бой тем, что стоят и загораются в центре.

95. — Неудачный бой, — говорит седой викинг Харальд.

Византиец из свиты, восхищенно наблюдающий разгром врага, оборачивается изумленно.

— Не будет добычи, — скупое объясняет викинг.

— Вылавливайте пленных, — решает Харальд. — За богатых дадут выкуп.

— А за бедных? У нас не хватит места на всех.

Море кишит людьми — и вода до горизонта.

— Пусть плывут домой, — пожимает плечами Харальд.

Награда

96. Порт Константинополя. Пришедший из похода флот у стенки. Воины выносят всю захваченную в походе добычу с кораблей — тюки, свертки, ящи-

ки, сундуки и ларцы. Сливаясь в единую вереницу, они проходят мимо Харальда. И он, мельком оценивая поклажу, распределяет их жестами — налево или направо.

Налево — имперский казначей с помощниками и охранниками переписывает привезенное. Куча растет. Грузчики под конвоем воинов уносят добро в казну.

Направо — группа викингов охраняет такую же растущую кучу: это доля Харальда и его людей. И грузчики волокут их добро в помещение внутри казарм.

Всех знатных пленников Харальд направляет в сторону казны. И только одного делает знак остановить — это тот самый неудачливый бей.

— Кажется, я тебя уже видел, — говорит Харальд пронизательно.

— Аллах награждает удачей достойнейшего, — льстиво кланяется бей.

— Отпустите его, — делает жест Харальд.

— Спасибо твоему великодушию, — справляется с новостью растерянный бей. — Но что я буду делать здесь... один?.. — растерянно разводит руками, озирается на сплошных врагов кругом.

Харальд швыряет ему несколько монет:

— Это тебе на дорогу домой. Скажи султану, что на его месте я бы не искал больше встречи. И ты — не встречайся больше со мной.

Бей с поклонами пятится в сторону торговых кораблей с краю гавани.

— Зачем ты отпустил его без выкупа? — недовольно спрашивает один из викингов.

— Чтобы султан лучше знал, кто из нас сильнее. И боялся больше. Это хороший выкуп, — отвечает Харальд.

97. Харальд и Зоя в алькове. Изошренная византийская страсть кипит, извивается, колыхается и стоит.

Раскидываясь, тяжело дыша, с неизъяснимым выражением глядя в его лицо, Зоя говорит:

— Как ты силен, викинг...

Он слегка усмехается победительно.

— И как ты теперь богат, мой командующий...

Он слегка усмехается владетельно.

— И сколько женщин должно искать твоей любви...

И он слегка усмехается пренебрежительно.

— И как близка императорская корона, да, Харальд?

Он смотрит ей в глаза, непонимающе подняв бровь.

— И сама императрица стонет под твоим сильным телом... и одним движением ты можешь сломать ей шею... не правда ли, мой воин?

Принимая игру, он кладет пальцы ей на горло, чуть сжимает на секунду, опускает руку на тяжелую смуглую грудь, на гладкий живот, ниже...

— Что же ты не раздавишь меня?.. — лепечет она и затягивает его на себя.

98. Рассвет сереет в узких стрельчатых окнах спальни, и жаворонок заводит свою песню там, в предутренней прохладе.

— Ты не такая женщина, как все, — говорит одетый Харальд от двери, — я и не всегда понимаю тебя. Уходит.

— Зато ты такой же мужчина, как все, — произносит в пространство Зоя, — и я понимаю тебя.

Она ударяет в маленький бронзовый гонг у изголовья. И входит тут же начальник дворцовой стражи. Она продолжает лежать, не прикрывая наготы — тяжелая, красивая и зловещая, как богиня плотской любви и смерти одновременно.

— В башню его, — приказывает она. И он с поклоном исчезает.

— Ты вознесся слишком высоко, мой Харальд, — со вздохом произносит она. — А женщине нельзя рисковать.

99. В предрассветной тьме Харальд выходит из знакомой задней потайной калитки дворца в сад. Брошенная сзади петля затягивается на его шее. Поджидавшая здесь стража разом набрасывается на него, по нескольку на руки и ноги, валият массой. Он еще ворочается

под этой грудой тел, хрипит, ему почти удается встать, как облепленному мартышками медведю; его бьют рукоятью меча по затылку, еще... петля затягивается на-туго...

Побег

100. Харальд в каменной камере на верху башни. Это низкая сводчатая ниша-карман на некотором возвышении, отделенная от основной части помещения толстенной, чуть не в руку, железной решеткой. В ней даже невозможно распрямиться в рост — Харальд сидит, и руки его в кандалах.

В стене ниши — узкая вертикальная щель-бойница, и в нее видно: внизу плотники сколачивают плаху. Стучат молотки, прилаживаются на место брусья и доски.

Харальд пробует раздвинуть толстенные прутья решетки, руки его дрожат, жилы на лбу вздуваются: решетка не поддается.

Тогда он пытается расшатать и вытащить камень кладки сбоку бойницы, чтобы расширить это отверстие. Рычит от напряжения, мышцы вздуваются... Какое там — каменная стена прочна...

101. Вечер, и плаха готова. Палач пробует шагами прочность помоста, примеряется к высоте чурбака с выемкой сбоку для головы.

102. Ночь в камере. Харальд шерится, как загнанный зверь. Внимательно осматривает сводчатый низкий потолок своей ниши — он сложен из продольных каменных брусков. Верхний, центральный камень, так называемый «замковый» — выдается вниз, как порог, делящий свод пополам. Фактически это клин — на него давят с обеих сторон две дуги боковых камней, это арка: стесанные на клин камни теснятся, распирая боками друг друга и тем не давая полукруглой арке обрушиться.

Уяснив это, Харальд ложится на спину и упирается ногами в замковый камень. Из всех сил, с хриплым нутряным подстаныванием, толчками пытается расшатать, выдавить наверх замковый камень.

Мелкая каменная пыль начинает сыпаться из щелей. Камень начинает подаваться вверх. Оседает — и снова вверх.

Харальд встает на ноги, упирается в него загривком и руками, как атлант, напрягает бедра и спину, рычит.

Камень уходит вверх! Образуется щель в потолке, голова и руки Харальда проходят в нее. Но тогда начинают оседать освобожденные соседние камни, они стискивают Харальда сзади и спереди, как капкан. Он рычит, оседает под страшной тяжестью, камни оседают вместе с ним, сползают ниже, теснясь опускаются на пол.

С трудом раздвигая придавившие его каменные бруски, Харальд выпрямляется — хрипло дыша, ободранный в кровь.

В потолке зияет обрушенный пролом.

103. Он выбирается сквозь этот пролом на чердак башни. Крыша башни — круглая, конусообразная, деревянная. В центре можно выпрямиться в рост, а по краям, у стен, доски кровли опускаются до уровня колен.

Встав на четвереньки и упершись спиной, Харальд выдавливает кверху одну и вторую доски кровли. Снимает, втаскивает, исследует. Большими гвоздями крепились доски к стропилам.

Упирая острие гвоздей в камень пола, Харальд вытаскивает два больших гвоздя. Руками и о камень гнет их в зигзаг: верхний и нижний концы в разные стороны.

И с двумя такими крючьями в руках переваливается на животе, ногами вниз, через край башенной стены в проломе крыши.

Нижние загибы крючьев придерживаются под железными браслетами кандалов на его запястьях. А верхние он всовывает в щели между камнями кладки.

Пальцы ног ищут малейшую опору в неровностях каменной стены. А руки придерживают эти крючья — и попеременно он переставляет их ниже, ниже, из одного ряда швов каменной кладки в другой.

Очень медленно, осторожно, тяжело дыша, пот каплет по лицу, по напряженным плечам, он спуска-

ется вниз по отвесной каменной стене. Легкими рывками пробует, крепко ли взялся крючок в очередной щели...

104. Достигает земли и падает. Уползает в куст. Лежит, бессильно дыша.

105. Крадучись, идет по дорожке.

Страж стоит на повороте дорожки. Цепь кандалов накидывается сзади ему на шею — и падает задушенный страж.

106. Два стража у запертой решетчатой двери в стене.

Подобравшись в темноте близко, Харальд бросает через их головы камень. На стук его падения они оборачиваются — и тут же, бросившись вперед, одного он бьет в голову концом древка копья, взятого у задушенного — и, не успевает тот свалиться, острие вонзает под лопатку второму.

Снимает с пояса одного ключи, отпирает дверь и исчезает за ней в ночи.

107. Бесшумно в темноте плотным строем спешат вооруженные викинги.

Тихий свист из куста. Они замирают, вглядываются. Харальд выходит им навстречу.

— Хорошо, что это вы, — негромко говорит он.

— Хорошо, что это ты, — скупко отвечает один.

— Мы шли забрать тебя, — объясняет другой.

— Так забирайте, я уже здесь, — говорит Харальд.

И во главе повернувших назад викингов продолжает движение.

— Корабль на месте? — спрашивает он.

— На воде.

— Надо перенести на него наши вещи.

— Уже на нем.

— И воду и пищу.

— Все на нем.

Он оглядывает на ходу людей:

— А кто же охраняет все?

— Люди Свейна. Они решили уйти с нами. Они больше не доверяют императрице.

— Это хорошо, — говорит Харальд.

108. В темном порту, у двух драккаров, их встречает предводитель сподвижников Свейн, коренастый, вислоусый, веселый.

— Ты здесь? Хорошо, — лаконично говорит он Харальду. — Можно отходить. Дел много. Надо еще взять хотя бы одну портовую башню из двух.

— Чтобы опустить цепь, закрывающую гавань? — уточняет Харальд.

— Да. Иначе не выйти.

— Грузите все на корабль Свейна, — командует Харальд. И пресекает замешательство непреклонным жестом: — Так надо. Торопитесь.

Груды добычи перетаскивают с драккара Харальда на второй — тот буквально оседает в воду.

— На весла! — командует Харальд своим и оборачивается к Свейну: — А ты подожди немного.

109. Харальд на корме. Викинги подгоняют свой драккар кормой вплотную к носу второго и крепко связывают их канатами — нос второго упирается в корму первого.

Харальд сам встает к рулевому веслу (он еще в кандалах):

— Пошли! — командует он. — Грести очень сильно! Два драккара разгоняются по черной воде.

— Еще сильнее!

Летят сдвоенной стрелой.

С носа своего корабля Свейн предостерегает:

— Мы проломим твой корабль!

— Нет, — отвечает Харальд.

Драккары летят. Весла машут стремительно.

— По моей команде всем быстро бросать весла и бежать в корму!

— А потом? — спрашивают, запыхавшись, от весел.

— А потом по моей команде всем быстро прыгать в воду!

110. И вот уже эта связка из двух кораблей подлетает к огромной цепи, тянущейся на поверхности воды от одного края бухты до другого и преграждающей вход и выход из порта ночью.

— В корму! — командует Харальд.

Его пустой, легкий драккар высоко сидит на воде, осадка его сейчас мелка. Когда викинги бросаются скопом в корму, нос задирается, и драккар до половины въезжает на цепь днищем.

— Прыгать! — командует Харальд.

Викинги разом сыплются в воду, облегчается и корма, и задний, тяжелый, разогнанный двадцатью парами весел драккар переталкивает передний через цепь — а сам останавливается, врезавшись в цепь носом, от толчка викинги слетают со своих сундучков, на которых сидят за греблей.

— А теперь перегружаем все на передний, — командует Харальд, выбираясь из воды на свою корму.

Передают тюки и сундуки из рук в руки: перегружают все. Теперь оседает передний корабль.

Раскрепляют корабли и теперь связывают их длинным канатом — корму первого и нос второго.

Задний корабль отходит на всю длину каната. И разом на обоих кораблях наваливаются на весла. Разгоняются.

И повторяют маневр: на заднем корабле бегут в корму, нос задирается, наезжает на цепь, прыгают с кормы в воду — и передний корабль, взбивая пену веслами, медленно и трудно перетягивает второй на свободную воду: тот въезжает на цепь выше, выше, нос задирается все больше, вот корабль замирает, балансирует — и переваливается на нос, соскальзывая с цепи вперед.

— А теперь принимайте свое добро, — говорит Харальд викингам в подошедшем к борту втором драккаре. — Мы не будем грести за вас. — И скупой улыбается своей шутке.

III. Утро, море, гребут викинги — утомленно.

Византийский флот — полтора десятка кораблей гонится за ними и медленно нагоняет. Расстояние сокращается.

Мрачно оценивает Харальд положение. И командует:

— Ломайте палубу!

Топорами отдирают доски с настилов носа и кормы.

Примерившись к куче добра в драккаре, Харальд (все еще в ручных кандалах с цепью, некогда было сбить в гонке) выбирает роскошный плащ и протягивает одному:

— Привяжи. — Кивает на доску.

Плащ привязывают к доске — и Харальд кидает ее за борт.

И вот уже на обоих кораблях часть добычи крепят к доскам и оставляют на воде. Эти поплавки быстро удаляются за кормой.

112. На кораблях погони вглядываются в эти плавающие предметы. И, достигнув их — табанят веслами, тормозят ход и начинают вылавливать.

Один из моряков пытается спрятать выловленное под себя, получает удар в ухо от надсмотрщика, забирающего мокрую ткань. Тот несет ее командиру, украдкой отдирая и суя за пазуху узорное золотое шитье отделки.

Двое моряков, перегнувшись через борт, тянут друг у друга доску с мокрым тючком.

113. Командир другого корабля различает на доске в стороне саблю в красивых ножнах — и указывает изменить курс, вылавливать.

114. Остаются все дальше византийские корабли, сгрудившиеся в кучу и суетящиеся, как ловцы жемчуга при дележе добычи.

115. На облегченном, сбросившем половину груза драккаре рвут весла повеселевшие викинги — они отрываются от погони.

На деревянном бруске корпуса Харальду расклепывают кандалы. В щель заклепанного браслета вставляется лезвие топора, по его обуху постукивают обухом другого — медленно расходится металл, срезается заклепка.

116. С кораблей погони уже у горизонта видны беглецы — но еще доска болтается на пути. Блестит на ней нечто ценное.

Добычу вылавливают: это кандалы с цепью... Подают командиру, тот вздыхает задумчиво и зло — и кидает в воду.

117. Блеснув и булькнув, тонут в лазурной воде разбитые кандалы, и круги расходятся по воде вдаль...

У князя киевского

118. Под парусом и веслами движутся два драккара по широкой реке — Днепр. Зеленые берега, роши на холмах, редкие деревушки: идиллический пейзаж Древней Руси. Кто-то пашет вдали, кто-то смотрит из-под руки.

119. Ладьи у низкой кромки берега, дощатые мостки ведут наверх по склону. Деревянные стены города, княжеский терем возвышается на холме. Одетый в холстину и кожу люд нечасто снует в порту. Киев.

Колокола звонят на деревянных колокольнях.

С несколькими викингами поднимается Харальд по мосткам, через ворота в деревянной стене входит в город. Узкие улочки, бревенчатые дома, торговые лавки, дощатые тротуары.

120. В просторных рубленых палатах Ярослав принимает Харальда. Подобающие гостям подарки кладут у ног князя люди Харальда и выходят.

— Так это тебя прозвали Жестоким, Харальд?

— Это тебя прозвали Мудрым, Яришлейв? — в тон отвечает Харальд так, что можно усомниться в мудрости услышанного им вопроса.

Ярослав улыбается, как улыбаются свои, когда незнакомых: по-свойски и расслабленно:

— Так что тебе надо, Харальд? Я знаю, что ваши люди там, — взмах рукой вдаль, к северу, — называют меня Скупой. Они считают, что я мало плачу. А эта страна забирает много денег. Много земли — нужно много войска, много городов, а дороги здесь длинные.

— У конунга много забот, — вежливо прерывает Харальд, — а мне хватает своих. Могу я со своими людьми отдохнуть у тебя несколько дней?

— Ты мой гость. И ты мог отдохнуть в любом месте на моей земле, миром купив еду у крестьян.

— Люди императрицы преследуют меня. Их много.

— Я знаю. Ее конные гонцы уже были у меня.

— Что ты ответил?

Ярослав вздыхает:

— Садись, — приглашающий жест.

Им приносят вина и хлеба. Выпивают и заедают.

— Ты пил и ел со мной в моем доме, — начинает Ярослав, лицо Харальда гладко: выдать гостя, с которым делил трапезу — невозможно, это и так понятно, они оба скандинавы.

— ...но я все равно должен выдать тебя Византии, — заканчивает Ярослав со вздохом.

Харальд поперхнулся. Лицо смялось изумлением, гневом, презрением.

— У меня договор с Византией, — объясняет Ярослав. — Я не могу вмешиваться в ее дела. Ты убил ее людей, забрал ее деньги. Я не могу начинать воевать из-за этого.

— Ты — выдашь — меня? — не верит Харальд.

— А что бы ты сделал на моем месте? — интересуется Ярослав наставительно, как отец: он уже седоват, рассудочен. — Сейчас Византия сильна. Я не готов воевать. А так я получу половину того, что захватил ты. Конунг обязан думать о пользе страны.

Харальд швыряет свой кубок в стену и вскакивает.

— Конунг обязан быть терпелив и рассудителен, — вздыхает Ярослав необидчиво, поднимает кубок, заботливо расправляет сильными еще руками смятый край и ставит обратно на стол.

— Я готов предложить тебе выход, — говорит он.

Харальд ждет, уже взявшись за ручку двери.

— Я могу взять тебя на службу. Своих людей я не выдаю никому. А твои сокровища останутся тебе. Императрица будет извещена, что твой отец был должен отцу моей жены, конунгу Швеции Олаву. И теперь ты вернул долг. Олаву нет дела, где ты взял его. А у меня с ним договор, мы не можем ссориться. Ты согласен?

Ярослав подходит к окну, смотрит:

— Скоро подойдут византийские корабли. Что ты решил?

— Хорошо, — мрачно говорит Харальд. — Сколько я должен служить тебе?

— Всего один год. А там, если не понравится, ты уйдешь с почетом.

— Пусть будет так.

Ярослав наливает в кубки:

— Выпьем за это, сынок.

— Я буду служить тебе. Но я не стану пить с тобой.

— Я подожду, пока ты передумаешь, — необидчиво говорит Ярослав.

— Пошли сказать византийцам, что я у тебя на службе.

— Я уже сказал это два дня назад их гонцам.

Харальд, уже стоя у стола, осознает услышанное. Ярослав хохочет, и смех его передается Харальду: напряжение ситуации обернулось юмористической стороной. Ярослав хлопает его по плечу, Харальд в ответ его, принимает сунутый ему кубок, чокаются, пьют и опять хохочут.

Главный сборщик налогов

121. Пир в палатах Ярослава, шум и гам, викинги сидят меж княжескими дружинниками, обруселыми норманнами. Харальд пьянеет. Смотрит на жену Ярослава Ингигерду, сидящую с ними — и вдруг лицо ее туманится, плывет и превращается в лицо его матери, старое и скорбное.

— Мать!.. — невольно и тихо вырывается у Харальда.

Хохот дружины.

— Ты уже метишь ко мне в родственники? — иронично спрашивает Ярослав. — Это всего лишь моя жена.

Хохот.

Зыбкое в туманном взоре Харальда лицо Ингигерды плывет, струясь, поверх лиц толпы вояк — и вдруг начинает молодеть, разглаживаться, яснеть, и превращается в лицо юной девушки, которую нельзя назвать красавицей — но лицо ее кротко, чисто и необыкновенно миловидно своей свежей и доброй простотой.

Перехватывая взгляд Харальда на женскую часть стола, Ярослав говорит:

— Лиза еще слишком молода, чтобы ты смотрел на нее как муж.

— Элис, — трезвея, повторяет имя Харальд.

— На тебя смотрит сегодня великий воин, дочь, — говорит Ингигерда, и она краснеет и отводит глаза. — Рано тебе еще сидеть с мужчинами. Ступай к себе.

Она идет к двери и чуть оборачивается, встречаясь взглядом с Харальдом.

122. Закрома Ярослава: маленькое внутреннее помещение терема, кованые двери, факел в кольце на стене.

Один за другим открывает он лари и сундуки вдоль стен, смотрит внутрь внимательно и придирчиво. Перегибается в ларь, сгребает со дна пару монет, взвешивает задумчиво на ладони и бросает обратно: монеты глухо стучат о пустое деревянное дно.

Выходит, ударив дверью.

123. В палате в окружении нескольких бояр срывается на крик:

— Дружине надо платить! Церкви надо платить! Корабельщикам — платить! Зодчим — платить! Кузнецам и оружейникам — платить!

Резко проходит к окну, перед ним расступаются.

124. Под окном, на волокушах — несколько мертвых тел, и кровь из ран запеклась на одежде.

— Чем платить? — негромко в пространство спрашивает Ярослав. — Их головами? Дать смердам зарезать себя, как баранов... — Оборачивается к боярам: — Не много ли добра скопили вы на моей службе?... — соображает вслух.

Бояре испуганно пятятся.

125. Харальд во главе готовой к выступлению дружины своих викингов. Держит под узды коня.

— Они покажут дорогу, — Ярослав кивает на пару своих дружинников. — Городище сжечь, мужчин повесить, взять все. Везде брать половину. Где скажут, что ничего нет — убивай каждого четвертого, пока не отдадут то, что спрятали. Где поднимут на слуг князя оружие — убивай всех. Десятая доля дани — твоя. Иди и береги свою голову — она должна служить мне.

Харальд садится в седло.

Тянется прочь от города небольшая колонна воинов, и длинный обоз с телегами скрипит за ней.

По травянистой дороге в густой лес втягивается колонна.

126. Огороженное бревенчатой стеной селение, к которому подступает лес. Рассвет. В тишине — петушиный крик.

Яркий петух бьет крыльями и горланит на заборе.

И по этому звуку взрывается тишина: стук и треск выламываемых дверей, зашумевшие вопли женщин, мычание и блеяние скота, лязг оружия.

Дымы пожаров поднимаются над крышами.

Сквозь дым раскачиваются ноги повешенных на воротах.

Выносят из амбара викинги мешки с зерном и бросают на телеги.

127. Скрипит и стучит колесами обоз по узкой лесной дороге — нагруженные телеги тяжелы.

Хмурый, едет Харальд верхом во главе дружины.

Выезжают на широкую поляну с ручьем.

— Делайте лагерь, — командует Харальд и спешивается. — Мы будем отдыхать здесь. Пять дней.

— Скоро настанут холода, ярл, — возражает один из двух княжеских дружинников-проводников. — Надо торопиться собрать дань со всех.

— Не надо торопиться, — лениво отвечает Харальд. — Мы будем отдыхать здесь семь дней.

— Великий князь не будет доволен!

— Будет. Пусть подальше разнесется весть о нас и о том, что произошло. Тогда брат будет легко.

128. Глубокая осень, голые деревья, грязь. Деревушка, серые избушки, сжатое жнивье на холмистом поле.

Отчаянный крик, страх и ненависть в голосе:

— Варяги пришли!..

129. Хмурые безропотные мужики отворяют амбары и хлебы. Выносят зерно, выводят скотину. Ташат свертки холстов и бочонки с медом.

С одобрительным видом знатока дружинник-проводник дует на мех шкурки в принесенной связке пушнины.

На крошечной грязной деревенской площади у колодца сидит Харальд на деревянном массивном грубом стуле — демонстративно спиной к происходящему. Он в кольчуге и шлеме, опирается руками на упертый в землю меч в ножнах. Смотрит вверх крыш и ждет.

За жердяной изгородью, за углом дома смотрит на него кучка бедняг-мужиков:

— Вот этот — начальный над ними, тот...

— Новый-то сборщик хуже старых.

— Недодашь — убивает всех... И не слушает ничего.

130. Крупно: колесо телеги едет по колдобистой грязи, тяжело переваливается под грузом через кочки, едет, и скрипит немазаная ось... скрипит и едет.

131. Огонь костра. Ночь. Крупные хлопья снега опускаются с черного неба на шатер пламени и исчезают над ним.

Блики огня на лице Харальда, сидящего у костра. Он кутается в плащ. Рядом — седой викинг, и княжий проводник, и прочие греются вокруг огня: зима начинается.

— Заждался великий князь, — говорит проводник.

— Умен Ярицлейв, — раздумчиво отзывается Харальд.

— Премудрый. Книги читает! — проводник.

— Викинги конунгу дань берут, а крестьяне у доброго конунга защиты от викингов просят... И конунг хорош, и викинги плохи, и крестьяне покорны, и дань собрана. — Харальд.

— Настоящий конунг, — одобрительно ухмыляется седой викинг.

132. Зима, снег, солнце — длинный тяжелый обоз втягивается в Киев. Звонят колокола на звонницах, сбегаются праздный люд — поглазеть. Зипуны, платки; снежками перекидываются и в верховых викингов кидают, попадают, смеются.

133. Княжеское подворье, распахнутые ворота амбаров и хлевов. Мычащих коров заводят в хлевы, бляющих овец; ржущих коней ведут в княжеские конюшни мальчишки-тиуны. Ташат маленькие тяжелые бочонки с медом и катят тяжелые кадки с пивом. До крыши встают в амбарах штабеля мешков с зерном. Подвешивают к крючкам под балки крыш связки пушных шнурок. И отдельно ссыпают в три сундука деньги: пригоршни медных монет в большой, щепоти серебряных — в средний, редкие и маленькие золотые монеты — в самый меньший.

У сундуков стоит в распахнутой собольей шубе, в заломленной собольей шапке — Ярослав. Позади него двое ведут запись: в руках у них дощечки, на дощечках расправлены куски бересты, и они пишут по бересте заостренными металлическими палочками. Внимательно тычут палочками в сторону складированного добра, шевелят губами, торопятся и стараются.

Подходит Харальд.

— Тебя долго не было, — говорит Ярослав.

— У тебя большая страна, — отвечает Харальд философски. — Можно собирать дань хоть целый год. Если хватит амбаров, — хмыкает.

— Время копить добро — и время отдавать долю князю, — в том же философическом тоне отзывается Ярослав. — Пусть отдыхают до следующей осени. Жизнь — длинная, а бедным быть плохо.

Передергиванием плеч сбрасывает шубу, подхватывает и широким взмахом укрывает Харальда.

— Возьми с моего плеча, — дарит значительно. — Здесь холодные зимы. Если никто не согреет!.. — И хочет собственной шутке.

134. Синий вечер, скрипучий снег, дымки над крышами, слабо мерцают маленькие окошки в бревенчатых стенах. Харальд проходит по пустой почти улице.

Навстречу поспешает мелкими шажками Лиза, Ярославна, сопровождаемая девкой-служанкой.

Поравнявшись с Харальдом, они обмениваются быстрым взглядом: нос ее уткнут в мех, так что видны только стрельнувшие глазищи.

Харальд запоздало и неловко слегка кланяется — когда она уже отошла, удаляясь. Продолжает движение — и через десяток шагов оглядывается: и она оглядывается тоже.

Любовь

135. Лиза в своей горнице. Входит девка.

— Харальд просил передать тебе. — Протягивает сверточек.

Лиза разворачивает большой тончайший шелковый с восточным узором платок, невольно вспыхивает, прикладывает к себе, смотрит, берет зеркальце. Девка восхищается.

— Отдай обратно, — через силу говорит Лиза и протягивает ей платок. — Передай, что мой отец богаче всех и у меня есть все, что я захочу.

Девка сокрушенно вздыхает, складывая платок.

136. — Он не отдаст за тебя дочь, — говорит старый викинг.

— Разве я плохой муж или зять? — гневно говорит Харальд и оглядывает себя, как бы убеждаясь в отсутствии изъянов.

— Я богат! — распаляется Харальд. — Я побеждаю всегда! На морях севера и юга — везде знают меня! И я — сын конунга! Кого Яришлейв найдет лучше?

— Ты сочинил вису, — удивляется и посмеивается старый викинг. — Ты, наверно, решил стать скальдом.

— Что еще надо его дочери?.. И она сама смотрит на меня!

— Одну дочь Яришлейв выдал за конунга франков, другую — за конунга мадьяр. Он великий и богатый конунг, а ты — морской ярл, хотя и сын конунга. Но корону твоего отца взял другой, а Яришлейву корона нужна больше человека. Конунгу приходится думать о власти и стране. В этом сила.

— У меня будет корона, — тяжело обещает Харальд. Вытягивает меч и перерубает стол.

— У меня будет много корон, — тяжело обещает он.

137. Пир в палатах Ярослава — дым коромыслом. Харальд — на почетном месте, по правую руку через пару человек.

Все стихают, когда он берет гусли. Распевный рецитатив под перебор струн:

*Стяг мой — черный ворон —
Вел драккар сквозь бури.
Пали в битвах франки
И бежали мавры.
Шестьдесят сражений
Меч мой мне выиграл,
От сокровищ взятых
Стал драккар тяжелым.*

Одобрительный выкрик нетрезвого хора, сталкиваются кубки, плещет вино.

Гордо и «скромно» лицо Харальда. Боковым зрением следит он за Лизой.

Не обратив, похоже, внимания на его песнь, она тихо разговаривает о чем-то с соседней женщиной, беззвучно подсмеивается ее шутке, поднимается и как бы незаметно выходит из палаты, не обратив внимания на Харальда.

Лицо его твердеет, он делает знак слуге долить вина и придерживает рукой его наклоненный черпак, пока огромный кубок не наполняется через край.

— Здоровье воинов! — ревет он и осушает кубок до дна под рев товарищей.

138. В своей горнице Лиза за прялкой у окна сучит нить: играет и крутится веретено, свивается пушистая толстая нить.

Входит та же девка-служанка, достает сверток из-под одежд:

— Харальд велел передать тебе.

Лиза вспыхивает, разворачивает ларчик слоновой кости, раскрывает: на алом бархате лежит золотое с изумрудами кольцо тонкой работы. Щеки ее горят. Девка ахает и вылупляет глаза на редкостную роскошь.

Лиза прикладывает кольцо под шею и смотрит в поданное девкой зеркало. И отдает:

— Скажи ему, что такой подарок можно принять только от мужа. — Прерывисто вздыхает и тут же надменно задирает головку: — Совсем потерял ум этот викинг. Скажи ему, что дочь великого князя может выйти замуж только за великого князя.

Девка укоризненно и сочувственно мотает головой, пряча сокровище.

139. Тает пушистый снег на ветвях, голубеет серое небо, почки набухают на ветвях, проклевываются зеленые листья, и меж них — распускаются и дрожат на весеннем ветру яблоневые и вишневые цветы. Май.

Над днепровским обрывом, по молодой траве гуляют рядом Харальд и Лиза.

— Смотри — лебеди полетели! — показывает она.

— В Норвегию, — коротко говорит он.

— И зачем они туда летят. Ведь там холодно, да? — щебечет она.

— У них там гнезда. Там они выводят птенцов.

Подтекст откровенен. Идут молча.

— Что ты молчишь. Расскажи что-нибудь, — не выдерживает Лиза.

Помолчав, Харальд неловко выдавливая:

— Ты будешь моей женой?

— Нет! — хохочет она и убегает.

140. Спальня Ярослава, огонек масляного светильника. Ярослав и Ингигерда перед сном.

— Она любит его, — продолжает разговор Ингигерда.

— Она во всем послушна моей воле, — возражает Ярослав.

— Тебе кажется. Она выросла, и теперь ей нужен муж больше, чем отец.

— Он всего лишь викинг.

— Нет. Ты доверяешь ему дружину. Ты поручаешь ему налоги. Его отец был конунг и друг моего отца.

— То, что было — не важно. Его отец потерял корону. Он дал каким-то мужикам убить себя... разгромить!

— Она моя дочь, — горделиво говорит Ингигерда. — Она все равно сделает так, как хочет — даже если ты не отдашь ее. Знай это.

Насупленно помолчав, он:

— Она моя дочь. И будет делать то, что должна.

Гасит светильник. Они укладываются. Слабый ответ луны на подушках, различимы лица в темноте:

— Хуже то, что его прозвали Жестоким, — вздыхает Ингигерда. — Я бы не хотела, чтобы у моей дочери был жестокий мужчина. Она добра и открыта...

— Она глупый вздорный ребенок! — чуть раздражается Ярослав. — А он — воин. А если воин суров и беспощаден — это правильно!

— Так он тебе нравится? — улыбается в темноте она.

— Он хороший воин, — бурчит Ярослав. — И только. — И поворачивается к ней.

В объятиях вдруг произносит, не отпускаемый мыслями:

— Поляки опять были на Горыни. Забрали дань с Дубровицы... Пусть сходит в Польшу.

— Побереги его, — просит она.

— Богу виднее.

Польский поход

141. По узкой речушке меж лесистых берегов идут на веслах драккары с воинами.

142. По ручью ведут викинги драккары бечевою: вереницей по берегу, таша корабль канатом; еле протискивается он в зарослях, ручей совсем узок.

148. Волок. По земле, на катках-бревнышках, подкладываемых под днище: две вереницы впряглись в два каната, тянут корабль, привязанный за форштевень, остальные облепили с боков, подталкивают. Довольно легко и споро идут по каткам легкие кораблики.

144. Бесшумно пристают ночью к берегу.

Крепость на холме над берегом, зубцы каменных стен, башни.

Падают на стенах несколько часовых: стрелами пронзается горло.

Трехлапые крючья забрасывают викинги на края стен, лезут вверх по веревкам. Спускаются внутрь, в город. Пробираются к воротам стен, режут стражу, открывают ворота.

Беззвучно проникают в город вооруженные отряды, движутся по узким улочкам меж каменных домов под остроугольными крышами.

145. Спальня князя в его замке. Парча, бархат, альков, иконы. Спит князь в пышных перинах, похрапывает и посвистывает носом.

Шум раздается за стенами, шум нарастает и близится, грохот, лязг, крики. Князь ворочается, просыпается, вскакивает в постели, вытягивает шею, хлопает глазами, зовет:

— Эй! Что здесь! Стража!

С грохотом распахиваются двери — в них вырастает Харальд с обнаженным мечом, за ним викинги. Стуча каблуками по каменному полу, проходит Харальд и встает посередине:

— Конунг Яришлейв шлет тебе привет. И зовет в гости. Вместе с дарами. Теми, что ты взял в Дубровице.

Перерубает одним взмахом меча два столбика, поддерживающих альков в изножье. Шатер падает, под складками ткани барахтается фигура.

Викинги хохочут. Один шлепает плашмя мечом по заду, обрисованному тканью, из-под которой князь так неловко пытается высвободиться.

146. Рассвет. Князя со связанными руками выводят из дверей во двор замка. Тела перебитой польской стражи валяются во дворе.

Князя пихают в грубую колымагу, где уже сидят несколько богато одетых вельмож — руки связаны за спинами.

Ведут и молодую красивую девушку в разорванном наряде, вороные волосы блестящей гривой по плечам, почти закрывают бледное лицо.

— Не троньте дочь! — бессильно вскидывается князь.

Харальд сумрачно смотрит на девушку, делает знак: ее отводят в сторону и сажают в такую же колымагу, непокрытую тентом наподобие примитивного фургона.

— Поджигайте все! — командует Харальд.

147. Перспектива узкой готической средневековой улицы — и метель из перьев и пуха, вылетающих из разбитых оконных проемов, кружит меж домов и над крышами, устилает все. И черные дымы пробиваются сквозь белую метель, выстреливают языки пламени.

148. Бесконечный, тяжело груженный обоз вытягивается из горящего города.

На белом коне с группой викингов едет Харальд вдоль обоза, хмуро глядя перед собой.

Обгоняя кибитки, встречается взглядом с княжной: она сидит у заднего бортика, смотрит на удаляющийся горящий замок, слеза ползет по бледной щеке, губы беззвучно шепчут молитву.

Харальд прерывисто вздыхает. Лицо его печально смягчается.

— Не бойся, — говорит он. — Ничего плохого с тобой не будет.

Несколько шагов едет рядом.

— Развяжите ее, — не глядя, приказывает он.

Идуший в оцеплении обоза дружинник приближается и на ходу ножом перерезает веревки на руках.

— Если захочешь убежать — твоего отца повесят, — по-прежнему не глядя равнодушно бросает Харальд и посылает коня рысью.

149. Двигается по зеленой равнине меж дубрав длинный обоз с дружиной во главе.

Зеленое пространство делается полупрозрачным, желтовато-серым, превращается в старинную карту Польши,

края пергаментного листа растресканы в ломких складках. Коричневые линии рек, угловатые латинские буквы надписей, крошечные рисунки крепостей обозначают города.

Боевая дружина, с викингами впереди, с Харальдом во главе, движется нам навстречу через этот фон, и черный ворон шевелит крыльями на стяге.

А на карте вспыхивают крошечными язычками пламени все новые крепости-городки, и тонкие струйки дыма курятся над ними: Пшемысль, Жешув, Люблин, Демблин. И наконец, долго чуть дымится и вот вспыхивает Варшава.

150. День, дубрава, лагерь, отдых: распряженные повозки, шатры, пасущиеся кони. Костер у огромного дуба, жарится мясо, на траве простая скатерь: вино, яблоки. Харальд, пара викингов, князь с дочерью — обедают.

— Киев — большой город, — говорит Харальд. — Будете жить у Яришлейва, пока родственники не соберут за вас выкуп.

— А если не соберут — не будете жить у Яришлейва, — добродушно улыбается седой викинг и разводит руками. — Конунг не любит бедных гостей. — И вместе со вторым викингом смеется шутке.

Князь натужно улыбается.

Кукушка кукует в лесу.

— Русы верят, что сколько сосчитает эта птица — столько проживет человек. Вам еще осталось долго, — утешает Харальд.

151. Кукушка кукует, но лес уже ночной. Полная луна. Прислонившись спинами к стволу огромного дуба, сидят почти рядом Харальд и польская княжна.

— Ты любишь своего жениха? — спрашивает он.

— Больше жизни.

— Почему же он не защитил тебя?

— Он был далеко. С посольством. За морем, у короля Англии.

— Когда-нибудь я убью короля Англии, — тяжело говорит Харальд.

- Ты очень жестокий. Тебе нравится убивать.
- Не всех. Если бы не он, я был бы сейчас конунг Норвегии. Но я еще буду им.
- Ты бы убил всех, кто тебе противился?
- Нет. Я получил бы корону после моего отца.
- Ты сын короля? — недоверчиво спрашивает он.
- Да.
- Она смотрит на него долго и по-новому.
- Ты сильный и красивый, — говорит она. — У тебя есть жена?
- Нет.
- Почему? Многие девушки должны мечтать о тебе.
- Они мне не нужны, — помолчав, говорит он.
- Она смотрит с сочувствием.
- А-а, — протягивает она. — Значит, та, которая тебе нравится, тебя не любит?
- Он чуть вздыхает, чуть усмехается; помолчав:
- Как ты поняла?
- Это поняла бы любая женщина.
- Я не понимаю женщин, — признается Харальд.
- Это так просто, сын короля. Мужчина говорит и делает то, что он хочет. А женщина говорит и делает так, чтобы мужчина говорил и делал то, что она хочет.
- Как ты сказала? — переспрашивает Харальд и, морща лоб, соображает.
- Она из знатной семьи?
- Да.
- Она красива?
- Да.
- Она любит другого?
- Нет. Я не знаю...
- Она смеется над тобой?
- Да!
- И не принимает подарков?
- Да...
- И старается не смотреть, если ты видишь ее?
- Да. Скажи, ты колдунья?..
- Нет. Просто я тоже женщина, которая любит, викинг.

— Тоже? — напрягается понять Харальд. — Почему ты сказала «тоже»?

— Ты просил ее стать твоей женой? — не отвечает на вопрос она.

— Да.

— И она сказала «нет»?

— Да.

— Но при этом не была ни печальной, ни смущенной, ни ласковой? Так?

— Да! Почему ты все время спрашиваешь так, что я говорю тебе да?

— Она смеялась при этом?

— Да!

— Может быть, она еще и убежала?

— Да! И если ты не скажешь, почему ты спрашиваешь так, что я говорю только да, я убью тебя!

— Ты хочешь убить меня?

— Нет!

— А если я сделаю так, что она отдаст тебе свою любовь — ты обещаешь, что отца отпустят невредимым?

— Если ты это сделаешь — да.

— И меня вместе с ним?

— Да.

— Поклянись.

— Клянусь Одним!

— Даже если за нас не пришлют выкуп?

— Да.

— Как ты это сделаешь?

— Это мое дело. Я сам заплачу за вас Ярицлейву, если твои родственники не захотят выкупить вас.

— Ты так богат? — удивляется она.

— За моими сокровищами гнались все корабли Византии, — хвастливо говорит он.

— О... Расскажи мне, — просит она.

— А вот ей у меня никогда не получалось рассказать... — печально говорит Харальд. И тянется за гуслями, они рядом на траве:

— Хочешь, я сложу для тебя вису? — перебирает струны.

Она кладет тонкие пальцы на его рукав.

152. На перебор струн седой викинг, спящий у погасшего костра, приподнимает голову, всматривается в две фигуры под дубом, освещенные сквозь крону лунными пятнами, покачивает головой умудренно и опять кладет голову на руну, закрывая глаза.

153. И желтеет листва на дубе, под которым они сидели...

И кружатся желтые листья в прозрачном синем воздухе...

...И сквозь легкое кружение листопада разгружается несметный обоз на подворье Ярослава.

...И снегопадом сменяется листопад, кружатся белые хлопья.

...И сквозь снегопад — пир в палатах Ярослава, круговые чаши передают воины. Польская княжна не сводит глаз с поющего Харальда и бьет в ладоши.

Свадьба

154. Зима. Вечереет. Высокий берег над Днепром. По снегу идет одинокий Харальд, ветер раздувает распахнутую длинную шубу, снежинки летят в лицо. (Киевские стены невдалеке по холмам.)

Его догоняют одноконные санки и замедляются рядом (бубенчик под дугой стихает). Возница снимает шапку и кланяется. В санках Лиза.

— Здравствуй, Харальд, — помедлив, говорит она.

— Здравствуй, Элис, — с затруднением говорит он.

— Ты гуляешь один?

— Почему ты спрашиваешь?

Она подвигается в санках.

— Садись — подвезу.

Он садится. Едут молча, не глядя друг на друга.

— Я хочу пойти пешком, — вдруг говорит она.

Он помогает ей слезть с саней. Идут рядом.

— Я не мешаю тебе? — спрашивает она наконец.

— Чему мешать? Я ничего не делаю.

— Ты о чем-то думал.

Идут молча.

— Твоя полячка очень красива. Наверное, с ней тебе интереснее.

— Почему моя? — защищается он.

Идут.

— Ты станешь моей женой? — беспомощно выговаривает он.

Она спотыкается, отворачивает лицо.

— Ты же не обращаешь на меня внимания! — неискренне убеждает она.

— Ты станешь моей женой? — в отчаянии повторяет он.

— Я ненавижу тебя! — кричит она и убегает.

Он догоняет, ловит, обнимает.

— Отец не отдаст меня за тебя, — припав к нему, говорит она сквозь слезы.

— А ты — ты хочешь?

Она тут же делает гримаску и пожимает плечами.

— Я люблю тебя, Элис! — со всей искренностью вырывается из глубины его боли. — Клянусь — я добуду для тебя корону!

— Не нужна мне никакая корона, — вздыхает она в объятиях. — Ты совсем глупый... — любовно говорит она.

155. Одетый почти до смешного празднично, в перстнях и золотых браслетах, стоит Харальд перед Ярославом.

— Я прошу у тебя руки твоей дочери Элисив, великий конунг, — торжественно говорит Харальд.

— Она еще очень молода, — с легкой насмешкой хозяина положения и лукавца отвечает Ярослав неторопливо. — Но надо сначала спросить у нее самой.

— Она согласна.

— Надо посоветоваться с ее матерью, — тянет Ярослав.

— Ингигерда добра ко мне. Она не будет против, я знаю. И — разве ты не хозяин в своем доме, чтобы дать ответ, как мужчина мужчине?

— Я хозяин в своем доме, — холодно атакует его Ярослав. — И не тебе учить хозяина в его доме,

как ему надо отвечать. Подождем немного. Куда торопиться.

— Третий год я служу тебе, Яришлейв. И если надо, буду служить еще тридцать. Но ты отдашь за меня Элисив! Или я возьму ее после твоей смерти! — в ярости почти кричит Харальд.

— Ты хочешь убить меня! — хохочет Ярослав. — Ты просто берсерк! Смотри, не откуси мне голову!

Громко бьет в ладоши. Вбежавшему слуге:

— Вина! И золотые кубки. Мой зять хочет выпить со мной. Только что он сказал, как сильно меня любит!

На лице Харальда сменяются ярость, непонимание, изумление, счастье.

156. Деревянная церковь, киевская знать, гудение колоколов, лучики света сквозь цветные венецианские витражи, колебание сотен свечей.

Лизу в белом и Харальда в бархате ведут к аналою.

— Крещен ли ты, сын мой? — негромко и деловито басит священник, останавливая Харальда за три шага до места.

— Крещен, — подтверждает слышавший Ярослав, он рядом. Снимает с себя нательный крест и надевает на Харальда. — Он крестился в Царьграде. Это так, Харальд?

— Так, — растерянно соглашается Харальд, заправляя крестик под одежду — рядом с отполированной годами палочкой, не совсем и белой уже, серовато-желтоватой, на тонком кожаном ремешке: крестик рядом с неразлучным амулетом.

Юную невесту и здоровенного громилу-жениха ставят рядом, и гудит поп, свершая церемонию:

— Венчается раб Божий (себе под нос, тихой строптивой скороговоркой: «И нет такого имени христианского!») Харальд и раба Божия Елисавета...

Ярослав незаметно грозит ему пальцем, и поп прибавляет громкости и усердия.

157. Торжественный выход из церкви: яркий зимний полдень, колокола, толпа, взлетающие шапки, молодые выходят из дверей и спускаются с крылечка

(резные столбики поддерживают его треугольную крышу), перед ними несут икону, их осыпают горстями зерна, а за ними из шествия кидают в толпу пригоршни монет. Отороченная горностаем фата-мантия молодой метет снег, в алом бархате Харальд на голову выше и шире в плечах любого, и пальцы жены тонут в его широкой лапе.

158. Ночь в спальне, две головы на подушке, голубоватый, призрачный лунный полусвет.

— Ты родишь мне сына, — мечтательным полушепотом говорит Харальд. — И я позабочусь, чтобы он был конунгом.

— А если будет дочь?

— Дочь — очень хорошо. А потом ты родишь сына. И он будет конунгом, — упрямествует Харальд.

— А если опять будет дочь? — поддразнивает она.

— Я очень постараюсь, — подумав, обещает он.

Косой лунный луч льется в окошко — маленькое, белесое от инея, в решетчатом переплете. Харальд подносит на руках жену к окну, опускает на ноги, растворяет раму.

Два прекрасных нагих силуэта облиты голубым сиянием: могучий мужской и маленький стройный женский.

— Видишь эту звезду? — указывает Харальд. — Она всегда указывает на север. По ней направляешь корабль ночью. Там — моя страна. И она ждет меня. Она ждет нас...

— У тебя чудесная страна. Только очень холодная, — льнет она к нему, озябнув в потоке холодного воздуха, и он поднимает ее на руки, укрывая.

На родину

159. Ранняя весна, солнце, последние льдины сплывают по Днепру. Среди них движется сверху, с севера, драккар.

Кучка киевлян на берегу рассматривает его приближение, в переднем ряду Харальд.

Дракар врезается в берег, прыгают на землю викинги. Предводитель, обведя взглядом зрителей, приветствует Харальда.

— Здоров ли конунг Яришлейв? — спрашивает он.

— Да.

— Дары на обратном пути. Хотим навестить крымского хана, — смеется предводитель. Он совсем молод рядом с заматеревшим тридцатилетним Харальдом.

— Откуда идете?

— Из Дании.

— Какие вести?

Предводитель смотрит улыбочиво и независимо:

— Не ты ли Сигурдарсон, Жестокий?

— Говори, — утвердительно разрешает Харальд.

Предводитель серьезнеет, оценивает: уважает.

— Не все спокойно, — сообщает тоном человека, блюдущего превосходство старшего. — В Англии умер Кнут.

Взгляд Харальда расфокусируется, обращен внутрь собственных глубин.

— Когда? — помолчав, медлительно спрашивает он.

— Зимой, — пожимает плечами предводитель. — Теперь в Дании считается власть Хардакнута. А Магнус и Свейн собирают большой тинг в Норвегии.

Но Харальд уже не слышит его, думая о своем. Поворачивается и идет в город.

160. В палате Ярослав, расхаживая с листом пергамента, читает с него по-старогермански и переводит на русский, диктуя записывающему за столом писцу:

— А кто не своего смерда убьет, пусть заплатит хозяину две гривны серебром, или мехов...

Стучат тяжелые решительные шаги за дверью, близятся, дверь шумно распаивается — Харальд:

— Кнут умер! — извещает он о важном и долгожданном.

— ...кунных пол-сброка, или пшеницы шесть мер... — продолжает Ярослав и отрывается: — Ты хочешь что-то сказать, Харальд? Почему прерываешь меня?

— Кнут умер! — повторяет Харальд.

— ...или меда два бочонка... Я знаю, — спокойно как о бытовой подробности, говорит Ярослав.

Харальд смотрит, не понимая:

— Когда ты об этом узнал?

— А если же кто дружинника убил... Еще в начале зимы поляки с выкупом были, и среди них один, кто видел Кнута в Англии. Рассказывал, что болеет Кнут. Велел я лекарю расспросить его про все. И лекарь сказал — не дожить Кнута до весны. А лекарь хороший, из Царьграда. И плата ему большая.

Харальд медленно соображает:

— И когда ты отдавал за меня Элисив — ты знал?!

— Тебе пора уже запомнить — конунг должен знать все.

Харальд накаляется, раздувает ноздри.

— Кажется, ты не рад, — деланно озадачивается Ярослав. — Или твоя жена чем-то огорчила тебя?

Харальд бьет в сердцах кулаком по столу, чернильница подпрыгивает и выплескивает чернила в лицо писцу, тот отшатывается и падает со стулом, барахтаясь.

Ярослав невольно смеется этой шутовской импровизации, и зараженный его смехом хохочет Харальд, смотрит в глаза Ярославу и снова хохочет.

— Хитрее тебя я не знал, Яришлейв, — стихнув, восхищается он.

— Ты получил и жену, и корону. Удачливее тебя я не знал, — в тон отвечает Ярослав. — Впрочем, корону ты еще не получил, — деловито добавляет он.

161. Добро из хранилищ Ярослава перетаскивают на корабли — много добра: тюки, свертки, сундуки и мешки. Вереница согнувшихся под грузом людей течет муравьиной цепочкой из городских ворот к берегу. Отделяется доля Харальда и приданое его жены.

162. Ярослав медленно движется вдоль строя своих дружинников и то на одного, то на другого указывает пальцем. Некоторых хлопает по плечу. Одного-другого обнимает. Одному подает снятый с пальца перстень. Отмеченные переходят в другой строй — за спину стоящего чуть поодаль Харальда.

163. Проводы на берегу. Полдюжины кораблей, добро в них, уже заняли места у весел викинги и русские дружинники. Зрители, женщины, платочки, священники, прощальные слова через головы к отбывающим.

Элис (так мы будем звать ее отныне), беременная, в объятиях матери, роняет слезинки и выслушивает женские наставления и напутствия.

Харальд стоит перед Ярославом.

— Сто дружинников даю с дочерью и приданое, какое ей подобает, — заключает Ярослав. — Ты силен. Богаче тебя не будет человека в Норвегии. И ты — мой зять. Когда пройдет большой тинг — дай мне знать.

— Я дам знать, когда стану конунгом, — отвечает Харальд.

Ярослав поднимает брови:

— Это не одно и то же? Не огорчай меня, или я в тебе ошибся.

— Ты никогда не ошибался, Яришлейв. Я не огорчу тебя, — заверяет Харальд. Скупно улыбается. Объятия.

Священник иконой благословляет отправляющихся в путь.

Падают причальные канаты. На кораблях ударяют весла.

164. И вот уже вереница корабликов удаляется по Днепру, растворяется вдаль, скрывается за зеленым поворотом.

165. Сечет косой серый дождь. Сквозь непогоду продолжают движение корабли. Поникие деревья со сбитой шквалом листвой по берегам, редкие серые деревеньки.

166. Под лазурным небом, через озеро, огромное, как море — идут корабли. Вдали — белые стены и золотые купола на холме над берегом.

167. Поздний вечер, костры на берегу, воины ужидают.

Харальд и Элис сидят у своего шатра. Он кладет руку на ее большой уже живот и прислушивается к ощущениям.

— Да там настоящий берсерк! Не родился, а уже буйный! — удивляется он.

Она улыбается.

— Расскажи мне еще про нашу страну, — просит она.

— Она прекрасная, богатая и огромная, — говорит он задумчиво. — В ней есть Норвегия, Дания, Англия и много островов. Когда-то Кнут отобрал у меня все, но я был еще ребенком. Теперь я отберу все, что принадлежало ему. Я долго ждал, но твой отец хорошо научил меня, что конунг должен уметь ждать.

— Я не хочу, чтобы ты воевал.

— Ты не хочешь, чтобы я побеждал? — изумляется он. — А что же я должен делать?

— Жить...

— Побеждать — это и значит жить.

— Бог долго хранит тебя...

— Если он перестанет хранить — можно умереть, даже подавившись мясом на пиру. Пойдем спать, Элис, — тебе надо отдохнуть, а путь долог. Наш сын будет великим из великих конунгов.

168. Свинцовые морские волны катятся под свинцовым небом. Бегут корабли, и яркий квадратный парус над каждым — красный или полосатый. И белая пена под форштевнями.

У мачты головного, под красным парусом, под зеленым стягом с бьющимся вороном, меж воинов в кожаных куртках, под брызгами, взлетающими через борт — сидит Элис и кормит грудью новорожденного младенца.

На носу Харальд смотрит вдаль, и морская пена летит на него.

169. Скалистые берега Норвегии встают на горизонте.

Тинг

170. Зеленый луг, несколько принаряженная толпа, кожаные палатки по периметру, за ними распряженные повозки, блеклые редкие северные цветы по зелени и дальние невысокие горы. Большой тинг.

171. В большой палатке вокруг низкого грубого стола десяток мужчин пьет эль из оловянных кружек. На хозяйском месте — крупный животастый мужик с тяжелым взглядом — Эйнар Вислобрюхий. Напротив него — Харальд.

— Но Магнус в Бьорне уже объявил себя конунгом, и за ним много людей, — говорит Эйнар.

— Мои люди — лучшие, — говорит Харальд.

— У него много кораблей, — сообщает один.

— У него много коров, — добавляет другой.

— У меня больше богатств, чем во всей Норвегии. Я могу купить все корабли и всех коров, — говорит Харальд.

На него смотрят с почтительным недоверием.

— Ты можешь показать нам свои богатства? — спрашивает Эйнар.

— Да. И одарить вас.

В застолье происходит круговой звук и потупливающие глаза.

— Он заключил дружбу с конунгом датским Хардакнудом, — продолжает выдвигать аргументы Эйнар.

Харальд пренебрежительно дергает углом рта:

— Мой тесть — великий конунг Гардарики Ярицлейв. Он дал за своей дочерью дружину. Мой сын — его внук.

Эйнар смотрит испытующе:

— Магнуса люди прозвали Добрым, а тебя — Жестоким. А крестьяне всегда любят доброго конунга.

— Он подкупал — а я побеждал. Конунгу нельзя быть добрым — он должен быть сильным. Я сильнее Магнуса.

— Но захотят ли тебя люди?

— Люди захотят, чтобы никто не смел напасть на того, кто живет в Норвегии. Люди захотят богатой добычи, взятой на чужих берегах. Люди захотят того, кто сделает их сильными и богатыми. Вы — кого хотите вы?

172. Харальд поднимается на возвышение среди толпы. Следом поднимается Эйнар и встает впереди него:

— Кто не слышал о славе Харальда?

Тишина.

— Кто не знает о несметных сокровищах Харальда?

Гудение.

— Кто забыл, что Харальд — сын нашего конунга?

Гудение делается громче.

— Кто сумеет лучше защитить нас от врагов, чем Харальд? — Эйнар повышает голос, он уже кричит.

Толпа начинает заводиться, гудение поднимается до рева.

— У кого в Норвегии есть удача больше, чем у Харальда? — кричит Эйнар, дирижируя толпой.

Приветственный рев. Собственно, для того и соби-
рались, чтобы избрать Харальда.

— Пусть Харальд будет конунгом! — выкрикивает первым парень в толпе.

Рев.

Харальд встает впереди Эйнара. Эйнар спускается.

Бледное, со сжатым ртом и раздутыми ноздрями, торжествующее лицо Харальда.

Корона

173. Равнина под хмурым небом, и два войска на равнине. Разделенные полукилометровым пространством, сгрудившиеся в десяток неровных шеренг, по несколько тысяч человек с каждой стороны. Щетина копий, крашенные щиты: зеленый стяг Харальда с одной стороны — и красно-белый флаг Магнуса напротив. Ожидание.

174. Харальд в центре строя, на белом коне. Поседевшая в многолетних боях, источая презрительную свирепость, окружает его когорта викингов. Ровным квадратом рядом (кольчуги, островерхие шлемы, мечи), как боевой механизм — сотня отборных дружинников Ярослава.

175. Магнус, худощавый темноволосый мужчина с морщинистым крестьянским лицом, умным и располагающим к себе, в центре своего войска смотрит на

врагов. Сидя в седле, переглядывается с приближенным. Силы численно равны.

— Хорошая дружина... — не отрывая глаз от врага, задумчиво цедит приближенный.

— Двадцать лет он убивал во всех странах, — глядя туда же, негромко говорит Магнус.

176. Харальд медленно двигает коня, выезжает вперед своего войска. Шагом конь продолжает удаляться от строя своих. Вот Харальд проехал уже треть пространства между противниками — в безмолвии следят за ним с обеих сторон. Останавливает коня, спешивается. Втыкает в землю меч и вешает шлем на его рукоять. Делает еще десяток шагов вперед (ветер отдувает светлые волосы).

— Харальд, конунг Норвегии, хочет говорить с Магнусом! — громко взывает он, остановившись.

Магнус со своей стороны проделывает то же самое и отвечает звучно:

— Магнус, конунг Норвегии, согласен говорить с Херальдом!

И они сходятся посередине поля.

177. Друг против друга, в трех шагах, вперяют взгляды.

— Я разобью тебя, — тяжело, спокойно говорит Харальд.

— Это решат боги и оружие, — спокойно отвечает Магнус.

— Но я устал убивать везде. Я не хочу убивать на своей земле.

— Что ты предлагаешь?

— Твои люди хотят тебя. А мои — меня. Пусть так и будет. Я возьму себе половину. И ты возьмешь себе половину. В Норвегии будут два конунга. И никто не должен будет умирать.

— Ты хочешь, чтобы я отдал тебе половину владений. Что ты хочешь дать мне взамен?

— Половину того, чем владею я. Мои богатства очень велики, ты, наверное, слышал. У тебя будет земля и богатство. У меня будет земля и богатство. Это будет справедливо.

Магнус напряженно взвешивает.

— Если хочешь, мы можем решить все в честном поединке, — предлагает Харальд с проблеском злорадной угрозы.

Магнус принимает решение.

— То, что ты предлагаешь — справедливо. Пусть будет так: я согласен. Но прежде мы поделим сокровища, а потом — землю.

— Сокровища делить быстро, страну — трудно, — возражает Харальд.

Подумав, Магнус заключает:

— Будем готовиться к пиру. Завтра на нем мы договоримся, как все делать. Делить можно одновременно.

Закljučают рукопожатие.

И поворачиваются каждый к своему войску, делают по несколько шагов, вздевают руки:

— Харальд и Магнус — конунги Норвегии! — это Харальд.

— Магнус и Харальд — конунги Норвегии! — а это Магнус.

178. Облегченный гул в войске Магнуса, ряды зыблются и смешиваются.

179. Разочарованно кривятся викинги, «старая гвардия» Харальда.

180. Вечер, лагерь, костры. У палатки Харальда.

— Ты зря уступил, — вздыхает седой викинг. — Мы бы перерезали этот сброд, как баранов.

— Бараны могут пригодиться. Лучше договориться с вожаком, — философически отвечает Харальд.

— Говорят, Магнус хитер...

— Хитра была Зоя. Хитер был Яришлейв. Я пойду спать. А ты не спи, — приказывает Харальд и скрывается в палатке.

Поодаль от костра, среди спящих, раскрываются две пары глаз и внимательно прослеживают его движение.

181. Ночь, спящий лагерь, тишина под звездами. Из-под края палатки, противоположного входу, выползает фигура, встает — это Харальд — и растворяется в темноте.

Те же две пары глаз следят за ним. Два человека тихо встают и, пригнувшись, скользят за ним следом.

182. В драккаре Харальд говорит гребцам (их всего половина от обычного), бесшумно погружающим весла в черную гладь:

— Я переночую здесь.

Укладывают весла, бросают якорь — кусок железа на веревке.

— Всем можно спать.

Харальд укладывается на главном месте — у мачты, — с головой завернувшись в свой плащ. И вскоре уже похрапывает.

183. Лодка с двумя гребцами проявляется из тьмы и бесшумно касается борта драккара. Один из двоих придерживается за низкий борт драккара рукой, другой перелезает в корабль, мягко, беззвучно. В руке у него неразличимый предмет.

Подходит к тихо спящему Харальду, заносит предмет — это секира, звезды блеснули на лезвии — и рубит на пол-локтя ниже светлых волос, виднеющихся над краем плаща: там, где угадывается шея. Хряск и стук.

Вскрикивает и вскидывается кто-то на корабле, убийца двумя бесшумными прыжками перепрыгивает в лодку и она мгновенно и беззвучно тает во тьме.

Секира осталась в жертве — удар был силен, в палубу, похоже, вошло лезвие углом наискось.

За торчащую рукоять берется крупная мужская рука и выдергивает оружие. Откидывает плащ. Под плащом — пук соломы, окорок и бревно.

Человек берет в руки и рассматривает половинки чисто рассеченного окорока. Это Харальд. Он нюхает одну половинку, откусывает, жует, ест. Потом откатывает бревно ногой, а сам устраивается на прежнем месте. Рассматривает дыру в плаще, укрывается и снова засыпает.

184. День. Лагерь. Пир. Костры. Бочонки с элем и брагой, ковши и кружки. Туши быков и овец на вертелах. Хмельные воины за трапезой.

За столом, покрытым холщовой скатертью — Харальд, Магнус, десяток приближенных: серебряные кубки, жареные гуси. Гомон.

— Да хранят тебя боги, Харальд! — возглашает Магнус и пьет. Лицо у него доброе и приятное.

— Хочу выпить с дружинниками Яришлейва... за их конунга, моего тестя! — Пьяноватый Харальд выбирается из-за стола, подставляет под струю эля своей огромный кубок и уходит в толпу, чуть покачиваясь.

Пирующие вокруг костров не обращают на него излишнего внимания.

Оглянувшись, Харальд выплескивает кубок. Достает из-под одежды синий стеклянный пузырек византийской работы, внимательно рассматривает, откупоривает тугую притертую пробочку и выпивает. Достает зеленый пузырек — и выбулькивает в пустой кубок.

Возвращается, кого хлопнув по спине, у кого сделав глоток из кружки по дороге.

Устроившись за столом, снова наполняет свой кубок:

— Теперь мы друзья с Магнусом! У нас всего поровну! И пусть боги покарают того из нас, кто задумает зло против другого!

Под приветственные возгласы отпивает половину, как и Магнус; они обмениваются кубками и допивают до дна после другого.

Два конунга целуются, смеются, закусывают огромными кусками. Веселье за столом.

Вдруг Магнус перестает жевать, лицо его делается неподвижным, глаза выпучиваются, он багровеет, подносит руки к груди и хрипит, задыхаясь. Пытается встать, опрокидывает стол, падает и корчится в конвульсиях.

Все вскакивают и смотрят на него с суеверным ужасом.

Магнус скребет пятками землю и затихает с остекленевшими глазами.

— Он хотел нарушить клятву, данную перед богами, — негромко, с презрением произносит седой викинг.

— Будь проклят род собаки, — говорит другой из сторонников Харальда.

— Я вижу, что твою удачу никто не сможет переломить, сын Сигурда, — говорит Харальду бледный приближенный Магнуса. — Вы заключили честный договор, и я признаю тебя моим конунгом.

— Теперь ты конунг всей Норвегии, Харальд, — добавляет еще испуганный другой.

185. По узкому проходу меж собравшегося войска проходит Харальд с мрачноватым и торжествующим лицом, приветственно кричат воины, и золотая, неширокая, массивная, с редкими зубцами, корона конунга на его голове.

Внутренняя политика

186. Темноватая большая комната, длинный стол, на широкой скамье с одной стороны, посредине, меж двух резных столбиков, поддерживающих потолок — на хозяйском месте — сидит Эйнар. Напротив, его место на другой скамье отделено со сторон высокими подлокотниками — Харальд. Женщины ставят еду и питье и выходят.

— Неприятный разговор, но нужный, — говорит Эйнар. — Бонды недовольны налогами. Мы договаривались, что ты не будешь повышать налоги, Харальд.

— Мне они платят меньше, чем заберут у них датчане, если опять придут сюда, — холодно отвечает Харальд.

— Можно забыть датчан, но нельзя забыть, что ты дал им слово, Харальд. Конунг должен держать слово.

— Слово конунга должно служить его делу. Слово может меняться, а дело остается одно: страна должна быть сильной.

— Помнишь ли ты, что из-за этого тебе и пришлось бежать двадцать лет назад, а дом твоего отца был сожжен?

— Я не привык забывать ничего.

— Еще. Родственники Магнуса не простят тебе, что ты похоронил его без почестей, подобающих конунгу.

— Клятвопреступнику, наказанному богами, не подобают почести.

Эйнар стучает по столу:

— Его род силен! И недовольные бонды тянутся к нему. Ты наживаешь врагов.

— Я привык к врагам. Почему это заботит тебя?

— Норвежцы привыкли к свободе. И готовы воевать за нее. Я обещал им свободу, когда мы помогли стать тебе конунгом, Харальд.

Помолчав, Эйнар произносит с подтекстом:

— Ты поистине бесстрашный человек, Харальд.

— Ты тоже бесстрашный человек, Эйнар.

Критическое молчание разряжается смехом: собеседники показывают, что оценили комплименты правильно.

— Выпьем, хозяин! Я думаю, что мы договоримся.

— Выпьем, конунг! Я тоже так думаю.

— Приезжай ко мне через два дня. Я должен все взвесить и обсудить со своими людьми. Серьезные решения нельзя принимать быстро.

Выпивают. Харальд уходит. Эйнар смотрит ему вслед и стискивает кулаки. Потом что-то шепчет и презрительно усмехается.

187. Рассвет. Десяток конных скачут в тумане. Спешиваются, треножат коней. Пробираются кустами. Занимают места за ветвями: сквозь листву виден большой дом на холме над речкой (камень, бревна, узкие окна под низкой крышей). Тихо во дворе дома. Люди в кустах натягивают тетивы на луки и проверяют стрелы.

188. Солнце встает. Еще десяток конных, в другом месте, треножит коней и поднимается по склону холма. За гребнем холма показывается невдалеке этот же дом, уже с другой стороны. Люди ложатся в траву, наблюдая, и раскладывают мечи и топоры рядом.

189. Утро. Корабль Эйнара поднимается по этой речке. Пристает напротив дома — это дом Харальда.

190. В доме уже идет хозяйственная жизнь: работники и слуги кормят скотину, носят дрова, выпускают на пастбище коров, женщины развешивают сушиться

перины. Останавливают работу, смотрят из-под руки на прибывших. Некоторые торопливо входят в дом.

191. Четыре десятка вооруженных бондов вылезли с корабля и стоят на берегу — топоры, длинные рубахи из дубленой кожи, луки через плечо, оперенные тыльники стрел из колчанов. Эйнар, он без оружия, стоит впереди. Разговаривает о чем-то с высоким бондом (у этого на поясе меч). Кивают друг другу. После этого Эйнар в сопровождении пары бондов, оставляющих свое оружие в корабле, начинает подниматься к дому.

Дверь дома — главная, обращенная к берегу — открывается: выходит Харальд, без оружия и доспехов.

— Приветствую тебя, Эйнар! — останавливается Харальд у толстого короткого столба с круговыми желобками — коновязи. — Ты с людьми? Твои люди с оружием? Разве так мы договаривались?

— Сейчас мы обо всем договоримся, — Эйнар продолжает подниматься.

192. Лучники в кустах натягивают луки и досадливо кривятся: Харальд встал так, что столб заслоняет его. Выжидают наготове.

193. — Ты рано приехал. Наверное, плыл всю ночь? Но у меня уже готов завтрак. — Харальд кажется неуверенным, каким никогда не был.

— Это хорошо, — говорит Эйнар.

— Пусть твои люди подождут! Заходи в дом.

Эйнар усмехается, делает жест своим, двое остаются на месте, он продолжает подниматься один. Останавливается перед Харальдом:

— Я думаю, твой ответ готов, конунг? — он открыто усмехается.

— Я думаю, да. — Харальд смотрит на вооруженных внизу у корабля.

— Ты не сделаешь даже одного шага мне навстречу? — изображает задетое самолюбие Эйнар, косясь на кусты: понимая задержку, пытается выманить Харальда из-за некстати стоящего столба.

— Войдем, — приглашает Харальд, делая движение головой в сторону двери, оставленной открытой. — Я сам подержу тебе полотенце, пока ты помоешь руки.

— Хорошо. — Эйнар подходит рядом. — Я пойду следом за тобой, — говорит он.

— Гость входит впереди хозяина.

— Что-то у тебя там темновато... — Эйнар вглядывается сквозь открытую в четырех шагах дверь внутрь темного помещения.

— Я поддержку, если ты споткнешься, — шутит Харальд.

Но когда Эйнар делает шаг, Харальд хватает его за шиворот и толчком отодвигает на вытянутую руку — рядом с собой и чуть впереди.

— Ешь! — выкрикивает он.

Тихий вжикающий свист из двери: четыре стрелы торчат в груди и животе Эйнара Вислобрюхого. Харальд разжимает руку — и тело валится. Одним прыжком Харальд вскакивает в дом.

И через несколько секунд три десятка воинов вываливают из обеих дверей дома и двумя группами бегут к кустарнику на холме, охватывая его в клещи и прикрываясь щитами.

194. Но когда они продираются сквозь кусты, на бегу кося ветви — десяток всадников уже уносится по равнине, и лишь один, отставший, все срывается в суе ногой со стремени, но вот тоже прыгает в седло и несется вдогонку.

Один из воинов сплевывает и, тяжело дыша после бега, бросает меч в ножны.

195. А за другим холмом другой десяток готовых было к нападению наблюдателей при виде происшедшего медленно отползает от гребня холма вниз и бросается к своим коням; уносятся прочь.

196. Харальд с мечом спускается к бондам, готовым в корабле отплыть, и поднимает свободную руку:

— Война — не ваше дело, — говорит он. — Возвращайтесь домой, свободные люди. К своим семьям и коровам... Я хочу, чтобы в Норвегии был мир.

197. И когда он стоит на том же месте у реки, глядя в пространство вслед скрывшемуся кораблю — к нему спускается из дома Элис, ведя за руку маленького сына, и встает рядом.

— Ты уже всех победил, Харальд? — влюбленно, с надеждой и грустью спрашивает она и припадает к нему.

И он вкладывает меч в ножны, подхватывает сына на одну руку и обнимает жену другой.

— Сегодня утром я впервые почувствовал, что хочу покоя, — произносит он. — Наверное, я постарел.

Молчаливая сцена, потом искра мелькает в глазах Харальда, ноздри дрогнули, и напор знакомой внутренней силы приоткрыл себя в голосе:

— Но я еще не все сделал в жизни!

198. Лицо его — крупным планом на фоне неба и облаков — медленно и неуловимо стареет, чуть резче обозначаются складки у губ и морщинки вокруг глаз, серебряные нити прорезаются в волосах.

А рядом с ним, оказывается, стоит уже почти подросток, его сын, а за руку Элис держится девочка лет семи, и пшеничные волосы Элис стали темнее, и лицо ее уже не так свежо, как в молодости.

Стадо на лугу — за ними — и дымок над крышей дома.

Англия

199. В короне и бархате сидит Харальд на троне норвежских конунгов. Длинный стол покрыт пурпурной скатертью — приближенные за столом по обе руки конунга. Сед как лунь стал старый викинг, сопровождавший его во всех походах. В средний возраст вошел Свейн, с которым они ушли из Византии. Обрюзг бывший советник Магнуса.

Стук шагов, распахивается дверь на противоположной стороне невысокого деревянного зала. Посол Нормандии — стройный мужчина, одетый по французской моде середины XI века — движется к трону и останавливается за три шага, по этикету. Кланяется.

— Великий герцог Нормандии Вильгельм шлет свой привет и дары конунгу Норвегии Харальду!

Один из его свиты вносит, держа перед собой, алуя подушечку, на ней коробочка, в коробочке оказывает-

ся массивный золотой перстень с огромным рубином: с поклоном кладут перед Харальдом.

Широченный золотой браслет с чеканкой.

Расшитый золотыми нитями и бисером кожаный пояс.

На вытянутых руках попарно несут и кладут складками плащ синего бархата и плащ из меха выдры.

И, наконец, передают послу, а уже он подает Харальду меч в богато украшенных ножнах, с камнями на рукояти.

Харальд стоя принимает меч, вытягивает из ножен синеватый отполированный клинок, делает им несколько мелких рассекающих движений со свистом, прячет в ножны и кладет перед собой.

Дары вручены и приняты. Посла с несколькими свитскими сажают напротив и наливают всем в кубки. Беседа.

— Мой герцог хотел бы знать, известно ли конунгу Норвегии, что король Англии Эдуард умер, и наследников у него нет? — спрашивает посол.

— Да, — с монаршей затяжкой отвечает Харальд.

— Мой герцог хотел бы знать, известно ли конунгу Норвегии, что на трон Англии претендует Гарольд из дома Уэссексов, по наследованию не имеющий никаких прав на трон?

— Да.

— Знает ли конунг, что герцог Нормандии Вильгельм — двоюродный брат умершего короля Эдуарда и его самый близкий родственник из всех?

— Да.

— И что Гарольд принес Вильгельму клятву на святых мощах, что после смерти Эдуарда будет помогать всем, чем может, Вильгельму вступить на законный трон Англии?

— Да.

— И что Эдуард, много лет прожив изгнанником в доме Вильгельма и его отца, завещал корону Вильгельму?

— Люди говорят... — неопределенно отвечает Харальд. Посол откашливается и приступает к главному.

— Королевство Нортумбрия, занимающее почти половину английского острова — старинная область датского права. Английские короли подчинили ее хитростью и подкупом. Тот, кто примет державу, которая была у Кнута Великого, должен иметь право на короны всей Англии, Дании и Норвегии. Вильгельм помнит о праве Харальда на Данию. Когда Харальд унаследовал Магнусу — он унаследовал и право Магнуса на Данию после смерти конунга Дании Хардакнута. Но после смерти Хардакнута датчане нарушили это право... — и умолкает.

— Вильгельм хочет подарить мне Данию? — поднимает брови Харальд. — Разве она уже принадлежит ему?

— Вильгельм хочет подарить тебе Нортумбрию и предлагает союз, чтобы помочь взять корону Дании.

Пауза. Переглядывание за столом, перебрасываются тихими словами.

— А чего хочет сам Вильгельм? — спрашивает Харальд иронично.

— Почти ничего.

— Вот как? Ничего — это не слишком много, — замечает Харальд под смех присутствующих.

— Если Харальд согласится, то Вильгельму достаточно только заранее знать, когда норвежцы высадятся в Нортумбрии. Тогда в этот же день нормандцы высадятся на юге Англии. У Гарольда не может хватить войск, чтобы справиться с двумя одновременно. О доблести Харальда знают все. Вы поможете друг другу, и каждый получит свое.

Молчание. Обдумывание за столом. Обмен фразами.

— Я обдумаю предложение Вильгельма, — задумчиво обещает Харальд.

— Вильгельм считает, что никто не должен знать об этих переговорах. И о союзе, который он предлагает. Гаральд готовится отразить Вильгельма. Он не ждет норвежцев. Это вам на руку.

Харальд кивает:

— Это все?

— Если... Когда Харальд разобьет англичан в Нортумбрии, он поможет Вильгельму сражаться с ними, пока Вильгельм не займет трон Англии. Это все.

— Как всегда. Главное — под самый конец. Твой герцог хочет, чтобы я помог ему против Гарольда. Я извещу тебя, когда прийти за ответом.

Харальд жестом отпускает посла, посольство кланяется и уходит.

И сразу — движение и переговаривание за столом.

— У Вильгельма не хватает людей, — говорит седой викинг.

— Ударить с двух сторон — Гарольд не устоит, — это Свейн.

— Вильгельм хитер... — задумчиво произносит бывший советник Магнуса.

— Если мы призовем викингов из Исландии и Швеции — мы и без Вильгельма будем сильнее англичан, — после раздумья говорит Харальд. — И сильнее Вильгельма. Пусть он тогда будет хитер, если сумеет...

200. Все море покрыто кораблями скандинавов — узкими боевыми драккарами и пузатыми грузовыми кноррами. Вдуги цветные паруса.

Бьет крыльями черный ворон на стяге Харальда. Седеющий, по-прежнему мощный конунг стоит на носу и горделиво оглядывает собранный флот.

— Я по-прежнему великий морской конунг, — с ностальгической усмешкой обращается он к седому викингу рядом.

— Да хранит тебя Один и твоя удача, — отвечает тот.

Близится английский берег.

Вторжение

201. Поле. Вечереет. Трупы. Воронье.

По краю поля неспешно идет Харальд в сопровождении седого и Магнусова советника.

— Гарольд глуп, — говорит Харальд, продолжая разговор. — Мы уничтожили половину его войска. Хороши

его ярлы — бежали с битвы, бросив людей. Теперь мы сильнее той половины, которая у него осталась. — Хмыкает: — Если что-нибудь еще осталось после встречи с Вильгельмом. Англичанин должен был драться с нами по очереди, а не делить свои силы.

— Прошла уже неделя с высадки, — говорит советник. — Пора бы получить известие от Вильгельма.

— Гонца могли сшибить стрелой в лесу, — пожимает плечами Харальд.

— Вильгельм опытен. Он послал бы отряд. Или корабль — водным путем.

— У него мало сил. Жадничает людьми, — усмехается Харальд.

— Из Каена сюда три дня на веслах. И меньше двух в попутный ветер, — замечает седой викинг (чуть озабоченно).

202. За увалом поле сбегает к берегу широкой реки. Весь берег — в кораблях. Костры, котлы, мясо, бочонки: войско победителей отдыхает, ужинает.

203. Трое спускаются к берегу.

— Можно двинуться на юг. На Лондон, — вслух размышляет советник.

— Зачем? — пожимает плечами Харальд.

— Лучше нам соединиться с Вильгельмом.

— Предоставим Вильгельма его судьбе. Если даже Гарольд разобьет его — мы легко перебьем тех, кто уцелеет после битвы с нормандцами. И вся Англия будет наша.

Седой вдруг останавливается и мрачно спрашивает:

— Харальд! А если Вильгельм решил то же самое?

— О чем ты? — не понимает Харальд.

— Если он решил сам перебить англичан, которые уцелеют после битвы с нами?

— Тогда ему придется перебить женщин и детей, — лаконично отвечает Харальд, и все трое хохочут.

204. Ночью, устраниваясь спать на палубе корабля, советник окликает Харальда:

— До Йорка отсюда один переход. За городскими стенами нам будет спокойнее ждать, кто ни приди.

— Я думал об этом. Но сначала нужно отправить домой раненых. И собрать местных крестьян, чтобы похоронили всех мертвых.

Последняя битва

205. Другой пейзаж, и солнце склоняется к закату. Вдали — городские стены, за ними крыши и высится колокольня.

Норвежцы разбивают лагерь на ночь: суeta лагерного обустройства.

Пара всадников пригоняют в лагерь десяток лошадей. Один, спрыгивая с рослого белого оседланного коня, подводит его к Харальду:

— У меня есть подарок для тебя, конунг!

Харальд принимает поводья, хлопает коня по шее, гладит морду:

— Я люблю таких коней. На нем можно въехать завтра в Йорк.

— Сначала придется его взять, — замечает советник.

— Если бы они понимали, кто мы, они не закрыли бы ворота, — отвечает Харальд.

— Потому и закрыли, что понимают, — усмехается седой викинг.

— Незачем тратить силы на взятие Йорка. Не сумасшедшие же они, чтобы надеяться устоять, — говорит Харальд. — И зачем разрушать столицу Нортумбрии, которая теперь наша. Я думаю, завтра мы с ними договоримся.

206. Ночь. Месяц бежит в резных кронах леса.

По лесной дороге, меж огромных стволов, споро и нешумно движется войсковая колонна. Блеснет шлем под луной, редко брякнет металл о металл. Длинная колонна, сотня за сотней проходят тысячи воинов.

207. Рваное облако пересекает луну — тени бегут по ночному полю.

Над холмом — силуэт неразличимого стяга, и всадник в мантии под стягом. И группа конных вокруг.

Направо взмахивает всадник под стягом. Один из конных срывается направо — мягко стучат обмотанные тряпками копыта.

И правое крыло войска разворачивается напротив лагеря норвежцев.

Влево взмахивает всадник. Скачет посыльный. Левое крыло медленно и тихо охватывает лагерь норвежцев с фланга.

Всадник обнажает меч — и синеватый веер лунного света вспыхивает над ним и рубчато складывается.

Щетина копий опускается горизонтально. Вынутые из ножен мечи выставлены вперед. Боевые топоры — на уровне нижнего края щитов.

208. На холме. Воин держит за древко стоящий штандарт, и королевский герб — лев со вздетой лапой — различим на нем вблизи.

Золотая насечка блестит на шлеме всадника в мантии — это король Англии Гарольд. Лицо в лунном свете синевато-бледно, глаза черны, рот сжат. Левой рукой он берет у оруженосца белый платок, правой крестится — и широко машет белым платком над головой.

— Да поможет нам Бог перерезать их всех во сне, — приглушенным грубым голосом произносит здоровенный бородатый детина рядом с королем.

209. Медленно, осторожно, бесшумно приближаются к лагерю — подбираются — боевые порядки англичан.

210. Спят в своем лагере норвежцы, кто свернувшись у погасшего костровища, кто растянувшись под плащом: тишина, лишь похрапывает кто-то.

И вдруг громко, залиvisto ржет невидимый конь. И тут же: вскрики, вопли, звук ударов — резня началась!

Спавшие заполошно вскакивают, хватаются за оружие, сталкиваются друг с другом, мечутся беспорядочно.

Работая оружием как косцы, как мясники, сжимают полукольцо шеренги англичан — изрубленные трупы оегаются за ними.

211. Вскочивший Харальд хватает меч, секунду озирается, бросается к пасущемуся рядом белому коню, рассекает привязывавшую его веревку, прыгает на него.

— Отступать ко мне! Строй круг! — гаркает он, глядя в тьму. — Всем собраться! Мы их вырубим! — ревет он.

Рубясь в лязге оружия, привычно и умело убивая нападающих, стягивают и уплотняют вокруг него оборону норвежцы, их здесь становится все больше.

212. Серый рассвет. Гарольд с окружением на своем холме. Оценивающе рассматривает поле битвы и оставшихся врагов.

Трупами покрыто все пространство вокруг пологого холма напротив, в нескольких сотнях ярдов. Стоя среди поверженных чужих и своих, тускло-серое в кольчужном металле, английское войско кольцом охватило холм — держась на расстоянии от обороняющихся.

В холмовой и кожаной одежде, не успевшие ночью надеть доспехи, многие без щитов, утрумо и решительно держат круговую оборону на холме норвежцы.

В центре на вершине — Харальд на белом коне. Безветрие, и зеленый флаг над ним почти не шевелится — редко и бессильно шевельнет крылом черный ворон.

213. Харальд надевает шлем. Берет поданный щит. Поднимает над головой меч.

— Харальд, конунг Норвегии и Нортумбрии, вызывает короля англичан на поединок! — яростно ревет он и трогает коня.

214. Гарольд видит со своего холма, как белый конь под Харальдом спотыкается и припадает на переднюю ногу.

— Вот сильный и храбрый человек, — произносит он, — но, видимо, его удача оставила его.

Берет поданный ему алый платок и взмахивает над головой.

Английское войско медленно и неотвратно двигается вперед, сжимая кольцо. Достигает линии норвежцев — и начинается рубка.

215. Конь под Харальдом падает, убитый ударом копья. С мечом в правой руке и секирой в левой рубится непобедимый Харальд.

216. — Похоже, его и вправду никому не одолеть, — говорит Гарольд.

— Я доставлю тебе его голову, — зловеще обещает здоровенный бородатый детина рядом с ним, обнажает огромный меч и дает шпоры коню.

217. На черном коне, в вороненых доспехах, мчится огромный англичанин сквозь сражающихся к Харальду.

Остается десяток шагов: Харальд сильным махом посылает с левой руки тяжелую секиру, тот принимает ее на щит, она пробивает щит и застревает, от силы удара англичанин теряет равновесие и падает из седла, конь умчался.

Поединок гигантов. Харальд уклоняется от его выпада, бьет — но меч не пробивает кованый нагрудник англичанина. Тот зловеще ухмыляется. Еще выпад, уклон — меч англичанина чуть чиркнул самым кончиком острия наискось по шее Харальда сзади-сбоку: рассечен тонкий кожаный шнурок, и палочка, висевшая на груди — старая, отполированная временем, белый жребий с первого драккара Харальда — падает на землю. В горячке боя он не замечает этого, они перемещаются друг вокруг друга.

Амулет затаптывается ногами других сражающихся...

Англичанин наносит страшный удар, Харальд подныривает под его меч — и свой клинок вонзает ему прямо в открытый рот (лишь часть лица англичанина не защищена броней). Англичанин выпучивает глаза и застывает. Харальд выдергивает меч с окровавленным концом — и тут же забывает о рушащемся поверженном, бросаясь на следующего.

218. В задних рядах англичан — один из лучников. Правую руку сует за левое плечо, чтобы достать из висящего за спиной колчана очередную стрелу. Проверяет рукой — последняя стрела осталась в колчане.

Накладывает ее на тетиву и долго выжидает удобную цель, глядя меж сражающихся своих и врагов.

Срубив очередного, Харальд на секунду застывает, ища следующую жертву и открываясь меж фигур стрелку.

Оттянув тетиву на полную, до мочки правого уха, лучник пускает стрелу из большого английского лука.

Она пробивает Харальду горло, шея пронзена насквозь.

Он стоит. Стоит и смотрит перед собой. Видит лучника. Встречается с ним взглядом. И, чуть подняв опущенный меч, делает несколько шагов к нему.

Лучник в суеверном ужасе пятится.

219. Пятясь, он задевает ногой разрубленный живот лежащего на земле седого викинга. Лицо того искажает злобная и радостная гримаса, и последним усилием он отрывает от земли свою руку с зажатым в ней мечом и втыкает его снизу лучнику в живот.

220. Поле битвы перед глазами Харальда покрывается прозрачной розоватой вуалью, делается зыбким, все звуки стихают, исчезают... возникает тихий звон, превращающийся в явственный перебор гусельных струн. Угасающим взором он еще различает свой стяг: ветер поднялся, развернулось полотнище, и непобедимый черный ворон бьет в небе простертыми крыльями.

— Отнесите меня на корабль... — внутренним голосом выговаривает Харальд.

221. Это флаг его бьется и трещит на мачте, красный квадратный парус вздут под ним, скрипят снасти, летит пена, бьют волны — и сквозь пенные буруны, под грозную и победную музыку, летит на нас узкий черный драккар. Захлестываемый волнами — он летит на нас.

Эпilog

Так жил и так погиб 25 сентября 1066 года от Рождества Христова в сражении при Стэмфорд-Бридж близ Йорка прославленный во многих странах воин знаменитый король Норвегии Харальд III Хардероде.

Телу его были возданы воинские почести, оно было доставлено на родину и похоронено подобающим образом.

Два дня нужно спешащему день и ночь гонцу из Йорка, чтобы достичь устья Соммы, что на нормандском побережье Английского канала. Один день нужен готовому к посадке на собранные корабли войску, чтобы переправиться через пролив и высадиться в Англии.

28 сентября 1066 года великий герцог Нормандии Вильгельм, незаконнорожденный сын Роберта Дьявола, высадился с девятью тысячами воинов в Певенсейской бухте близ Гастингса.

Измученная тысячей километров непрерывных форсированных переходов с полным вооружением, истрепанная и втрое поредевшая в кровавых битвах на другом краю Англии, английская армия смогла противопоставить нормандцам десять тысяч человек.

14 октября 1066 года в известном всем тяжелом и затяжном сражении при Гастингсе судьба Англии переломилась. Вильгельм взял корону.

Советник и стратег Вильгельма, приор монастыря Ле Бек и магистр университета Болоньи, шестидесятилетний итальянец Ланфранк сказал:

— Мы победили Божьим соизволением и нашей мудростью.

— Да, — ответил Вильгельм. — Но доблестью победил он.

Назвать имя он не счел необходимым.

Нью-Йорк, 2002

НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

«О ностальгическая сладость застоя!..»

Это мы

ШУТКИ ШУТЯТ:

старшее поколение

Валентин Михайлович, инженер-строитель, под 50 (250 р. в месяц).

Валентина Михайловна, его жена, кандидат мед. наук (250 р.)

Сантехник жэка, их ровесник (на заработок не жалуются).

младшее поколение

Борис, старший сын В. М. и В. М., студент пединститута. Романтик.

Глеб, младший сын, восьмиклассник. Юный супермен.

Витенька, девочка Бориса, лапочка-стервочка.

и усугубляющие сумятицу

Четверо рабочих сцены и распорядитель.

Часы с кукушкой, кукующей не вовремя.

Телевизор — оснащен дистанционным управлением и повернут, к сожалению, экраном от зрителя: иногда кто-нибудь переключает программу или усиливает звук.

Все происходит здесь и сейчас:
будний вечер в обычной квартире.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Досадная неувязка.

Свет в зале гаснет. За опущенным занавесом — стук передвигаемых декораций. Занавес поднимается — не до конца, резко идет вниз; опустившись на треть, застывает, дергается, еще раз, еще, один край заедает, и он застывает в кривом положении. За ним — прозрачный занавес из крупной сетки или кисеи и сцена в рабочем освещении. Двое рабочих сцены несут и ставят диван, третий — телевизор. Несут с трудом, ничего не замечая: им тяжело.

1-й рабочий. Что сегодня играют-то?

2-й рабочий. А, опять лажа какая-то. «Ничего не происходит».

1-й рабочий. А не происходит, так нечего и дергаться. Им хорошо на сцене трюндеть, а нам таскай все это.

3-й рабочий (*лезет на стул*). Поддай-ка. (*1-й подает ему настенные часы, он вешает их.*) Хорошо хоть сейчас спектакли кончаются рано, домой спокойно успеваешь. Этот длинный?

2-й рабочий. Да нет, коротенький. (*Трогает струны гитары на стене-декорации.*) Хэ, настроена.

1-й рабочий (*плюхается на диван, утирает пот, глотает пива из бутылки на столе*). В гробу я видал эти реалистические постановки. Таскаешь, будто грузчик в мебельном, а платят...

2-й рабочий снимает гитару, вольготно раскидывается в кресле спиной к залу. 3-й рабочий, бурча под нос, вешает срывающиеся часы, садится на стул, закуривает. 2-й, перебирая струны, поет.

На витрине детства кончились подарки.

Дождик, а не солнце, старость, а не радость.

*Окальцована судьба радужною аркой, —
вниз башкой бы с этой арки да работать надо.*

*Разыграйте меня, разыграйте меня:
что я смел и удачлив, шепните.
Сеть тесна — суета,
зла беда в ворота,
скукота жизнь прожить без событий.*

*Даже в микроскопе жизнь свою не вижу.
Где веселый праздник? Вечный понедельник.
Точно белка в колесе, наживу лишь грыжу:
удирать бы поскорей, да ведь я бездельник.*

*Обманите меня, обманите меня!
Жизнь меня серым сном опошла:
не проснуться — хоть в крик,
не встряхнуться — привык,
и удача мой адрес забыла.*

Из-за кулисы показывается распорядитель сцены и отчаянно машет: опустите занавес!

Распорядитель (сдавленно, в панике и бешенстве). Вы что, ссамодеятельность, сс ума ссошли! Вон немедленно! (Бросается назад к рубильнику.)

Сцена гаснет, остается лишь лампа за задником. Рабочие спешно убегают: 2-й вешает гитару, она срывается, он возвращается и вешает ее снова; 1-й, пригибаясь, возвращается бегом, хватая со стола пустую бутылку и убегает. Занавес дергается. С края, где его заело, 4-й рабочий выносит стремянку, лезет на нее, возится наверху. Занавес идет вниз.

4-й рабочий (за занавесом). Вечно что-то напортачат.

Распорядитель (выходит перед занавесом, прижимая руки к груди). Уважаемые зрители! Просим простить нас за некоторые технические неполадки. Сейчас начнется спектакль.

1. «Большая комната» трехкомнатной квартиры. Три двери: налево — в «ребячью» комнату, направо — в спальню родителей, позади — в прихожую (туда же в ванную и кухню). На переднем плане В. М. — отец на велоэргометре. В. М. — мать за столом с кипой журналов: читает, подчеркивая. Глеб вяжет на спицах, не отрывая глаз от учебника. (Спиц он не выпустит из рук до конца действия, когда свитер будет связан.)

Мать (закрывая журнал, вздыхает). Ничего нового. Вот и еще день прошел... (Глебу.) Ну, как успехи?

Глеб. На Западном фронте без перемен.

Мать (в тон). А на восточном?

Глеб. Ура, мы ломим, гнутся шведы.

Мать. Ты будешь когда-нибудь говорить своими словами?

Глеб. А кто сейчас говорит своими словами? Это не модно.

Мать. Очередное веяние молодого поколения?

Глеб. Отнюдь. Разве не старшее поколение заботится, какими словами нам говорить? (Пытается со-
строить.) Что деды посеют, отцы пожнут. А дети жуют. Может, внуки сплунут.

Телевизор. Сколько усилий! А счет не меняется! Удар!

Отец (налегая на педали). Почти пятьдесят кэмэ в час!

Мать (накрывая стол). Ты успеешь вернуться к ужину?

Глеб (поддерживая шутку). Арестуют тебя скоро.

Отец (теряя педали). За что же это?..

Глеб. Найдется. За превышение скорости, за нарушение правил, номера нет... старушечку собьешь на переходе...

Отец. Тыфу на тебя. Умчусь от ГАИ. (Становится на напольные весы.) Четыреста граммов!

Глеб. Ты так горд, будто не потерял, а нашел, и не лишнего веса, а золото.

Отец. И все равно девяносто шесть семьсот... никак!

Мать. Это за счет тяжелого характера, милый.

Отец (*отдуваясь*). Это ж сколько энергии надо израсходовать, чтобы пустить на воздух четыреста граммов!

Глеб. Особенно если они приходится на мозговое вещество.

Мать. Сколько всего на воздух пускаем — и откуда энергия берется?..

Глеб. Затратив то же количество энергии рационально, ты мог бы поднять трехтонную плиту на девятый этаж.

Отец. На черта она там нужна?

Глеб. Ну, тогда мог бы доехать до Владивостока, получить массу впечатлений, прославиться, завоевать приз газеты и прилететь обратно на самолете. С сувенирами и подарками.

Мать. Он уже и так здесь — безо всех этих хлопот.

Отец. Насчет обратно — я бы еще подумал. Когда-то я хотел на Дальний Восток... (*Мечтает.*) Пейзажи летят по сторонам...

Мать (*вздыхает*). Годы летят...

Глеб. Деньги летят...

Отец. Вот — вырастили мудреца. Фрукт поколения: деньги и расчет! Да я моложе тебя, я радуюсь жизни, волнениям...

Глеб. Папа, от волнений ты поправляешься.

Отец. Да лучше от них поправляться, чем худеть, иначе можно умереть от дистрофии! А вы... начинающие пенсионеры! Весь мир, вся жизнь в перспективе, а вас даже это не манит!

Глеб. А кто создал нам такую милую перспективу, что она нас не манит?

Мать. Каждый день одно и то же, как заезженная пластинка, ну сил нет: хоть бы вы о чем-то новом поговорили!

Глеб. Меньше новостей — дальше от инфаркта. Вам что, жить спокойно надоело?

Отец. А мы в юности считали, что спокойствие — это душевная подлость. Ведь тошно жить вот так, как по кругу в колее!

Глеб. Пожалуйста. Рубль — и никакого спокойствия.

Отец. Что?

Глеб. Вы же хотите чего-то нового? Рубль — и произойдет.

Мать. Что произойдет? И при чем тут рубль?

Глеб. Советую поторопиться. Один рубль — и вы получаете первосортную, свежую новость. Причем раньше, чем она произошла.

Отец. А нельзя ли дать пятьдесят копеек, чтоб она вообще не происходила?

Мать. Если это опять какая-то твоя афера, я тебя...

Глеб (*поспешно*). При чем тут я? В семье есть люди постарше.

Отец, мать (*подозрительно смотрят друг на друга. Одновременно*). Что такое?..

Глеб. И? Новость хороша тогда, когда ты к ней подготовлен.

Резко звонит телефон. Некоторое замешательство.

Мать (*наконец берет трубку*). Алло! А? Кто?! Аа... (*облегченно*) добрый вечер. Нет, все в порядке. Пока не знаю.

Отец (*тихо*). Насчет путевок? Битюцкий? (*Идет в ванную.*)

Мать. Не знаю... И я тоже... Не могу... Попробую... Счастливо...

Глеб. Ну? Произошедшая новость — уже не новость, а удар.

Отец (*входит переодетый, причесываясь после душа*). Твои новости я наизусть знаю. Двойка в четверти, хочу в Крым, продается замшевый пиджак, дай рубль. Дай мне три, я тебе все сказал. Кстати, ты не видел мой свитер?

Глеб. Черный?

Отец. Черный.

Глеб. Без ворота?

Отец. Без ворота.

Глеб. Я его продал.

Отец. Что-о? Как? Кому?!

Глеб. Хорошую цену давали.

Отец. Хороший был свитерок. Жаль поносить не успел.

Глеб. Что ты убиваешься? Баракла жалко? Я тебе новый свяжу.

Отец. «Продал». А деньги где?

Глеб. Шерсть купил.

Отец. А где шерсть?

Глеб. Свитер вяжу.

Отец. Зачем?!

Глеб. Я — тружусь! Должен же быть хоть один трудящийся человек в семье интеллигентов, получающих зарплату неизвестно за что, причем это неизвестно что им не нравится.

Отец. А — зачем?! Кому от твоего «труда» лучше?

Глеб. Да хоть тебе. Я у тебя беру деньги? А разве тебе безразлично, если друзья твоего сына сочтут его нищим и скрягой? А пятно на сыне — это тень на отце. О твоей же чести забочусь!

Мать (*веселится*). Трудно заботиться о том, чего нет!

Глеб. Эту рубашку (*трясет ворот своей сорочки*) вы в магазине найдете? А тебе охота, чтоб друзья твоего сына презирали его за неумение одеваться? А фэ-эргэшная бритва, которую я подарил тебе на день рождения, хорошо бреет?

Мать. Я чувствую, ты тут скоро нас всех купишь.

Глеб. Ирония — оружие бессильных. Твоя золотая цепочка обошлась мне в три свитера. Наконец, это (*трясет вязаньем*) кто-то наденет. Тепло и красиво. Его спрос рождает мое предложение.

Мать. За какие грехи дана нам акселерация этих юных бизнесменов. Откуда ты набрался о спросе и предложении?

Глеб. А, от Зинки подхватил...

Отец (*очнулся от дум*). Что подхватил? Какая Зинка?

Глеб. Гм. Из девятого «Б». Сдаст мою шерсть.

Мать. Что это еще за странная связь?!

Глеб. Чего странного?.. У деловых людей и связи деловые. Она дерет тридцать процентов комиссионных, эта очковая кобра.

Отец. Хорошенькая смена грядет на наши места.

Глеб (*явно хамит*). Какие места — такая и смена.

Мать. Разве такими мы вас воспитывали?

Глеб. Воспитывали? Вы спорили о воспитании, боролись за воспитание... а воспитывали мы себя по собственному разумению. Не бойтесь: я выпущен тиражом одна штука; таких у нас немного.

Отец. Это утешение для родителей тех, кого много... А уроки ты хоть сделал, агрегат вязальный?

Глеб. Пф. Я еще пионером умел читать и вязать одновременно. Усидчивость — залог успеваемости. Что ж мне, проводить досуг в подворотне с малоразвитыми подростками и гитарой?

Отец. А пишешь ты ногами, не отрываясь от вязания? Письменные ты приготовил, сноповязалка ты болтливая?

Глеб. Мы их с Зуевым на переменах вдвоем. Бригадный подряд.

Мать. Вам и оценку ставят одну на бригаду? Почему вдвоем?

Глеб. А он тоже вяжет.

Отец. У вас там школа или вязальный комбинат? Все вяжут?

Глеб. Нет, конкуренции пока нет, слава богу.

Мать. Да, с тобой не поконкурируешь. Кем ты будешь?..

Глеб. Будь спок. Мы здесь чемпионы по выживаемости. Нигде не пропадем. Буду заместителем министра легкой промышленности... или директором комиссионного магазина.

Отец. Почему заместителем? Министром кишка тонка?

Глеб. Меньше треска — больше дела. Пока начальник получает премии и выговоры, заместитель работает. Как насчет рубля?

Мать. Это все, значит, не новости? Бесплатные приложения?

Глеб. Жадность — мать всех пороков. (*Читает из учебника.*) «Волнения начались со студенчества, лучшие представители кото...»

Отец. Борис что-то выкинул, так тебя понимать?

Глеб. Я могу продать новость, но не предать брата. Рубль.

Мать. Не министром ты будешь, а шантажистом.

Глеб. На двадцать копеек я уже сказал. Остальное вперед.

Часы. Ку-ку! Ку-ку!

Пауза. Звонок в дверь. Пауза. Отец идет открывать. Возвращается — за ним входит Борис с букетом.

Борис (*сияя*). Добрый вечер! (*Тревожно*.) Что случилось?

Отец (*нервно*). Это я спрашиваю — что случилось?

Мать (*растерянно улыбается*). Ты принес мне цветы...

Отец (*бьет себя по лбу*). Слу-ушай... У нас же сегодня годовщина свадьбы (*называется число, когда играется пьеса*).

Глеб (*бурчит*). Память надо тренировать, а не ноги.

Мать (*отцу*). Когда последний раз ты приносил мне цветы?..

Отец. Гм. Цветы... Я тебе мясо приношу!..

Мать. Которое я готовлю, а ты же и ешь, набираясь энергии крутить свои педали и сбрасывать вес, который при еде набираешь. (*Борису*.) Дай я тебя поцелую. (*Хочет взять букет*.)

Борис (*неловко отступает, отводя букет*). Понимаешь... ну в общем... (*Отчаянно*.) Я тебя поздравляю, но это не тебе.

Мать. М-да. Не подарили — так хоть понюхала. (*Уходит в спальню, унося журналы*.)

Глеб. Ну — сэкономили рубль? Без правильной подготовки самая лучшая новость может доставить одни неприятности.

Отец. Так что случилось? Погоди! (*Садится*.) Твои новости лучше выслушивать, усевшись покрепче. Я бы написал инструкцию по выслушиванию новостей. Пункт первый: сесть. Пункт второй: принять валидол. Пункт третий: вызвать скорую.

Глеб (*под нос*). «Растим детей, а вырастают изверги».

Отец. Растим детей, а вырастают изверги!

Борис (*почти в слезах*). Да что случилось?! Я думал, вы обрадуетесь... думал, что для всех это...

Звонок в дверь. Борис прыгает в прихожую и возвращается с наступающим на него сантехником.

Глеб. Как, однако, изменилась тень отца Гамлета. Сан-техник-сан!

Сантехник (*берет у растерянного Бориса букет*). Прочувственно благодарю за торжественный прием. Как понимать эти цветы? Знак радости, восторг долгожданной встречи? (*Оскорбленно.*) Вы что же, издеваетесь? Знаете, сколько вызовов?

Борис (*вырывает букет*). Я не вам!

Сантехник. Ну, тогда и я не вам.

Глеб (*вежливо*). Здравствуйте.

Сантехник. Чего? Бонжур. Так у вас раковина тю-тю?

Отец. Похоже, проблема возвращения времени вспять решена. Если верить вашему появлению, наступило позавчерашнее утро.

Часы. Ку-ку! Ку-ку!

Сантехник (*с интересом к часам*). А по вашей (*стучит согнутым пальцем по ладони, изображая клюющую птичку*) птичке два часа ночи, или как? Или дня? В общем, мне уйти, или как? Сами все сделали? Ну и правильно. Тогда с вас рубль.

Отец. Этот рубль превращается в жернов судьбы. За что?

Сантехник. За то. За вызов. А то делов пара пустых, а людей зря гоняете. Меня еще семь квартир сегодня ждут с позавчера. Мужчина должен все делать своими руками. Верно же?

Глеб. Дурная голова рукам покоя не дает.

Отец. Ногам.

Глеб. Тебе виднее.

Отец. «Руками»... Главное — своей головой!

Борис. Своей головой сделаешь — по своей голове и дадут.

Сантехник. Если к голове нет руки (*жест наверх*), то от такой головы — одна головная боль. Везде у всех все валится, рушится, капает откуда не надо, не капает откуда надо, зато голов везде — навалом. А посмотреть бы, что у них в этих головах?

Глеб. Вы, собственно, из какой организации?

Сантехник. А на что им головы? В чужие дела совать?

Отец. У кого нет своих дел — занимаются чужими.

Сантехник. Во-во! Ум хорошо, а два сапога пара. Так будем прочищать? Или не будем?

Глеб. Головы, что ли? Не запачкайтесь.

Сантехник. Тогда я обувь снимать не буду, поскольку вы люди ехидные, следовательно, культурные. А то недавно тут у доцента был в сто второй квартире, так он говорит: «Мы же все-таки ев-ро-пейцы! Мало ли что в Японии обувь снимают, там ведь и хакакири делают!» Сегодня гость в носках останется, завтра в трусах, послезавтра — я ведь не в баню пришел, верно же?

Отец. Проходите, проходите так.

Борис (*мрачно*). И хакакири не делайте.

Глеб. Пусть делает. Все равно пол подтирать.

Отец уводит сантехника в кухню; Борис скрывается в «ребячьей»; мать появляется из спальни.

Глеб. Дороже всего обходится то, за что не платишь. Мам, а? Вы б поторопились... еще не все.

Телефон. К нему выскакивают Борис с букетом и отец, спешащий из кухни: сталкиваются.

Мать. Алло. Я. Валя. Вся жизни! Не морочьте мне голову! Валентина Михайловна! Валентина Михайловича? Так и говорите!

Отец. Да. Помню. Конечно. Нет. Я позвоню. Не могу. Хорошо. Привет. (*Кладет трубку.*) С ума сошел Гипропроект со сметой.

Мать. Очень милым голоском сходит с ума твой Гипропроект.

Отец. Какой есть, таким и сходит. Не милее твоего Битюцкого. И вообще неостроумно! в присутствии детей...

Глеб. Где тут дети? Все уже взрослые. И в едином ряду со всей прогрессивной молодежью стоят за счастье и свободу.

Мать. Почему б тебе не воспользоваться свободой молчать?

Глеб. Хоть бы раз дали попользоваться свободой говорить!

Звонок в дверь.

Борис (*торжественно*). Мама! Папа! И ты... брат! Глеб. «Орел, орел, я семья. Прием».

Борис. Пожалуйста, не волнуйтесь. Это бывает в жизни всякого. Все очень хорошо. (*Идет открывать. Вскоре возвращается со странным видом. Вдруг швыряет цветы в дверь «ребячьей», делает отчаянный жест.*) Вы читали «Войну и мир»?

Мать. Это викторина? Родители не так серы, как дети думают.

Борис. Помните, как Ростов проиграл сорок три тысячи...

Отец. Сколько-сколько?!

Мать. Ты играешь в карты!

Отец. Я тебе не граф. И охоты с борзыми тебе не устрою! сам шенок! гусар! «шашку, коня!» Отвечай немедленно: в чем дело?

Борис. Не кричи, здесь не футбол! Ничего страшного, подумаешь... (*Приносит из прихожей магнитофон.*)

Глеб. «Джи-Ви-Си», стерео, устарелый. Восемь ноль на комке. Подцепил дочь миллионера или оторвал Государственную премию?

Борис. Скости четверть — ему втюхать в темпе.

Глеб. Думаешь, до утра успеешь напечатать деньги?

Мать. Чей это магнитофон?

Борис. Мой... почти.

Отец. «Почти» — это в переводе на рубли сколько?

Борис. Полтонны... с довеском.

Мать (*в беспокойстве слушая*). Пол чего?

Глеб (*разъясняет*). Пятьсот рублей.

Отец. Пятьсот фиг! под сопливый нос! полтонны свинства! полцентнера нахальства!

Глеб. Если брат будет вести себя разумно и брать меня на танцы в их общагу, то округлить имеющуюся сумму я беру на себя.

Борис. Да хоть ты пол там проломи! До сколько?

Глеб. Я думаю, что торг здесь неуместен. До ста.

Мать (*веселится*). Дело идет. Осталось всего пятьсот.

Отец. Мы с тобой вдвоем за месяц как раз столько получим. Аферюга! Сам рубля еще не заработал!

Борис. Я и хотел заработать! Он срочно продается за шестьсот, а я продам его минимум за... шестьсот двадцать.

Отец. Вам в вашей столовой белену на обед не подают?

Глеб. Не за то отец сына бил, что спекулянт, а за то, что неудачливый. Да сунь ты ему маг взад: нет крупы, и чао-какао, сдача ушла! пусть сам на стекле торчит.

Мать. Боже мой, я ничего не понимаю...

Борис. Я ему расписку писал. При двух свидетелях...

Глеб. Э-э! Морской закон: не можешь — не беришь. Гласит горькая пословица, что преступление не окупается. (*Прислушивается к грохоту и ругани на кухне.*) Наш самурай воюет. Банзай!

Мать. Боря, принеси чайник! Пора ужинать.

Борис. Вам хоть земля тресни — пора ужинать! пора на работу! пора спать! домой! скатерть! чашки! (*Идет на кухню.*)

Мать. Когда нынешние семьи не видятся порой неделями, я хочу, чтоб хоть раз в сутки все собирались за столом.

Глеб. Чем меньше за столом людей — тем меньше конфликтов.

Борис (*вносит чайник*). Вы не понимаете, что такое магнитофон. Это не просто кассеты с музыкой — это живая душа людей. И ты касаешься ее всякий раз, когда праздник или когда тоска, и ты не один — ты грустишь и радуешься вместе с миллионами, со всем поколением, ты един с ним и дышишь и движешься в едином ритме со всеми. Не «музыка для ног» — это душа и тело звучат, живут в лад. Это счастье и потребность: мы живем в век техники.

Мать. И эта техника заменила вам людей! Телевизор заменил образование! Магнитофон — умение петь, играть! Приемник — остроумие, которого нет! Вы не умеете писать письма — вы звоните. Не умеете беседовать — вы «общаетесь». Не умеете быть счастливыми — вы «балдеете»! Вы же марионетки!

Отец. Повеселились, и ужинать пора. Никаких тонн, километров, японских магнитофонов и сомнительных спекуляций.

Борис. Ты можешь поговорить со мной как мужчина с женщиной?

Отец. Я-то могу. А ты?

Борис. Тогда скажи, ты можешь мне — не как сыну, а как мужчина мужчине — одолжить пятьсот рублей на один месяц?

Глеб. Гений — это последовательность.

Отец. Скажи, а ты мне, как мужчина мужчине, можешь одолжить? Сто рублей? На три дня?

Глеб. Понял? Мужчина — это тот, у кого есть деньги.

Борис. Ага. А самый мужественный мужчина — миллионер. (*Смотрит на часы. Напряженно.*) Это все ОЧЕНЬ серьезно. Подумайте еще раз. У вас остается на размышление двадцать минут.

Мать. Один сын шантажист, второй бизнесмен... страшно подумать, кем бы был третий.

Глеб. Жалели рубль. Теперь жалеете пятьсот. Оставайтесь события, пока не поздно. Гром грянет — я предупредил.

Отец. Борис, ты кому-то должен? Да что происходит?!

Борис. Будто сами не знаете? Да? Сказать? Сказать? А?

Глеб. Главное в профессии пулеметчика — вовремя смыться. *(Хочет пересесть, не успевая увернуться от подзатыльника отца.)*

2. Кухня. Отец, сантехник.

Отец *(нервно курит)*. Почему, почему все кругом погрязли в вещах? Кого, когда, где барахло делало счастливым?

Сантехник *(возится с раковиной. Философски)*. Но отсутствие вещей вполне делало несчастным. Когда я работал продавцом, покупатели прямо плакали...

Отец *(достает бутылку из-за картины на стене)*. Повальное сумасшествие! Есть квартира — двигай паркет. Есть гараж — строй дачу. Есть мебель — подай новый гарнитур. Клеенки! колонки! дубленки! и никакой милицией не остановишь, хоть капканы ставь.

Сантехник. Спасибо, не пью. Смешные существа люди — ничего не понимают. Вся история цивилизации — это история создания ненужных, излишних материальных ценностей.

Отец. История — это прогресс! а не рост потребления.

Сантехник. Прогресс — это рост производства. А оно и потребление — едины: человеку всегда мало. Сидит он в пещере: еда есть, огонь есть, шкуры есть и бабы есть. Чего еще? А вот изобретает лук и стрелы, ткани, украшения, картину малюет, сапоги шьет. Плавал на бревне — сделал лодку. Ходил пешком, приручил лошадь, придумал самолет. А жил и без этого.

Отец. Стать властелином мира *(выпивает)*, преобразить его — это одно. Но менять хорошие вещи на другие, ничем не лучшие, а — модные! престижные!.. какое-то мешанское самоубийство.

Сантехник. Моды были и у дикарей. Кольцо в носу, перо в голове, бусы... Вчера — шелковая рубаша и галоши, сегодня — дубленка и джинсы. Жажда

иметь не меньше, а больше другого — двигатель истории, Лучший охотник хватал самые жирные куски, лучший воин — ценные трофеи. Человек утверждает себя через поступки, а вещи — мера значимости этих поступков и его самого.

Отец. Но какой смысл класть жизнь на барахло?..

Сантехник. Престижная вещь — свидетельство богатства. А богат — значит живуч, силен, умен, предприимчив. Эти качества говорят о ценности человека, и люди их всегда уважали — еще с тех пор, когда они гарантировали элементарное выживание. Античность, Возрождение, все века — всегда были моды, самоутверждение через престижное барахло. Просто сейчас меняется чаще.

Отец. Есть лучшее применение этим качествам.

Сантехник. Поэтому есть престижные профессии: денег мало, зато — уважение. А толку? Очень они счастливы, все ваши врачи и артисты? Разве не бессмыслица — отказываться от многого ради того, чтоб лечить этих проклятых потребителей или играть перед ними пьесы? А чего люди, которые в театре ни уха ни рыла, прутся на премьеру? Престижно! Они самоутверждаются!

Отец. А что вы тогда не таксист и не артист? Как говорит мой младший сын, если ты такой умный, то почему еще не богатый?

Сантехник. А я — свободен!

Отец. Свободен? От чего?

Сантехник. От всего. Не понизят меня — некуда, не уволят — самим унитаза чинить придется, начальников много, а я один, везде найду крышу и работу, ничего не боюсь. Свободен.

Отец. «Свободен». А для чего?

Сантехник. Что хочу — то и делаю. Когда я освободился из... в общем, я давно понял: примешь то, что тебе уготовили другие, — всю жизнь они будут тобой помыкать. Откажешься — получишь главное: будешь хозяином своей судьбы. И их судеб.

Отец. Кому ж вы хозяин?

Сантехник. Да хоть вам *(похлопывает по раковине)*.

Отец (*задет*). Конечно, теперь нормальному человеку все хозяева: таксист не повезет, официант не обслужит, продавец не продаст, сантехник отключит воду и научит жизни. А только я сижу дома у цветного телевизора, а вы ковыряетесь в грязи...

Сантехник. Разве это грязь? В грязи-то ковыряетесь как раз вы. А я сейчас помою руки — и свободен.

Отец. Но по вашим же рассуждениям о деньгах и престиже моя жизнь лучше вашей?

Сантехник. Что ж это за хорошая жизнь, если на нее сантехнику плачутся.

Отец (*пьет*). Обнаглели вы все, сфера обслуживания чертова.

Сантехник (*завелся*). Я обнаглел? Ах, обслуживание чертово? Думаешь, я... Так вот: достал ты меня. Мыльный пузырь! И знай: лопнула теперь твоя жизнь. Вот здесь сейчас и лопнула.

3. Большая комната.

Мать, отец, Борис, Глеб: семейный ужин

Отец. Я твои проблемы наизусть знаю. Не хочу учиться, хочу жениться, мне все надоело, дайте денег. Не дам. Несolidно спекулировать на отцовскую зарплату. Сначала потрудись.

Глеб. Труд — это деятельность, имеющая результатом деньги. Что ж плохого, если бедный студент решил заработать.

Отец. Хочет заработать — пусть хоть в стройотряд съездит.

Борис. Съезжу. А куда я денусь. Пока в него не запишешься — до сессии не допускают.

Отец. И правильно! Узнаете, как деньги зарабатываются.

Борис. Что «правильно»? Добровольный отряд... обязателька из-под палки. Откажемся мы когда-нибудь от палки как воспитательного средства? Всё желание отбивают! Собрались бы только те, кто хотят, свои лю-

ди, одни взгляды... А так — отработка галочки. И ни работы, ни заработка.

Отец. Работы, милый мой, вечно невпроворот, это ты брось. А как будешь работать — так и заработаешь.

Глеб. Ха-ха! Мать врач и кандидат наук получает двести пятьдесят, а Гришка со второго этажа, халдей в кабаке, опять новую тачку купил.

Борис. Нам старики из стройкома все объяснили. Все эти управления и участки норовят сэкономить на студентах свои фонды заработной платы. И все привыкли просить с запасом: дай сорок студентов, а нужно всего пятнадцать. А им и присылают сорок.

Телевизор. Никак не удастся реализовать численное преимущество! А время идет...

Борис. И сорок делают то, что сделают десять: нормы везде занижены, работягам невыгодно пупрывать — расценки срежут, а срежут — они мигом уйдут. А мы вламываем по десять часов. И сорок студентов роют ненужную канаву, а экскаватор простаивает.

Мать. Гм. Почему же он простаивает?

Отец. Иначе платить отряду за простой — дороже будет.

Борис. Радужный итог: двести рублей за лето пахоты.

Глеб. К окончанию института вполне купишь себе маг.

Отец. А где мы с матерью деньги берем, ты не думал?

Глеб. Во-во: двое людей с высшим образованием работают всю жизнь и нажили одни долги и гипертонию.

Мать. Боря, ты сегодня... Что значат эти цветы?

Борис. Так. Ерунда. Подумал жениться.

Часы. Ку-ку! Ку-ку!

Отец. Та-ак. Следующий пункт программы.

Мать (*осторожно*). А... что за спешка? Не рано ли?

Глеб. Хорошее дело преждевременным не бывает.

Отец. А ты не хочешь сначала встать на ноги?

Борис. Не только встать, но и уйти на этих ногах.

Мать. А... где вы собираетесь жить?

Отец. Что значит «где»? На шее родителей.

Мать. Так магнитофон — это свадебный подарок? А?

Отец. Да на тебе штаны, купленные на мои деньги!

Глеб. Они ему не понадобятся.

Мать. Боренька, девушка ищет в мужчине опоры. Кому ты пока можешь быть опорой — студент на нашем издвигении?

Отец. Откуда ты знаешь, что она в нем ищет. Кто она?!

Мать. Окончишь институт, станешь самостоятельным...

Борис. Не окончу.

Отец. Что это значит — «не окончу»? Совсем мозги заело?

Борис. Я его бросил.

Отец. Как это бросил...

Борис. Вот так (*бросающий жест*). Забрал документы.

Отец. Как это — забрал?!

Борис. Как, как... Выкрал ночью! Обыкновенно.

Мать. Ты... Мы тебя с таким трудом туда записали...

Отец. Утром иду в деканат. Восстановят. Неучем не будешь!

Борис. Буду! А кем я буду?..

Мать. Хотя бы учителем! для начала.

Борис. Это одно и то же. Куда поступает человек, если учится он на тройки, призвания ни к чему не чувствует, достичь ничего в жизни не надеется, поступить в приличный вуз не может, а идти вкалывать не хочет? В областной педагогический институт! потому что конкурса меньше и слабее нет уже нигде. Наши учителя — это вчерашние серые троечники. Чему они могут научить?

Отец. Знаешь, кто хочет что-то делать — находит возможности, кто ничего не хочет делать — находит оправдания. Был еще такой учитель по фамилии Сухомлинский...

Борис. Апостол! Одинокий человек, маленькая сельская школа. Исключение подтверждает правило.

А классы по сорок рыл, и городская карусель, и семья? Нельзя требовать от учителей апостольства, они обычные люди. И рассчитывать надо на обычных!

Глеб. За их зарплату мучиться с такими, как мы? Да я бы лучше пошел тараканов дрессировать.

Мать. Вам дают бесплатное образование...

Борис. Бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Вы с отцом работаете? значит, за мое образование платите вы. Средства государства на все, что есть, — только от вашей работы. Неясно?

Отец. Не понимаю. Мы в студенческие годы были счастливы...

Борис. Конечно: дурака валять все условия. Откинь два месяца летних каникул, да зимние, да месяца колхоза осенью, да физкультуру, да всякую белиберду, да болезни — и окажется, что мы учимся своей специальности три месяца в году, если плотно заниматься. Я бы сдал за два года экстерном весь курс: я экономлю время, государство экономит средства. Почему нет?

Отец. А потому! Все умные — лишь бы не делать ничего.

Глеб. Чего хорошего в этих институтах? Вон и развелось таксистов с инженерными дипломами и официантов с гуманитарными.

Борис (*в запале*). Сбегу из школы при первой возможности! Вы проведите-ка урок: пиджак на спине мокрый! я был на практике. И все тебе предписано-расписано, инструкции роно, конспект каждого урока, проверки тетрадей, не дай бог отклониться от программы — но программа-то одна, а ученики разные! Отличникам уже скучно, а двоечники еще ничего не поняли, а ты ориентируешься на среднюю массу... Собрать бы сильных учеников в один класс, слабых — в другой... господи, как я устал.

Отец. Нигилист. Дня еще не проработал — с чего ты устал?

Борис. Неправильно все... Несправедливо. Бессмысленно.

Глеб. Никаких условий для нормальной работы. Опять петли пересчитывать.

Отец. Вот повкалывал бы ты, тогда понял...

Борис. Так на кой вы пихали меня в институт? Я и буду вкалывать.

Глеб. Говорил я — шел бы он учиться на экскаваторщика. Капусту ковшом гребут. Завел бы собаку и вставил ей золотые зубы.

Мать. Где взять денег, чтоб вставить тебе золотой язык.

Глеб. А я на свой не жалуясь.

Отец. Если ты не жалуешься на свой язык — так другие на него жалуются. *(Борису.)* Балда ты, вот ты кто!

Борис. Социологи давно доказали: интеллект составляет к пятнадцати годам и потом остается на неизменном уровне.

Мать. Не дай тебе бог остаться на неизменном уровне.

Борис. Всё дети, всё дети! Эти дети танки водят, рекорды ставят, а тут... Мне двадцать лет, я имею право голосовать, быть избранным, жениться, на труд, на отдых, на жилье и все на свете. Во мне сто девяносто росту, я выжимаю...

Глеб. Велик пень, а шумит. Во спец по саморекламе.

Отец. Приказ об отчислении подписан?

Мать. На ком ты собрался жениться?

Борис. Хватит!! Проповеди, шуточки, попреки, мое полное бесправие: я же никто! никто! Плевать на магнитофоны, деньги, женитьбы, этот поганый город... хотел вытерпеть — но не могу! Мой поезд в ноль тридцать. Вот. *(Показывает билет.)* Все! И через три часа я уйду из этого дома — навсегда! Навсегда!

Мать. Да куда, куда еще ты собрался?..

Борис. В Усть-Кан! Там стройка, смысл, настоящие люди. И я там буду человеком! Буду жить и отвечать за себя сам.

Отец. А институт?!

Мать. А мы?..

Глеб. А долг?

Борис *(заикается от волнения)*. Х-х-хватит. Пора жить! П-птенец вылетел из г-гнезда.

Глеб. Эх и гэпнется сейчас, сказал внутренний голос.

Телевизор. Вы смотрели передачу «Папа, мама, я — спортивная семья».

4. Спальня родителей. Глеб, мать.

Мать (*всхлипывает в подушку*). Что Боря делает?

Глеб. Ничего страшного. Чемодан собирает. Ну что ты так переживаешь. Разве вы в его возрасте не мечтали уехать куда-нибудь и начать новую, самостоятельную жизнь? А? Вот. Дети делают то, что когда-то хотели делать родители, а родители при этом почему-то плачут.

Мать. Сил моих нет... Хуже лошади. Встаешь в половине седьмого и ложишься в двенадцать без задних ног. Завтраки, обеды, магазины, прачечные, а вель еще работа, и дома надо работать, чтобы что-то успевать... И вот благодарность за все.

Глеб (*подает таблетки*). На, прими. Еще немножко потерпи, и тебе будет гораздо легче и спокойнее.

Мать. Я чувствую. Каких-то двадцать лет еще — и успокоюсь.

Глеб. Кончу восьмой класс, пойду в ПТУ, жить буду в общежитии, на всем готовом...

Мать. Что ты еще сегодня выдумал! Какое ПТУ?!

Глеб. Чего: самостоятелен, материально обеспечен, буду ходить к вам в гости и делать подарки.

Мать. Подари мне сразу гроб. Ты хотел в торговый институт!

Глеб (*рассудительно*). Окончу, получу вместе со специальностью диплом о среднем образовании и поступлю куда захочу.

Мать. Что за бред. Ты должен кончить нормальную школу!

Глеб. Раньше она меня кончит. Эту нормальную школу могут вынести только ненормальные. Взрослому человеку: «Подними руку. Закрой рот. Не вертись. Приведи родителей». Казарма! А кто учит, кто учит! Я по учебнику за день пройду то, что они долбят год.

Мать. Мы создали вам все условия...

Глеб. Вы создали условия — вот сами по ним и живите. То-то вы все такие радостные и счастливые.

Мать. Почему ты так не любишь школу?

Глеб (*ерничает*). А кто ее любит? За что ее любить? Классная — наш царь и бог, она командует пионерскими сборами, потом — комсомольскими собраниями, а мы — мы пешки.

Мать. Когда первого сентября я слышу школьные звонки и вижу счастливые лица...

Глеб. Вранье. Литература. У всех, кого я знаю, первое сентября и звонок вызывают только смертную тоску. Вот начало каникул — о! все счастливы, что это кончилось хоть на время и не надо ходить в эти опустыленные стены. А первого сентября счастливые лица только у родителей: что милые чада будут под прищелком и при деле, а не болтаться неизвестно где.

Мать. Школа делает из тебя человека!

Глеб. Поджалима и приспособленца она из меня делает. Попробуй поспорь с учительницей. Уличи ее в ошибке. выступи против несправедливости. Плюнь против ветра. Молчи и поддакивай!

Мать. В ПТУ, конечно, преподают сократы и демократы.

Глеб. Оно за меня держаться будет: рабочие нужны. Оценки завьсят: успеваемость нужна. Прогуляю — ерунда. Там на общем фоне я вообще гением буду. Еще с отличием кончу. Сейчас автослесарь — это ж золотое дно. А потом захочу — пойду в автодорожный или механический. И поступлю с большей вероятностью.

Мать. Мне на работе стыдно сказать будет. Сын — пэтэушник.

Глеб. На работе работать надо, а не болтать о семьях. Демагоги... за что других агитируют, от того сами отбрыскиваются.

Мать. Умный и работающий везде будет толковым специалистом.

Глеб. Вот и гордись — я буду толковым рабочим.

Мать. Ты нашел время... Ну почему ты тоже — сейчас?

Глеб. Чтоб вас меньше травмировать. Лучше один мощный скандал, чем сто мелких. Да и дело легче делать под шумок.

Мать. Нет, я рехнусь с вами. Да что случилось?!

Глеб. Ничего. Неохота плыть по инерции. И вообще — где радость? Один сын едет на дальнюю стройку начинать самостоятельную жизнь, другой идет в ПТУ получать профессию и трудиться, а криков столько, будто одного посадили, а другой упал с моста.

*5. «Ребятня». Борис курит, сидя на чемодане.
Входит Витенька.*

Витенька. Я задержалась. Такой ужас — избили нашего режиссера! какие-то хулиганы из темноты... А что это стол накрыт — и никого нет? Меня ждали? Ты уже им сказал?

Борис (*спешно собирает с пола цветы*). На. Сказал...

Витенька. Ты ими что, пол подметал? И как твои родители отреагировали? Ах! влюбленный ждет, и пол усыпан цветами. У тебя милый брат. А зачем чемодан? Ничего комната. Сойдет пока.

Борис. Ты хотела за меня замуж...

Витенька (*играет*). Я? По-моему, ты хотел.

Борис. Точно... (*Пауза.*) Я уезжаю.

Витенька. Когда? Надолго? А куда?

Борис. В Усть-Кан. Сейчас. Совсем.

Витенька (*легко*). Ты что — дуешься, что я опоздала?

Борис. Свадьба отменяется. Мой поезд через три часа.

Витенька. Я чувствовала... Дура. Всем уже сказала...

Борис. Извини. Бывает. Можешь дать мне по морде.

Витенька. Новый свадебный обряд? Раздумал... Струсил?

Борис. Ты можешь сказать мне на прощание одну вещь?

Витенька. Могу. Любишь кататься — и катись.

Борис (*загораживает дверь*). На прощание — со-
лги мне, а...

Витенька. Перебьешься. Теперь это все уже не-
важно.

Борис. Важно. Если б ты хоть раз сказала, что
любишь...

Витенька. Иногда мне и казалось. Я бы привык-
ла к тебе. А когда просят — ненавижу: хочу — сама
скажу, не хочу — нечего клянчить. И вообще, если хо-
чешь знать, таких как ты не любят!

Борис. Почему?

Витенька. Девушке нужен мужчина — взрослый,
умный, сильный. А ты — мальчик... милый, но...

Борис. Что мне... волосы себе вырвать!.. чтоб стать
лысым и старым, не мальчиком!

Витенька. Полно и лысых мальчиков, и старых.
А опора...

Борис (*перебивает*). Опору тебе дай? Костыль?
Столб! Танк!!

Витенька. Женщинам нравится, когда мужчина
похож на танк. По крайней мере, чувствуешь себя за-
щищенной.

Борис. Защищенной. Потом этот танк на вас же
и наезжает.

Витенька. Любовь редко бывает счастливой. Так
хоть любить настоящего мужчину, уж сколько придет-
ся. От любимого и боль сладка.

Борис. Ты встретишь лучших, чем я. Умнее.
Сильнее. Красивее. Но все равно никто не будет лю-
бить тебя так, как я. Ты ведь знаешь: я могу сделать
для тебя все что угодно!

Витенька. Если ты хочешь, чтоб я тебя любила,
то сделай так, чтоб я сама была готова ради тебя на
что угодно.

Борис. Как вы, женщины, не понимаете мужчин.

Витенька. Ты меня любишь — ты меня и пони-
май. Мужчин губит то, что они считают всех женщин
разными, а женщин спасает то, что они считают всех
мужчин одинаковыми. Это вы нас не понимаете.

Борис. Ваше счастье. Были б вы иначе бедными. А как вас понимать, если вы делаете все, чтоб вас понимали не такими, какие вы есть на самом деле!

Витенька. Да вы же сами хотите, чтоб мы были не такими, какие есть на самом деле. Только что сам просил соврать!

Борис. Скажи, какого ты хочешь мужчину, и я им стану!

Витенька. Такого, который так не спросит. Рохля ты...

Борис. Я рохля? *(Возмущенно озирается, выбегает; возвращается с огромным кухонным секачом. За дверью галос Глеба: «Палегче, Отелло!»)* А если я сейчас себе левую руку за тебя отрублю — будешь всегда со мной?

Витенька. Твой Усть-Кан — это название дурдома?

Борис. Нет, сумасшедший дом у нас здесь. Будешь?

Витенька. А почему левую?

Борис. В правой держать удобнее. Будешь?

Она кивает. Он отворачивается, кладет руку на стол и взмахивает секачом. Витенька закрывает глаза. Глухой стук.

Она ахает, закрыв лицо. Борис оборачивается: цел.

Витенька *(обнимает его)*. Ослик был сегодня зол, он узнал, что он осел. Я рассказывала? — летом я с одной девочкой познакомилась на юге, из санатория. У нее не было ноги, а ей девятнадцать лет. И ее мальчик любил, с шестого класса. Еще в больнице ей после операции признался, что даже рад, хоть это подло: она теперь никому не нужна, а он счастлив, что сможет ее на руках носить. Она ему сказала: дурак, ничего не понимаешь, я теперь совсем другая, и замуж смогу выйти только за такого же, как я, иначе всю жизнь себя ущербной чувствовать...

Борис. Ну?

Витенька. Он учился в мореходке, мечтал о море... Он поехал за город и положил ноги под электричку.

Борис. Вот — человек.

Витенька. Она вышла замуж. За другого! С двумя ногами. Которого полюбила. И который мог за ней ухаживать. А того раньше не любила, а теперь просто возненавидела. Я дрянь, говорит, а жить с ним все равно не могла бы, будь у него хоть восемь ног, а тут еще инвалид, с ума сойти!..

Борис. Сука твоя девочка!

Витенька. Дурак твой мальчик! А о ней он подумал?

Борис (*открывает чемодан*). Будь здорова! Я тороплюсь.

Витенька. Послушай... ты всерьез хочешь уехать?

Борис (*укладывает вещи*). Кроссовки... майка...

Витенька. Давай перестанем друг друга мучить.

Борис. Куртка... эспандер...

Витенька. Ты можешь отложить хотя бы до завтра?

Борис. Завтра — другое название для сегодня. Нож..

Витенька. Я не хочу, чтоб ты уезжал, слышишь?

Борис. Шерстяные носки...

Витенька. Тебя не интересует, что я хочу сказать?

Борис. Свитер... Ты что, еще здесь?

Витенька (*подходит к двери*). Уже нет! Я хотела сегодня сказать тебе... я люблю тебя! И больше ты меня не увидишь!

Борис. Теперь это все неважно. Ты сама только что сказала. (*Колелется; подходит к ней, пытается обнять.*) Положди...

Витенька (*вырывается*). Ты до меня больше не дотронешься! Никогда! Прощай! И знай, что ты подлец! Подонок!

Борис. Неправда! Почему я подонок?

Витенька. Потому что я беременна. (*С треском уходит.*)

6. Спальня. Отец всклокочен, мать заплакана.

Отец. Хорошо, пусть все будет по-твоему! Я все ему скажу! (*Слушает: часы кукуют.*) Я выкину наконец эту поганую кукушку!

Мать. Не смей! Это память! Их нам подарили на новоселье.

Отец. Избавиться от этой памяти! Ох тошно мне тогда было.

Мать. Еще бы! вы все напились... а я кормила Глебку, он лежал в коляске вот здесь, и я все время бегала меняла ему пеленки. А утром я проснулась: так тихо и светло, занавесок еще не было, и так хорошо, все лучшее только начиналось...

Отец. ...так тошно. Ты еще спала, а я курил у окна...

Мать. Я не спала... следила за тобой сквозь ресницы, мне не хотелось начинать день, хотелось подольше продлить это состояние — предвкушение новой жизни...

Отец. ...курил и смотрел на разрытые новостройки, утро солнечное, яркое, а я все думал: а что же дальше? Дальше что? А? А дальше-то — ничего... трехкомнатная квартира, старший инженер, семья, двое детей... тридцать лет! — а жизнь кончилась! Кончилась. Уже ничего нового не будет, ничего не произойдет, не изменится, круговерть: работа, дом, отпуск, то-се, только дети будут расти, а мы — стареть. Все было впереди, впереди, и вдруг! — хоп! — и все оказалось позади...

Мать. Валя... о чем ты. Мы нормальные средние люди...

Отец. Знаешь, что такое средние люди? Это те, кто проживают свою жизнь только до середины. А дальше — просто существуют. Как мы — до получения этой долгожданной квартиры.

Мать. Мы просто уже немолоды, Валя. Восьму свое время.

Отец. А где же время нашей зрелости?.. Как это вышло, что нашему поколению она была не суждена? Всё были молодыми, молодая наука, молодая литература, и этот ярлык — на всю жизнь. Сорок пять — слинявшие молодые... И ничего мы уже не совершим: ушли лучшие годы, как вода в песок. Всё опекали нас, поучали, поправляли... А крылышки расправить не давали, шалишь...

— Мать. Ты же строитель... ты хотел преобразить город...

Отец. А вместо этого город преобразил меня. Какие мы к черту строители: эти безликие бетонные коробки, вечные недоделки, авралы, простои, комиссии, которым замазывают и заливают глаза, а они сами эти глаза в сторону отводят, потому что надо вводить в эксплуатацию новые метры...

Мать. Ты же строил планы... хотел все это сломать..

Отец. Что хочешь сломать — то тебя и сломает. Не планы надо строить, а дома. Что мы понимали в жизни четверть века назад, восторженные щенки. Время было: первый спутник, Гагарин, целина, Братск, добровольные дружины, небывалые фильмы, бури вокруг книг, борьба со стилистами, бороды и их стрижки как при Петре, дискуссии о физиках и лириках... И вот: бороды, и джинсы, и никаких дискуссий, и тебе десять лет до пенсии...

Мать. Вот молодые и не хотят ошибок отцов — как мы не хотели в свое время. Они умнее нас: знают, что жить надо не так, как мы жили. А как надо — не знают. А мы — знаем?.. Ты — знаешь?

Отец. Кто знает, как надо жить — все равно живет не так. А ты — ты знаешь, как надо?

Мать. Я не знаю, как надо, но точно знаю, как не надо! Так, как я! Вламывать в три лошадиные силы: полторы ставки на работе и полторы дома! Я вторую главу докторской пятый год окончить не могу!

Отец. Мне твоя докторская уже вот где стоит! Да лучше б я на двух работах вкалывал, снег по утрам чистил, дачи кому-то строил, но знал бы, что дома жена за порядком смотрит!

Мать. Ты сам знаешь, что я способнее тебя!

Отец. Черта с два! Девчонки всегда лучше учатся — просто они усидчивее и послушнее, исполнительнее. А дальше — куда ни посмотри: только мужчины двигают все! И не только ученые — лучшие повара, портные, парикмахеры: кто угодно!

Мать. Потому что мы рожаем детей! Кормим! Воспитываем!

Отец. Вы уже и рожать почти бросили! И питание искусственное! И воспитывают ясли, сады, школы и подворотни!

Мать. Проще в академики попасть, чем в эти ясли!

Отец. Что за бич нашего времени: не для того природа создала первосортных женщин, чтобы они стремились стать второсортными мужчинами! Заурядные писаки, заурядные администраторы, деятельницы! И все вопят о равенстве, чтобы пользоваться его преимуществами, но все клянут равенство, не желая нести его груз!

Мать. Ты всю жизнь комплексовал, что я чего-то добилась!

Отец. Дети бегут из семьи, вот чего ты добилась. Чем пыжиться осчастливить человечество, сделай хоть что-нибудь для собственной семьи!

Мать. Ты на себя посмотри! Если бы у мальчика был достойный пример перед глазами, он вырос бы другим человеком!

Отец. Участковым врачом ты хоть какую-то пользу приносила. А теперь? Кому нужно твое изменение нечто под влиянием чего-то при некоторых факторах? Самая вредная разновидность населения — это кандидатствующие дамы. Засели повсюду, раздулись от самомнения — бульдозером не спихнешь; и решают судьбы науки, домохозяйки чертовы! Что непонятно их куриным мозгам — то и неправильно!

Мать. Привыкли хаять врачей. А чуть где кольнуло: ах, помогите, доктор, умираю! Дымит как фабрика, пьет как конь, зад от телевизора не отрывает — требует, чтоб врач сделал его здоровым. Лекарств хочет! А скажи ему, что жить надо иначе — еще жалобу накатит: мол, врач не проявил внимания! А у врача таких сорок за день. И на каждого историю болезни заполни — рука отваливается! А после приема топай по вызовам. Да, сбежала с участка я, сбежала! Но хоть что-то я в жизни сделала. А ты? Пустое место. Школьницу можно в управление посадить ваши бумажки подлисывать. Разве вы инженеры? — помесь чиновника с чертежником!

Отец. Я бы многое сделал... если б не связался с тобой.

Мать. Плохому мужчине всегда женщина мешает.

Отец. Я — плохой мужчина?! А плохой женщине что мешает?!

Мать. Ты вообще не мужчина. Всегда все решения принимала я. Начиная с самой свадьбы. Я устала быть главой семьи.

Отец. Ах, с самой сва-адьбы! Главой! Тогда ты не так пела. Уж так стелилась, так... подлизывалась. Ты прекрасно знаешь: если бы не Борька, только бы ты меня тогда и видела!

Мать. Что-о?

Отец. То! Ах, какая красивая, какая умная, ученая, гордая собой женщина! Ты же самодостаточная система, тебе же никто не нужен! Тебе нужен муж только для постели и престижа!

Мать. И ты смеешь мне после всего, что было...

Отец. Что было? Что было? Телефонные звоночки? Командировочки? Дежурства, на которых тебя не было?

Мать. Забыл, как бегал за мной? Как на коленях стоял?

Отец. Стоял, потому что совесть имел! Да если б не Борька, не я бы стоял, а ты ползала! Что, думаешь, свет мне клином на тебе сошелся? Мне осточертело это все с тобой вместе!! Жизнь псу под хвост! Если б не Борька... Бежать отсюда, бежать!

Мать (*холодно*). Беги. Не держу. (*Пауза.*) Он не твой сын.

7. Кухня. Сантехник, Глеб помогает ему. Раз три на протяжении их разговора хлопает за сценой входная дверь и слышны громкие шаги.

Сантехник. Любишь работать?

Глеб. Зарабатывать люблю, а так — нет. В другой раз сам сделаю. Пусть треха останется в семье. Глядишь — и мне капнет.

Сантехник. Для того и вяжешь? Немужское развлечение.

Глеб. Равенство так равенство. Если женщины могут таскать шпалы — пусть мужчины хоть вяжут. Скучно без дела.

Сантехник. Хуже, когда с делом скучно. Больше года подряд интеллигентный человек ни одной работы вынести не может.

Глеб. А я уже восьмой год школу выношу.

Сантехник. Судьбы наши... Ты крепись. А чего ты хочешь? Денег, тряпок, девочек, веселья? Думаешь, не надоест?

Глеб. А чего еще хотеть? Вы вот — чего хотите?

Сантехник. Я? Что хочу, то и имею. Пустячок. Счастье.

Глеб. Это ненадолго, не волнуйтесь.

Сантехник. Это у глупых и слабых ненадолго. А у умных и сильных — на всю жизнь.

Глеб. Короткая же жизнь у умных и сильных, я чувствую.

Сантехник. А что толку в дюгом несчастье. Когда я работал учителем, я пытался вдолбить лоботрясам вроде тебя...

Глеб. А что вы преподавали?

Сантехник. Историю, географию, английский, литературу, черчение, рисование и физкультуру.

Глеб. Вы математику и пение не перечислили.

Сантехник. Не веришь. Была восьмилетка в одной деревеньке. Учителей нет, двое вообще вчерашние десятиклассники. Ну мне и собрали две ставки всего, что я вообще мог.

Глеб. Я чувствую, вы были там счастливы на две ставки.

Сантехник. Как всегда. Я был счастлив, когда попал туда, год был счастлив, пока преподавал, а потом был счастлив, что удрал оттуда. Умному человеку кругом счастье, понял?

Глеб. А по Грибоедову — умному человеку кругом несчастье.

Сантехник. Скажи, ты себе счастье как представляешь?

Глеб. Я себе такого даже представить не могу. А вы как?

Сантехник. Отвечай, юнга, когда старший спрашивает.

Глеб. Когда старшие заставляют младших отвечать, те все равно думают одно, а отвечают другое. Старшие, кстати, тоже хотят спросить одно, а спрашивают другое.

Сантехник. Хочешь услышать, что я тебе скажу?

Глеб. Откуда человеку знать, хочет он услышать или нет, раньше, чем он услышал это, раз он не знает, что именно услышит.

Сантехник. Счастье — это состояние души; это способность хотеть и умение ходить по путям сердца своего; это соответствие всех условий — истинным душевным потребностям человека. А люди хотят-то душой, а определяют, чего им добиваться, умом. Думают, будто хотят одного, а на самом деле хотят другого.

Глеб. А как узнать, чего ты хочешь на самом деле?

Сантехник. Верь себе. Не насилуй себя. И однажды, в ветреный закат, ты услышишь, как внутри тебя что-то звучит: ощутишь, как внутри тебя распирает не то радуга, не то парус...

Глеб. ...не то забор. Все это лирика.

Сантехник. Повторяю для пустозвонов — шершавым языком плаката. Жизнь человека — это ощущения! Ощущения рождают желания. Желание рождает мысль. Мысль рождает действие. Пример. Ощущаешь голод. Хочешь мяса. Думаешь об охоте. Делаешь дубину и бьешь мамонта, трясясь от страха, а потом от гордости. Ясно?

Глеб. Ясно. Трясусь от гордости. Где обещанное счастье?

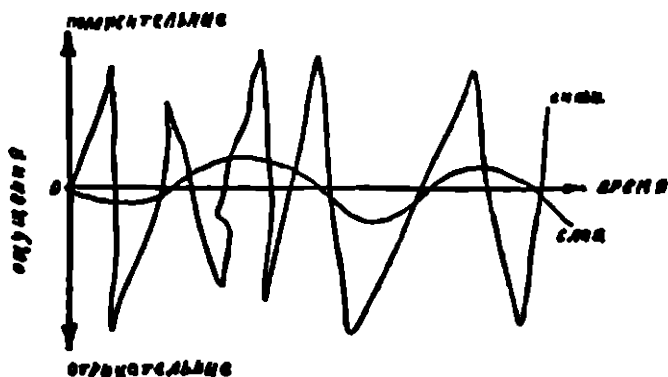
Сантехник. Продолжаю. Люди задыхаются в подводной лодке. Спаслись. И всю жизнь память щемит: счастливы были.

Глеб. Пусть мои классовые враги задыхаются. Принимаю, почему вас из школы выперли.

Сантехник. Чем человек за всю жизнь больше пережил ощущений, тем полнее он прожил жизнь. А счастье — это стремление души жить в полную силу. Смотри (*вынимает мелок и рисует на темной стене*), вот это — ощущение: кверху — положительные, книзу — отрицательные... а это — время жизни. Чем длиннее эта линия, чем шире ее размахи — тем полнее прожита жизнь. Дальше. Сила души и желаний, крепость нервной системы у каждого разная. Одному нужно преодоление опасностей, игра со смертью. Другой мечтает о тихих радостях бухгалтера: зато бухгалтером будет отличным, еще начальником тому, первому, — тот-то со скуки спустя рукава работать будет.

Глеб. Каждому свое.

Сантехник. Именно. Вот чем объясняются все поступки людей. Чтоб душевные силы, или, выражаясь научно, нервная система была напряжена до опти-

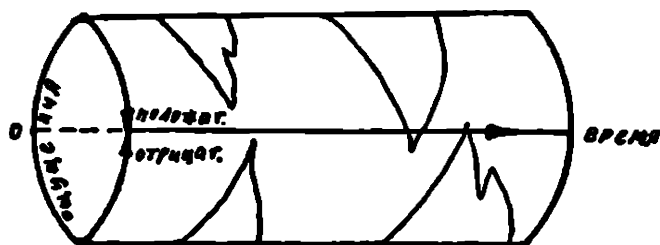

мального предела. Он у каждого свой. (*Чертит размашистые зигзаги.*) Вот — сильная душа. А вот слабая (*чертит пологие зигзаги*) — жизненная энергия мала. Что следует?

Глеб. Что со стенки-то стереть надо будет.

Сантехник. Что человек должен обязательно устраивать себе несчастья на собственную голову. Вот он достиг всего (*чертит вверх*) — а дальше? Ну, имеет это (*короткая горизонтальная линия*), привычка снижает ощущения (*пологая черта до нуля*), — а где жизнь?

интерес? препятствие? новое? и *(резкий штрих вниз)* от счастья стремится к горю: страдать, бороться, ликовать, познать все! И *(резкий штрих до верха)* — опять

взлет! А вообще это не плоскость, а *(изображает руками обруч)* цилиндр. Противоположности сходятся. *(Чертит цилиндр.)* У счастья и страдания, наслаждения и боли — граница общая. Поэтому сильные чувства легко переходят в противоположность: любовь и ненависть живут рядом. Крохотный шаг — и сильное чувство переходит границу, как бы оставаясь тем же по величине, но меняет знак плюс на минус... Поэтому, когда все хорошо, интересный и энергичный человек должен сделать все плохо. Когда ты поймешь это, тебе все станет ясно в человеческих поступках. Это — моя собственная универсальная теория. А прочее — задачки из учебника.

Глеб. Вы сколько за урок берете?

Сантехник. Столько еще не начеканено, был ответ.

Глеб. А вы никогда не были профессором?

Сантехник. Если разменяешься по пустякам, то дорога окажется слишком длинной, средства станут целью, а цели не достигнешь. Когда я получу Нобелевскую премию...

Слышен стеклянный грохот и вопль отца: «Да на кой черт мне это все! И минуты не останусь больше!»

Глеб. Разрешите предложить вам одну задачу, профессор. Здесь сейчас будет маленький хапарай...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Досадная неувязка.

Занавес опущен. В зале еще полный свет.

Голос в динамиках. Раз, два, три. Раз, два, три.
(*В динамиках гудит и посвистывает фон.*) Ну как теперь?

Билетерши закрывают двери в зал.

2-й голос (*раздраженно*). Да все равно фон. Не понимаю.

1-й голос. Раз, два, три. (*Фон уменьшается, снова увеличивается.*) Раз, два, три. Даю настройку: раз, два, три...

Свет в зале начинает медленно гаснуть.

2-й голос. Подожди, это не здесь. Поддержи-ка. Да отключи его пока. (*Свист, громогласный треск, щелчок; голоса.*)

Свет в зале почти погас.

Голос 3-го рабочего. Красивая девочка, да?

Голос 1-го рабочего. Стервы они все, красивые. Запросы сильно большие...

Распорядитель встает из первого ряда и, пригибаясь, быстро выходит в ближайший боковой выход. В зале уже темно, только софиты направлены на занавес. В динамиках звучат, усиливаясь, аккорды гитары и напевание. Песня: вначале тихо, затем набирает страсть (голос 2-го рабочего).

А вот и ты, а вот и ты.

Боюсь опять проснуться.

*Средь быстротечной маяты
руки твоей коснуться.*

*На миг назад, на миг вперед —
обрушится пространство.
Я виноват, я не сберег,
не стою постоянства.*

*Дрожь тихих губ. Где ты была?
Ночное покаянье.
Чья боль и память привела
тебя сюда? Молчанье...*

*И в первый раз — в последний раз —
я встану на колени.
И двадцать лет разлучат нас,
и луч сведет осенний.*

*Касанье рук, твоих волос
серебряные нити.
Вам верен ваш заблудший пес,
примите и казните.*

*Прости, прощай. И скрипнет дверь.
Рассвет лицо осушит.
Забудь потери и не верь,
ты не ушла. Послушай...*

Треск в динамиках, щелчок, тишина. Занавес поднимается.

8. «Ребьячья». Борис, Витенька.

Борис (на коленях). Ты выйдешь за меня замуж?
Витенька. Опять? Хорошо. Я согласна подумать.

Борис (встает). Почему ты не сказала?

Витенька. Откуда знать, как мужчина это воспримет...

Борис. Неужели ты сомневалась?!

Витенька. Ненавижу зависимость... Женщине всегда хочется продлить подольше свою власть над мужчи-

ной. А когда она выходит замуж, эта власть кончается. Хочется быть желанной, недоступной, кружить всем головы, хочется сознавать свободу выбора... а потом все кончается вот так.

Борис. Да когда женщина выходит замуж, это его власть над ней кончается, а ее-то только начинается!

Витенька. На что нормальному человеку власть. Я хочу быть нормальной слабой женщиной.

Борис. Хочешь — будь! Пальцем тебе не дам шевельнуть.

Витенька. Попробуй я только. Жизнь взрослых детей... Жить у родителей, по распорядку родителей, слушаться родителей, одалживать деньги без отдачи у родителей. В наши квартиры, знаешь, и одна семья еле вмещается, а на две они никак не рассчитаны. Све-кровь говорит одно, невестка другое, выходит третье.

Борис. Так едем вместе! Быстро!

Витенька. Куда еще? В этот твой Капкан? Нет — Усть-Кан?

Борис. Вызываем такси, хватаем твой чемодан, и...

Витенька. У меня нет чемодана! Что я там буду делать?

Борис. Жить! Сама. Со мной. Как полагается.

Витенька. Жить. А где? Тебя там квартира ждет?

Борис. Начнем с нуля! Сами. Как положено нормальным людям.

Витенька. А училище? Там же наверняка даже театра нет!

Борис. Будешь играть в Доме культуры.

Витенька. Мне надо учиться! «Дом культуры»!

Борис. Слушай, не гробь нам обоим жизнь. За три года ты провалила в шесть училищ — мало? Ты такая же актриса, как я — курочка ряба. Я тебя люблю, а не актрису, хоть подметалой будь.

Витенька. Я тоже человек. И тоже имею право решать.

Борис. А имеешь право — так пользуйся им быстрее. Решай.

Витенька. Бросать город, где я выросла, где мои друзья... Это же крах всего. У меня ведь тоже своя

жизнь. Свои привычки, и планы, и надежды, и призвание, наконец!

Борис. За призвание замуж не выйдешь.

Витенька. Зачем уезжать, когда все уже по-моему?

Борис. Сама же кричала про самостоятельность! Про то, что хочешь быть неравноправной слабой женщиной!

Витенька. Здесь в театре меня уже знают! И обещают дать на пробу роли! Мне мало быть агрегатом для утешения мужа и семьи, я не хуже и не глупее тебя! И хочу быть чем-то в жизни!

Борис. Смотри. Двум медведям в одной берлоге не жить.

Витенька. Ты хочешь меня сломать... подчинить себе...

Борис. Играть любовь на сцене для тебя важнее, чем любить?

Витенька. Любить... Нельзя же, нельзя бросать человека в беде, если любишь! Все, все вы такие, только бы получить свое, а там выпутывайся сама как знаешь, хоть слохни. У вас ведь грандиозные планы, свои высшие мужские интересы, вы же хозяева жизни, а мы... мы... Почему, за что такая несправедливость природы, что я одна за все расплачиваюсь! Вечно зависит: от родителей, от природы, от мужа... а тебе наплевать!

Борис. Место мужчин — на полшага впереди, место женщины — рядом. Решай. Да — нет. Ответ сейчас.

Витенька. А... ребенок?

Борис. Прилечу на свадьбу. Буду посылать алименты.

Витенька. А... ты не будешь меня обижать?

Борис. Никогда! Ты ж меня потом загрызешь.

Витенька. Боря... а ты не пьешь?

Борис. Ну, знаешь. Мне что, справку от врача принести?

Витенька. Боря... разве на таких, как я, женятся?..

Борис. Глупая... мне всегда нужна была только ты одна.

Витенька. И ты меня никогда не бросишь?

Борис. Никогда! Ни за что! А ты меня?

Витенька. Что бы я... ну... что бы ни было?

Борис. Что бы ни было.

Витенька. Ты клянешься?

Борис. Клянусь!

Витенька. Тогда... женись на мне. Хоть ненадолго...

Борис. Не хочу ненадолго! Хочу навсегда. И что за дурь — думать о разводе будет время после свадьбы.

Витенька (*смотрит в сторону*). Я беременна не от тебя.

9. Те же в других позах: прошло несколько минут.

Витенька. Он не может оставить семью... Он ни в чем не виноват... я сама всего хотела. Я люблю его.

Борис. Ты сошла с ума...

Витенька. Я не виновата, что сошла с ума не по тебе.

Борис. Лучше бы ты ничего не говорила...

Витенька. Делай что хочешь, только чтоб я ничего не знал, да? Лучше быть дрянью один раз, чем обманывать всю жизнь.

Борис. А когда я состарюсь, ты будешь любить меня, да?

Витенька. Наверно тогда мне будут нравиться мальчики.

Борис. А меня когда?!

Витенька. Послушай... Если ты правда любишь меня... Я буду тебе хорошей женой. Верной. Буду все делать. Только помоги мне сейчас. Не уезжай. Тебе будет хорошо со мной.

Борис. Мне уже хорошо... Кто он?! кого ты смогла любить.

Витенька (*тяжело*). Лучше бы тебе этого не знать.

Стук в дверь: входит Глеб, отводит брата в сторону.

Глеб. Ты что, уксусу выпил? Первое. Ты мне должен пятерик.

Борис. За что еще.

Глеб. За две бутылки «Агдама».

Борис *(безжизненно)*. Какого еще «Агдама».

Глеб. Который я пацанам поставил.

Борис. Каким еще пацанам. При чем тут я!!

Глеб. При том, что они начистили тыкву ее прихехешнику.

Борис. Аа! Кто он?! Как он хоть выглядит!

Глеб. Думаю, что сейчас он выглядит подходяще. А кто — не знаю, темно было. Нормальная пожилая плешь. И второе. Отложил бы ты свой во-яж. Подготовил бы постепенно, как люди делают. Учу вас, учу... Там предки из-за тебя разводиться за-теяли.

10. Спальня. Мать, отец: сидят над списком.

Отец *(пишет)*. Часы тебе... пусть теперь кукуют. Книги художественные: Достоевский, подписной — ладно, тебе, раз ты такая умная... Мопассан, подписной — мне. Дюма... гм, пополам.

Мать *(издевается)*. Ведерко помойное не забудь. Тоже вещь.

Отец. Делить лучше сразу, а то потом суды, обиды. Пылесос тебе... холодильник мне...

Мать. Еще бы, где ты будешь водку охлаждать.

Отец. Глеба я беру с собой...

Мать. Чтoб алиментов не платить? Да он еще вас двоих обеспечит! Нет, Глеб останется со мной.

Отец. Кормильца урвать решила? Нет, матушка, пиши свою докторскую, будешь бешеную зарплату получать... а Глеб — мне.

Мать. Вот так проживешь жизнь — и не узнаешь с кем...

Отец. А что ж твой принц на тебе не женился? Не удостоил?

Мать. Да ты ногтя его не стоил!

Отец. Еще бы: орел, наверное, могуч, силен, властен, да?

Мать. Просто — он был настоящий. Никому ничего не был должен; ничего не боялся. Всегда решал сам; и всегда делал то, что хотел. И ничего не обещал. А вы... чего вы только ни обещаете девушкам, какую саморекламу устраиваете! Или наоборот, эдакое мальчишеское пижонство — выставить себя шиничным эгоистом, роковым негодяем. А и то и другое прикрывает совершеннейшую пустоту... Не виноват он в моем самолюбии дурачком. Уехала бы с ним к чертям и была бы счастливой женой...

Отец. Так это я виноват в твоих похождениях: плоховат, да?

Мать. Похождениях? А чем твоя жизнь отличается от моей?

Отец. У мужчин это одно, а у женщины — совсем другое!

Мать. Чем же другое, милый? Дело женщины — сохранять свою семью, а дело мужчины — разрушать чужие, да?

Отец. Дело мужчины — добиваться, дело женщины — отказать!

Мать. Так и динозавры вымерли. Зря я тебе не отказала.

Отец. Зря. Зато теперь я тебе отказал.

Мать. Наконец я смогу на старости лет толком выйти замуж.

Отец. Что?! Это тот твой облезлый кот?!

Мать. Облезлый кот — это ты, милый. А он — седой лев. Настоящий мужчина. По нему и сейчас аспирантки сохнут.

Отец. По карьере они сохнут. Еще бы — профессор!

Мать. Он не просто профессор — он ученый. Личность. И он меня понимает. Я ему как человек близка. Он — не ты.

Отец. Как поймет тебя получше, близкой ты ему быть перестанешь. Да он скопытится не сегодня-завтра. Мода тоже: седина в бороду, бес в ребро. Будешь ему по утрам вставную челюсть подавать.

Мать. Тебе и этого не подадут.

Отец. Мне. Не-ет... я уйду отсюда напрямик в одну тихую улочку, где комнатка на первом этаже затенена кустами под окном, где мурлычет кошка. Потому что ее хозяйке не жалко поцарапанной мебели... где мне всегда счастливы, и ждут, и понимают.

Мать. М-да. *(Качает головой.)* И сколько лет этой кошке?

Отец. Два года. Я принес ее котенком...

Мать. Я про другую кошку.

Отец. Хм. *(Мечтательно.)* Ну, вдвое моложе тебя.

Мать. Значит, тебя тоже. Видимо, твой идеал: четыре класса образования, глухонемая, и образцовая домохозяйка.

Отец. Мне вовсе не надо, чтоб жена перла кошелки из магазина: я их и сам переть могу, если люблю. Но чтобы я знал, что она меня любит, и ценит, и я ей нужен — такой, какой есть, и она видит во мне все лучшее...

Мать. Кому вы нужны — такие, какие есть... Знаешь, почему девушки закрывают глаза, когда целуются? Чтоб вас не видеть.

Отец. Мужчины тоже закрывают. Чтоб видеть свой идеал.

Мать. Современный стиль: жена, любовница и случайные связи. И все личные дела — в рабочее время, да? После этого они еще кого-то винят в плохих домах, которые сами строят.

Отец *(самодовольно)*. Если твой муж — мужчина, то следи...

Мать. Да не мужчина ты! Любишь — так сказал бы сразу и ушел к ней. А так никому из нас жизни не было. Рохла ты! Даже здесь не способен на поступок.

Отец. Я рохла! Я не способен на поступок?!

Мать. Ну, желаю тебе счастья. Какой чемодан ты возьмешь?

Отец. Тебе всегда хотелось от меня избавиться! Так избавишься! *(Рвет список.)* Поступок тебе нужен? Так вот: твоя дубленка! Премия, ха-ха! Я украл эти деньги! Украл!

Мать. Ну какой из тебя вор. Ты даже на это не способен.

Отец. Скоро общество и ты от меня освободятся! Владей всем!

Мать. Да чем тут владеть? У тебя что, бред?

Отец. Загнал партию кровельного железа вдвоем с прорабом и преподнес супруге эту чертову дубленку!

Мать. Какой же это поступок. Ты просто поддался общему течению. Если б ты меня любил — никогда бы в этом не признался.

Отец. Поступок будет, когда посадят! Ревизия уже копает!

Мать. Подкопаешься под вас... Послушай, ты это всерьез?..

Отец. А что такого? Украл — должен сидеть, все нормально.

Мать. Если бы ты меня уважал — никогда бы этого не сделал.

Отец. Так я же ради тебя!!

Стук в дверь: входит Глеб и тащит отца в сторону.

Отец (*отпихиваясь*). Выйди вон... не смей слушать!..

Глеб. Наломал ты, батя, дров. Знаешь, я тебя не осуждаю... но как ты мог!

Отец. Я тебе сейчас эти спицы знаешь куда воткну!

Глеб. Мне стыдно за тебя.

Отец. Не лезь куда не надо! Нечего мне стыдиться, понятно?

Глеб. Понятно. Она красивая девушка. Но должно же быть у тебя чувство ответственности. На месте Борьки я бы тебя...

Отец. Ты о чем?

Глеб. Она тебе не сказала, но ты мог сам догадаться.

Отец. Кто — она? О чем — догадаться?

Глеб. О чем-о чем! Невинное дитя. У нее будет ребенок.

Отец. Что-о? (*Понижая голос.*) У матери?!

Глеб. Этого, знаешь, я не знаю. Это ваше личное дело. Ты не придуривайся. У НЕЕ.

Отец. Да у кого, наконец?!

Глеб. У кого?! У девушки с веслом! У Вики! Витеньки!

Отец. Охх. (*Берется за лоб.*) Этого следовало ожидать...

Глеб. Ах, следовало?! Знаешь... другого я бы в таком положении назвал негодяем!

Отец. И правильно! Он и есть негодяй!

Глеб. Еще бы. Встал тебе поперек дороги. Нну ты фрукт! Ты хоть соображаешь? он же на ней чуть не женился!

Отец. Я ему женюсь! А она... з-замуж! ну не-ет! Ничего, все это к лучшему! Я сейчас им устрою! (*Быстро выходит.*)

Глеб. Совсем из ума выжило это старшее поколение. Черт-те что творится, а им еще кажется, что все к лучшему.

11. Большая комната. Витенька.

Из спальни выскакивает отец.

Витенька (*быстро*). У меня Муська пропала. Я прямо сама не своя. Помнишь, каким пушистым котенком, ты ее принес...

Отец. Послушайте... вы...

Витенька. «Вы»? Первый и последний раз ты назвал меня на вы два года назад... Да, я здесь. Ты решил меня предать?

Отец. Да что ж это за...

Витенька. Конечно: приятней убежать от забот в тенистую улочку... где в каморке кусты за окном, и ждет безропотная подруга. Я устала ждать тебя с этим ворованным счастьем...

Дверь спальни открывается: мать.

Мать. Так вот для кого ты стал воровать... жулье! А ты, девочка, видишь, с каким ничтожеством связалась? Он же юлит даже сейчас... размазня!

Витенька. Ты боишься, что я подам на алименты?
Мать. Ах, алименты?! Ну нет. На, получи его целиком! *(Подталкивает отца к Витеньке. Уходит обрательно, грохнув дверь.)*

Отец *(оседает на диван)*. Ох. Ох. Ты не объяснишь мне...

Витенька *(присаживается рядом, шепчет ему на ухо)*. ...не сердись. Так тошно было...

Отец. Уфф. М-мм. Почему ты не сказала мне сразу?

Витенька *(легко)*. Не хотела разрушать твою семью.

Отец. А. Спасибо. А теперь все так, как мы говорили... *(Пауза. Каким-то новым голосом.)* Эх, староват я для тебя.

Витенька. Гулять — так не староват, а жениться — староват? Хорошая логика. Когда мужчина — настоящий мужчина, возраст значения не имеет. Я пойду за тебя с закрытыми глазами.

Отец. Открывать глаза надо до замужества, а не после. Мне сорок пять лет!

Витенька. А говорил — тридцать восемь.

Отец. Двадцать пять лет разницы... — страшная вещь.

Витенька. Все равно самая страшная вещь — прожить жизнь врозь с тем, кого любишь.

Отец. Через десять лет мне будет пятьдесят пять, а тебе тридцать. И ты встретишь молодого и красивого. И — конец.

Витенька. А если не встречу? Мало ли что может случиться в будущем — так поэтому обречь себя на горе в настоящем? Или вы все полагаете, что любовница и жена — совершенно разные вещи, и кто годится быть одной — не подходит в другие?

Отец. Эти браки, где мужчина вдвое старше... Женувшись, он вдруг молодеет, его прямо не узнают, а узнав, поздравляют. Он парит на крыльях любви... старый петух в крашенных перьях. Проходит пара лет — и боже мой, он старик, еле тянет ноги... клиент готов. А кругом посмеиваются. И когда молодая жена на-

ставляет ему рога, симпатия на ее стороне: поделом старому козлу.

Витенька. Ты сам говорил, что одна я тебя понимаю!

Отец. Женщина понимает мужчину так: глядит ему в рот и восхищенно поддакивает. И он в восторге. А за двадцать лет это надоедает. Этот монотонный многогамный брак: две стареющие лошади в одной упряжке... и обе тоскуют по юности и счастью. И встречается девочка, и изводит жажда быть свободным, счастливым, не верить времени и вернуть молодость, и переставешь владеть собой, потому что и не хочешь владеть...

Витенька. Я хочу хотеть того, что хочешь ты. Слышишь?

Отец. Всю жизнь я мечтал это услышать. И вот, когда встретил... но как нам здесь, в этом городе, где все всех знают!

Витенька. Плевать на этот город. Давай уедем!

Отец. Куда? Как? Поздновато мне...

Витенька. До среднестатистического возраста ты вполне успеешь поставить детей на ноги. А я... буду уже старенькой... буду нянчить внуков...

Отец. И почему девушек тянет к немолодым мужчинам...

Витенька. Это немолодых мужчин тянет к девушкам. Правда, молодых тоже. А на самом деле... с тобой интересно, ты умнее, ты личность, понимаешь? С тобой я тоже сразу становлюсь взрослой и значительной: не девчонкой, а дамой, женщиной, полноправной в этой жизни. И становлюсь ею не под пенсию, а еще молодой, красивой. С тобой я защищена, ты крепко стоишь в жизни, с тобой ничего не может случиться.

Отец. Меня скоро посадят.

Витенька. А? Тьфу. Предупреждать же надо. Надолго?

Отец. Прокуроры — люди не мелочные. Торопливость не любят.

Витенька. Ничего. Бывает. Отсидишь и вернешься ко мне. Я тебя пропишу. Я уже привыкла ждать... Но

ловко: все всё расхлебывай, а сам — дышать в сосновые леса! Так неохота жениться?

Отец. Когда я женился, до боли не хотел походить на большинство мужей: подкожные рубрики на то-се и при случае изменять жене. Но мало кому выпадает удача всю жизнь любить свою жену.

Витенька. Ну, от жены это тоже зависит.

Отец. Кого мне всегда было жалко при разводах — так это детей. Так часто у них после этого жизнь скособочивается.

Витенька. А нас при не-разводах тебе не жалко! Вранье, одиночество, бесконечные часы до вечера четверга, когда ты приходил... Вздрагивать от телефонных звонков, не показывать слез, — а все всё знают. Меня дразнили тобой, а я была счастлива этим. Какая казнь — любить женатого мужчину... делить его с другой. Сходить с ума: ложусь спать и думаю: он сейчас с ней. Ты со мной, а во мне ужас: сейчас уйдешь к ней. Я бы убила ее!

С треском распахивается дверь спальни: мать.

Мать. Ну хватит! Ахх ты... Мало ей — убить меня еще!

Витенька *(невинно)*. Да, а что? Это так естественно.

Отец. Ты подслушивала! Ладно... Теперь ты все знаешь.

Мать. Зато ты еще знаешь не все! По-до-жди-ка там минутку *(заталкивает отца в дверь спальни и закрывает ее)*.

Отец *(из-за двери)*. Прекрати немедленно! *(Дергает дверь.)*

Мать *(сует в ручку двери ножку стула)*. Нам надо кое о чем поговорить... по-женски!

Витенька. Что вы делаете!

Мать *(утирает пот)*. Ничего... через двадцать лет и ты научишься. Ну что? Сверстников тебе мало?

Витенька *(холодно)*. Мало.

Мать. Так меня ненавидела, что решила породниться?

Витенька. Да. Стать ближе к предмету своей ненависти.

Мать. Ты понимаешь, что ты ему не пара?

Витенька. Последний довод ревности. Я любому пара.

Мать. Замуж? Не-ет. В клинику я тебя отправлю, а не замуж!

Витенька. Если раньше сами в психушку не попадете.

Мать. И ты уверена, что ребенок от него?

Витенька. Право проигравшей — оскорблять.

Мать. Он через месяц вернется ко мне!

Витенька. Так что вы волнуетесь? Считайте это отпуском.

Мать. Ты сама его через год бросишь!

Витенька. Подберут. Мужчины нынче — дефицит.

Мать. Ты... ты наглая распутная девчонка!

Витенька (*взрывается*). Какая я девчонка! В двадцать лет светские дамы блистали в салонах! Расцвет женской красоты — с пятнадцати до двадцати! А тут сначала шестнадцатилетних девушек ограждают средневековыми запретами, а потом тридцатилетних женщин лечат от холодности и неврозоз! Ах, как нравственна эта мораль! как мудра эта хромая медицина! Природу решили подправить: выдать придуманное за действительное!

Мать. Природу? Ну так рожайте, а не бегайте на аборты!

Витенька. Да? А вы на них никогда не бегали? А? А дальше что — позор? Камень на шее — кто на тебе с нагрузкой женится? Растить безотцовщину? А жить как? — очень на работе любят мать-одиночку, которая только и сидит с больным ребенком!

Мать. Умей отвечать за свои поступки. Вот вырасти его...

Витенька. За что отвечать — что я нормальный человек? «Вырасти»! Где, как, на что, — вы с луны свалились? Где жилье, необходимые вещи, как одеваться — ведь именно в молодости денег нужно боль-

ше! потому что всего хочется, а ничего нет, надо всем обзаводиться, вставать на ноги! Дайте мне ссуду на двадцать лет — я ведь верну! Дайте кооператив в кредит — я ведь отработаю! Одни разговорчики о высоких моральях; а жизнь есть жизнь! Я бы вышла замуж в семнадцать лет, мы любили друг друга, а ему было тоже семнадцать, и мы были никто, и родители отправили его в институт в Москву, и запудрили мозги, и женили на прописке, и конец. Ведь два года в молодости — как двадцать в старости.

Дверь спальни дергается, стул падает: отец.

Отец. Я давно хотел тебе сказать...

Мать. Я сама скажу. Все кончено, Валя. Не прощу никогда.

Отец. Все давно кончено, Валя! Я сам тебе не прощу. Ты одна видела меня плохим. Только с тобой я чувствовал, как во мне из каких-то черных глубин поднимается все самое гадкое! о чем и сам не знал.

Мать. Просто одна я знаю тебя по-настоящему. И еще — не могла не сравнивать тебя с тем, другим. А сравнения ты — тц! — не выдержал. Он бросил меня, переступил как через вещь, и все равно я его любила. И знай: в любой миг, если б он вернулся — я ушла бы к нему.

В дверях прихожей стоит сантехник.

Сантехник. Ну, вот он и вернулся.

Мать (*резко оборачивается*). Что?!

Сантехник (*подходит, берет ее за плечи*). Здравствуй, Валя...

Мать (*в полном ошеламлении*). Как это...

Сантехник (*быстр, уверен, печален*). Я немного изменился, да? Состарился... Хоть голос — тот же? (*Что-то шепчет.*)

Мать (*слабо*). Зачем...

Витенька. Вот это да...

Отец (*саркастически хохочет*). Сантехник! Bravo, сантехник! Хозяин жизни! наших клозетов и жен! Ты заслужил свой рубль. (*Кричит.*) Я дам тебе сто рублей, только убирайтесь сейчас оба!

Сантехник. Допрыгался, «хозяин»? А сантехник я такой же, как ты — фальшивомонетчик.

Мать (*явно теряет чувство реальности*). Откуда...

Сантехник (*перебивает*). С Чукотки. Я здесь уже полгода. И не знал... а тут... подожди... (*Уводит ее в кухню.*)

Открывается дверь «ребячий»: стоит Борис.

Борис (*без сил*). А чтоб вас всех перевернуло и стукнуло.

12. Кухня. Мать, сантехник.

Мать. Почему ты ушел тогда? Посчитал, что нельзя жениться на первой любви? «Брак по любви — веселые ночи да черные дни»?

Сантехник. А! Прав умный человек: «Браки по расчету у нас отсутствуют. Что ты ей можешь дать? Чем твоё богатство от её отличается?»

Мать. Э... Женятся на дочках ректоров и директоров универмагов, на дачах и машинах. На скромных девственницах и престижной внешности, на квартирах и прописках...

Сантехник. Я женат на лучшей из жен — на свободе. Что бы ты ни получил в браке по расчету — получаешь только раз: деньги кончатся, дача сгорит, машина разобьется — а мымра под боком останется. С хорошей женой сам все наживешь...

Мать. Разве я не была бы тебе хорошей женой?..

Сантехник. Я учился тогда в седьмом классе. И ты снилась мне каждую ночь. Весной отец взял меня на охоту. Утром я проснулся в палатке: ветер сдувал туман с озера, камыш белый от росы, вдали кричат

утки... и я понял, что отдам все в жизни за то, чтобы вот так встречать рассветы в незнакомых местах, вдыхать незнакомые запахи, бродить по свету, обретать и бросать снова. Это было как предчувствие судьбы — и самого себя.

Мать. А если я мечтала о том же? И пошла бы за тобой?

Сантехник. Если б ты могла пойти — то не жила бы сейчас здесь. Ты не могла... ты была другая. Такую я и любил.

Мать. Ты думал только о себе. А меня сделал несчастной.

Сантехник. Нет. Всю судьбу человек с юности несет в своем характере. Как в глубине души он хотел прожить жизнь — так она и складывается. Человек всегда свободен — и в выборе, и в чувствах. Натура продиктовала тебе твою судьбу, а мне — мою.

Мать. Женщина уходит первая, если она поняла, что скоро все кончится. Уходит, пока еще все хорошо, чтоб ничем не омрачать, не зачеркивать то светлое, что было. Но почему уходит в никуда мужчина, когда все хорошо и в его власти?

Сантехник. Однажды я сидел у тебя вечером зимой: музыка, свеча, уют... и подумал о тех, кто сейчас в тайге, в тундре, варит в снегу чифир, трет шетину на обмороженной роже, считает часы до рассвета, и дни до весны, и километры до жилья, — и тошно стало, что жизнь моя проходит впустую. Настоящего захотелось, крутого, борьбы, горечи; и я понял, что это сильнее моего желания: это моя натура, для такой жизни я создан, и не будет мне счастья и покоя, если проживу иначе, — одна тоска...

Мать. А без меня не тосковал?

Сантехник. Еще как. Судьба мне, значит, тосковать.

Мать. Ты нашел лучшую, чем я?

Сантехник. Лучше первой любви никто не приходил.

Мать. А... твой сын?

Сантехник. Гм. Эх. Я был бы плохим отцом...

Мать. Славное оправдание, чтоб вообще им не быть.

Сантехник. Видишь — он выбирает мою дорогу.

Мать. Послушай. А у тебя было много женщин?

Сантехник. А сколько полагается? Много — это сколько?

Мать. Скажи честно — ты счастлив?

Сантехник. Да. Я ходил путями сердца своего.

Мать. Я проклинала тебя. За твою власть надо мной, за то, что любила — а ты ушел. За боль, от которой не могла избавиться. И замужество не помогло... Он был хороший человек, это я его искалечила. Поначалу мне иногда казалось, что я его люблю...

Сантехник. Так, как меня? Ты хоть долго ждала меня?

Мать. У девушек время идет так быстро. И когда созрела потребность любить — она властвует и лепит твою жизнь как ей угодно. Сначала я мучилась, как предательница. Потом... мы привязчивы, как кошки, покупаемся на доброе отношение. А ты — ты помнил меня?

Сантехник. Всегда. На всех краях земли. Никто бы не поверил: я иногда плакал...

Мать (*пауза*). Неужели нам нечего друг другу сказать...

Сантехник. Нет. Жизнь все сказала. В двух случаях нечего говорить: когда не виделись совсем недолго, и ничего не изменилось, — и когда не виделись так долго, что изменилось все.

Мать. Мне жаль мужа... хоть он и подлец.

Сантехник. Муж подлец, когда жена его не любит.

Мать. Подлецов любят больше. Чаше. Почему?..

Сантехник. Потому что подлец причиняет наибольшую боль, и лишь он волен от нее избавиться. Наибольшие переживания. Не любя, он ведет себя именно так, как нужно, чтоб добиться любви. И женщина напрягает все силы души, любя его.

Входит отец.

Отец. Хорошо быть подлецом! Хоть бы двери закрыли.

Сантехник. Где знают двое — там знает и свинья.

Отец. Вот уж поистине: люди просто садятся пить чай, а в это время складываются их судьбы и разбивается их счастье.

Мать. Если нет счастья — то нечему и разбиваться.

Сантехник. А если это счастье — то его не разобьешь.

Отец. Неслабо вы спелись, я гляжу. Вышел бы ты на минутку.

Сантехник. Жизни не хватило объясниться? (*Выходит.*)

Отец. Нам надо спокойно поговорить.

Мать. Как просто и обыденно все кончается, да?

Отец. Ты не можешь в один миг зачеркнуть...

Мать (*перебивает*). Могу. Мне было пятнадцать лет: с нами жила бабушка, а ее единственная сестра жила в другом городе. Они всё писали друг другу, мечтали увидеться... да болезни, хлопоты... А потом бабушка умерла. И сестра прилетела на самолете на следующий день. Вот тогда я поняла, как просто делается все на свете: берется — и делается.

Отец. Подожди! Ты не можешь прямо сейчас...

Мать. Могу. На первом курсе у меня был обморок в анатомичке. А потом мы там завтракали. А на практике мне было в первый раз страшно, когда умирал человек. Старик, третий инфаркт: он лежал в боксе на капельницах, под люстрой, пульс нитевидный, зрачки на свет уже не реагируют; а в ординаторской пьют чай — все средства исчерпаны, погибающий больной, практически без сознания. Вошла сестричка и сказала, что он умер. Так просто, будто укол сделать. Все вздохнули; доктор написал посмертный эпикриз, а наши мальчишки переложили его со стола на каталку и отвезли в морг. Потом помыли руки, и все дальше пили чай. И всё.

Отец. Неужели ты хочешь...

Мать. Хочу. А сейчас я хочу чаю. Без мужских истерик.

13. *Большая комната. За столом все, кроме Бориса, — его место пусто. Общая напряженность — вполне понятная.*

Отец. Ну; чай так чай (*достает из бара коньяк*).

Сантехник. Чай — это хорошо (*приносит из кухни водку*).

Мать. Да, мне один больной подарил. (*Приносит из спальни шампанское. Глебу.*) Позови Борю... он ничего не ел.

Глеб. Пример старших — закон (*приносит из «ребячьей» вино*).

Витенька (*оживленно*). Я еще никогда в жизни не была на таком оригинальном празднике.

Мать (*устало, по обязанности*). Глеб, что это? Ты пьешь?

Глеб. Не пьет телеграфный столб — у него чашечки книзу.

Отец (*фальшиво*). Дал бы я тебе по шее...

Глеб. Тебя хлебом не корми — дай поднять руку на младшего.

Витенька (*Глебу, на вино*). Как ты пьешь эту отраву?

Глеб. Никак. Это гонорар пацанам, опекать твоих хахалей: синяк — стакан.

Витенька. Так это твои шпанюки! нашего бедного режи...

Глеб (*быстро*). Без намеков. Братские узы для меня святы.

Сантехник (*живо*). Хорошо бы к чаю чего-нибудь.

Мать (*отцу*). Дай рюмки, герой-любownik. (*Идет на кухню.*)

Отец (*ставя рюмки*). Не серебряная, не брильянтовая, а... какая-то термоядерная свадьба.

Витенька (*сантехнику*). Мне коньяку, пожалуйста.

Отец (*удерживая его*). Только каплю шампанского. Ты что!

Глеб. Боб! Гвардию — в огонь! Иди сюда. Смотри судьбе в глаза, ты мужчина! И мой старший брат. Тресни на ход ноги!

*Входит мать с закуской, и одновременно из ре-
бячьей — Борис, с чемоданом и многострадальным бу-
кетом: чемодан ставит у двери, а букет с маху втыкает
в вазу на столе.*

Борис. Итак, я вас поздравляю.

Мать. Боря, послушай минутку... *(ведет его в сто-
року).*

Отец *(вскакивает)*. Не слушай! Потом, потом...
(оптесняет мать и тянет Бориса в другую сторону).
Послушай минутку...

Борис. Папа, ты мне не отец.

Отец *(убит)*. Откуда ты знаешь?..

Борис. Она сама все сказала.

Отец *(матери)*. Что ты ему сказала?

Мать *(отцу)*. Не смей ему ничего говорить!

Сантехник *(встает)*. Брек, брек. Все по ме-
стам.

Отец *(тыча в него пальцем, Борису)*. Вот он, вот
он! Все равно это не он, а я!

Борис *(с испугам)*. Это он, а не ты. Ты что?

Мать. Он себя плохо чувствует: голова. *(Тихо.)*
Я не могу.

Сантехник *(матери)*. Держись, иначе я все бро-
шу. *(Отпивает ее.)* Сейчас мы уйдем втроем... все
хорошо...

Борис. Вы? Втроем?.. С кем?

Глеб. Спокуха, Боб. Верь мне: я тебя не брошу.

Мать *(слабо)*. Сейчас я соберусь... *(Выпивает
рюмку.)*

Отец. Куда?! — ты на ногах не держишься!

Сантехник. Не бери с собой ничего — прямо
как есть.

Мать. Как хотелось мне каждый раз на вокзале
взять билет, сесть в поезд, и — куда глаза глядят.
Только сразу, не раздумывая! иначе ничего не выйдет.
И начнется другая, новая жизнь.

Отец *(садится, пьет, собирает все самообладание)*.
Знал я такую историю. Вот так два романтика трах-бах,
взяли билеты, сели-поехали. А дальше? Вечно снимать

комнату или гостиницу, где нет мест? Нужно жилье, работа, прописка, — справки, заявления, жилконтора, военкомат, — кати обратно оформлять дела и радуйся, если не влепят статью за прогул. А деньги кончаются, денег меньше — проблем больше, и — лопнула романтическая затея: быт — он подомнет.

Сантехник. Романтике нужен реалистический фундамент. Тогда не подомнет. Трудности надо учитывать, а не бояться их. А то: все помрем, а боимся всю жизнь — ерунды, мелочей.

Глеб (*предлагает ему цилиндрическую банку*). Хотите конфет?

Сантехник. Счастье любит храбрых. (*Открывает банку-«сюрприз»: с треском вылетает полутораметровая змея — пружина в раскрашенном чехле.*) Аа!! (*Отшатываясь, падает со стулом.*)

Витенька. Айй!!

Сантехник (*с достоинством встает под злой хохот отца и смехи*). Если человек нервный, еще не значит, что он трус.

Отец. Герой (*Витеньке.*) Поехали на Дальний Восток, а!

Витенька. Обязательно! Вот ты отсидишь, выйдешь...

Глеб. Простите?

Отец. Она имела в виду «отлежишь». Надо бы лечь на обследование: здоровье что-то. Ничего страшного, не думай, не заразно.

Мать. Подлечись, подлечись. Это бывает заразно, эпидемия.

Витенька. А потом ты построишь Дворец культуры, а я... я буду играть в нем Офелию.

Глеб. Удалилась бы ты, о нимфа, в монастырь, вот бы кайф.

Отец. Я еще буду строить! А не просиживать в кабинете штаны за зарплату. Еще двадцать лет я смогу счастливо работать!

Сантехник. И мне снова надоел этот город. (*Матери.*) Я встретил тебя. И не хочу повторить ту же ошибку, что двадцать лет назад. Уедем вместе.

Мать. Катись моя наука... Врачу везде есть работа. Где-то болеют люди и ждут меня. Там я нужнее. А здесь — охотники на мое место только и ждут.

Глеб. Пап, не купишь на радостях новость? Всего рубль.

Отец *(дает рубль)*. Держи! А то дороже обойдется, ты прав.

Глеб. Вы все пока не выписывайтесь. Во-первых, все равно придется размениваться, во-вторых, меня одного могут уплотнить. Хату сохранить надо. Так я пока поживу здесь с семьей.

Мать. С какой семьей?

Глеб. Со своей. Как у всех. С женой и ребенком.

Отец. С каким ребенком?!

Глеб. С твоим внуком. У меня есть девушка...

Сантехник. Девушка с ребенком. Гм. Дело житейское...

Отец *(обалдело)*. За свой рубль — я же и девушка.

Мать. Каким образом?!

Глеб. Вопрос, достойный кандидата медицинских наук. Я не виноват, что старшие объявляют взрослых детьми, а потом изумляются, что дети все-таки взрослые.

Мать. Сколько лет этой... твоей...

Глеб. Только без характеристик! Она куда старше Джульетты. И даже меня. Сейчас модно, когда жена старше. Уж если жена глава семьи, то лучше когда муж помоложе и поглупее. Но речь не о том: ее необходимо сюда прописать, чтоб хата не ухнула.

Отец. Кто вас поженит?!

Глеб. С регистрацией повременим. Раз считается, что до восемнадцати допустимы только свободные связи, а уж потом выдается, так сказать, право на нравственность. Хотя ранние браки полезны. Дети рождаются полноценные, а малая разница в возрасте между ними и родителями обеспечивает дружбу. Я буду своему сыну старшим другом и НИКОГДА не стану давать ему по шее.

Сантехник. Все-таки в этом что-то безнравственное.

Глеб. От вас — не ожидал. Нравственнее создавать собственную семью, чем разрушать чужие.

Витенька (*бьет в ладоши*). Молодец! Жаль ты не старше.

Глеб (*холодно*). Это не препятствие.

Сантехник. Валя, нам пора. Не тяни. Все дела — завтра.

Мать. Я только возьму сумку. (*Уходит в спальню.*)

Глеб (*сантехнику*). Смотрите, профессор.

Витенька (*отцу*). И нам пора. Договорим по дороге.

Мать (*выходит с сумочкой*). Боря, или сюда на минутку...

Отец (*отводит ее в сторону*). Уходишь? Иди! Я рад!

Мать (*тихо*). Скажи, твои бесконечные вечерние совещания — это все неправда? Хоть сейчас сознайся...

Отец. И сознаюсь! Да, неправда!

Мать (*еле слышно*). А украл... ради меня или ради нее?.. Я тебя знаю... Это она, наверное, придумала... подтолкнула тебя.

Отец. Я ее подтолкнул! Вместе с ней придумали, вместе!

Мать. Вот пусть она тебе передачи и носит. (*Пауза. Взрывается.*) А когда тебе надоест ломать цирк! с этой фрэй!..

Отец (*уничтожен. Тихо*). Так ты все поняла...

Мать. Я давно все поняла!

Витенька (*прислушивалась к ним*). Не выдержал, слабак! Эхх! (*Машет рукой и ею же дает пощечину Борису.*) А это тебе!

Глеб (*Борису*). Хочешь, я ей вмажу?

Витенька (*Борису*). И ты посмел всему поверить!

Отец. Боря, это все ее самодеятельность!

Витенька. Ах, моя?! А кто меня втянул в эту авантюру?

Отец. Откуда я знал, кто ты такая? Плачет девочка на лестнице, сигарету просит. Мне и пришел в голову план. А ты...

Витенька. Конечно: сыграть такой экзерсис! Я увлеклась. И тут ты меня тащишь в ту же квартиру. Во, думаю, номер!

Отец (*Борису*). Знакомить надо родителей со своей невестой!

Мать. Кто? Что? Я не желаю ваших скандалов, своих хватает!

Витенька. Это ваши скандалы! И получите обоих ваших оболтусов (*тычет пальцем*) — старшего и младшего.

Мать. Ну уж теперь нет. Старшего можешь взять себе.

Витенька. Этого я знаю ровно час, а другого вообще больше знать не хочу!

Отец. Зачем ты наплела Борьке про ребенка!

Витенька. Очень весело куковать в пустой комнате, пока вы там воюете. Я пока решила его проверить.

Сантехник. Вы нас обманули! (*Глебу*.) Лопух. Паникер.

Глеб (*свистит*). Виктория, не знал. Получите рубль. (*Дает*.)

Сантехник. Фи, даме. (*Перехватывает рубль и прячет*.)

Мать. Я все поняла. А сейчас опять ничего не понимаю!

Отец. У тебя не ум, а стальной капкан. Пошутили мы, ясно?

Мать. Пошутили? Ко всему вдобавок играете на моих нервах!

Глеб. Чудовишный музыкальный инструмент.

Мать (*тащит сантехника к выходу*). Идем отсюда!

Глеб. Профессор! Отбой. На место.

Сантехник (*матери*). Я же обещал, что все устроится.

Мать (*в бешенстве*). Издеваться надо мной решились?! Идем!!

Сантехник. Да куда?! К моей Клаве, что ли! Может, сразу в травматологию?

Отец (*подходит к сантехнику*). Если будешь ей хамить...

Глеб (*отцу*). Не бей его! Это я попросил, чтобы помирить.

Витенька. Ой... они такая же пара, как мы! (*Хочет.*)

Борис (*выходит из оцепенения, в которое ввела его пощечина*). Кто мне объяснит, что здесь происходит!

Глеб. Я. Профессор, разъясните всем ситуацию.

Сантехник. Плииз. Юноша слушал все под дверьми...

Глеб. В этих квартирах какая-то полуслышимость: что не надо, слышно, что надо, не слышно...

Сантехник. ...и переживал. Решил, что вы разводитесь. (*Отводит отца и мать в сторону: они подчиняются в непонимании.*) Он, проникшись ко мне доверием, излагает информацию и просит помочь: как сохранить семью? Пустяк: вызовем в муже ревность и страх потерять жену — он живо за нее уцепится. Вы тоже (*ведет Бориса и Витеньку в другую сторону*) поворковали. Девочка выскочила на лестницу (*переводит Витеньку к выходу*), и вы вскоре тоже (*переводит отца к ней*). Я решаю надуть мужа, а вы, оказывается, на лестнице знакомитесь и решаете надуть жену! Возвращаетесь (*ведет отца и Витеньку к столу*): из кухни нам слышно. Вы (*переводит отца к матери*) идете вызвать в ней ревность и унижить в борьбе самолюбий. А вы (*переводит Витеньку к Борису*), скучая в ожидании, пока вас торжествующе представят жене, самостоятельно развиваете роль — в ту же квартиру вернулись! — и отлучаетесь помучить избранника дальше. Затем большой бенц, и в идеально выбранный момент появляюсь я — благо мы с ней (*кивает на мать*) не виделись. Главное было не дать ей раскрыть рот и утащить на кухню, где быстро внушить успех моего плана. Заговор — шепотом, разговор на публику — погромче; (*отцу*) а вы тоже, да? Ну, так? (*Выпивает; пока обе пары тихо объясняются, снимает гитару, поет.*)

*Игра без правил, а забег по кругу:
ты срежешь угол, дашь подножку другу,
всех расталкав, за хвост рванешь удачу —
и прибежишь туда, откуда начал...*

*Играем в жизнь, и каждый сам судья.
Без права на реванш ценнее время.
Прет лидер, стонут сзади; но ничья
в итоге! — уравниет всех со всеми.*

Витенька (*Борису*). Сам начал издеваться с отъездом.

Борис. Но ТАКИМИ уж вещами не шутят... садистка.

Витенька. Пф, поверил. Какие дети: у меня призвание.

Отец (*матери*). От твоих фантазий чуть инфаркт не хватил.

Мать. Лучше скажи: ладно, не крал, но где взял деньги?

Отец. Где, где. Одолжил у своих родителей. Сняли с книжки.

Глеб. Профессор — крупнейший в мире специалист по счастью.

Борис. Я бы такого специалиста на цепи от бачка повесил.

Отец (*сантехнику*). Но как вы посмели так вмешиваться!

Сантехник. Задели вы меня тогда в кухне. Мните о себе много. А тут такой случай проучить. Для вашей же пользы.

Витенька (*матери*). Так я не испортила вашего супруга?

Мать (*презрительно*). Комедиантка. Кривляка. Актриса.

Витенька (*уязвлена в самое сердце*). Да! Актриса! Актриса! А что вы в этом понимаете! Да, я играла! А знаете, почему вы все так хорошо мне подыгрывали? Да потому что в душе вам хочется, чтобы все это было правдой! Но вы не смеете, вы трусите!

И пусть я никогда не ступлю на большую сцену, и не будет афиш, — я все равно актриса! Вы не знаете, что это такое! — раниться чужими судьбами; вы и на свою-то плюнули.

Да, мне мало той жизни, что есть: я хочу прожить все жизни, увидеть все страны, вкусить все времена. Но вам — вам ведь тоже мало этой жизни! — иначе зачем вы ходите в театр? Вы заряжаетесь током костра, в котором актриса сжигает себя — под ваши снисходительные аплодисменты.

Да, я играла! И вы увидели, кто вы такие на самом деле. А знаете, в чем разница между нами? Я играю правду, а вы живете ложь. Мои роли — сто жизней, а ваша жизнь — одна игра, и та сыграна бездарно, иначе б вы не были тем, что вы есть. Не сдирайте маску с актера — это живая плоть его лица! а ваше лицо — это маска, надетая в угоду другим! В актере — вся боль мира, а у вас не болит ничего, кроме кармана и обломанных о жизнь зубов!

Актер — царски дарит вам напрокат свою душу. Он — нищий владыка, пролетарий из пролетариев, не имеющий ничего, кроме — самого себя: тело, душа, и — талант: он — Король Лир! Эдип! Фауст! А у вас есть все! — кроме души, которой вы по мелочам расплатились за ваши роли — заурядных полуудачников и завистливых карьеристов.

В моей игре — ни одной фальшивой ноты, а вы — вы фальшивите всю вашу жизнь. Я презираю вас!..

Сантехник (*обижен*). Мы играли не хуже вас. Когда я был актером, публика плакала...

Отец (*Витеньке*). А ведь я не фальшивил. Я сейчас вправду уйду с тобой. (*Надевает пиджак.*)

Витенька (*тихо*). Спасибо. Значит, я хорошо играла... Был миг, когда и я бы с тобой ушла. (*Машет рукой.*) Общий привет. Вечер был чудесный. (*Борису.*) Пока. Завтра позвоню. (*Уходит.*)

Борис. Не звони. Подожди! (*Быстро уходит за ней.*)

Мать (*сантехнику*). А жаль, что у тебя такая Клава, а у нее — такая тяжелая рука.

Сантехник. А уж мне-то... Теперь поняли, почему рубль за вызов? И вот так — чуть не в каждой квартире. А я к вам уже привык...

Отец (*поспешно*). Спасибо, спасибо, в следующий раз мы сами.

Сантехник. А люди вызывают, ждут. Остальных обслужу завтра. Ну, мир вашему дому! (*Пьет.*) Вредная работа. Вы уж будьте бережны... с канализацией и водопроводом. Салют. (*Уходит.*)

Глеб (*вслед*). А раковина, профессор? Хм. Так и не починил.

Отец (*Глебу*). Итак, квартира занята. Изволь пояснить...

Глеб (*перебивает*). Не будешь больше обманывать. Я бы еще не то придумал, чтоб ты вспомнил о долге перед детьми и семьей.

Мать. Ты скажи: ты намерен кончить школу, или...

Глеб. Намерен, намерен. Я просто хотел отвлечь тебя от печальных дум, показать светлую сторону всего такого...

Отец. Растим детей, а вырастают изверги!

Глеб. Дети сохраняют вам семью. И вот благодарность.

Входит счастливый Борис.

Отец (*Борису*). Твой билет — он...

Борис. А... (*Вынимает из кармана билет, мнет, кидает.*) В столе лежал. Тот, что я летом ездил в Одессу...

Мать. Знаешь, твоя девушка... Ты все хорошо обдумал?

Борис (*вздыхает*). Там видно будет... Слушайте, я пойду спать, к половине девятого на лекции.

Отец. Неужели сейчас будет тихо, и мы все уснем.

Звонок в дверь. Борис берет магнитофон, идет в прихожую.

Отец (*вслед*). Деньги получишь завтра.

Мать. Уберем со стола утром. Я с ног валюсь.

Отец. А через два года наш юбилей. Четверть века...
Глеб. Был один рубль, и тот профессор прихватил.

Борис возвращается. Берет чемодан у дверей «ребячьей».

Борис. Не надо мне денег. Сам заработаю. Извините, я сегодня нервничал... Спокойной ночи. *(Уходит в «ребячью».)*

Мать. Глеб, чтоб через пять минут ты был в постели.

Телевизор. И в заключение — программа на завтра.

Отец. Здорово мы преодолеваем трудности, которые сами выдумали. *(Уходит с матерью в спальню.)*

Глеб *(вслед)*. Пап, твой свитер в стенном шкафу, наверху. *(Расправляет связанный свитер.)* Готов. *(Гасит верхний свет. Звонит по телефону.)* Зина? Это я. Извини, что поздно. Нет, ничего не произошло. Связал. Да, на большой перемене отдам. Не клади трубку. Зина, офонарело мне эго вязание. Зачем? Что, непонятно? Зина, я тебя люблю. Алло! Алло! *(Кладет трубку, швыряет свитер в стену. Уходит в «ребячью», погасив свет.)*

Часы. Ку-ку. Ку-ку.

И тогда выходит Борис. Расхаживает, закуривает. Берет на гитаре неумелый аккорд, вешает на место: едва слышно возникает шум идущего поезда. Далекий гудок. Стук состава нарастает, грохочет, локомотив гудит оглушительно — и грохот удаляется и исчезает. Борис в задумчивости присаживается боком на велоэргометр, одной рукой опершись о руль, одной ногой в рассеянности вращая педаль. Потом садится ровно, помедлив начинает вращать педали: быстрее, еще быстрее. Сцена темнеет, только он, бешено крутящий педали — в световом пятне. Снова ударяет грохот поезда, и вдруг за Борисом вспыхивает пролетающий на скорости пейзаж (например, луч кинопроектора подается на плоскость декорации). Борис с велоэргометром медленно трогается с места и уплывает налево за кулисы, против

движения пейзажа. Грам поезда стихает, и в нем различается гитарный перебор и насвистывание. Освещается возникшее на месте комнаты купе вагона, в нем — трое рабочих. 2-й рабочий под гитару поет.

*Ночные поезда. В неведомое путь.
Чертой всем бедам лег порог вокзала.
Пунктиром через ночь ошибки зачеркнуть
и завтра где-то все начать сначала.*

*Ночные поезда — груз завтрашних забот
летит сквозь ночь, в рассвет стрелой вонзаясь.
Не от себя — к себе уехать позовет
гудок далекий, в сердце отзываясь.*

*Ночные поезда — натянут сталью нерв,
грехи, как искры, гаснут, улетаю.
До счастья — перегон! Проектор, белый герб,
горит в ночи, в грядущее сияя.*

*Ночные поезда сквозь сны и сквозь года
смычком по рельсам мне судьбу сыграют.
Отныне — в никогда, отсюда — в никуда
под стук колес, как в детстве, укачает.*

*В купе появляется Борис с чемоданом: стоит, слушая.
Входит и Витенька, кладет ему руку на плечо.
Деловито зашагивает сантехник, садится рядом
с рабочими.*

Мать: садится рядом с ним.

*Отец: пересаживает сантехника напротив, садится
рядом с матерью.*

*Последним (а Борис показался в середине песни) яв-
ляется Глеб — без вязания. Достает деньги, считает,
кладет в карман Борису. Песня кончается — а стук по-
езда еще звучит какие-то секунды.*

*Актеры выходят к рампе на поклон; рабочие же
снимают декорации.*

КАВАЛЕРИЙСКИЙ МАРШ С ВАРИАЦИЯМИ

кино-роман

Интродукция

Есть мнение, насаждавшееся старыми идиотами на Высших Сценарных Курсах: киносценарий есть законченное художественное произведение, существующее уже само по себе. Это все равно, что газ сгоревшего в двигателе бензина объявить самоценным нефтепродуктом; бред: этот газ двинет поршни и придаст движение автомобилю, иначе от него только жара и вонь.

Сценарий — это только пересказ фильма, который увидел пока один только человек: сценарист. Пересказ предельно внятный, подробный, ясный и простой: дост а т о ч н ы й. Стилистические изыски тут глупы и неуместны: это искусство визуальное, а не вербальное. Ну, вроде как Мойша передал по телефону арию Карузо, — вот и сценарист просто пересказывает увиденное. Это кино в словах.

А кино — это зрелище, и это муви. Картина! краска! кадр! движение! звук! — вот что требуется от сценария.

Можно сказать еще одним способом: сценарий — это комикс без картинок: картинки тоже пересказаны словами.

Все, что требуется от любого читающего — это лишь капелька зрительного воображения. Тогда читатель будет читать текст — а перед глазами его будет кино. Важнейшее из искусств. Пир духа.

Со своей системой смешных условностей.

Если мы напильником стирали грань между городом и деревней — почему бы не стереть грань между прозой и кино? Так что не стреляйте в пианиста — он брнчал по костям, как умел.

1.

Заброшенный аэродром — кладбище старых военных самолетов.

Бомбардировщик с выбитым остеклением фонарей, спущенные баллоны шасси, звезды на фюзеляже, отодранная обшивка.

Другой: отрезанные плоскости и хвост лежат на бетоне отдельно.

Третий: пустые пулеметные прорези в кабинах стрелков.

Трава меж бетонных плит, грязь и хлам под колесами: сигаретная пачка, разбитая бутылка, обрывок газеты.

Бесконечные ряды останков — некогда грозных самолетов.

По бортовым номерам и звездам — надписи мелом, кирпичом, аэрозольной краской: «хуй», «Биттлз», «Света + Саша = любовь», свастика, мегендоид, пацифистский знак.

Тихо возникает мелодия.¹

2.

Музыка эта звучит в черном роскошном «Мерседесе-600» — он приближается издали по бетонной полосе вдоль ряда самолетов.

Приблизившись, «мерс» сворачивает и встает на просторной площадке: там уже несколько десятков модных машин: «БМВ», «Порше».

Машины стоят двумя группами, между ними — проезд к огромному ангару из рифленой жести.

Из «мерса» выходят четверо — две кожаных куртки, красный пиджак, деловой костюм — и идут к двери в воротах ангара.

На ходу — красный пиджак — в радиотелефон:
— Сегодня забит. Кинь стрелку на десять утра.

У дверей лениво стоят двое в камуфляже, с десантными «калашниковыми». Деловито-разрешающе кивают входящим.

¹ Мелодия эта — начало Концерта для скрипки с оркестром Мендельсона. Вам слышно?

3.

Внутри ангар полутемен и завален хламом вдоль стен. Середина пуста и ярко освещена несколькими направленными прожекторами.

В центре — приподнятая на полметра площадка вроде боксерского ринга: закинута брезентом, ограждена свисающим тросом меж угловых стоек.

Вокруг площадки — около сотни человек, в основном молодые крепкие мужчины. Стоят кучками, переговариваются, курят, шутят. Некоторые сидят — скамейки, раскладные и канцелярские стулья, несколько офисных кресел.

Двое заключают пари:

— Десять штук на Лелика против шести — идет? —

Бьют по рукам.

Обрывки разговоров в толпе:

— ...Вежливо говорю: ребята, можно посмотреть, кто за вами?

— ...Ну-ну. Они на автоплощадку в Одинцово два танка поставили.

— ...Счетчик уже вдвое настучал.

4.

Под трос на площадку с противоположных сторон ныряют два коротко стриженных атлета в майках. Встают поодаль друг от друга, белозубо улыбаются в сторону публике, приветственно машут рукой.

Зал бурно приветствует, свист, аплодисменты:

— Лелик, давай!

— Видел шею?

— Джек! Джек!

— У него девятнадцать боев, понял?

Кадр отъезжает: каждый атлет в другой руке держит на поводке пит-буля, в ошейнике и попонке — один в красной, другой в синей. Собаки, напряженно глядя друг на друга, тихо рычат.

Атлеты, разойдясь по углам, сдергивают с собак попонки и дуэлянтским жестом швыряют в публику сторонникам. Присаживаясь на корточки, науськивают собак:

— Лелик, мальчик, хороший мальчик... не подведет...

Похлопывая по боку, шепчет псу на ухо:

— Съешь его, Джеки, он цыпленок, съешь!

Снимают с псов ошейники и, держа в пятерне за холку, сводят.

Псы грызутся.

Публика следит с азартом.

Человек из черного «мерса-600», в офисном костюме, — лет тридцати пяти, крепкий, с лицом бандита — сидя в кресле, соседу:

— Я за него двадцать шесть штук отдал в Лос-Анджелесе. Его отец знаешь кто? — Цезарь-2-ой.

Один из псов, похоже, побеждает.

Атлеты растаскивают их. Осматривают, ободряют.

Следующая схватка.

Сосед босса из «мерса», главарь второй группировки, в смокинге, худошавый, с тонким бледным лицом садиста, нервничает:

— Джек стоит на ногах, как кошка... выносив. Пять минут продержался — все, будь спок, понял.

Псы грызутся. Джек начинает побеждать.

Группировка бледного шумно ликует:

— Дави его!

— Делай!

Псов растаскивают. Клыки, пена, ярость.

И тут Лелик выскальзывает из хвата проводника и бросается в горло Джеку.

Всеобщий вопль и негодование.

Оттащить Лелика невозможно.

Когда проводник его, наконец, оттаскивает — Джек уже мертв.

Бледный в смокинге медленно поворачивается вместе с креслом к первому главарю. Смотрит страшными ледяными глазами.

Двое телохранителей за спиной первого главаря медленно-медленно передвигают правые руки к левым подмышкам.

То же делают телохранители бледного.

Люди двух группировок очень тихо, не делая резких движений, поворачиваются друг к другу. Между двумя группами образуется полоса пустого пространства.

Поединок взглядов главарей.

Бледный: — Косяк. Он выпустил его.

Первый: — Твой сам его задержал.

Бледный: — Он выпустил специально.

Первый: — Он вырвался.

Один в толпе незаметно снимает пистолет с предохранителя.

Как бы в ответ в другой толпе шелкает затвор.

Первый главарь: — Ну?

Бледный — медленно роняет: — Пусть решит судья.

Первый: — Все на месте.

И кивает.¹

5.

Между двух групп блестящих машин проезжает и останавливается у двери ангара «жигуль»-пикап неброского серо-бежевого цвета.

Камуфляжник с автоматом почтительно распахивает переднюю правую дверцу.

Тем временем водитель достает сзади кресло-коляску и подкатывает к открытой дверце вплотную, придерживая.

С сидения машины передвигает на руках свое тело в кресло старик в аккуратном костюме.

Водитель везет его в дверь, предупредительно распахнутую вторым охранником.

6.

По проходу меж двух группировок шофер везет старика к рингу.

¹ Кретинская это метафора: собачьи бои мафии. Лобовая. А дрались бы лучше гладиаторы в античных доспехах — несостоятельные должники мафии. Тренер, болельщики, спортивный комментатор. Верно?

Поспешно придвигают трапик типа гимнастического трамплина, и снимают канат, чтоб он мог въехать свободно.

На ринге старик молча смотрит на мертвую и живую собак, на проводников. Делает жест сжультничавшему проводнику подойти, показывает ему протянуть правую руку. Достает из кармана белый носовой платок, встряхивает, разворачивая, тщательно вытирает руку проводника, нюхает.

Показывает жестом подвести ему собаку, протирает платком холку, смотрит внимательно.

— Чем мыл? — спрашивает старик. Проводник молчит.

Старик протягивает руку в сторону одного из окружающих их людей. Тот молча вкладывает в нее пистолет.

Напряженная тишина. Проводник белеет.

— Жаль, — говорит старик, глядя ему в глаза, и поджимает губы.

Поднимает пистолет и стреляет псу в ухо.

У проводника лицо покойника.

Тишина. Все смотрят.

Старик протягивает пистолет обратно — учтиво, рукоятку вперед.

Его увозят по проходу.

Проводник опускается на колени и с величайшей скорбью гладит убитого пса.

Все молча, не глядя друг на друга, тянутся к выходу...

7.

Офис главаря. Это бывший КДП (контрольно-диспетчерский пункт) на том же аэродроме — закругленное остекленное помещение на вышке. Остатки пульта и приборов соседствуют с дорогой мебелью и дорожными бутылками.

— Кто он такой?! — орет главарь.

— Закон, — поясняет советник, пожимая плечами.

Начохраны, в камуфляже на фирменную майку, зло сплевывает.

— Какой закон?! — орет главарь, протягивая руку со стаканом, не глядя, — ему наливают. Глотает и запускает недопитым стаканом в пульт — разбивается стекло.

— Ты где живешь?! У тебя какой год на дворе?! Посмотри в окно! — Главарь хватает бутылку, запускает в окно и повелительно указывает советнику на дыру: — Что ты там видишь? Ну!!

Советник встает, угрюмо смотрит наружу: те же самолеты на аэродроме, вдали — московский пейзаж.

— Видишь Закон? — с угрозой спрашивает главарь. — Покажи мне! Им покажи! Покажи всем, пусть все увидят Закон!

Сев, закуривает; не в силах сдержаться, зло сплевывает сигарету. Из ящика стола выхватывает ТТ и стучит им об стол:

— Вот Закон! 7,62!

Из того же ящика хватается пачку баксов, швыряет в советника:

— Вот Закон!

Советник спокойно поднимает деньги и кидает обратно:

— Да у тебя на псарне еще тридцать, — пытается успокоить.

— Я не президент, в теннис не играю! — ярится главарь.

— Ладно, че ты, все равно мы будем выигрывать, — урезонивает и начохраны.

На стене — фотография пит-буля с медалями на ошейнике.

— Ты че — не понимаешь? — крутит главарь пальцем у виска. — Он же нас опустил. Проглотим это — на нас завтра же наезжать начнут. Задавлею гниду!

— Не спорь косяк, — хмурится советник.

— Что? — кривит рот главарь. — Кто за ним стоит? Узнать точно!

— Никто, — хмыкает советник.

— Что значит? — не понимает главарь.

- Держит город авторитетом, — говорит начохраны.
- Я сам здесь авторитет пока еще, — говорит главарь. — Ну так? Бабки? Фирмы? Стволы?
- Он — смотрящий, — отвечает советник. — Судья. Без него нельзя.
- Да? Кто сказал? — Главарь.
- Иначе завтра такое будет... — Начохраны.
- Какое? — опасно интересуется главарь. — «Такое» уже сейчас. Вот оно, — обводит рукой по сторонам, — завтра. Да я его... распылю!..¹

8.

Старик лежит голый на столе — тело в татуировках вор в законе. Кругом цветы — не то морг, не то оранжерея. Глаза закрыты.

Над ним возникает рука с иглой — и вонзает эту иглу буквально в сердце.

Еще одну иглу, и еще.

Это японец в кимоно, иглотерапевт, проводит сеанс.

— Попали б вы в мои руки раньше, — без акцента говорит он.

— Никто не знает, в чьи руки попадет завтра, — говорит старик.

— ...я б вас давно на ноги поставил.

— Сидеть на заднице имеет свои преимущества. —

Старик.

Звонит телефон. Японец берет трубку:

— ...Вообще у меня расписание. ... Сейчас занят, сеанс. ... Хорошо, жду через полчаса.

Вонзает еще иглу.

— Кто звонил? — Старик.

— Записаться хотят. — Японец.

— А по телефону нельзя?

— Познакомиться хотят.

¹ Главарь — дебил, сценарист — даун. Замахнувшийся на вора в законе, «смотрящего по городу» — уже мертв. Да и зачем? Мафиям нужен порядок в городе. Из всех искусств глупее кино только бала-лайка.

Старик молчит — уже с открытыми глазами.

— На сегодня хватит, — говорит он.

— Прерывать вредно! — не соглашается японец.

— Одеваться, — командует старик.

Входит его водитель, здоровенный парняга, снима-ет с вешалки меж цветов его сорочку.

Японец, осуждающе вздыхая, вынимает иглы.

Уже одетый, сидя в кресле, старик дает японцу сто баксов.

— Много, — ласково отказывается тот.

Старик не реагирует на его слова — что вообще в его манере.

Водитель увозит его мимо цветов; японец прово-жает.

— Езжай-ка на недельку отдохнуть, — говорит ему старик. — Прямо сейчас. Вид у тебя усталый.

9.

В лифте старик говорит водителю:

— Поймай мне частника. Вывезешь через двор. Сам езжай домой. Машину оставь внизу. Зажги свет на кухне и жди меня.

Водитель невозмутимо, привычно кивает.

— Телефон мне оставь. — Старик принимает у него радиотелефон.

10.

Двор. Сумерки. Водитель внимательно осматривает машину. С фонариком обследует днище.

Из кармана достает шпагат, надевает петлю на руч-ку водительской дверцы и, отойдя, открывает дверцу, дергая за конец шпагата.

Смотрит с фонариком под сиденьем и приборной доской.

Открывает капот, смотрит с фонариком двига-тель.

За шпагат открывает и правую дверцу.

Смотрит под правым сиденьем, осторожно кусач-ками перекусывает проводки. Утирает пот. Вынимает мину.

Кладет ее подальше на асфальт. Хмыкает.
И облегченно лихо уезжает.

11.

За углом — ремонт дома: кран, канава, барьеры ограждения.

Водитель притормаживает.

С башенного крана — стремительно раскручивается блок стрелы — на тросе стремится вниз чугунная баба: и вдрызг разносит крышу машины.

13.

Главарь в своем офисе-вышке орет на исполнителей (крепых в кожане и стройняга в кашемировом пальто):

— Козлы! Жмурики! Дармоеды... — Вкрадчиво спрашивает: — Вы знаете, что вы упустили? Вы жизнь свою упустили.

Трет ладонями лицо:

— Или он — или мы. Назад хода нет. — Орет: — Искать!! Под землей!!

14.

Старик в едущей машине говорит шоферу:

— Шестьдесят ровно держи. Езжай по левому ряду.

— Ох что-то связался я с вами, — говорит шофер, выполняя.

— Мало — добавлю.

Старик наблюдает в окно: его машины под домом нет, окна в квартире все темны. Едут дальше.

15.

А из темного окна его квартиры двое вооруженных людей следят за улицей, не обращая внимания на проезжающую машину.

16.

В своей оранжерее среди цветов японец в кимоно подвешен на вешалку за косу.

— Куда он ушел? — спрашивает первый исполнитель.

— Кто? — спрашивает японец.

Исполнитель втыкает в него иглу.

— Домой...

Втыкается еще игла.

— Не знаю...

Еще игла.

— Он сказал, чтоб я ехал отдохнуть! — в отчаянии кричит японец.

— Отдохнешь, — обещает исполнитель, продолжая пытку.

17.

Старик на ходу в машине набирает номер по радиотелефону.

Хозяин-шофер нервничает:

— Мы так не договаривались. Мне домой пора! Куда ехать-то?..

— Прямо! — Старик шлепает на приборный щиток банкноту и снова набирает номер.

18.

Театр. Балет. Ложа. Респектабельному господину телохранитель подает телефонную трубку. Господин уходит в глубину ложи:

— Что-о? ... Он кретин!.. А Буба? ... А Ракита?.. Так а я что могу? ... Мне нельзя ввязываться, он же из новых, из беспредельщиков, кого он слушает?!

Отключившись, задумчиво произносит:

— Большой войной пахнет.

19.

Телефон безответно звонил и у главаря, и у иглотерапевта, и в квартире старика.

И сейчас: огромный ночной город в огнях, по нему движется машина, и в ней звучат сигналы набираемого стариком номера.

20.

В ободранной хавере — внешне бомж, лысый, в майке. И двое бойцов. Звонит телефон. Боец кивает. Хозяин берет трубку:

— Я. ... Конечно приезжай. ... Никого.

Боец одобрительно кивает.

— Сколько?! — поражается хозяин. — Тридцать шгук?! Откуда же прямо сейчас?..

Другой боец делает сурово-утвердительный жест.

— Слушай, я забыл, у меня как раз один долг лежит, — радостно говорит хозяин. — Так что порядок. Я тебя внизу встречу.

21.

В машине старик — хозяину:

— На бензозаправку.

Тот резко тормозит в закоулке, выскакивает, вытаскивает наружу кресло сзади и перетаскивает в него сопротивляющегося старика:

— Прости, отец родной... Христа-Бога ради... это без меня... Жена без работы... родителям лекарства нужны... что дети без меня делать будут.

— Тысяча баксов, — говорит старик.

— На что мертвому деньги... тут этим пахнет... На, забери, ничего я с тебя не возьму.

— Я твой номер помню, — с угрозой говорит старик.

Хозяин машины выхватывает у него радиотелефон и давит ногой:

— Прости... так оно спокойней будет... Не держи зла, отец родной, всем жить надо... желаю тебе удачи.

Прыгает в машину и уезжает.

Старик остается один в кресле в ночном переулке.

22.

Саркастически хмыкает. Поднимает воротник. Закуривает. Включает электромоторчик кресла и едет по пустынному ночному тротуару.

— Бакланье... обшустрились... — цедит он.
Уже глубокая ночь, окна черны.

23.

Скрипка ведет Первый концерт Мендельсона.
Портреты великих музыкантов на стенке.

Это играет толстый подросток лет четырнадцати, лицом еще мальчик. Лицо старательно и вдохновенно.

Обычная хрущоба, бедная и аккуратная.

— Гошенька, кончишь заниматься — и сразу спать. —

Его мать, усталая серенькая женщина, надевает плащ. —
Завтрак на столе. Картошку разогрей!

Целует и идет к двери:

— Я ушла. Закройся.

24.

Работницы ночной смены втягиваются в проходную фабрики.

Вдруг одну из них окликают:

— Здравствуй, сестрица.

Это наш старик в кресле скупно улыбается из темноты Гошиной маме.

— Ты?! — Она ошарашена.

— Да, многие удивляются, что я еще жив, — хмыкает старик.

— Сколько лет прошло...

— Никакой арифметики, никаких мемуаров.

— Почему здесь? Что тебе нужно? братец...

— Старость... — вздыхает старик. — Должок решил отдать. — И протягивает ей деньги.

— Что — как тогда?

— Да ну... я уж двадцать лет, как завязал.

— Я ничего не хочу о тебе знать! — Она его боится. — Мне на смену пора!

— Ну, возьмешь больничный...

25.

Утро в ее квартире. Сидят со стариком на кухоньке.
Лицо сестры разнежено воспоминаниями и надеждами.

— Только учти — он очень ранимый и нервный, — говорит она.

— Я понимаю, — ласково кивает старик.

— И вырос без мужской руки... хотя она так нужна иногда...

— Столкнемся, — улыбается старик.

Входит мальчик — взлохмаченный, в трусах и майке.

— Доброе утро, — говорит он и уставляется удивленно на старика. — Извините... — пятится за дверь, стесняясь трусов.

— Вот мой Гоша, — любовно демонстрирует она. — Гошенька, это твой дядя, Владимир Евгеньевич.

— Очень приятно, — растерянно говорит мальчик. — А ты не говорила, что у меня есть дядя...

— А раньше нечего было говорить, — отвечает старик.

26.

Аэропорт, толчея. Одета в новое сестра с огромной сумкой прощается с мальчиком. Объявлена посадка на Сочи.

— С чего это он тебя на курорт отправляет? — подозрительно спрашивает мальчик. — Миллионер, что ли? Граф Монте-Кристо?

— Он очень добрый, — говорит она. — И у него была очень тяжелая жизнь. Вы поладите, вот увидишь.

— Ты там не утони, — покровительственно говорит мальчик. — Ты ведь на море никогда не была. И полегчишь как следует.

— Музыку не пропускай, — она целует его в макушку и проходит.

27.

Мальчик смотрит, как в небе набирает высоту самолет.

В телевизоре аэропорта играет симфонический оркестр.

Мимо проходят несколько парней, один толкает его, извиняется, в это время другой вытаскивает кошелек у него из кармана.

28.

Офис главаря. Измученный до истерики, он орет¹ на своих:

— В асфальт закатаю! Вы у меня свои уши есть будете... без соли!!!

— Ну как провалился, — разводит руками начохраны.

— Все накидки прокачиваем, — уверяет советник.

— Подключай всех! — командует главарь. — Одноклассники, родственники, подельники — искать! — Тычет в кнопки коммутатора: — И телефоны — на прослушку, контролируй лично! Гони ФСК — за что я деньги плачу?!

29.

Вечер в хрущобе сестры. Короткий звонок в дверь. Старик напряженно слушает — и гасит свет.

Еще звонок. Длинный, настойчивый.

Старик едет на кухню, берет кухонный топорик, занимает позицию сбоку от входной двери.

В дверь стучат ногой.

— Вы дома?.. — доносится из-за двери.

Старик открывает — впадает усталый мальчик, опускаясь на стул.

— У тебя должен быть свой ключ, — с сердцем говорит старик.

Мальчик виновато пожимает плечами.

— Почему поздно?

— У меня деньги украли...

— Ну и что?

— Пришлось идти пешком...

— Откуда?

— Из Внукова.

— Кретин, — говорит старик, отъезжая. Бросает: — Пожрать приготовить.

¹ Чего он, падла, все орет?.. Ведь не в милиции. Бандиту нужны крепкие нервы — в жизни так и есть. Может, он орет, чтоб продемонстрировать зрителям свое напряжение? Но это примитивно и напоседливо. Я думаю, он орет, чтобы угодить режиссеру.

Мальчик переодевается. Старик курит.

— Ты что, оглох? — бросает мальчику.

— Я хотел переодеться, — растерянно говорит тот.

— Пепельницу подай.

— У нас нет пепельницы... Вообще-то... извините... у нас дома не курят.

Под тяжелым взглядом старика ставит блюдечко под пепел.

30.

Мальчик неумело хозяйствует на кухне.

— Мясо пожарь, — командует голос из комнаты.

Мальчик обзирает пустой холодильник.

— У нас нет мяса, — сообщает он.

— Почему? — раздражается голос.

31.

Едят в комнате макароны. Старик отодвигает тарелку.

— Из тебя повар, как из моего хера оратор — встанет и молчит, — мрачно говорит старик. — Кофе свари.

— У нас нет кофе, — хмуро отвечает мальчик.

— Что у вас есть, кроме несчастий. Выпить принеси.

— Чего — выпить?

— Водки!

— У нас нет водки...

— Пр-ролетарии!.. Хоть карандаш-то с бумагой у вас есть?

Мальчик дает карандаш и бумагу. Старик пишет, протягивает ему:

— Отойдешь на пять кварталов. Позвонишь по этому номеру из автомата...

— Зачем идти-то столько? у нас же телефон...

— Молчать, когда я говорю. Скажешь одну фразу: «Судья заказал процесс». И запоминай ответ внимательно! Запоминай, будет ли там слово «погода»? Понял? Но чтобы разговор продолжался не больше три-

дцати секунд! Понял? Через тридцать секунд бросай трубку. Часы есть?

— Нет, — виновато потупляется мальчик.

— Ты как целка: все «нет» да «нет»! — Дает ему свои часы.

32.

В электроосветительном отделе магазина, среди люстр и торшеров, измученный, потный продавец снимает телефонную трубку и, слушая, судорожно сглатывает.

Он привязан к стулу. Два бойца смотрят выжидательно-приказно.

— Все сделаю, — говорит в трубку продавец. — Пусть кинет стрелку. Шороха не будет, с него слезли.

В трубке раздаются короткие гудки.

— Все-таки предупредил, сука? — злобно спрашивает боец.

В ширинку продавца вставлен патрон с проводом от настольной лампы. Боец шелкает выключателем — продавец выгибается, трясется и дико орет.

33.

Телефонная станция: ряды шкафов-реле с ячейками до потолка, циферблаты приборов пульта, за экраном с тумблерами — оператор в креслице, в наушниках. Крутит подстройку.

— Не успеть определить, — сообщает другому, стоящему за его плечом. — Уличный автомат, меньше тридцати секунд.

— Ну хоть район-то можешь засесть? — спрашивает тот нервно.

34.

В квартире мальчик за стенкой играет на скрипке. Старик открывает дверь в туалет. Громко:

— Сортир у вас — мышеловка. Иди сюда — помоги!

Мальчик выходит со скрипкой. Смотрит растерянно.

— Ну! — говорит старик.

Мальчик кладет скрипку и смычок.

— Я долго ждать буду? Бери под мышки! Да не так! Разверни. Нич-чего ты не умеешь.

Мальчик неловко, приподняв, тащит его в туалет.

— Ничего, значит, не сказал про погоду? — задумчиво говорит старик с унитаза.

35.

Вечером старик лежит в постели. За стенкой — скрипка.

Старик резко свистит. Входит мальчик.

— У тебя от скрипки зубы не болят? — интересуется старик. — Открой форточку! Не люблю, когда накурено...

36.

Утром мальчик собирается в школу.

Старик ловко перебирается с постели в кресло. Ноги укрывает покрывалом.

— Куда? — спрашивает старик.

— В школу.

— Зачем?

— Учиться...

— Чему? Как быть бедным? А ты че — бедный и такой жирный? Ты сколько вешишь?

— Не знаю...

— Неси весы!

— У нас нет весов...

— Тьфу. Тебе ж хуже. А ну-ка сто приседаний!

Мальчик приседает. Вот уже не может встать... ноги дрожат.

— От слабости в коленках скрипка не поможет, — замечает старик. Дает ему исписанный лист:

— купишь по списку. В одиннадцать вернешься. — Дает деньги.

— Я не успею, — несмело говорит мальчик, читая.

— А ты постарайся. — Вслед мальчику — старик: — Возьми такси.

37.

Сестра звонит с курорта: загар, пляж, море:

— Он вовремя ушел в школу? А на скрипке он играет? Только будь с ним помягче, он такой впечатлительный.

38.

Мальчик вваливается в дом с грудой покупок: мешки еды и питья, гантели на веревочке на шее и пара костылей под мышкой.

Старик в кресле: глаза закрыты, лицо неживое. Из него тянется проводок с вилкой, включенный в розетку.

Мальчик подходит, смотрит со страхом на этого робота без признаков жизни. Осторожно трогает рукой.

Не открывая глаз, старик вдруг произносит:

— Я подзаряжаюсь.

— К-к-как? — заикается мальчик. — В-вы ненастоящий?..

— Это аккумулятор электромотора, в кресле, дурак, — говорит старик. — Банзай Ниппон! А ты думал — я Терминатор? Принес? — веселее. — Наливай!

39.

Старик со вкусом пьет кофе и виски, курит — и считает:

— Семнадцать... восемнадцать... девятнадцать...

Мальчик стоит перед ним, толстый, в одних трусах, и разводит дрожащие руки с большими гантелями.

— На весы! — командует старик.

Мальчик встает на весы: виновато:

— Шестьдесят два... с половиной.

— За каждый сброшенный килограмм плачу тебе сто баксов. Таких цен на сало и в Монте-Карло нет, понял?! За неделю имеешь шанс разбогатеть и превратиться в человека. Ладно, садись, — наливает рюмку и придвигает ему.

— Я-я... э-э... — неуверенно произносит мальчик.

— Заслужил — прими! — говорит старик, чокается с ним и пьет.

Мальчик глотает и поперхивается.

— Давай-давай, — поощряет старик. — Курить мать не позволяет? Так и быть — я добрый.

Мальчик неумело закуривает, кашляет.

— Конец перекура! — орет старик. — К снаряду! Мальчик обреченно берется за гантели, выжимает.

40.

Главарь на площадке продажи автомобилей.

Продавец расхваливает чудо-джип:

— Ручная сборка, штучная работа. Это тебе не «мерс» — супер... крепость на колесах!

Раскрывает дверцу, стучит по стеклу и обшивке:

— Не берется бронебойным из пулемета.

Пиная колесо:

— Пенопластовая прокладка, индикатор давления, автоподкачка — не спускает при любых пробоинах.

Демонстрирует ручной дистанционный пульт:

— Бортовой компьютер, локаторное слежение за дорожным полотном... Если кто приблизился на метр — она не пищит, как дура, а сразу дает сигнал на пульт, и на экране видно, кто подошел: скрытая телекамера.

Главарь хмыкает, кивает. Продавец восторгается:

— Скрытый порт курсового пулемета.

В крыле открывается амбразура.

— Амбразура для легкого стрелкового оружия.

Открываются две узкие щели.

— Вот этой клавишей фиксируется вес. При увеличении массы даже на пятьдесят грамм — машина сигнализирует изменение: бомбу подложить невозможно.

Главарь кидает на капот бумажник. Пульт пищит.

— На случай погони — масляный бак, двадцать литров сбрасываются на всю ширину колес. Короче — это машина Фантомаса! Последний визг «Крайслера».

Главарь смотрит под низ, трогает зачехленный нарост на крыше:

— А это что?

— Стеллаж для двух НУРСов класса «земля-земля». Один комплект входит в стоимость, ставим при покупке.

— Ну, ставь, — велит главарь. И садится в джип: — Дай-ка я пока кружок сделаю. Погоняю немного.

Дает газ и выезжает с площадки.

41.

Главарь за рулем в этой машине.

Сзади протягиваются две руки: одна пережимает горло, вторая приставляет к нему лезвие опасной бритвы.

— Хорошая машина, — одобряет сидящий сзади старик.

— Чего ты хочешь? — хрипит главарь, осторожно руля.

— Только закона, — мурлычет старик. — Или забыл, кто я? А?!

— Я помню...

— А на кого ж руку поднял, сученыш? Езжай, езжай.

— Ты убил мою собаку...

— Я спас твоих людей, гнида. Войны захотел? Жмуров мало?

— Никто не смеет плевать на меня... Давай, пиши, ну!

Не отнимая бритву от его сонной артерии (показалась кровь), старик ощупывает его подмышку, шарит под сидением:

— Ствол в бардачке? Тихонько вытащи... протяни назад...

Главарь выполняет. Старик берет пистолет, взводит курок.

— Поставь-ка эту крепость на колесах на компьютер... меньше, километров на сорок... посмотрим, как она сама умеет ездить.

Главарь выполняет. На баранке — его рука в перстнях.

— Руки перед собой! Тихо-онько пересядь вправо...

Он передвигается на правое сидение — пистолет уперт в затылок.

Старик вынимает из его нагрудного кармана радиотелефон.

— А теперь — вали вон! — командует старик.

— Еще встретимся, — хрипит главарь, выскакивая на ходу.

Падает на мостовую, катится через лужу — и на четвереньках, в грязи, лицо расквашено — с ненавистью смотрит вслед машине.

42.

Рабочий салон спецсамолета, облака за иллюминаторами. Босс без пиджака, за столом совещаний, смотрит на определитель своего телефона — и говорит в трубку:

— Ты что... с его спутникового телефона звонишь?

— Позаимствовал, — кратко отвечает трубка.

— Но это не так просто — собраться, — говорит босс.

— Ты что — Москву потерять хочешь? — орет трубка.

— Ржавый — в Париже, Капитан — в Якутии... Это ведь быстро не делается. Я свяжусь, но раньше следующей субботы невозможно.

Босс подписывает какой-то документ. Берет у стюардессы коктейль. Самолет идет на посадку.

43.

По городу, с медленным туповатым автоматизмом, едет черный джип без водителя. В кабине старик резко говорит в телефон:

— В Москве. А ты думал, уже в Могилевской губернии? Давай сбор, срочно! Держу базар. ... Не мог раньше, трубы на секе. Лепеня достань. Корня достань. ... В субботу, в следующую субботу, понял? Не бздимо.

44.

На улице рядом с битым главарем с визгом тормозит БМВ. Главарь сдирает и швыряет грязную куртку, прыгает в машину:

— Черный крайслер-джип без номеров! В сторону Вернадского!

Берет у одного из сидящих пистолет, передергивает затвор:

— Быстрее! Не уйдет...

Машина резко рвется вперед.

45.

На небыстром ровном ходу джип наезжает сбоку на ларек, сдвигает его к следующему, их оба — к следующему, двигает весь ряд: звенят стекла, сыплется товар, выскакивают и орут лотошники.

Уперев разъезжающуюся кучу ларьков в стену дома, джип буксует.

Следом влетает БМВ, навстречу — джип-«Чероки», из машин скачут бойцы с оружием — профессионально окружают джип, открывают.

В джипе — пусто.

— Ушел, — говорит один боец.

— Подстава ждала, — определяет начохраны.

— «Фантома-ас...» — Главарь в ярости расстреливает приборную доску.

46.

На тротуаре старик сидит в своем кресле, испепеляя взглядом виноватого мальчика.

— Где такси?! — орет старик.

— Он не захотел дожидаться... — разводит руками мальчик.

— Муд-дак... — бессильно говорит старик. — Быстро кати! — орет.

Мальчик быстро катит его в проходной двор. Старик тычет в телефон.

47.

Телефонная станция, та же аппаратная, тот же сотрудник:

— Разговаривает, — докладывает он в трубку. — Записываю.

Переключает аппаратуру, слушает, смотрит:

— Закончил разговор с Парижем. Номер 437-46-393. Набирает. Цюрих.. Что? Как я могу не дать ему соединения, спутник сбить, что ли?!

48.

Огромный кабинет: модель танка под стеклом, портрет Президента на стене, знамя России над столом. Генерал за столом распекает стоящего навывтяжку подполковника:

— Да? Только автопеленгатор? А вертолетный полк ему не нужно? Вот наглецы, честное слово, еще командуют, а? Тебе сколько дали за этот доклад, а?! Ладно, дай ему два пеленгатора. Потом мне доложишь.

49.

«Газик»-фургончик, набитый радиоаппаратурой. На экранчике вращается луч-развертка локатора, засекая отметку.

— Сто сорок семь, — говорит оператор.

Пищание пеленга.

В треске и помехах аппаратуры — голос старика:

— Тебе мало отвязанных в городе? Мало чеченцев, татар? А платить за мокруху кто будет — бабки с чего? Ты с кем работать будешь — с ложкомоями? Он же сопляк, отморозок оборзельый. Не будет беспредела, пока я здесь, понял? В субботу!

Старший группы ведет линию карандашом по карте.

— Вот сюда давай, — показывает карту водителю.

50.

Фургончик влетает во двор.

Писк пеленгатора громок. Отметка горит в центре экрана.

Выскакивают из машины. Озираются.

Пустой двор. Мусорные баки.

В баке лежит трубка радиотелефона и пищит.

Один сплевывает. Солдатик ржет.

51.

Это пишит трубка в руке сестры на курорте: загар, пляж, море.

— Наверное, погулять поехали, — благодушно произносит она.

52.

На тротуаре старик говорит мальчику:

— Не будет тачки — убью. Плати любые деньги.

Расходятся — мальчик в одну сторону, старик — в другую.

53.

Четверка главаря в БМВ замечает далеко впереди старика на кресле, спускающегося в подземный переход.

— Вот он! — орет один.

— Точ-но, — цедит водитель, резко газуя.

Тормозят прямо у спуска, влетают вниз на машине, опрокидывая лотки с цветами и сигаретами. Бегут, оглядывая пространство.

Газетчики, книготорговцы, парфюмерия, нищие.

— Не проходим мимо, подходим, играем и выигрываем. — Лотерея.

— Пирожки, горячие пирожки с мясом-рисом. — Лотошница.

«Собираю на похороны матери» — картонка на груди. «Куплю ваучер», «Куплю сломанные механические часы» — еще картонки.

Четверка бандитов мечется, смотрит, возвращается в машину:

— Давай наверх! Вдоль той стороны!

В переходе своя жизнь. Пьют пиво, листают порники.

Входит бомж в хорошем плаще. Говорит нищему, сидящему у стены:

— Полчаса прошло. Давай — как договорились.

Тот — седые патлы из-под засаленной кепки, окурок в углу слюнявого рта, флакон «Тройного» в кар-

мане рваного бушлата, сидит на картоне, мелочь в рваной коробке — поднимает голову: старик!

Он сплевывает окурок и кладет в коробку сто тысяч.

Бомж из-под лотка ближнего книготорговца достает лежащее на боку кресло старика, сажает его туда, они переодеваются в свое — бушлат-кепка бомжу, плащ — старику; и едут наверх.

— Хорошего промысла, — желает старик.

— И тебе удачи, батя, — напутствует бомж.

54.

В такси мальчик уговаривает высокомерного таксиста.

— Сколько ждать. У меня время идет, — не глядя, хамит тот.

— Так ведь договорились... двадцать долларов.

— За езду. А ожидание? Надо еще чирик.

— Хорошо, — покорно говорит мальчик.

— Чего — хорошо? Ты давай!

— Сначала дождемся, — трусливо и упрямо говорит мальчик.

55.

Старик, тарахтя моторчиком кресла, едет по тротуару. Вынимает зеркальце и смотрит, что сзади.

Сзади догоняет молочная «девятка». Прибавляет газ, притираясь к тротуару и явно целясь смести старика.

Он рычажком убавляет скорость, не оглядываясь, и в последний миг — машина уже за спиной, на тротуаре! — резко сворачивает под арку, давая ход кресла до полного (это чуть быстрее пешего шага).

Машина, проскочив мимо арки, возвращается и ныряет туда же следом — ему некуда деваться.

Но в последний миг он достигает двора и резко сворачивает направо, опять успев увернуться.

В этом углу двора — три круглых мусорных бака.

Старик спешит в щель меж угловым баком и боковой стеной.

Машина, проскочив вперед, стремительно возвращается задним ходом, разворачивается и несется на него.

Он успевает юркнуть в проход за баками, вдоль задней стены.

На лицах водителя и второго рядом — веселая злоба и азарт.

— Спрятался, сука, — смеется водитель, упирается бампером в бак, за которым старик, и со скрежетом двигает вплотную к стене.

Сдает назад. Старик — в проходе меж крайним и вторым баком, лицом к машине, сидит и смотрит напряженно, волчьим.

Машина прыгает вперед, старик бросает на лобовое стекло грязную тряпку, схваченную из бака, она закрывает обзор, водитель бьет по тормозу, включает дворник, сдвигающий тряпку прочь.

(Одно из окон: двое пацанов увлеченно следят за этой охотой.)

(В подъезде: толстяк с мусорным ведерком прячется, но глядит.)

Водитель заезжает сбоку, бампером сдвигает все баки вплотную, и старику не за что больше укрыться.

Они пристально смотрят друг на друга — машина прыгает вперед!

В последний миг старик, схватив кресло за колеса, отчаянным прыжком выскакивает с креслом вбок прямо из-под капота.

Машина стучает капотом в бак, хруст, мнется.

Пока водитель передергивает заевшую заднюю скорость, старик хватает с земли упавшую рваную подушку и — он оказался рядом с дверцей водителя — подняв подушку левой рукой, правой выхватывает пистолет и четыре раза стреляет в окошко, прижимая пистолет к подушке.

Выстрелы звучат глухо.

(— Ух ты! — в восторге кричит один из пацанов в окне.)

Двое в машине убиты.

(Толстяк в подъезде крестится и осторожно возвращается наверх.)

Старик включает моторчик и спокойно выезжает под арку обратно на улицу.

56.

За стеной играет скрипка.

Старик блаженно мокнет в ванне. Поперек ванны — доска с пепельницей и бутылкой: он курит и пьет.

Скрипка смолкает.

— Че замолчал? — кричит старик. — Играй еще! Мать что велела?

Продолжает наслаждаться и слушать. Берет с полочки свою бритву, раскрывает, споласкивает кровью, правит о ремень висящих рядом брюк и аккуратно бреется.

57.

Мальчик точно так же мокнет в ванне. На доске поперек — лимонад и пирожные. За стеной прекрасно играет скрипка! Мальчик, жуя, в такт поматывает головой и даже прикрывает глаза.

58.

Это играет пластинка на проигрывателе. А старик в комнате мальчика читает какую-то тетрадку. Хмыкает и едет к ванной.

— Я тут прочитал у тебя про эту Леру, — говорит, открыв дверь.

Мальчик вскидывается, опрокидывая в воду яства с доски:

— Кто вам позволил! Как вы могли!..

— Мы родственники. Мужчины. Чего такого. — Старик невозмутим. Вылавливает пирожное и нашлепывает мальчику на голову:

— Не мандражэ. Пригласи ее в гости, сыграй на скрипке, угости шампанским. Ты талант, бабы это любят.

— Это вас не касается! Чужой дневник! — мальчик возмущен.

— Предпочитаешь страдать и заниматься онанизмом в ванной? — осведомляется старик.

Вылавливает плавающую бутылку и выливает остатки лимонада в ванну:

— Я сказал — худеть?

59.

Старик придирчиво смотрит на весы, где стоит мальчик:

— Ну вот... полста баксов ты уже заработал. К снаряду!

Мальчик измученно приседает с гантелями, падает.

— А что у вас... с ногами?.. — спрашивает он, сидя.

— Подойди, — говорит старик. — Задери штанины.

Мальчик задирает ему брючины. Ноги в татуировке: «Они устали».

60.

По лицу мальчика текут слезы. Это он режет лук на кухне. Старик руководит приготовлением яичницы:

— Теперь разложи колечками по сковороде... А сверху колбаску...

Мальчик разбалтывает и льет на сковороду яичную смесь, масло брызжет, он отскакивает, спотыкаясь, плюхается старику на колени.

— Я же сказал — худеть... — Старик морщится от боли.

61.

Едят в комнате за столом. Старик наливает рюмки — себе больше.

— Яичница требует водочки, — наставительно говорит он, чокается: — Будем здоровы! — Выпивает.

Мальчик отчаянно проглатывает и замирает с открытым ртом.

— Ты запей, — советует равнодушно старик.

Мальчик наливает лимонада, и старик отбирает у него стакан:

— От него толстеют.

Мальчик остается сидеть с разинутым ртом.

62.

На плите вскипает кружка воды. Рука старика нечувствительно снимает ее с огня, высыпает сверху пачку чаю, помешивает ложкой и ставит обратно. Лезет пена; снимает кружку и накрывает блюдцем.

— А накрывать зачем? — спрашивает пьяноватый мальчик.

— Чифир должен запариться, — поучает старик.

Закуривает, дует на кружку — и через затяжку схлебывает глоток. Протягивает кружку и сигарету мальчику:

— На-ка... хватани.

Мальчик неумело повторяет.

— День был неплохой... на свежем воздухе... — рассуждает старик, щурясь в дыму. — Взбодримся, — отхлебывает. — Теперь неделя курорта... сиди себе да кури, пока соберутся.

— Кто соберется? — спрашивает мальчик.

— Меньше знаешь — дольше живешь, — неприятно отвечает старик, шаря в пустой пачке. — Сбегай-ка за сигаретами.

Накинув курточку, мальчик вопросительно ждет.

— Ты еще здесь? — раздражается старик. — Чего?

— А... деньги? — мнетса мальчик, виновато теряясь под его взглядом. — У меня нет больше...

— Это тебя в школе учили кланчить? «Де-еньги». Шенок. Ничо не знаю! — злится старик. — Укради! Не умеешь украсть — заработай! И не вздумай возвращаться иначе, — ласково и зловеще улыбается. — Дверь не открою. Пшел!

63.

Мальчик на лестничной площадке — в чужую открытую дверь:

— Витка, ты что, четыре тыщи всего. Ну ты же мне должен, ты же обещал отдать... У, жила! — Дверь захлопывается.

64.

Мальчик переминается в веренице мелких продавщиц на улице: у них водка, колбаса, сигареты, косметика.

— Водочка! Холодная водочка!

— Сахарные трубочки!

Мальчик упорно косится на сигареты у старушки рядом.

— Авторучка. Хорошая авторучка, — несмело говорит он. — Всего за три тысячи.

Толпа людей идет мимо.

— Копченая колбаска! — выпевает голос.

— Простите, вы бы не поменялись со мной — за авторучку пачку сигарет? — просит мальчик старушку-соседку-сигаретницу.

— Еще чего, — сурово отрезает она, вопреки доброй внешности.

65.

На перекрестке у светофора пацаны лет десяти моют стекла останавливающихся машин, берут деньги.

Мальчик смотрит, достает носовой платок, мочит в луже и бросается к вставшему лимузину, трет лобовое стекло, развозя грязь.

Вдруг его лицо обдаёт стружкой воды из-под дворника.

— Ты что мне, говнюк, стекло мажешь? — орет шикарный парень за рулем и срывается, обдавая мальчика грязью из лужи.

Замерев среди потока мчащихся машин, он не может пересечь полоску пространства до тротуара.

А когда, наконец, машины встают на красный и он достигает тротуара — тут же получает в глаз.

Ударил взрослый парень, а пацаны прыгают рядом и жалуются:

— Приперся, никогда его не было! Дай ему еще, Никита!

Никита пинком гонит мальчика:

— Еще здесь увижу — яйца оборву, понял?

66.

У касс метро он пробует кланчить мелочь — грязный, с фингалом:

— Извините... на жетон не дадите... я кошелек дома забыл...

Никто не обращает внимания. Среднего достатка мужик сует ему жетон. Мальчик переходит к очереди у соседней кассы:

— Жетончик не купите?..

Рука берет у него жетон — и типичный алкаш приказывает:

— Давай отсюда... ну!! Вали!

Мальчик, отойдя, смотрит: алкаш сам продает его жетон.

67.

В квартире старик, беря скрипку мальчика и смычок, неумело пристраивает ее, выпиливая неумелые дикие звуки.

Хмыкает, поведя подбородком, и откладывает.

68.

Идя мимо ларьков, мальчик смотрит на множество сигарет.

Останаавливается у ряда торговок на тротуаре.

Пристально и отчаянно смотрит в глаза самой безобидной, крайней, ветхой старушке.

— Тебе чего, мальчик? — немного испуганно спрашивает она.

Мальчик молча цапает из коробки в ее руках пачку «Мальборо» и отчаянно удирает, виляя и натываясь на прохожих.

— Держите!.. Украли... — затихает за спиной слабый и несчастный, со слезой, старушечий надтреснутый голосок.

69.

Счастливый мальчик является домой, протягивает старику пачку:

— Вот! — И смотрит, ожидая оценки его подвига.

Старик неторопливо закуривает и выпускает дым ему в лицо:

— На кого ты похож, — презрительно кривится. — Поломойка... А глазом на кого наделся? Тьфу!.. Пачку сигарет украсть не может... скрипач!..

70.

Склонясь над ванной, мальчик массирует струей глаз — контрастно, меняя холодную на горячую.

— Холодная! Горячая! Холодная! Горячая! — командует старик.

— Горячо... — шипит мальчик.

— Мне твои особые приметы не нужны... Горячая!!

71.

Мальчик сидит на кухне, прижимая к подбитому глазу кусок мяса.

— Понял, зачем в доме мясо? — спрашивает старик.

Звонит телефон, мальчик снимает трубку. Голос матери:

— Алло! Ну как вы там? Не слышу!..

Старик отбирает трубку и отводит на вытянутую руку:

— Алло!! — кричит он как бы издалека. — Кто это? Ничего не слышно! Это ты? Что?!!! А?!! У нас все в порядке! Какой-то ремонт на станции! Связь не работает! А?! Сказали — неделю!..

И вырывает ее с проводом из аппарата.

— Меньше говоришь — дольше живешь, — поясняет изумленному мальчику.

72.

Мальчик собирается спать. У расстеленной тахты, в трусах, принимает культуристские позы перед зеркалом.

Старик лениво листает старый журнал мод. Наблюдает в дверь за мальчиком, подъезжает.

— Ничо мужик, — льстит он. — От баб, поди, отбоя нет?

- Ну... — польщенно мнется мальчик.
- Ну бабы-то у тебя есть? — Старик подмигивает.
- Да... вообще... — мычит мальчик.
- Чего мычишь?! — свирепеет старик. — Есть бабы?! Приведи мне!
- К-к-какую бабу?.. — лепечет мальчик.
- С дыркой между ног! И чтоб кругом волоса!
- Я н-не могу...
- Тебе мать что велела? Заботится обо мне! А ты что? Онанизмом мне заниматься, что ли?
- Я... я... — заикается в отчаянии мальчик.
- И ты отвыкай! На зоне успеешь.
- Где... ее? — страшится мальчик.
- О Господи! школьное образование... Да хоть у Телеграфа, на Тверской! «Где»!.. В подъезде! На парте!
- Какую бабу! — плачуще кричит мальчик.
- Вот такую!! — ярится старик, выдергивая с треском страницу из журнала мод и суя мальчику.

73.

Вечер, Тверская, Центральный телеграф, мальчик идет вдоль ряда стоящих проституток. В руке — страница из журнала. Со школьной старательностью сверяет девушку — картинку, девушку — картинку.

Вечерняя жизнь, одну проститутку снимают и она садится в машину, подходит еще пара девиц, здороваются с уже дежурящими.

Мальчик осматривает вдоль ряда сапожки, сумочки, пальто девиц. У страницы журнала оторван верх — головы у рисунка нет.

Мальчик видит точно такие сапожки, пальто, сумочку — долговязая стройная девица, гораздо выше него. Подходит!

74.

— Привел! — торжествует мальчик, вводя в дом девицу.

Старик смотрит на девицу, и у него отвисает челюсть:

— Ты кого привел, мудака!! — орет он.

— Смотрите сами, — мальчик обиженно подает вырванную страницу: — Такая самая.

Снизу вверх, от сапожек и ног, старик ведет взгляд с рисунка на натуру. Точно совпадает все. Кроме одного: у картинки оторвана голова. А девка — негритянка!

— Раздевайтесь, пожалуйста, — вежливо помогает ей мальчик.

Сняв пальто, негритянка расстегивает молнию на платье, оно распахивается — под ним узкое белое прозрачное белье.

— Застегнись!.. — с досадой командует старик.

— Сказал: раздевайтесь, пожалуйста, — непонимающе, с акцентом, округляет глаза она.

— Что я должен с ней делать, кретин?! — зло спрашивает старик. — На скрипке играть?!

— Я не умею на скрипке, — сообщает она. — Он не говорил.

— Тьфу. На мою голову, — плюет старик. — А что ты умеешь?

— Спать, — говорит негритянка, складывая ладошки у щеки. — Любовь, — поясняет она, делая непристойные жесты.

— «Любовь!» — передразнивает старик, с треском рвет надвое страницу и повторяет ее движение, маша бумажками сбоку бедер: — «Любовь!» «Спать!» — Он аж подпрыгивает на кресле в злости.

На мальчика нападает смех, он фыркает. Следом фыркает негритянка, и они хохочут, глядя на хлопающего крыльями старика.

Глядя на них, начинает хохотать и старик.

— И сколько же стоит твое «спать»? — кашляет он благодушно.

— Двести долларов, — мило говорит негритянка.

Мальчик поперхивается и вытаращивает глаза.

— Сколько? — повторяет старик.

— Двести баксов, — уточняет негритянка.

— За двести баксов твой папаша трахнет носорога в джунглях.

- Почему носорога? — удивляется она.
- У него рог большой, — говорит старик.

75.

Ночь. Старик лежит под одеялом. Негритянка снимает платье.

- Ты хочешь свет? — спрашивает она.
- Выключи.

Она гасит, снимает белье в темноте и лезет к нему под одеяло.

- Ты не можешь? — тихо спрашивает она.
- Я все могу, — усмехается старик. — Он не может.
- Я тебе помогу.
- И как я до сих пор жил без вашей помощи.
- Как ты жил? — не понимает она.
- Нормально я жил. А там — будем посмотреть.
- Ты не любишь черных?
- Нет, это, кажется, меня не любят белые.
- Бывают хорошие белые, — защищает негритянка.
- Ты меня с ними познакомишь, — хмыкает старик. — Спать пора. Возьми себе раскладушку за шкафом.

Она, отодвинувшись, смотрит на него, медленно вылезая на пол.

- Не бойся, заплачу, — говорит он.

И вдруг показывает нехитрый фокус: на столике рядом недоеденное пирожное, он накрывает его чашкой, стучит по доньшкe — и вынимает пирожное из-под крышки стола, а под чашкой — пусто.

Негритянка радостно взвизгивает, смеясь бьет в ладоши.

76.

Мальчик в своей комнате стоит в темноте у двери, в трусах, вслушиваясь в звуки оттуда, зажав дыхание.

77.

Утром мальчик у себя, стараясь не шуметь, делает зарядку и встает на весы: смотрит.

78.

Одетый, с портфелем, ботинки в руке, он на цыпочках проходит через комнату старика: негритянка спит отдельно на раскладушке.

— Взвешивался? — спокойно открывает глаза старик.

— Да.

— Ну, сколько ты всего заработал?

— Сто пятьдесят.

— Дай мне бумажник.

Мальчик вынимает бумажник из пиджака на спинке его кресла и протягивает. Старик дает ему деньги:

— И еще столько же авансом. Оденься как человек.

— Спасибо... — радостно благодарит мальчик, осознавая.

— Наливай да пей. На толчок не ходи — такого лоха только ленивый не кинет. И купи еще мне картон, скоч и машинное масло.

— Сколько?

— Сколько надо! — мгновенно раздражается старик.

Негритянка просыпается: с улыбкой раскрывает глаза:

— Доброе утро! — И садится в постели. Одеяло сползает к поясу.

Мальчик завороченно смотрит на ее грудь.

— У нас так ходят, — поймав его взгляд, невинно поясняет она.

— У нас и не так ходят, — успокаивает старик.

79.

Универмаг, в пункте обмена мальчик меняет свою валюту.

Ходит, глаза на одежду-обувь, щупает, ужасаясь ценам.

В кабинке (в новой рубашке) натягивает, пытая, тесные джинсы.

80.

В парикмахерской мастер, кончив стричь его «под морскую пехоту», сдергивает простынку — мальчик в черной кожанке.

81.

В уличной толчее идет счастливый мальчик — пародия на мелкого рэкетира: в ушах звучит скрипка Первого концерта Мендельсона.

82.

Наша негритянка с толпой цветных студенток вываливается из подъезда с вывеской «Университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы». Веселый гомон на всех языках. Прощается, уходит одна.

83.

Негритянка в очереди в булочной. Рядом пенсионеры считают жалкие рубли. Мимо проталкивается баба с лицом истерички.

— Мало нам жидов было — так теперь черномазые, — отчетливо и злобно бубнит она в пространство.

Лицо негритянки напрягается, она уходит из булочной.

— Чеченцы эти всюду, мало им дали, — продолжает бубнить голос.

84.

Дома старик шупает обновы гордого мальчика:

— Хм. Турция (куртка). Китай (свитер). Самострок (джинсы). Пакистан (кроссовки). Гонконг (часы). Во. Нормальный лотошник. К снаряду!! — ревет, толкая мальчика в выпирающий животик.

85.

Мальчик — потный, в трусах — входит на кухню: там негритянка в джинсах и передничке куховарит — баночки, бульканье.

— Здравствуйте, — растерянно кланяется он, прикрываясь руками.

— Привет! — мило улыбается негритянка и походя пальчиком щекочет его между ног.

Он в ужасе отскакивает.

86.

В комнате мальчик — возмущенно! — старику, читающему газету:

— Она что теперь у нас, жить будет?!

— Ты за дружбу народов или за расизм? — удивляется тот. — Это я ее пригласил.

— Зачем?

— У меня сегодня день рождения. На день рождения принято звать гостей. Посидим по-хорошему. А ты, кстати, без подарка. Т-ц!..

87.

Взрыв! огонь, дым!

Рванула цистерна на товарном дворе железнодорожной станции.

Множество колей, составы, вагоны. Между ними мечутся люди.

Маневровый тепловоз отгаскивает горящий состав.

С крыши депо бьет боец из длиннющего противотанкового ружья.

Тепловоз взрывается, разбрасывая обломки.

88.

А день ясный, солнечный. В дыму и искрах, стоя у открытой дверцы БТРа, главарь орет на советника — указывая на погром:

— Как же ты с ними договаривался?! Мой груз!!!

— Это их территория! — бессильно кричит тот сквозь гам боя.

— Мы же поделили!! — вопит главарь.

— Они говорят, что решать может только судья!..

— Так где он?! Ищи! сука! падла! землю жрать будешь! — главарь хватая горсть земли, швыряет в лицо советнику.

Грохочет по броне, кричит в дверцу:

— Сними мне стрелков, чего встал! — И захлопывает дверцу.

БТР с рычанием уползает в дым боя.

89.

Пожарные в робах и касках бегут к фырчащим машинам.

90.

Множество пожарных машин под сиренами мчатся по улицам.

91.

Пожарный поезд, поливая из брандспойтов и пеногонов, движется меж горящих составов.¹

Боец с крыши из противотанкового ружья подбивает локомотив.

92.

Музейный паровозик-«кукушка» едет по пути, параллельно составу платформ с новыми «жигулями», и огнеметчик из кабины деловито ведет струю огня, поджигая десятки новеньких автомобилей.

93.

Укрывшись за будкой стрелочника, главарь орет на начохраны:²

— Ты знаешь, на сколько здесь горит?!

— Не надо было начинать! — бесстрашно орет тот — с автоматом, в прожженном камуфляже. — Вот тебе твоя собака!

— Нашел время вспоминать! Выбей мне их всех быстро! Тебе что — людей мало?!

94.

Десятки старых паровозов на многих путях. Люди в камуфляже, наступая перебежками, выбивают засевших в них врагов. Стрельба.

¹ Вся эта гигантская хренотень должна, стало быть, подчеркнуть масштаб происходящих событий. Экое скудоумие... «Терминаторы» для дефективных детишек... После Чечни, Абхазии, Приднестровья. Звездные войны. Вы как хотите, а я люблю правду.

² Представьте, как донельзя замордованный начохраны однажды вешает главаря на люстре. Ну достал же! хватит! Правда здорово?

На кабине одного паровоза надпись-рисунок: «Привет победителю социалистического соревнования!» Из окна выставляется труба гранатомета, бьет по наступающему БТРу — взрыв.

95.

ОМОН, грохоча доспехами, двойной цепью бежит к своим фургонам, заскакивает в них, и машины стремительно отъезжают.

96.

По путям катит дрезина, на ее площадке — крупнокалиберный станкач; пулеметчик, сигарета в углу рта, садит не переставая.

97.

Самоходная автоустановка ПТУРСов поднимает лоток, вращает, выбирая цель — и снаряды срываются по одному, кроша в пыль: дрезину; бойца с противотанковым ружьем; стационарные постройки.

98.

В своей комнате мальчик, в белой рубашке и бабочке, заворачивает книгу в бумагу, перевязывает бантиком. Идет в большую комнату — там цветы на столе: старик принимает поздравления.

— Живи сто лет здоровым! — Негритянка протягивает ему пакет.

Он разворачивает: там майки, трусы, носки.

— Тебе надо чистое белье, — поясняет она.

— С днем рождения!.. — мальчик протягивает свой пакет.

Там подарочное издание биографий великих композиторов.

— Ценю, — кивает старик.

Звонок в дверь. Мальчик идет открывать.

В дверях — милая девочка, пакетик у груди: она ровесница мальчика, но выглядит, естественно, взрослее его.

— Ты-ы?! — ошеломленно говорит мальчик, отступая.

Она входит в переднюю и голосом отличницы произносит:

— Дорогой Гоша. Поздравляю тебя с днем рождения. И желаю тебе стать великим музыкантом. Прости мой скромный подарок. — Вручает.

— А... спасибо... но я... — лепечет мальчик.

Въезжает старик:

— Заходите, Лера, — берет он ситуацию в свои руки. — Помоги раздеться даме, что же ты. Я имею в виду пальто.

Лера причесывается перед зеркалом, старик утаскивает мальчика.

— Молчи, идиот, — шипит он. — День рождения — у тебя. Это я ей еще тогда позвонил. Ну? Тебе второй глаз подбить?

В дверях Лера подает руку подошедшей негритянке:

— Валерия.

— Тринидад, — негритянка пожимает руку. — Очень приятно.

— А?.. Очень приятно...

— Тринидад — по-португальски значит троица. Нас родилось трое в один раз... соседи... нет, близнецы.

— А где же остальные? — светски и глупо смотрит Лера.

— Умерли, — любезно поясняет негритянка.

— Ой... простите... — пугается Лера.

— Уже давно, — утешает негритянка.

99.

Все за столом — старик произносит тост:

— Сегодня нашему имениннику исполняется уже... гм... немало лет. Мужской возраст. Пришло время матереть! И я рад, что удалось приложить мужскую руку к этому знаменательному событию. Запомни — мир может лететь ко всем чертям, это его проблемы. Но мужчина должен всегда оставаться мужчиной. Слово его нерушимо. Его закон правит жизнью! Чего мы все тебе и желаем, чтоб понял и был таким.

Чокаются и пьют.

Оживление, еда, тосты наезжают один на другой.

— Я желаю тебе всегда такую хорошую компанию, как эта! — И негритянка целует его в губы.

Лера ревниво вспыхивает.

— Дорогой Гоша! — возглашает она. — Я очень рада быть на этом замечательном празднике в кругу твоих родных и желаю тебе достичь мировых высот в музыкальном искусстве и стать гордостью нашей страны! — И, самолюбиво глядя на негритянку, тоже целует его.

Старик стучит ножом по бутылке. Гоша встает, покачиваясь:

— Я благодарю всех... (проникновенно смотрит на каждого) что вы ко мне так... в общем... я постараюсь оправдать ваше доверие... спасибо!

Концертно кланяется, пьет до дна.

100.

В комнате мальчика. Он сидит с девочкой, держа ее за руки.

— А кто эта... Тринидад?.. — спрашивает девочка.

— Приходит готовить, — подумав, отвечает мальчик.

— У вас есть прислуга? — удивленно-уважительно спрашивает она.

— Сейчас у многих есть. — Он небрежно пожимает плечами.

— А почему черная? — Она уязвлена его социальным повышением.

— Дешевле. А ты что, против дружбы народов?

101.

Старик один за столом. Быстро высыпает содержимое сумочки негритянки. Просматривает документы: паспорт, студенческий.

Негритянка входит, смотрит печально:

— Я здесь учусь, — говорит она.

— Еще не научилась? — спрашивает он, делая двумя руками натягивающий на бедра жест. — Или — по научному обмену?

- Я учусь быть доктором... врач...
 - А это — семинарская нагрузка? Производственная практика?
 - Я не проститутка. Просто надо деньги. На билет домой.
 - И я не вор! Просто надо деньги. Я уже дома. — Он гогочет.
- Негритянка садится, он ласково треплет ее, наливает, в бокалы отсутствующих подростков бухает водки и дополняет шампанским:
- Молодые! Где вы там?

102.

- Стол опустошен, вечер кончается.
Девочка сидит осоловело, вдруг икает.
Мальчик отламывает шоколада, тянет в рот.
Старик бьет его по руке. — Девочка смотрит недоуменно.
- Я худею, — объясняет мальчик.
 - Тебе пойдет, — заплетающимся языком соглашается она.
 - Кофе с каплей коньячка, — старик разливает, ухмыляясь...
- Выпив, девочка, шатаясь, уходит в туалет, шум воды из бачка.
- Женишься на ней? — строго спрашивает старик мальчика.
 - Н-не знаю... — смущается он.
 - Пора знать! Если нет — тащи в койку, готова. Если да — вези домой.

103.

- Мальчик, весь в новом, идет с девочкой по ночной улице.
- Ты прикинулся, — говорит она.
 - Дядя подарил.
 - О? Он кто у тебя?
 - Пенсионер... — мальчик делает неопределенный жест.
 - Богатый пенсионер? Это что-то новенькое.

— Ну... Он работал на Севере. В Магадане. Раньше много платили.

— А кем?

— Ну... вроде юриста.

Доходят до ее подъезда, она берется за ручку двери.

— Ты мог бы меня сегодня поцеловать! — говорит девочка насмешливо, показывает ему язык и убегает.

— Бабы... — мрачно говорит мальчик и неумело сплевывает.

104.

Домашняя идиллия. Негритянка стирает в ванной, напевая.

Мальчик у себя делает уроки, гантели рядом на полу.

Старик в большой комнате, мурлыча под нос, чистит пистолет. Закончив и собрав, приступает к изготовлению разового глушителя: режет картон, клеит цилиндрики, колет дырочки, мерит к стволу.

— Выключай меня! — зовет он.

Мальчик, придя, выдергивает электрошнур кресла из розетки.

— ТТ, — пренебрежительно тянет он, глядя на пистолет.

— А сало русское едят, — хмыкает старик. — ТТ, — наставительно говорит он, — это знаменитый Браунинг N2 образца 1903 года. — Вынимает обойму, выщелкивает патрон: — Сделанный под знаменитый маузеровский патрон 7,63 мм. — Вертит патрон: — В бутылочной гильзе мощный заряд пороха, обеспечивающий такую скорость удлиненной пули, что не держит никакой бронежилет. Понял, оружейник Просперо?

— А это что? — Мальчик указывает на глушитель и картонки.

— А это для тех, кто не любит лишнего шума, — говорит старик.

105.

Негритянка развешивает на балконе белье.

Пиликанье скрипки мальчика. Резкий звонок в дверь.

— Погоди, — говорит старик мальчику, идущему к двери. Надевает на пистолет глушитель, прикрывает газетой в другой руке.

Звонок повторяется.

Старик едет за угол коридорчика.

Негритянка, войдя, с испугом смотрит на его лицо, пятится...

Еще звонок и стук в дверь.

— Открой, — тихо велит старик. — Не стой перед дверью, прижмись к стене.

Бледный мальчик, открыв дверь, отпрянул к стене.

В дверях стоит девочка с портфелем и смотрит удивленно.

— Ты почему школу опять пропустил? — строго спрашивает она. — Химоза грозит — не допустит тебя до экзамена. — Заходит. — А чего это у тебя такое лицо? — Озирается.

— 3-з-здравствуй, — обретает дар речи мальчик.

— Я тебе уроки принесла. — Она по-хозяйски раздевается, влезает в тапочки из-под вешалки.

— Милости просим, — сияет радушием старик, въезжая.

— Я не помешаю? — с апломбом привлекательной особы интересуется девочка. — Мне показалось, что вы благотворно влияете на Гошу. В его возрасте нужна мужская рука.

— В его возрасте уже нужна женская рука, — шурится старик.

— А чем это у вас так вкусно пахнет? — нюхает она.

— Прошу к столу, — приглашает старик.

— Тушеный крокодил с черемшой, — мрачно бурчит мальчик.

Негритянка несет к столу огромную миску с каким-то диким рагу, оснащенной красными перцами.

— Это наша праздничная еда, — объявляет она. — Я кончала кулинарные курсы.

Старик нюхает — дыхание перехватило, вытирает слезы.

— Теперь ясно, почему после кулинарных курсов ты кончаешь медицинские, — замечает он. — Вы этим колонизаторов затравили?

Негритянка раскладывает по тарелкам.

— Я вообще-то не голодная, — робко говорит девочка. И, пока они едят (или пытаются есть), она, увиливая от угощения, щебечет:

— А вообще-то Вера Ивановна сегодня говорила тако-ое! Что сейчас распространен киднэпинг, и если кто пропускает больше двух дней, надо обязательно навешать и узнавать, все ли в порядке. Тем более что она тебе звонила — сама! — а у вас телефон не отвечает. У вас что, телефон сломался, или отключили за неуплату? Я тоже звонила! Столяров пошел к Лазарчуку, а я к тебе. Это сегодня во всех классах такую беседу проводили...

Старик задумывается, углубляясь в свои мысли, не слыша ее.

— Ты кому-нибудь что-нибудь про нас говорила? — вдруг перебивает он девочку.

Она осекается, передергивает плечиками:

— Я сказала, что у Гоши мама уехала, и он ухаживает за больным дядей. Ничего плохого!

— Ну-ка топай отсюда, деточка, быстренько, — вдруг говорит ей старик. — И запомни: ничего не видела, ничего не знаешь. Еще кому хоть слово пикнешь — пополам порву. Поняла?

Потрясенная, она ахает... срывается.

— Лера! — мальчик бросается следом.

— Стоять, — шерится старик, ловя его за руку.

Хлопает входная дверь — девочка выскочила.

— Всем быстро одеться, — велит старик: в голосе опасность.

106.

Квартира пуста. Звонок в дверь. Еще звонок, очень длинный.

Перед дверью — двое бойцов. Один хлопывает по прочной железной двери. Другой достает из кармана газовый мини-баллон, подкручивает форсунку,

чиркает спичку: язычок пламени из горелки. Быстро и ровно режет дверь вокруг петель. Второй чуть пинает снизу — и дверь, клонясь, ложится ему на руки. Ставят ее рядом к стене и входят.

Достают пистолеты, чутко осматривают квартиру. Разделяются в осмотре по одному. Видят еще теплую еду на столе.

Один открывает дверь на балкон с сушащимся бельем. Резко сдвигает простыню — никого нет.

Тихий шелчок. В другой простыне — круглая обожженная дырка. Боец падает.

Простыня сдвигается. За ней — старик в кресле. Снимает с пистолета разломаченный цветком глушитель, быстро насаживает другой и в упор стреляет раненному, но еще живому бойцу в голову.

Второй, продолжая осмотр, из глубин квартиры зовет первого:

— Жека! Эй! — И начинает искать его: — Жека!

В стенном зеркале вдруг видит старика у себя за спиной. Быстро оборачивается — но старик стреляет первым.

Боец ранен в правое плечо, пистолет выпадает, он зажимает рану левой рукой, глядя на старика:

— Нет!..

— А что ж, мороженым тебя кормить? — возражает старик, мгновенно меняя свои разовые глушители, и стреляет ему в голову.

— Вылезайте, — резко, торопя, командует старик.

На узеньких антресолях под потолком открываются створки, ногами вперед спускается негритянка, платье задирается выше пояса, обнажая стройные ноги и зад.

Следом, пыхтя, вытискивается мальчик:

— Я застрял! — отчаянно и придушенно говорит он.

— Я сказал — худеть! — рывкает старик.

Мальчик выпадает на пол.

— Быстро, — торопит старик. — Выкидывай книги, ну!

Мальчик и негритянка выбрасывают книги из деревянного высокого стеллажа на пол. Раздергивают с силой стеллаж на доски.

Старик пока подбирает ПМ одного бойца и вынимает обойму из ТТ другого.

107.

Третий боец ждет в машине у подъезда, поглядывая на их балкон.

Распахивается подъезд, мальчик и негритянка выволакивают на крыльцо огромную коробку с телевизором.

С крыльца им груз не спустить... Мальчик выносит из подъезда две доски (от стеллажа), кладет их на ступени, как сходни, и — негритянка спереди, он сзади — скольжением спускают коробку на землю. И медленно, с натугой, тащат мимо машины бойца.

Коробка тащится по асфальту мимо дверцы водителя, рядом. В последний миг он замечает: в продолговатую прорезь по верху борта коробки (чтоб держать при переноске) чуть выставляются две картонных трубочки. Хлопок: глушитель развернулся розой, водитель ранен.

Еще хлопок: водитель откидывается с дыркой в голове.

Мальчик и негритянка пускаются везти коробку бегом, под ней вращаются колеса кресла. Пара прохожих смотрят изумленно.

108.

За углом на улице мальчик и негритянка сбрасывают со старика коробку без дна. На его коленях — женская сумочка и скрипка в футляре, в руках — два пистолета.

Старик прячет пистолеты, негритянка хватает сумочку, и они отчаянно бегут, толкая кресло:

длинноногая, как манекенщица, негритянка в красном развевающемся пальто с черной сумочкой на длинном ремешке;

толстый неуклюжий мальчик в джинсах и черной кожанке;

и в подпрыгивающем инвалидном кресле — суровый старик в сером плаще, обнявший футляр со скрипкой.

— Давай! Давай! — по-извозчески подгоняет он.

109.

Эта дикая и живописная тройка врывается в толкучку у перронов вокзала: кого-то задевают, толкают, опрокидывают лоток с пирожными, обрушивают штабель ящиков с лимонадом.

— Па-асторони-ись! — тоном носильщика покрикивает старик.

Народ балдеет — ан тут же отворачивается по своим делам.

110.

Влетают в тамбур последнего вагона электрички — двери захлопываются, поезд набирает ход.

Все трое задышались запаленно.

— Вот так люди худеют, — наставительно выговаривает старик.

— Ты так... пыхтишь... будто сам бежал, — еле отвечает мальчик.

Негритянка утирает потное лицо салфеткой.

— Нос попудри, — советует старик. — Блестит.

Она серьезно смотрит в зеркальце — и вдруг хохочет, представив.

И напряжение разряжается общим хохотом в гремящем тамбуре.

— Напудрить! — хохочет мальчик.

111.

В углу вагона мальчик и негритянка сидят напротив старика.

— Как они нашли? — спрашивает мальчик.

— ЗАГС. Паспортный стол. Архив МВД, — снисходит старик.

— Они — что?! Из милиции?! — мальчик в ужасе.

— Сейчас многие совмещают работы, — пожимает плечами старик.

— Куда мы едем? — деловито спрашивает негр-тянка.

— Россия — страна деревень, — отвечает старик. — Сможешь сравнить русскую деревню с африканской.

112.

Главарь и свита входят в разгромленную квартиру.

— Жека. Никола. — Главарь задумчиво смотрит на трупы... — «Спецна-аз»... Учитесь, пока живы, как старая гвардия работает.

Садится, трогает тарелку:

— Еще жратва теплая... — Нюхает негр-итянский плов, с перехваченным дыханием утирает слезы.

— Устал? — ласково спрашивает у начохраны. — Все бегаешь... Выпей, — наливает фужер водки, подносит стоя — тот выпивает.

Ласка главаря страшнее ярости: садизм убийцы. Свита трепещет.

— Закуси, — набирает большую ложку адского варева. — Небось ведь куска в рот кинуть некогда?

Начохраны покорно разевает рот — ложка вдвигается. Дыхание встало, из глаз слезы, ложка торчит во рту: не смеет поднять рук.

Переходят в кухню. Там на столе, приготовленная к запеканию, лежит здоровенная рыбина — в кружках моркови, петрушка во рту.

Главарь выплескивает на свиту кастрюлю компота:

— Передохнули, ребята? — заботливо спрашивает. — А то ведь у нас завтра большой день — не забыли? Похороны. Или его, или ваши.

Рыбой гладит советника по лицу. Зловеще — срываясь в крик:

— Я т-тебя научу... рыбку ловить!! — сует рыбу ему в штаны.

113.

На берегу старик с удочкой ловит рыбу. Кусты, мычание коров.

Рядом сидит с удочкой мальчик. У него клюет. Выдергивает — пустой крючок.

— Главное в рыбной ловле — терпение, — поучает старик.

У него тоже клюет. Осторожно ведет — и подсекает: вылетает из воды тоже пустой крючок.

— И умение, — бурчит мальчик.

Наживляют червячков из одной банки и закидывают удочки.

— Вообще-то главное в рыбалке, конечно, удовольствие. — Старик.

— А я думал — выпивка, — непокорно бурчит мальчик.

Из кустов появляется негритянка — в сапогах, ватнике, платке.

— Хозяюшка говорит — баня готова, — зовет она.

114.

Старик, негритянка и мальчик парятся в деревенской баньке — нагишом, естественно, в тусклом освещении.

Старик лежит на полке, они охаживают его в два веника.

— В деревне жить надо, блаженно кряхтит, постанывает он.

...Старик отдыхает на нижнем полке, теперь мальчик банит негритянку — замороженно припал глазами к ее телу.

— Ты так смотришь, — невинно говорит она. — Ты никогда не имел женщину?

— Отдери-ка мне его, — велит старик. — Отжарь.

Негритянка кладет мальчика и лупит веником.

— Здесь не горячо? — прижимает веник ему к низу живота.

— Ты что, не поняла? Трахни его! — приказывает старик.

Она садится верхом на мальчика. Двигается, быстрее, скачет, вскрикивает.

— Тише, — охлаживает старик. — Важное дело спешным не бывает.

Мальчик ахает в оргазме, они кончают.

— Теперь ты понял, что такое баня? — поясняет старик.

...Они намыливаются, мальчик трет нагнувшейся негритянке спинку, груди ее качаются. Белая пена на черном глянцевоом теле.

...Визжа и ухая, окатывают друг друга холодной водой.

115.

В избе у стола — они втроем: свежие, распаренные. Картошка, огурцы, сало, сметана. Бутыль самогона. Керосиновая лампа.

Хозяйка печет блины. Подсаживается к столу: бедная пожилая беззубая баба.

— А что ж электричество не горит? — Старик наливает стаканы.

— А солярки для движка не стало, — отвечает она, беря стакан: — С легким паром вас.

Пьют, закусывают, макают блины в сметану.

— Самогон требует сала. — Старик.

— И соленого огурца. — Мальчик явно возомнил, вставляет слова.

— Нравится? — ревниво спрашивает хозяйка негритянку.

— Мало перца, — отвечает та, уплетая блины.

— А что у вас едят? — с превосходством спрашивает хозяйка.

— Вкуснее всего человечье мясо, — доверительно отвечает та.

И все хохочут над реакцией подпрыгнувшей хозяйки.

...Все окосели, отвалились. Старик сминает пустую сигаретную пачку. Мальчик смотрит в ужасе: неужели погонит ночью в деревне красть сигареты?! Хозяйка видит, приносит махорку и кусок газеты.

— Теперь можно и музыку, — говорит старик, ловко вертя самокрутку, прикуривает и сует в рот негритянке, вторую делает себе.

Мальчик пока достает скрипку, настраивает.

— Ой, да не пили ты мне душу, — морщится хозяйка и, пригорюнясь позой, заводит «Лучинушку».

Ей начинают подтягивать, и вот вокруг стола дикий и абсурдный квартет: блики лампы, месяц в черном окне — и почти обнявшись, покачиваясь, с пьяноватой слезой и сердечным надрывом, хрипотца и африканский акцент, они изливают душу в пении.¹

116.

Негритянка и мальчик стоят ночью у забора во дворе, смотрят на луг, кусты у реки. Она гладит его по голове.²

117.

— Только я говорила, кровать у меня одна, — говорит в избе хозяйка, стеля постель на широкой металлической кровати.

— Поместимся, — успокаивает старик.

Постель хозяйки — на лавке за занавесочкой. Она уходит туда, ложится, предварительно задув лампу.

118.

Горница освещена луной. На кровати: старик лежит с краю, негритянка посредине, мальчик — у стенки. Глаза у всех закрыты.

Под одеялом негритянка начинает трогать мальчика. Он старается дышать ровно, сгибает ногу в колене — одеяло домиком.

— Без блядства, — тихо говорит старик, не открывая глаз. — Хватит. Он еще маленький.

— Большой, — вдруг так же тихо и ровно отвечает мальчик.

¹ Если вы никогда, ночью, по пьяни, не пели на три голоса «Лучинушку», и не прошибала при этом слеза, не щемило сердце, не изливалась больно-сладкая тоска душевная — вы мудаки, закройте книгу и ступайте слушать Богдана Титомира.

«И-и-звела-а меня-а-а кручина, по-одко-ло-одная-а-а зме-я... Ты гори, догорай, моя лучи-ина, да-а-гарю-у с тобо-ой и я...» Первый! второй! подголосок! налейте, братцы...

² Пародия на классический голливудский кадр.

— Средний! — прыскает шепотом негритянка, при-
творно вздыхает, поворачивается к старику, кладет ру-
ку, закидывает на него ногу.

— Уймись, — шепчет он. — Я тебе и так плачú.
Она гладит его по щеке.

119.

Лежа за своей занавесочкой, с открытыми глазами, вслушиваясь, хозяйка покачивает головой, тихо шеп-
чет сама себе:

— Во что деется. А мы здесь...

120.

День. Деревня. Двор. Негритянка обрывает лепест-
ки ромашки — гадает.¹ Над ней из окна старик драз-
нит шипящего гусака.

121.

Офицер милиции в школе говорит учительнице:

— Есть новости о пропавшем мальчике? Друзья
когда его видели?

122.

На сонной сельской улице мальчик звонит из авто-
мата у почты:

— Никому ни слова! Ты ничего не понимаешь. По-
том скажу. Пока!

И с огромной сеткой продуктов мирно бредет домой.

123.

На солнцепеке мальчик неумело колет дрова — уже
гора. Он в поту. Пальцами двух рук старается обхва-
тить талию, втягивает живот.

¹ Голубое небо. Зеленая трава. Белые ромашки. В них сидит чер-
ная девушка в красной майке. Дичь! Стеб! Озорство! Пальцы ее
тонкие, сухие, изящные. Обрывают белые лепестки. Экзотика. А вот
и лицо, глаза... Слезы на глазах. Тихие, безысходные. Душа у нее
внутри. Одиноко душе. Горько. Как жить, где счастье?.. Вот вам
смех...

P. S. Если режиссер каждый кадр не разворачивает вот так при-
мерно, — то какой же он на хрен режиссер?..

Старик дремлет во дворе — на коленях кошки.

Мальчик, подкравшись, смотрит вниз в его карман — и тихо вытаскивает пистолет. Держа его в двух руках, целится вдаль.

— Не так, — произносит старик. Берет пистолет, показывает:

— Указательный левой руки — на скобу. Локти выпрями!левой тяни на себя, а правой — отталкивай. И стоит, как в станке.

Мальчик целится.

— Снизу подводи! — учит старик. Отбирает пистолет. Спрашивает:

— Все в порядке? Ничего такого не видел?

— Да нет, ничего... А можно один патрончик, а?..

Старик долго, задумчиво смотрит ему в глаза.

— Лере не позвонил? Не успокоил? — заботливо спрашивает он.

Мальчик настораживается, пытается понять его взгляд:

— Н-нет, — пожимает плечами он.

— Скажешь правду — получишь патрончик выстрелить.

— Ну, звонил... — бурчит он, поддавшись на искушение.

Старик наводит пистолет на мальчика. Щелчок: снят предохранитель. Щелчок: взведен курок. У старика лицо убийцы.

Мальчик оцепенело смотрит в дуло. На штанах расплывается мокрое пятно.

левой, свободной, рукой старик дает ему оглушительную плюху.

124.

В городе команда главаря прыгает в машину — и мчится.

125.

Пробуксовывая и «плывя» по грязному проселку, джип с бандитами едет со всей возможной скоростью.

Ему навстречу, ныряя в колдобины и подвывая мотором, ползет разболтанный автобус-ПАЗик, набитый крестьянами с их скарбом.

Они поравнялись — и удаляются в разные стороны. Водитель джипа торопится, лицо напряжено.

В толчее автобуса разместился старик, мальчик и негритянка.

126.

Они трое в пустом «холле» районной гостинички-развалюшки.

В анкете, графа «цель приезда», старик выводит: «Творческая командировка».

— Документики! — приказывает администраторша, косясь на негритянку.

— Похож? — старик показывает портрет на ста баксах, давая их.

— Похо-ож, — берет деньги администраторша.

127.

Номер: голые беленые стены, три кровати, три тумбочки.

Наша троица раздевается, устраивается.

— А где туалет? — осматривается негритянка.

— В конце коридора, — отвечает старик.

— А где душ? — ищет она.

— В подвале, — говорит мальчик.

— Русская архитектура очень оригинальная, — говорит она.

128.

Шум сливного бачка. Негритянка выходит из туалета.

Навстречу вываливается из номера поддатый сельский парень, загораживает дорогу:

— О, синьора!.. Из каких краев?..

Она пытается идти дальше. Он догоняет, не пускает — но мирно:

— Я культурно... хочу вас угостить... по русскому обычаю...

Теснит ее в свой номер:

— К нам гостья... из знойной Африки!

...Там сидят два его приятеля, на тумбочках водка и закуска.

— О-о! — аплодируют они.

— Милости прошу к нашему шалашу, — делает жест один.

— Нельзя отказываться. Вы нас обидите, — поддерживает другой.

— Только одну рюмку. За дружбу, — насаждает тот, что привел ее.

Ее ведут, усаживают, подносят.

— Эдуард, — протягивает руку один.

— Альберт, — нагло лыбится другой: явно врут имена, издеваясь.

Приятели смеются, и негритянка тоже улыбается, раскрепощаясь.

129.

В номере старик — шнур кресла в розетке — зачеркивает в табель-календарике еще день: до обведенной кружком субботы — два дня.

Мальчик играет на скрипке — очень выразительно, но беззвучно, вода по струнам обратной стороной смычка.

— Что ты делаешь? — не выдерживает старик.

— Иначе пальцы потеряют беглость, — объясняет мальчик.

— Куда наша арапка запропастилась, — вопрошает старик.

— В унитаз смыло, — спокойно реагирует мальчик.

— Поди посмотри!

130.

Мальчик идет по коридору. Из номера тех ребят — звуки борьбы и сдавленные выкрики негритянки.

...Мальчик врывается в свой номер, в панике крича:

— Там... ee!..

— Где — «там» — ее — что? — холодно спрашивает старик.

— Насилуют! — выпаливает мальчик. — Кажется... — неуверенно добавляет.

— Может, решила подхалтурить, — сомневается старик. Выдергивает свой шнур, аккуратно сматывает, и выезжает в дверь.

131.

В коридоре он останавливается перед той дверью.

— Открой! — велит мальчику, слыша явные звуки насилия.

— Закрыта! — мальчик дергает ручку.

— Трудно с тобой, — вздыхает старик и бьет кулаком в филенку.

Фанера проламывается, старик сует руку в дыру и изнутри проворачивает ключ, распахивает дверь.

...Трое, действительно, пытаются насиловать негритянку, отчаянно брыкающуюся. Она на кровати, один зажимает ей рот, другой держит ноги, третий влез сверху, возясь рукой под собой.

— Любовь с первого взгляда, — констатирует старик, въезжая.

Мальчик закрывает дверь, встает за его спиной.

Парни замечают вошедших.

— Давай... вали!.. — угрожающе движется к ним один.

Старик с видом убийцы достает и наводит два пистолета.

— Стоять! Руки за голову! — жутким голосом приказывает он.

Парни ошеломленно подчиняются.

— Лицом к стене!! — Оскалясь, старик целится.

— Да ты чо, отец, — без особого страха, опомнясь, гудит один мирно и извинительно. — Твоя баба, что ли?..

— Да мы хотели сначала по-хорошему, — говорит другой.

— Мы думали, она проститутка, — говорит третий.

Атмосфера разряжается от их недоуменно-мирного тона: мол, ну чего такого-то, подумаешь. Опускают руки.

— Она и есть проститутка, — говорит старик. — А ты кто?

— Я механизатор, — отвечает спрошенный.

— Да убери ты стволы-то, — говорит другой.

— Да мы заплатим... по-честному, — говорит третий.

Негритянка встала и приводит себя в порядок.

— Ты мне порвал трусы! — швыряет третьему в лицо обрывки.

— Куплю новые! — готовно соглашается тот, протягивая деньги. — А вы дверь сломали, — укоряет он старика. — С нас же вычтут!..

Старик убирает пистолеты.

— Да давайте посидим нормально, — как бы заглаживая недоразумение, приглашает третий. — Мы ставим.

— Мы ж не знали, — добавляет первый.

132.

Рассвет. По подсохшей дороге тарактит мотоцикл с коляской.

В коляске сидит старик, обнимая скрипку.

За рулем — первый механизатор.

За его спиной — прижимается негритянка, обняв его за пояс.

За негритянкой сидит мальчик, прилип, обняв ее.

А сзади, на веревочке, едет кресло старика.

— Ты плотней прижимайся, — дружески лыбится механизатор.

И тарактит эта композиция малым ходом мимо полей и рош.

133.

В кустах. Старик ставит задачу мальчику и негритянке.

— С автоматической коробкой передач. И длинным ходом ручного тормоза — лучше дисковые на че-

тыре колеса. И по возможности — попроще так, подешевле, не очень броскую.

Выказывая доверие, хлопает мальчика по плечу:

— Давай!

134.

Пригородная продажная автоплощадка. Масса машин, — и за углами загородки два танка.

Мальчик и негритянка входят в ворота. Она поправляет на его шее свой платок, он отряхивает ее пальто.

Бродят вдоль рядов машин, выбирая.

...Продавец демонстрирует им машину: открывает дверцы, двигает рычаги — пренебрежительно, молча, не глядя на них.

— Тебе сколько лет? — спрашивает мальчика свысока.

— Сколько надо, — грубо бросает мальчик.

— А по виду не скажешь.

— Железо рано начал таскать, — сплевывает мальчик. — От этого рост останавливается. — Расправляет плечи, грудь. — Пол Андерсон был сто шестьдесят. Чемпион мира по штанге.

— Не слышал, — продавец, глядя мимо, жует резинку.

— Жестянка, — небрежно цедит мальчик. — Еще!

...Продавец демонстрирует им шикарную тачку:

— Коробка-автомат. Ручник, — двигает. — Дисковые тормоза. Будете брать? — Он явно издевается.

— Оформляй, — хамовато-небрежно бросает мальчик.

Продавец перестает жевать, смотрит внимательно, впечатлился.

— Как платить будете? — смесь подобострастия и ехидства.

— Налом, — баском бросает мальчик.

135.

Мальчик с пачкой бумаг в руках, негритянка рядом, идут по коридору, минуя ряд дверей. Он читает вывеску «Директор» — и решительно входит.

В приемной секретарша спрашивает из-за стола с компьютером:

— Вы к кому?

— У себя? — обрывает ее мальчик, кивая на дверь за ней. — Ждет! — И, не сбавляя шага, негритянка следом, входит в директорский кабинет, хлопнув на секретарский стол флакон дорогих духов.

136.

Директор за столом. Поднимает глаза на мальчика и негритянку:

— В чем дело?

Мальчик с расстановкой достает записку и кладет перед ним.

Директор читает.

Мальчик забирает записку обратно и кладет бумаги на машину.

— Вы присаживайтесь, — говорит директор.

Читает, задумывается.

— Какие проблемы? — весомо спрашивает мальчик.

— Одну минуточку, — директор тянется к телефону.

— Не надо звонить, — медленно, ему в глаза, велит мальчик.

— Вот это лишне, — делает гримасу тот, тыча в кнопки.

На него смотрит ПМ — мальчик шелкает предохранителем.

Негритянка раскрывает бритву и заходит за спину директора — со зверским видом.

— Подпишите, пожалуйста, будьте так любезны, — интеллигентно просит мальчик — и начинает тянуть спуск.

— Осторожно! — говорит директор. — Вы что это здесь, честное слово...

Ставит подписи, шлепает печати.

137.

Мальчик садится за руль, негритянка рядом. Он немело трогает машину.

Машина дергается, глохнет, заводится снова, прыгает назад, едва не сталкивается с другой, виляя едет по проходу, еле вписывается в поворот и исчезает.

...Директор следит за эволюциями машины из окна. Она исчезает за поворотом — и он хватается за телефон.

138.

Все трое у машины в кустах.

— Совершенно неприметная машинка, — усмехается старик.

— Мог взять «Запорожец» с ручным управлением, — обижается мальчик. Руки его в краске.

Супертачка — с другой стороны грубо выкрашена в дикий цвет.

Негритянка увлеченно мажет малярной кистью.

— Вот так лучше, — одобряет старик, подъезжая.

— Я бы таких маляров повесил, — жалеет машину мальчик.

— Тебя ждет куча помощников, — откликается старик.

Мальчик показывает ему старый автомобильный номер и привинчивает его.

— Украл? Молодец, — говорит старик.

Негритянка утирает лицо рукой в краске — наводя на черную кожу боевую дикарскую раскраску.

...Мальчик берет несколько нот на скрипке, кладет ее в футляр, снимает петельку пучка волос с конца смычка — и в машине привязывает пучком трость смычка к педали газа.

Садится за руль, пробует, как можно давить газ, держась правой рукой за смычок.

139.

Ночью спят в машине: старик и негритянка откинулись спереди, мальчик скорчился на заднем сидении.

Одинокое инвалидское кресло стоит в темноте на траве.

140.

Рассвет, балкон городского дома: орет и бьет крыльями петух.

Куры спят в углу балкона: кормушка, клетка.

141.

Утро в машине.

Старик зачеркивает последний день в табель-календарике. Цепь крестиков уперлась в сегодняшнюю субботу, обведенную кружком.

Снаружи мальчик протирает мокрое от росы стекло.

Негритянка достает из сумочки «сникерс» и бритвой старика режет на три части — завтракать.

...Трогаются с места. Машина буксует на скользкой траве: сыро.

— Подтолкнуть надо, — говорит старик.

Мальчик с негритянкой вылезают и, упираясь сзади изо всех сил, толкают буксующую машину, пока не выезжают на дорогу.

142.

Едут: старик за рулем — правая рука на смычке-газе, негритянка рядом — левая рука на ручном тормозе, мальчик сзади — рядом с креслом старика.

В зеркальце заднего вида — догоняет БМВ с мигалкой.

Старик давит смычок до отказа, но БМВ близится.

— Хотел пострелять? Ну вот, давай, — говорит старик мальчику.

Мальчик смотрит назад, достает пистолет, открывает окно.

— Я не могу, — в отчаянии говорит он.

В окно БМВ высовывается автомат.

— Огонь!! — приказывает старик.

Мальчик целится, но оставляет попытку.

— Я не могу!! — почти плачет он.

Навстречу едет огромный фургон. Почти поравнявшись с ним, старик резко — его рука на рычаге на руке негритянки — тормозит!

Просвет дороги закрыт.

Избегая внезапного столкновения, БМВ выворачивает вправо.

...И БМВ перепрыгивает кювет и вязнет по брюхо в топком лугу.

С трудом открыв дверцу, вылезает мент с автоматом — и смотрит вслед исчезнувшей машине...

143.

Старик, мальчик и негритянка едут в машине по Москве.

Старик смотрит на часы и останавливается у тротуара.

— Свободны, — объявляет он, не оборачиваясь.

— К-как?.. — растерянно спрашивает мальчик.

— Пока, пионер. Привет, черная пантера.

Мальчик и негритянка выходят из машины.

— А есть кому тебя пересадить? — спрашивает мальчик.

— Дверцу прихлопни, — говорит старик и уезжает.

144.

Мальчик и негритянка в авиакассах. Она считает деньги.

— Есть только бизнес-класс, — печально говорит она.

Мальчик достает деньги и сует ей.

— Откуда у тебя? — отказывается она. — Нет, не надо.

— Это пять кило меня, — вздыхает он. — Плати за свой комфорт!

145.

Мальчик провожает негритянку в аэропорту.

Они крепко обнимаются и стоят так... Потом она поднимает свою сумку и уходит. Машет ему уже за контролем — издали.

И он машет ей.

Ресторан, маленький зал, богатый стол, десяток зрелых мужиков. Старик среди них — оживлен, как и все.

Гомон — но без суеты, все фразы различимы, отдельные:

— А вода на Бермудах хуже, чем на Пицунде.

— Лучшие бабы — жены наших офицеров.

— А лучшая рыба — ерш! — В фужер сливается «Абсолют» и пиво.

Едят, накладывают — но каждая реплика выслушивается всеми.

— Шестнадцать процентов — за полгода это сколько?

— Девяносто шесть.

— Значит, надо семнадцать. — Кивок.

На другом краю стола:

— Время вынуть десять лимонов из водки и вложить в землю.

— Юго-Запад занят.

— Дать долю в порту.

— «Ты же меня спа-ас в порту, но, говорит, за гвоздка есть, русский я па па-аспорту...» — Спевший эту фразу амбал в наколках натывается на остановившийся взгляд собеседника — красавчика.

Амбал, меняясь в лице, осторожно берет бутылку и льет ему.

Тот берет рюмку, не отрывая взгляда от его глаз — и улыбается.

Облегченно улыбается и амбал: чуть не случился инцидент.

— Этот отвязок мой, — говорит старик.

— Не держатся у меня «меры», — реплика.

— А на «ролсах» только арабские шейхи едят, — реплика-ответ.

— И утонул пароходик. Уж так они огорчались.

— Железо — оно всегда потонуть может, — как бы сочувствие.

Стук в дверь. Один из двух охранников у двери открывает — берет у официанта блюдо с лебедем: сидит как живой.

Ставит блюдо на стол. Чучело-чехол снимают с жареного лебедя.

Режут его. Жрут.

— Собака этого не стоила, — говорит старик.

— Не стойт, так и не стбит, — шутит один.

— Да что ты всё это. Всё понятно, — машет другой.

Третий наливает старику, чокается с ним, и все тянутся или подходят с ним чокнуться.

— Так как решает суд? — спрашивает (с хорошим лицом) старик.

— Это двести цистерн. Десятитысячник. — Реплика в стороне.

Сосед кладет старику руку на колено — весело, легко:

— Да мы тебе не судьи.

— Бог тебе судья, — дружелюбно говорит сосед напротив, выковыривая жареную улитку из раковины.

Старик меняется в лице. Обводит взглядом стол. Никто не обращает на него внимания. Избегают его взгляда.

— Полсотни шмар одним грузом! Они весь Гамбург натянут!

Смех.

— Я берег людей, — мертвым голосом говорит старик.

— Ты что, такой катала, по столынику штук на бурё снимает.

Он уже списан. Разговор без него.

— Поедем, сыграем.

— Ну что. Вроде все и обсудили.

Все начинают вставать, вытираются салфетками, отодвигают стулья, выходят.

Старик остается один за столом с обедами.¹

147.

Главарь сидит бледный на стуле посреди проходного зальчика. Четверо охранников в креслах по углам.

¹ Только не спрашивайте, почему сюдняк приговорил Старика. Кино, понимаете. А вот так; для развития сюжета и идеи. Новое время, новые песни.

При появлении паханов все встают. Ждут приговора. Паханы, проходя, молчажимают главарю руку. Он расцветает и уходит с ними — последним.

148.

Старик лежит на досках, обнаженный.

Два нагих атлета с лицами убийц приближаются к нему.

В их руках веники. Это парилка. Умело, крепко они парят его.

...Старик сидит на скамье у стены в «зале» бани. Один атлет, в джинсе, подает чистые белые кальсоны, старик начинает надевать их на ноги. Атлет держит наготове белую нижнюю рубаху.

...Старик, одетый, в своем кресле, в том же дощатом банном «зале», сидит у стола. Второй атлет, уже в спортивном костюме, наливает в стоящий перед стариком стакан водку до краев и придвигает тарелку, на которой лежит ломоть черного хлеба.

Старик выпивает водку и закусывает хлебом.

...Атлет в джинсе кладет перед стариком сигареты. Дает ему прикурить, кладет зажигалку у пачки.

...Атлет в спортивном костюме прокручивает пустой барабан нагана. Вкладывает в гнездо один патрон, замыкает барабан, и кладет револьвер перед стариком.

...Атлет в джинсе держит отрывной календарь, вырывает из него один листок, кладет перед стариком. Это завтрашний день, воскресенье.¹

149.

Пустынная ночь. Старик медленно едет по асфальтовой дорожке.

Из темноты выступает мальчик с неизменной скрипкой — усталый, встревоженный.

— Ты чего здесь? — спрашивает старик.

Мальчик виновато пожимается.

— Следил? — усмехается старик. — Ну дур-рак...

¹ Вот так оно по высшему разряду и делается.

Он едет, мальчик идет рядом.

— Ты куда? — спрашивает старик.

— А ты куда? — спрашивает мальчик.

— ...Не бойся, вас больше не тронут, — говорит старик.

— Дядя Володя!.. — произносит мальчик, чуть не плача.

— Пшел вон, — бросает старик, уезжая.

Мальчик догоняет его:

— Может, тебе что-нибудь сделать?

Старик, остановившись, достает из бумажника последнюю купюру:

— Сыграй на прощание. Бери! За музыку платят. А-а, у тебя же смычка нет.

— Есть, — мальчик открывает футляр, показывает смычок.

— Украл?

— Купил... Что сыграть?

— Марш!

— Какой?..

— Кавалерийский, блядь!

Старик уезжает. Мальчик играет меж деревьев в темноте.

Он играет «Полюшко-поле» — на верхах, пронзительно. В звук вступает виолончель, бас, оркестр, мелодия гремит по низам.¹

Старик едет по пустой набережной.

Мальчик играет и плачет. Начинает идти по пути старика. Звучит уже только скрипка, он выходит на набережную — и разбивает скрипку об ограду.

150.

Старик едет по набережной. Топот сзади.

Мальчик догоняет, встает перед ним.

Старик останавливается. Смотрит.

¹ Вспомни мелодию, вспомни песню... Пусть заркочет усталый барабан, прорежет ночь труба, процокает по ночной аллее измученный эскадрон в островерхих шлемах: пыльные лица, склоненное знамя, бой завтра...

Мальчик бросается к нему, словно обнимая — но вместо этого вдруг выхватывает у него из кармана наган и отходит на шаг.

Глядя в глаза старику, наган наставлен, он взводит курок. Лицо его искажается.

Старик кивает — благодарно, с тенью улыбки.

— Давай, сынок, — говорит он.

Мальчик стреляет в воздух и швыряет наган в реку.

Старик начинает двигаться к нему — со страшным лицом.

Мальчик вырывает провода моторчика кресла. Хватает его сзади за спинку и быстро везет вперед.

Старик, сопя, пытается помешать ему, оттолкнуть, затормозить. Не удается.

Уже бегом они несутся под спуск.

А там внизу загородила путь уборочная машина.

Чтоб она отъехала — старик оглушительно, долго, свистит.

февраль—июль 1995

БАЛЛАДА О БОМБЕРЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

мелодрама в стиле ретро

I

Человек уже полагает, что привык к любым неожиданностям, а как даст ему жизнь по мозгам — он все удивляется и нервничает. Скажем, извольте получить боевое задание: любимую женщину сбросьте ночью с парашютом в тыл врага, пусть она там взрывает мосты, захватывает штабы и рвет коммуникации. А сами возвращайтесь домой, выпейте водки с друзьями, примите поздравления в мужестве и ждите за этот подвиг представления к званию Героя Советского Союза. Весьма достойное распределение женских и мужских обязанностей.

Так рассуждал за штурвалом своего бомбардировщика капитан Гривцов августовской ночью сорок третьего года. По этим рассуждениям, а также по его званию, профессии и времени действия можно предположить, что капитан был молод. Действительно, исполнилось капитану двадцать три года.

Молодость иногда не мешает людям рассуждать верно. Гривцов в данном случае рассуждал верно: он выполнял именно такое задание. Знать он не мог, чем оно кончится. На войне никогда не знаешь, что чем кончится. Впрочем, не на войне тоже.

Любимая женщина сидела, нахохлившись, в бомбовом отсеке. На ней были сапоги, комбинезон, шлем, на спине парашют, на животе автомат, на поясе всякая

древенный. Величайшей несправедливостью войны ей представлялось в настоящий момент отсутствие лаза между бомбовым отсеком и кабиной пилота.

Будучи людьми военными, вдобавок молодыми, вдобавок влюбленными, они были слишком заняты порученным им делом, друг другом и собой, чтобы представить, сколько человеческих жизней и судеб наматывалось сейчас на режущие винты бомбардировщика, пропарывающего адову мглу, пульсирующую голубой паутиной грозы.

Через полчаса штурман увидит три костра партизанского отряда, и створки бомболюка разойдутся под радисткой, отпуская ее с парашютом вниз. Они не знали, что самолет идет совсем не туда, куда они думают. Знал это один штурман.

— Курс двести тридцать шесть, — сказал штурман пилоту, аккуратно прокладывая двести тридцать три. Он прикинул поправку на ветер, прибавил двадцатикилометровое смещение в точке поворота и удовлетворенно усмехнулся.

Если бы он мог через непроницаемую черноту увидеть, что внизу уже приготовились их встретить совсем не те, кто должен был встретить, все бы сложилось иначе.

А так штурман довольно насвистывал, пилот, командир машины, капитан Гривцов страдал, а десантник радистка Катя Флерова ждала, когда она под парашютом пойдет вниз. И все они ошибались.

Еще четыре часа назад они и не подозревали о возможности столь необычной ситуации. Но — в жизни бывает все, а на войне бывает и то, чего вообще не бывает.

Катя Флерова четыре часа назад сидела в блиндаже полкового особиста. Она старательно писала успокоительное письмо маме. Ее отправляют в глубокий тыл, надолго. Что тыл это немецкий, а не советский, она деликатно умалчивала.

Штурман, лейтенант Георгий Гринько, четыре часа назад собирал цветы для свадебного букета.

Командир, капитан Андрей Гривцов, собственноручно брил невесте щетинистый подбородок. Невестой был хвостовой стрелок Паша Голобоков.

Жених, техник-лейтенант Никодимов, бегал по аэродрому и нервно допытывался у всех, не видел ли кто девушки, которая о нем спрашивала. Оказалось, что ее видели все, кроме него. Правда, описывали по-разному.

А инициатор этого розыгрыша, стрелок-радист Саша-Веревка, клянчил у начпроба фляжку спирта, приглашая его за это быть на свадьбе посажённым отцом.

Экипаж и не подозревал о существовании Кати.

Началось все, как обычно, приходом адъютанта полка:

— Экипаж Гривцова, к командиру полка! С планшетами.

Невеста, сержант Павел Голобоков, тихо сказал:

— Вылет!.. Капитан, с тебя банкет. К черту свадьбу, у нас именины. За этот вылет ты получаешь Героя...

В принципе он был прав. Независимо от боевого задания и даже его выполнения, за этот вылет Гривцов должен был получить Героя. Потому что это был сотый вылет. По указу, за сто вылетов штурмовикам и бомберам давали Героя.

По аэродрому пошел слух: Гривцов летит получать Героя. Героев в полку не было.

Его сотый вылет должен был стать Катиным первым.

У командира полка вторые сутки болели зубы, был он поэтому хмур и немногословен и выражение лица имел кислое:

— Экипаж, слушай боевую задачу. Доставка груза с парашютом. Раскрыть карты. Квадрат К-2-в. Вылет экипажем капитана Гривцова. Время вылета — двадцать три двадцать. Ах-х, черт, зубы-то как болят, а! аж челюсть выламывает. Вы как, ребята, самочувствие нормальное? Везет же людям... Штурман!

Штурман полка зашелестел метеокарткой:

— Вот квадрат. Вот мы. Вот гроза. Вот ветер. Пойдете вот так, обратно вот так. В грозу без надобности не суйтесь, запас дальности большой. Высота шесть тысяч метров.

В землянке техник Никодимов нашел наконец невесту в лице Паши Голобокова, кое лицо и обругал. И убежал искать оружейников — срочно готовить машину к вылету.

В двадцать три часа, в полной темноте, накрапывающей легким дождиком («Погодка!..» — ругался штурман), они подошли к самолету.

— Груз в отсеке? — спросил Гривцов.

Никодимов замялся.

Подкатил «виллис» комполка. Из него выгрузились четверо: сам командир, штурман, особист и некто с парашютом.

— Получи груз, капитан.

— Что-о?

— Условия задания ясны? Повтори.

— Где я его повезу в бомбардировщике? В бомбоотсеке?

— Да.

— А чем он дышать будет на шести тысячах, трахтарарах?

— Пойдешь ниже. Ну, выполняй приказ, капитан.

— Есть выполнять приказ, — хмуро буркнул Гривцов и жестом подозвал «груз». — Раньше хоть летал? Прыгал ночью?

— Андрюша, — сказал «груз» тонким голосом. — Андрюша, это ты?

Гривцов попытался ухватиться за воздух.

— Ка-ка-Катя... — пробормотал он.

— Это я, Катя, — сказал «груз», вздохнул, ойкнул, пискнул, всхлипнул и ткнулся головой ему в грудь.

— Простите, товарищ подполковник, — решительно сказал Гривцов, схватил Катю за плечо и уволок в сторону под крыло.

— Андрюшка, — прошептала она и крепко прижалась к нему, дрожа и задыхаясь, в своем неуклюжем комбинезоне, давя ему в живот болтающимся спереди автоматом...

— Однако, — сказал комполка. — Это вылет. Это Герой Союза. Отойдем сядем в машину, ребята.

— Катька, — зашептал Гривцов, оторвавшись от ее губ, от ее милого, мокрого от дождя лица. — Катька, два года, вся война, что, как, где, когда, куда?

— Когда — сейчас, — тихо сказала она голосом, старающимся не заплакать. — Куда — знаешь. Где — здесь. Что — разведшкола. Как — обыкновенно. По набору. А ты-то, ты-то?

— Что — я... Тоже обыкновенно. Капитан. Командую эскадрилей. Раз сбивали. Сотый вот, понимаешь, вылет... Вот такой сотый вылет.

— А у меня — первый...

Экипаж под хвостом курил в рукав. Комполка из машины окликнул:

— Пять минут до вылета, капитан. Запускай моторы.

— Сейчас! Сейчас. Катька, Катя, господи... Когда ты вернешься?

— Не знаю...

— Запоминай полевую почту: 52 512, слышишь? 52 512, легкий номер, запомнила?

Его привыкший принимать конкретные решения мозг вернул себе, кое-как, способность соображать:

— Так. Первое. Замуж за меня пойдешь?..

— Дурак... — сказала она и заплакала. — А ты правда хочешь на мне жениться?..

— Так. Второе. Ведь если сегодня эти ваши костры не будут гореть, вылет повторяем завтра, или как? Но сегодня возвращаемся?

— Не смей, — сказала она. — Андрей, родной... Там ждуг связь... Я тоже солдат. Война же.

— Ты с ума сошла, — обиделся он. — Я просто спросил... Вдруг не горят — все равно же возвращаться...

— Ты найдешь костры, слышишь?! — строго приказала она.

— Штурман найдет... Я доведу...

— Экипаж, принять десант и по машинам! — резко скомандовал из «виллиса» комполка.

О черт, одни бы мне сутки, молил Гривцов, прогревая моторы, выруливая на старт, поднимая машину в воздух. Одни бы мне сутки... Ведь не боеприпасы

скидывать летим, не раненых забирать, ну, посидят они там еще сутки без связи, не помрут... Могут же нас вообще сбить по дороге!

И испугался этой мысли. Невольно подумал, два года относился к этому нормально, был сбит раз, а тут по-настоящему испугался, не за себя ведь.

Нет, думал он, ложась на курс и набирая высоту, донести надо. Или — кой черт, два раза такие случайности не повторяются?

Сейчас за сутки с Катей он отдал бы жизнь не задумываясь. Что жизнь? — все равно война. Авиация союзников теряет за налет пять процентов состава. Двадцать вылетов — сто процентов, постоянное обновление. У них норма — двадцать пять вылетов. Последние пять они делают, как они говорят, «из-за черты смерти». А у меня сто. И неизвестно, сколько впереди...

Черт, в сорок первом не трусил, когда среди бела дня на ночных тихоходных бомбардировщиках, без всякого прикрытия, переправы бомбили. Седьмого июля в их эскадрилье из двенадцати машин уцелело две. И эти две, Кости Звягинцева и его, сбили на обратном пути над линией фронта.

Никто не смеет упрекнуть его в трусости или шкурничестве. У него сто вылетов — норма Героя. У него Красное знамя и «Звездочка», два ранения, он был сбит, он воюет с двадцать второго июня! Пошли они подальше с их связью, двадцатилетнюю девчонку им ночью в грозу в пасть немцам скидывай! Перебыютя сутки, перетопчутся.

Капитан Гривцов, это же трусость и предательство, сказал он себе. С тебя же надо сорвать погоны и расстрелять полевым трибуналом.

Да? Пусть сначала те, кто расстреливает, хлебнут войны с мое. Пусть им судьба даст пять минут стояния под дождем с любимой женщиной, чтоб потом самому отвезти ее почти на верную смерть.

А откуда ты знаешь, что они хлебнули и что дала судьба? У всех любимые женщины, у всех война. А тем, у кого любимых нет, лучше? Легче. Но не лучше. А тем, у кого их уже не будет? Тем все равно.

И все-таки лучше всего будет, если они не найдут сегодня этих костров. И совесть будет чиста.

А дело-то ведь не в том, что ты хочешь уберечь Катю. Все равно не убережешь. Завтра же сам отвезешь и сбросишь. Просто сутки побыть с ней хочешь.

А может, и вся-то жизнь наша в этих сутках?

— Штурман, — сказал он в телефон. — Как твое мнение, найдем костры?

— Видимость по нулям, — ответил Жора. — Гроб задача.

От этой поддержки своим мыслям Гривцов почувствовал невероятный подъем.

— Кстати, — сказал наглец Жора, — тот букет, что я набрал на свадьбу, стоит у нас в банке на столе.

— Ты отличный штурман, Жора, — сказал он. — И ты отлично ориентируешься в любой обстановке.

— Жора, — сказал он через минуту, — верно ведь, гроб найти их нам в такую ночь и на таком удалении, практически без ориентиров?

— Не дрейфь, — невозмутимо сказал Жора. — Все возможное мы сделаем. Но — погода диктует авиации, мы не боги.

И Гривцов понял, что к утру они вернутся с продрогшей родной Катей в бомбоотсеке и обнимутся, и подбежит понятливый Никодимыч с фляжкой, и весь день, с утра до ночи, будет их. А ради следующего такого дня можно воевать еще два года.

И следом понял, что все это понимают. И лежащий в хвосте с пулеметом Паша, и Сашка в своем плексигласовом колпаке сверху, и даже командир полка, наверное, тоже это понимает. И все даже сочувствуют. И никто не посмеет упрекнуть ни малейшим подозрением. И весь полк прекрасно поймет, что командир второй эскадрильи капитан Гривцов плюнул на боевое задание, чтобы провести день с бабой. И не подкопаешься.

Он вспотел. Ему же еще много раз отправлять экипажи на смерть. И они будут смотреть на него понимающими глазами: «Сам ты, конечно, здорово разок сошкурничал, но что ж — ты командир...»

Хуже того. Даже если они на самом деле не смогут отыскать костров, ему никто не поверит. Белыми нитками шито. Мол, знаем, понимаем, верим, молчим.

Влип ты, капитан Гривцов. И так плохо, и эдак нехорошо.

А если они увидят костры — что же, не заметить их? И Пашка из хвоста увидит...

Эх, сказал себе Гривцов и провел взглядом по приборной доске. Будем выполнять задание на совесть. Что ж поделаться, Катенька...

— Штурман! — приказал он жестко. — Найти сигнальные костры во что бы то ни стало! Ясно?

— Ясно, ясно, — успокаивающе отозвался Жора. Из его тона следовало, что Сашка и Паша все слышат в телефон, а репутация командира должна быть выше подозрений. А штурман старается как может. Все довольноны.

— Ты меня правильно пойми, — попросил Гривцов.

— Белены объелся? Конечно правильно.

Но понял он его неправильно. И самолет находился сейчас в ста двадцати километрах от того места, где должен был находиться и которое было отмечено в штурманском планшете. Это имело роковые последствия.

Потому что внизу, на подходах к Витебску, звукометристы крутили штурвалы своих раструбов, а номера зенитных расчетов вкладывали кассеты в казенники зенитных автоматов, и прожектористы держали руки на тумблерах прожекторов.

Мертвый слепящий свет выхватил бомбардировщик из черного пространства. Внизу словно заискрилась огромная электросварка: противовоздушная оборона железнодорожного узла заработала разом. Раскаленные нити зенитных очередей стремились соткаться в саван и накрыть их маленький серебряный самолет, беспомощно влипший в перекрестие голубых мечей прожекторного света.

— Крышка русскому, — профессионально оценил аккуратный немецкий фельдфебель, размеренными дви-

жениями сдвигая горизонтальную наводку прожектора, держа цель в центре луча.

Бомбардировщик доживал последние секунды.

Оскалившийся Гривцов, навалившись на выкрученный влево штурвал, вогнав в пол левую педаль, рычал от бессильной ярости и ставил самолет на крыло, чтоб в скольжении протаранить стену света и уйти в спасительную тьму. Воздух, как перину, взбивали зенитные разрывы. Газ был выбран до отказа, и моторы захлебывались надсадным воем.

— Витебск! — заорал штурман.

— Хорошо, что не Берлин, — философски отозвался из хвоста Паша.

— Жора, убью, если не уйдем, — зарычал Гривцов, бросая лязгающую от перегрузок машину из стороны в сторону. — Сашка, давай дымовую шашку!

Стрелок-радист зажег огромную, с кастрюлю шашку для постановки дымовых завес. На привязанном багре выставил ее в лючок своего плексигласового колпака. Густой шлейф дыма рвался за самолетом.

— Держись, пикирую! — Гривцов отдал штурвал до отказа и приподнял закрылки, машина резко просела и ринулась носом вниз, моторы зашлись комариным звоном, боль в ушах, фиолетовые круги, бросок, удар!..

Темнота.

Едкая гарь.

— Вырвались! — выдохнул Гривцов.

— Командир, из правого мотора огонь, — прерывающимся голосом сказал Саша. — Я ранен... Тут в клочья все...

Бешеный огонек струился с правого мотора, рос и набирал силу. Мотор ревел натужно и терял обороты.

— Не дотянем, — сказал Гривцов.

— Дотянешь, командир, — сказал Жора. — Дуем обратно.

Гривцов развернулся на обратный курс, перекрыл масло и бензин правому мотору, убрал его зажигание и выжал все из левого.

— Если сам погаснет, то дотянем, — сказал он. — Только так не бывает.

— Мы прыгать не можем, — сказал Жора. — Она у нас в бомбоотсеке. Мы не увидим ее парашюта в такую ночь. Если она ранена?

— Паша, ты цел в хвосте?

— Да вроде...

— Саша?

Саша молчал.

Гривцов представил себе залитую кровью Катю в изодранном зенитными осколками бомбоотсеке и застонал. Прыгать с парашютом ему нельзя. Надо как-то сажать, спасти Катю.

Мотор горел с шипением сбиваемого встречным потоком пламени, и бомбардировщик терял высоту.

— Девятьсот метров осталось, — сказал Жора.

Ну держись. Гривцов перевел машину в пологое пики и выжал из левого мотора все. Под крыльями затрещало...

— Разваливаемся! Семьсот километров! — заорал штурман.

— Врешь, — хрипло сказал Гривцов. — Сбили пламя... Вот теперь пойдем домой. Смотри вперед лучше. Мне уже высоту не набрать...

Они давно вышли из грозы и шли на восток в лунном свете на высоте двухсот метров, когда Паша Голобоков спокойно сообщил из хвоста:

— Большое везение. Истребитель пристраивается.

И огненная трасса прочеркнула над левым, работающим, мотором.

— По выхлопу бьет, гад, — сжал зубы Гривцов. — И угораздило еще нас на ночной истребитель напороться...

«Юнкерс-88», оборудованный фарой для ночной охоты, превосходил их сейчас в скорости на двести километров. Его стрелок крутил в верхней турели спаренный крупнокалиберный пулемет, а штурман пристраивал свой пулемет в прорези носового фонаря.

Он догнал их сзади, уравнил высоту, и из трех стволов размочалил хвост.

— Паша!

Паша не отвечал, лежа в изодранном крошеве своей кабинки. Машина теряла управление.

— Жорка, прыгай! Прыгай, ну!

Штурман прыгнул.

Гривцов отодвинул форточку и пытался разглядеть, что внизу. Внизу был лес. «Юнкерс» зашел снова, и пулеметная очередь пробарабанила по бронестинке. А в бомбоотсеке была Катя, живая или мертвая — Гривцов не знал.

Он сажал бомбардировщик на лес. Открыл фонарь, отстегнул привязные ремни. Ему повезло хоть сейчас — он сажился на вырубку.

Удар! треск, хруст, бросок! Сели!

Они плюхнулись на брюхо в болоте среди пней, и многострадальный бомбардировщик вспыхнул разом, будто посадки только и ждал, чтоб сбросить с себя бремя существования на этой войне.

— Катя-а! — дико заорал Гривцов, выпрыгивая из кабины, и замер: бомболок открывался из кабины штурмана.. Но створки люка плотно легли в болотную грязь. Машина горела.

Он бросился к отсеку и забарабанил кулаками, ручкояткой пистолета по обшивке. И в ответ прозвучали изнутри слабые удары...

Спас их мертвый Паша Голобоков. Паша возил с собой в хвосте топор, — он был сибиряк и топор считал необходимой аварийной принадлежностью. Гривцов судорожно схватил топор в его кабинке, залитой кровью, и с маху прорубил дюралевую обшивку. «Сейчас, Катя», — хрипел он, вырубая выход из фюзеляжа, пляша в огне со сторевшими бровями и ресницами.

Два грузовика с немцами заезжали в лес в километре отсюда. И розыскные собаки поскуливали в кузовах.

II

Комбинезон на Гривцове дымился. Он прорубил уже дыру в фюзеляже и сунулся в нее, как вдруг получил удар по голове чем-то тяжелым и железным.

— Рация... — слабым голосом сказала Катя. — Рацию возьми...

— Какая к черту рация! — заорал Гривцов. — Взорвемся сейчас!

Он сорвал с Кати парашют, ранец, всю дребедень и стал пропихивать ее наружу. Катя была в полубомороке. Она цеплялась за края отверстия, сопротивляясь, и повторяла:

— Рация...

— Да будет тебе рация! — Гривцов поднатужился и протолкнул ее наружу. Кое-как подал ей через дыру рацию и вылез сам. Схватил одной рукой Катю за шиворот, другой — рацию за лямки и стремительно потащил прочь от горящего самолета. Ноги его путались в длинном ремешке планшета, но планшет он не снимал: в нем карта, по ней еще предстоит выбираться отсюда.

— Андрей, ты горишь! — слабо закричала Катя.

Он упал на влажную землю среди пней и стал кататься, сбивая пламя с комбинезона. Комбинезон расползлся, и он срывал с себя тлеющие куски. Наконец погасил, в возбуждении не чувствуя боли в обожженных руках и лице.

В сотне метров от самолета они в изнеможении сели и привалились спинами к огромному пню. Судорожно дышали, глядя на пылающую машину, чуть не ставшую их могилой.

Взрыв потряс лес — это взорвались бензобаки бомбардировщика. Яркое пламя осветило вырубку. В трещащем костре силуэт бомбардировщика словно таял.

— Так, — сказал Гривцов, облизывая обожженные губы. — Первое дело мы сделали — сели. Второе тоже сделали — вылезли из машины на землю. Осталось сделать только третье — дойти до дома.

Он хмыкнул, достал из планшета папиросы и спички и закурил. Спросил Катю:

— У тебя НЗ есть? Или все там осталось?

Лицо у Кати сделалось виноватым. Она достала из кармана полплитки шоколада:

— Вот все...

— Ладно, — сказал он. — Поймаем утром медведя и съедим. А сейчас я докурю, и мы побежим как можно дальше от этого места, и как можно скорее. Немцы — народ педантичный, аккуратисты. Небось уже едут сюда — посмотреть, что от нас осталось.

Он напрягся, вслушался:

— Молодцы, быстро поспели. Ну, быстро за мной! Оружие есть?

Сунул руки в лямки рации, вынул пистолет из кобуры и тяжело побежал, сожалея об оставленном в самолете Катином автомате. Она бежала за ним. Темный лес вставал перед ними, дыша сыростью.

Лай собак приближался. Гривцов бежал в темноте, рация тяжело била по спине. Ветви хлестали лицо, ноги спотыкались о корни деревьев. Сзади тяжело дышала Катя.

— Катька, — прошептал он, — если через двести шагов не будет опять болото — рацию твою я бросаю. У них собаки. Самим бы уйти.

Он ясно представлял, что сейчас произойдет. Добежав до вырубki, немцы пустят вперед веера пуль из автоматов и подбегут к догорающему самолету. Потом проводники собак обойдут костер кругом, собаки возьмут след и натянут поводки, и погоня устремится за ними. А их — двое, два пистолета. Сдаваться нельзя...

— Двести шагов, — выдохнул он и сбросил рацию. Катя схватила ее и потащила вперед. Он догнал и отобрал.

— Девочка, дура... — приблизил к ней в темноте лицо, чуть не плача. Она цеплялась за рацию изо всех сил. Секунды терялись.

Гривцов представил себе, как Катя лежит в этом лесу мертвая рядом с железным ящиком рации, застонал от непереносимой муки и, снова надев проклятый ящик, побежал.

С вырубki донеслись автоматные очереди. Все разворачивалось именно так, как Гривцов представлял: немцы добрались до самолета.

— У нас минут десять опережения, — задыхаясь, сказал он. — Через полчаса нагонят, не позже...

Где-то между вершин деревьев запели пули — погоня взяла след и двигалась в их направлении.

Но бог войны смилостивился над ними и на этот раз, потому что под ногами зачавкало. То, что им требовалось: болото!

— Только бы не трясина, — прошептал Гривцов, бредя по шиколотки в воде. Он свернул в сторону, чтоб не оказаться на пути преследователей, они продолжат путь наугад, и собаки уже не смогут привести смерть по скрытым водой следам.

Они шли, по пояс проваливаясь в ямы с водой. Гортанные выкрики немцев уже различались. Собаки надрывались от лая и вдруг беспомощно заскулили: они дошли до воды и потеряли след. Последовал взрыв немецкой брани и длинные автоматные очереди: немцы прочесывали досягаемое для стрельбы пространство болота огнем.

Хлопнули ракетницы. Мертвенно-белым светом залилось болото: чахлые деревца и кустарник, кочки, лужи ржавой воды. Болото уходило вдаль.

Гривцов и Катя, по горло в воде, стояли за кочкой, на которой рос куст чахлого раkitника. Рация держалась между его корней.

Гривцов посмотрел на свои светящиеся часы. Часы тикали.

— Полвторого. До рассвета еще часа три. Авось не станут ждать, уйдут...

Немцы ушли через полчаса. Далеко в болото соваться побоялись.

— Ну, — тихо сказал Гривцов, — сзади нас уже не ждут. Попробуем идти вперед. Тебе по-прежнему нужна твоя рация?..

И тут, когда непосредственная опасность миновала, его словно сладко обожгло: так или иначе, но они с Катей вдвоем!

Катя поднесла к глазам светящийся компас:

— Восток там.

— Это, конечно, здорово, что восток там, — одобрил Гривцов. — А где кончается это болото, твой компас нам не покажет, а?..

И все еще по горло в воде, он обнял ее и стал целовать чумазое мокрое лицо:

— Катька, с нами теперь никогда ничего плохого не случится, слышишь... Нет, еще случится, а живы будем...

— Вот так мы встретились, — шептала Катя, уткнувшись носом в его щеку... — Андрюшка, родной... Ну, веди меня, мой сильный мужчина, капитан авиации и командир эскадрильи...

Он выбрался туда, где было помельче, по поясу. Отломал ветку подлиннее и, ошупывая ею перед собой дорогу в воде, пошел дальше через чавкающее болото. Катя держалась в десяти шагах сзади.

— До света надо на сухое выйти, — сказал Гривцов. — Днем будем тихо сидеть в лесу, а двигаться по ночам.

В половине пятого болото кончилось. В изнеможении Катя опустилась на твердую землю.

— Встать! — грубо приказал Гривцов. — Иди за мной! Ну!

И тихо толкнул ее ногой. Она ахнула изумленно и поднялась.

— Распускаться не дам, — сообщил Гривцов жестко.

Он был старый солдат — два года войны. Он знал, как губительны бывают жалость и сочувствие и как может спасти измученного человека жестокая сила приказа.

На рассвете, когда вершины сосен выступили в сером небе и запели в ветвях лесные птицы, Гривцов и Катя рухнули в траву на укрытой кустарником поляне.

— Так, — сказал Гривцов, отдышавшись. — Первое: как там у нас с солнцем? Не предвидится. Костер. Сушиться. Греться.

Он натаскал сушняку и поднес зажигалку, но фитиль отсырел, и огня не было.

— Второе. Сушим все, что можно сушить. — И аккуратно разложил на бугорке двенадцать папирос из портсигара.

— Третье. Иди за этот куст, снимай с себя все и кидай сюда — выжму как следует. — Он в смущении отвернулся.

Катя покраснела, хотела что-то сказать, но молча встала и скрылась за указанным кустом. Через минуту оттуда вылетели ее комбинезон и гимнастерка.

— Брюки! — строгим голосом приказал Гривцов.

Вылетели брюки.

— Остальное! — приказал Гривцов еще более строго.

После паузы дрожащий голос из-за куста воспротивился:

— Остальное я сама!

— Только как следует!

Отжав Катины вещи, Гривцов отошел и занялся собой. От комбинезона остались одни лохмотья. Гимнастерка и галифе были в подпалинах. Противнее всего было натягивать вновь сырое белье.

— Катя, — позвал он. — Помнишь, мы в июне были на пляже? Ну, перед войной? Так вот, приказываю: форма одежды — пляжная. И без дураков у меня! Существовать будем.

Однако форменные подштанники в качестве пляжного костюма были явно неприличны. Подумав, Гривцов сунул ноги в рукава нижней рубашки и после некоторых усилий соорудил шорты вроде тех, в которых Робинзон Крузо гулял по берегу после кораблекрушения.

— Так! — бодро сказал он, довольный своей находчивостью. — Ты готова?

Из-за куста ответили неразборчиво, но интонация была отрицательной.

— Считаю до двадцати...

Он тоже смутился, решил, что уже светло и костра видно не будет, попробовал зажигалку — фитиль подсох, и веселый огонек побежал по куче сухих ветвей. Пламя затрещало, повеяло теплом.

— Иди к костру. Я смотрю в другую сторону. А то силой выгашу.

Они грелись, сидя по разные стороны огня спинами друг к другу.

— Суши брюки, — приказал Гривцов, и Катя стала держать поближе к костру свои влажные брюки, от которых шел пар.

Потом она оделась, он сушил свое и сдерживал вздохи, глядя на тоненькую шейку, торчащую из ворота гимнастерки, и подстриженные на затылке пушистые каштановые волосы.

Вышло солнце. Папиросы высохли, и Гривцов закурил.

— Завтракаем, — скомандовал он, достал из планшета Катин шоколад, разломил пополам, половину снова разломил на две неравные доли и бóльшую дал ей.

По карте из его планшета они попытались определиться. Ничего хорошего из определения не следовало: километров триста до линии фронта. Около ста — до места, где Катю должны были встретить.

Рация не работала. Катя разложила на солнце подмокшие блоки питания.

До вечера им предстояло решить задачу: идти на восток, к линии фронта, держась лесами и кормясь тем, что под ногами растет, или на запад — дня за четыре можно было дойти до назначенного Кате места и попытаться найти ее группу или партизан — кто там ее ждал.

И, сделав все неотложные дела... они замолчали и неуверенно посмотрели друг на друга. И думали оба одно: «А если не дойдем? А если этот день — для нас последний? На фронте загса нет, а здесь — тем более...»

— Черт... — сказал Гривцов беспомощно, — Катя, я люблю тебя...

— Я тебя тоже... — прошептала она, отвела взгляд, сжалась и отодвинулась.

И вдруг Гривцов прояснел, словно нашел самое простое решение:

— Катя, — сказал он легко, и даже засмеялся, — выходи за меня замуж!

— Когда? — спросила она и тоже засмеялась. — Хорошо, Андрюшка, дурак! Конечно выйду!

Изменившимся голосом он сказал:

— Сейчас...

— Ты с ума сошел...

Он сорвался с места, через минуту вылез из кустов с букетиком каких-то белых цветочков, стал на колени, протянул ей и повторил голосом, хриплым от горя, что вот сейчас она скажет «нет»:

— Катя, выходи за меня замуж... — И неожиданно почувствовал, что что-то теплое расплылось в его глазах и поползло вниз по щекам.

— Господи боже мой, — сказала Катя, обняла его, прижалась и со вздохом закрыла глаза.

И в его закружившейся голове какое-то время еще стучало: «Теперь можно и умирать... теперь можно и умирать... Теперь можно и умирать...»

— ...Теперь можно и умирать... — медленно возвращаясь в реальный мир, прошептал он в Катины пушистые волосы.

Она вздохнула, пошевелилась, всхлипнула, подняла на него глаза, вытерла слезы и засмеялась:

— Фигушки! Вот теперь умирать тебе никак нельзя! Что я, спрашивается, без тебя буду делать, а? Так что теперь будьте любезны жить, товарищ капитан!

Странное дело: Гривцов мог бы в этот миг поклясться, что никогда не умрет.

Вечером они съели остатки шоколада и тронулись на запад. Гривцов опять волок на себе неработающую рацию: Катя уверяла, что питание высохнет, и все будет в порядке.

За ночь они, по его подсчетам, прошли километров двадцать пять, и на рассвете снова устроили лагерь на поляне. Все было бы неплохо, но есть хотелось невероятно. Гривцов выкурил еще одну папиросу, насильно скормил Кате горсть зеленых метелочек завязи еловых шишек («Витамины!») и приказал играть отбой.

На следующий день, с болью глядя на осунувшееся Катино личико, он плюнул на предосторожности, взвел пистолет и пошел на охоту. Застрелил довольно тошого барсучка и приготовил из него шашлык. Половину шашлыков он отложил про запас.

На третий день у Кати ожила рация. От радости Катя воспрянула духом. Ночью она вышла на связь. Ин-

струкции были таковы: постараться найти группу, которая должна находиться где-то в этом районе. В случае неудачи искать партизанский отряд и сообщить об этом.

— А я? — озадаченно спросил Гривцов.

— А тебя мы отправим на самолете обратно, — пообещала Катя.

Если б она сейчас знала, что ее обещание сбудется совсем не таким образом, как она себе представляла!

На четвертый день они наткнулись на деревню. Гривцов велел Кате сидеть в лесу, а сам кустами пробрался ближе.

Покосившиеся серые избы стояли безмолвно. Ни визга свиней, ни кудахтанья кур... И эта далекая глухая деревенька была опустошена войной... Выждав с полчаса, Гривцов с пистолетом наготове стал красться к крайней избе. Перемахнул через покосившуюся изгородь в заросший бурьяном огород. Подполз к маленькому оконцу. Затаив дыхание, заглянул в дом...

Старуха в черном вдовьем платке, с темным морщинистым лицом, гладила худую кошку, свернувшуюся у нее на коленях.

Гривцов тихонько постучал в окно:

— Бабушка.. Эй...

Старуха вздрогнула. Кошка потянулась и спрыгнула на пол.

— Немцы есть у вас? Я свой, русский...

Испуганно оглянувшись, старуха подошла и отворила окно:

— Ты оружие-то спрячь... Что тебе надо?

Голодом и бедой пахло в бедной избе. Через минуту Гривцов сидел за покосившимся столом и жадно хлебал из миски тюрю из жмыховых лепешек с лебедой, размоченных в воде, а старуха, пригорюнясь, глядела на него и рассказывала:

— Кто куды разошлись все... Человек, почитай, двадцать осталось... Немцев у нас нет, в сорок первом в августе были недолго, и ушли... А полиция в восьми километрах здесь, в соседней деревне, в Костоковицах, там управа ихня... Каждую вторую неделю приез-

жают с проверкой, партизан ловить. А только и партизан нет у нас, в нашу деревню не заходили никогда. А вообще есть здесь они по лесам... Вот только четвертого дни к Анне Даниловой заходили четверо, наши, по-военному одеты. Спрашивали тоже, нет ли здесь наших... Ты не их ищешь, сынок?

— Их, — сказал Гривцов. — А куда они пойти могли, мать?..

Старуха посмотрела на него с недоверием и промолчала.

За окном стемнело от туч. Скрежешущий удар пронесся по небесам, и хлынул ливень.

— Я пойду, — Гривцов встал и поклонился ей. — Нет ли еще чего поесть, мать? Там меня в лесу друг ждет... Я летчик, сбили гады меня...

— Куды в ливень иттить? — Старуха недобрым взглядом пробуровила Гривцова, накинула на голову мешковину и пошла вон из избы, сказав от порога:

— Жди здесь... Скоро вернусь.

Не за полицаями ли отправилась старая ведьма, размышлял Гривцов, сидя с пистолетом у стола и водя глазами по окнам. Уйти? Но там, под дождем, Катя... Она совсем ослабла от голода.

Старуха вернулась с маленьким кусочком сала. Завернула его в узелок вместе с двумя лепешками и подала Гривцову:

— Храни тебя господь, сынок... — и перекрестила его.

Он вернулся в лес, промокший до нитки. Катя, нахохлившись, сидела с пистолетом под раскидистой старой сосной.

— Лопай, — весело сказал Гривцов. — Где-то здесь твои. Три дня назад в деревню заходили...

Он поцеловал ее и почувствовал, что лицо ее пышет жаром.

— Я что-то не хочу есть... — слабо сказала она. — Я, кажется, немножко простудилась...

Если бы Гривцову надо было в этот миг застрелиться, чтоб Катя выздоровела, он сделал бы это не задуываясь.

— Ерунда, — бодро сказал он, не показывая беспокорства. — Мы почти на месте, деревня рядом, ни немцев, ни полиции в ней нет. А ну, за мной!

И уже знакомой дорогой он пришел с Катей в избу.

Увидев их, старуха всплеснула руками, укоризненно покачала головой и принялась разжигать какие-то жалкие щепочки в печи. Поставив на огонь воду в горшке, она выставила Гривцова в сени, раздела Катю, растерла куском жесткой холстины и стала поить горячим отваром душистых трав. Кошка терлась в ноги и мурлыкала.

Катя уснула на печи, укрытая грудой сухого тряпья.

— Через два дня здорова будет, — сказала Гривцову старуха. Она внимательно посмотрела за окно:

— А только утром уйти вам надо. Погода будет завтра, сухо. Вдруг полицаи...

Гривцов заснул на полу. Уже светало, когда старуха растолкала его:

— Скорее бегите! Душегубы с проверкой в деревню пожаловали.

Гривцов различил стук колес телеги и зычный мужской голос:

— Спокойно, бабы! Проверочка! У кого партизан или поросенок — давайте его сюда! — И смех.

На четвереньках пробравшись через огород, Гривцов и Катя побежали через луг к лесу. До леса было метров четыреста. Гривцов рассудил, что разумнее преодолеть их бегом: заметят их вряд ли, а в лес соваться, может, побоятся. Вряд ли полицаев много.

Но в местной полиции служили, видимо, опытные и расторопные ребята, потому что один из них сидел на крыше с винтовкой, удобно прислонясь к печной трубе, и вертел головой по сторонам: он выполнял обязанности боевого охранения.

— Двое к лесу бегут! — заорал он. — От избы Глазгычи! — И, аккуратно прицелившись, выстрелил.

Гривцова толкнуло в спину и бросило на землю. Он вскочил, бросил взгляд на рацию: пуля застряла в ней.

Этот железный ящик спас ему жизнь — надолго ли? — но сам стал бесполезен.

Пятеро полицаев уже выбегали за околицу, передегивая затворами винтовок. Один был с автоматом — безотказным немецким «шмайссером».

Гривцов выстрелил несколько раз в их сторону и с удивлением увидел, как автоматчик ткнулся в землю.

— Удачно, — невольно пробормотал он. — Катя, перебежками!

Петляя и падая, они бежали под пулями к лесу.

Из деревни вылетела телега, рослый детина с белой повязкой полицаев соскочил с нее, лег с пулеметом на землю и установил прицел.

— Стрелки... — презрительно сказал он и выпустил по бегущим длинную очередь из своего «машиненгера».

Беглецы уже достигли крайних деревьев, когда пуля попала Гривцову в левое плечо, и, падая, он успел порадоваться, что в левое, а не в правое, потому что он мог стрелять, прикрывая Катин отход.

Он отполз за ствол старой сосны и вложил в пистолет запасную обойму. Катя лежала рядом и с ужасом смотрела на него.

— Давай запасную обойму, — сказал он. — Все. Я прикрою. Беги. Катя — люблю — всегда вместе будем — скорее! Ну!! — и в отчаянии, что она не уходит, жестоко выматерился ей в лицо. — Ну!!

И лишь когда вдаль затих шум раздвигаемых ею ветвей, он успокоился, почти обрадовался даже и взглянул из-за ствола.

Полиции приближались короткими перебежками. Гривцов стрелял, целясь, но они подбегали все ближе, обойма кончилась, он подумал, что не успеет вставить новую, и был прав, потому что они подбежали раньше, и от удара прикладом по голове он потерял сознание.

И увозимый на телеге, со связанными руками, не мог слышать, как в лесу за Катиной спиной клацнул затвор и негромкий голос велел:

— Стоять!

Он пришел в себя оттого что голова его билась о дно телеги. Первой мыслью было: «Жив...» Второй: «Катя... что с ней?..» Третья и четвертая мысли появились одновременно и затеяли отчаянную борьбу в раскалывающейся от боли голове: «Расстреляют» и «Бежать! Как угодно, вопреки всем обстоятельствам — все равно сбегу!»

Наверное, эта последняя мысль ясно отразилась в его раскрывшихся глазах, потому что рослый детина, придерживающий между колен ручной пулемет, взглянул на него с ухмылкой и успокоил:

— Теперь не сбежишь, не волнуйся. Побеседуешь немного с начальством — и капут. Приведи в порядок совесть.

Гривцов заскрипел зубами, глядя в его сытое свежее лицо:

— Моя совесть в порядке... А твоя, гад?

Детина загоготал:

— А я ее сховал в надежном месте, пока война не кончится. Чтоб сохранней была! А то истреплется... — И одобрительно подмигнул Гривцову: — А ты ничего, сука, храбрый! Снайпером был, что ли? С двухсот метров из шпалера Моргунку в лоб засветил!

Гривцов скосил глаза и увидел на дне телеги рядом с собой мертвеца с повязкой полица. «Это тот, с автоматом?.. Хоть одного уложил...»

— Жаль, тебя не уложил... — сказал он детине.

Тот нахлестнул вожжами лошадей и, обернувшись, ласково улыбнулся ему:

— Особенно тебе будет этого жаль завтра утром, когда я тебя вешать буду...

— Посмотрим!..

— Смотреть будут другие. Ты будешь висеть.

Сквозь свежую листву над головой Гривцов видел ясное небо с редкими облачками и думал о том, что Катя, наверное, все-таки ушла и теперь ей сухо в лесу и тепло, и за пазухой у нее две лепешки и кусок сала, и карта в кармане, и обойма в пистолете, и, может

быть, она выберется к партизанам, и уж во всяком случае она будет жива завтра утром, когда его уже повесят, и от этой мысли, что она будет жива, когда его уже не будет, на лице его появилось счастливое выражение.

— Чо лыбишься? — поинтересовался детина. — Что второй ушел от нас? Дак ты через час сам скажешь, где его искать.

— Не дождетесь, — сказал Гривцов.

— Дожде-омся, — пообещал детина. — И лучше сразу скажи. А то очень больно будет...

Они въехали в деревню.

— К управе давай! — закричали полицаи со второй телеги, ехавшие вслед за ними.

Управа помещалась в довольно просторном доме, где до войны, видимо, была школа или сельсовет. Над входом лениво шевелился под теплым ветерком красный флаг со свастикой в белом круге.

Толстый человек в немецком френче без погон вышел на крыльцо и обвел подъехавших ленивым взором:

— Так... Одного ухлопали, одного захапали... Так на так. Ну, тащи его ко мне — беседовать будем...

Гривцов сам, преодолевая боль, слез с телеги и шагнул на крыльцо. Пошатнулся. Детина хотел подержать его. Ребром правой ладони Гривцов рубанул его по горлу. Огромной лапишей детина перехватил его руку и слегка свернул, а другой отвесил легкий подзатыльник, буркнув: «Зря развязал тебя». Это с виду подзатыльник был легким — в голове у Гривцова загудело и поплыли круги...

Толстяк во френче — начальник — долго разглядывал его через стол. Потянулся — ощупал гимнастерку:

— Недавно здесь... Диверсант.... Расскажешь все — будешь жить, обещаю. Что толку нам тебя повесить, сам понимаешь... А так — составим рапорт о твоей группе, мне — благодарность, тебе — жизнь за то, что помог и вину свою осознал. Чем ты виноват?.. Поверил большевикам, обманут... Ну, когда вас выбросили?

Молчишь... Николаев! Николаев, проведи «товарища» на экскурсию.

Николаев, тоненький юноша с нервным лицом, подошел к сидящему Гривцову:

— Позвольте руки...

Он ловко связал ему сзади руки и сделал приглашающий жест:

— Прошу...

В полуподвальном помещении, где свет скупо проникал сквозь маленькое пыльное окошко под потолком, Гривцов увидел деревянный топчан, весь в засохшей крови. Николаев вежливо произнес:

— Прошу садиться... Зубной боли не боитесь? — и указал на обшарпанную бормашину. Гривцов невольно стиснул зубы.

— Простите, вы женаты? — Николаев говорил необыкновенно светским тоном. Он взял кузнечные клещи и повертел их в тонких белых руках... Потом потрогал маленькие шипчики: — Вы, наверное, не привыкли ухаживать за своими ногтями...

Гривцова затошнило... Николаев, внимательно следящий за его побледневшим лицом, ногой подвинул по цементному полу жестяной таз:

— Вам дурно? Простите, воды здесь нет. Разденьтесь, пожалуйста.

Он зажег керосиновую лампу и стал накалять на ней вязальную спицу:

— Инструменты стерилизуем — чтоб не занести инфекцию.

В дверь просунулся детина:

— К господину начальнику!

Николаев с неудовольствием поморщился:

— Мы прощаемся с вами ненадолго, дорогой...

Возвращайтесь.

Начальник за столом ел землянику из блюдечка.

— Как тебе наша амбулатория? Ну, рассказывай...

И Гривцов с ужасом услышал свой голос, произнесший:

— Что вы хотите знать?

Начальник оживился:

— О, вот! Когда вас выбросили с самолета? Парашютисты? Или переходили фронт пешком?

Гривцов лихорадочно соображал. Тянуть время! Усыпить их бдительность! Дожить до ночи. Потом — бежать.

— Я все скажу, — произнес он, чувствуя себя уже предателем. Так вот как становятся предателями!..

— Говори. Парашютист? Ну!

— Завтра, — пробормотал Гривцов. — Все завтра скажу...

— Николае-ев!

— О черт. Парашютист!

— Когда выброшен?

— Восемь дней назад.

— Состав группы?

Гривцов вдруг представил, как карательный отряд ловит несуществующих парашютистов, прочесывает местность, а там — одна Катя, больная, беспомощная, и где-то здесь — группа, которая ее ждет, кольцо облавы сжимается вокруг нее...

— Пусть тебе цыганка нагадает состав группы, — с яростью сказал он и поднялся:

— Привет!

— Куда?

— В амбулаторию! Что-то зуб болит, — с издевкой сказал Гривцов и плюнул в блюдечко с земляникой:

— Приятного аппетита!

Стоявший у двери детина коротко гоготнул, аккуратно снял с верха блюдечка несколько ягод и, неожиданно зажав Гривцову нос, сунул землянику ему в рот:

— Жри, падла!

Гривцов послушно разжевал душистые ягоды и, преодолевая желание проглотить их, вдруг плюнул душистую розовую массу в рожу детине.

Теперь хохотал начальник. Детина утерся, руки вытер о гимнастерку Гривцова и похлопал его по плечу:

— Ну пошли, храбрый...

...Через полчаса истерзанного Гривцова выволокли из подвала и бросили в угловую комнату с решеткой

на окне. Детина вылил ему на голову ведро воды, и Гривцов очнулся, захлебываясь...

Оглянувшись, детина вдруг прошептал:

— Не дрейфь, браток... Выпутаемся...

Когда Гривцов осознал смысл его слов, тот уже вышел и дважды провернул ключ в замке.

Ночь Гривцов провел без сна, сдерживая стоны от мучительной боли. Под утро вновь возник детина:

— Слушай сюда, браток... Говори, что ты сбитый летчик. Понял? Продумай все покрепче... Тогда — может быть, отправят в концлагерь... Молчать все равно не удастся...

— Почему? — спросил Гривцов, с надеждой глядя в его лицо. Кто он? Попал в полицию случайно? Почему не бежит к партизанам? Боятся, что там расстреляют? Или он разведчик?..

Но тот поспешно вышел.

Утром Гривцов понял, почему молчать не удастся.

— Посмотри-ка в окно, — сказал начальник, обдергивая френч на животе.

На пыльной маленькой площади перед управой стояло десять человек: два старика, три женщины и пять детей. Младшему из детей было года два. Он, не понимая происходящего, одной рукой держался за руку матери, а другой ковырял в носу. Старики мелко крестились.

Полицаи с винтовками полукругом стояли позади их.

— Моргунка ты убил, — объяснил начальник. — За одного нашего — десять заложников, понял? На размышление тебе — одна минута. Или говоришь все, и они идут по домам, или они будут расстреляны — здесь и сейчас! — а уже потом повесим тебя.

Гривцов внимательно посмотрел в глаза начальнику и понял. Тому, собственно, было плевать, что он скажет. Ему нужно было представить своему начальству очередной рапорт о своей успешной деятельности. И еще — его интересовала собственная безопасность. Не собираются ли громить их управу партизаны. На партизана Гривцов не очень походил.

— Записывай, палач, — с ненавистью сказал он.

Начальник удовлетворенно улыбнулся. И по его улыбке Гривцов понял, что начальник тоже его понимает. И что он, может быть, по натуре человек не злой и не жестокий. Просто — чиновник, мелкий карьерист, желающий выдвинуться независимо от обстановки. Такие люди всегда желают представить своему начальству то, что начальству хочется от них получить. И тогда они продвигаются вверх. А то, чем они занимаются, их не интересует. Ход их мыслей таков: «И рад бы быть добрым... Я же по натуре человек хороший... Да что ж делать — жизнь такова. А жить-то надо...»

— Сбили меня, — сказал Гривцов. — Четыре дня назад сбили. Над Витебском. Можете проверить...

— Какая была задача?

— Выброс диверсионной группы.

— Квадрат?

Вот здесь врать можно было сколько угодно. И Гривцов всласть наврал о большой диверсионной группе, контейнерах со взрывчаткой, железнодорожных мостах и разведчиках в немецком обмундировании. Он лихорадочно соображал, что с ним будет дальше: расстреляют, отправят в лагерь или передадут куда-нибудь к начальству повыше для дальнейших допросов.

Начальник высунулся в окно и сделал знак рукой. Полицаи закинули винтовки за плечи и махнули заложникам: идите по домам. Те торопливо пошли прочь с площади, испуганно оглядываясь.

— Ну, что с тобой теперь делать? — спросил начальник.

— Разрешите, я его распишу, — подал голос детина от двери. Гривцов с надеждой взглянул на него и, играя, процедил:

— Жаль, тебя вот я не шлепнул на лугу, гада.

Начальник с сомнением потер лоб:

— Собирайся, Крышук. Доставишь арестованного в управу в Полоцк и передашь рапорт. С собой возьмишь Аверко.

Они отправились в путь наутро, в тряской телеге, куда детина, фамилия которого была Крышук, бросил охапку соломы. Во время остановки Гривцов попросил

отвести его в сторонку, в кусты, и там — один на один — тихо спросил детину:

— Ты кто?

— Был колхозник, — тихо сказал детина. — Потом был солдат. Теперь — полицейай я...

— А что к партизанам не сбежишь?

— Шлепнут.

— А наши приедут?

— Тоже шлепнут. Да где они, наши... Все под немцем уже...

— Шкура...

— Был бы я шкура — лежал бы ты, дорогой товарищ летчик, сейчас на том лужку носом в траву, и дружок твой рядом. Я что ж, думаешь, с двухсот метров из пулемета вас снять не мог?

— А что не снял?

— Свои же вы...

— Слушай, — попросил Гривцов, — дай сбежать!

— А самому к стенке за тебя? Нет... Что мог — сделал для тебя. Не взыщи... Направят тебя в лагерь, там тоже живут...

К вечеру телега загромыхала по бульжным мостовым Полоцка. В канцелярии полицейского управления детина сдал рапорт, взял расписку о доставке арестованного — и они расстались с Гривцовым, чтоб никогда больше не встретиться.

Дежурный по полицейскому управлению, весь какой-то мятый, в мятом галстуке на мятой рубашке, мрачно уставился на Гривцова:

— Что они там мудрят? На кой ляд ты мне сдался? Идиоты...

Он покрутил ручку полевого телефона:

— Алло! Гестапо? Полевой полицией доставлен захваченный парашютист. Да, показания дал. Через полчаса будет у вас. Есть.

Гестаповец, подтянутый светловолосый парень в черной форме, с серебряным жгутом на правом плече, бегло полистал показания Гривцова:

— Летчик? — он говорил по-русски с сильным акцентом, но, видимо, свободно.

— Борттехник, — мрачно сказал Гривцов.

— Борттехник?

— Ну да. Тоже летчик, но не пилот, — Гривцов изобразил, как держат штурвал, — техник, — он сделал жест, как будто крутил ключом гайки.

— Где и когда сбит?

Ничем не рискуя, Гривцов сказал правду. Гестаповец записал.

— Каждое твое слово будет проверено. За неправда — расстрел.

Гривцов старательно повторил то, что уже было записано в его «показаниях», после чего был отправлен в камеру и заперт.

Наутро всех арестованных — человек двести — выстроили в каменном квадрате двора. Автоматчики молчаливой цепью окружили их и пересчитали. На крыльцо вышел толстый офицер с моноклем и произнес короткую речь, повернулся и вошел в дверь обратно.

— Вы все — преступники против нового порядка, — лаконично перевел переводчик. — И всем вам одно наказание — расстрел.

Мертвая тишина повисла над двором. Скрипели сапоги у переминавшегося с ноги на ногу автоматчика.

— Хана, — произнес чей-то ломкий голос.

Переводчик снова открыл рот:

— Но германская армия в своем победоносном движении практически покончила с остатками Красной Армии. Вы не опасны могущественной Германии. Вы прощены, и вам даруется жизнь.

Автоматчики пихнули пленных под ребра автоматами, унтер-офицер скомандовал, и оборванная колонна потекла со двора на улицу.

Их вывели за город на огороженный тремя рядами колючей проволоки пустырь. Вышки с пулеметами стерегли его. Ворота распахнулись.

— Вот и концлагерь, — сказал кто-то в колонне.

...О четырех месяцах в концлагере у Гривцова осталось позднее воспоминание как об одном кошмарном дне, бесконечно длинном. Рыли руками ямы в земле. Выменивали на остатки одежды пустые кон-

сервные банки — в банки по утрам разливали по черпаку баланды, и надо было иметь свои — а их не хватало.

Расспрашивали «новеньких» о новостях — новости были обнадеживающие... Летнее наступление у немцев, вроде, провалилось, и на юге наступаем мы.

Как-то в сентябре их выстроили: полторы тысячи живых скелетов. Прибыло какое-то немецкое начальство.

Группа офицеров, похлопывая стеками по лаковым голенищам, прошла вдоль строя.

— Кто есть рабочие по металлу, три шага вперед! — скомандовал комендант лагеря.

Полсотни человек шагнуло вперед. Их отвели отдельно.

— Кто есть механики и водители машин и механизмов, три шага вперед!

Гривцов вышел среди прочих.

Их рассортировали. Германии, истощившей армейские ресурсы в летнем сражении сорок третьего года, требовались рабочие руки. Так Гривцов оказался за рулем бензозаправщика — огромного французского «Рено» — на немецком аэродроме.

Было предупреждено: за диверсию или побег, устроившие одним, расстреливается десять. Работали под дулами пулеметов с вышек.

Гривцов трезво рассудил, что лучше погибнуть десяти, но с какой-то пользой, чем этим же десяти работать на врага. И когда смотрел на ровные ряды стоящих «Юнкерсов», бессильная тоска скручивала его: улететь к своим!.. Пробраться в заправленный самолет! Хоть попытаться, хоть что-то сделать, чем жить так... Но охрана работала четко, и этой его мечте не суждено было сбыться.

На четвертый день, проклиная себя, он готовил самолеты к ночным полетам. Его семитонная автоцистерна была заправлена у вкопанных в землю баков, немец махнул в полутьме — «пошел!»

«Была не была!» — Гривцов вывернул руль, мотор взревел, ломая мелкоколесье бензозаправщик выскочил на дорогу и понесся на шлагбаум.

Часовой у шлагбаума заорал, отскочил и поднял автомат, но Гривцов шевельнул рулем, толчок, отброшенный немец исчез под колесами, удар, хруст, отлетел сломанный шлагбаум, и бензозаправщик, набирая скорость, понесся прочь от аэродрома.

Гривцов гнал сейчас машину по той же дороге, которой их несколько дней назад вели сюда. Вскоре здесь должны были показаться река и мост.

Он не доехал до моста, потому что два мотоциклиста с пулеметчиками в колясках вылетели с аэродрома ему вслед, и очереди прошили баллоны, машина осела, завилыла и потеряла скорость. Решив испробовать последний шанс, он на повороте, где его левая дверца была скрыта в сгустившейся уже тьме от глаз преследователей, выдвинул до отказа сектор ручного газа и выбросился из кабины на траву.

Дорога к мосту шла под уклон, и разогнанный бензозаправщик — семь тонн авиационного бензина — воя двигателем катился на мост. Обода бешено вращались в спущенных баллонах, резина дымила. В недоумении и панике охрана моста открыла стрельбу вверх. Заметались лучи подъезжавших мотоциклистов. Бензозаправщик влетел на настил, подпрыгнул, снес перила и, переворачиваясь, рухнул вниз, на пологий берег реки. Ударил столб желто-багрового пламени, огонь облизнул край моста, охрана забегала с ведрами, мотоциклисты спешили и полили очередями останки несчастной машины.

Гривцов этого уже не видел, потому что, выбросившись из кабины, откатился за кустик и приник к земле, а как только мимо него проскочили в темноте мотоциклисты, он бросился подальше от дороги — сначала на четвереньках, потом бегом, — держа направление к реке.

Взрыв дал ему время для побега. Пока горит — пусть думают что он там, в кабине. А когда погаснет — еще посмотрим, где он будет тогда.

Когда погасло, был он посреди реки, километрах уже в двух ниже по течению. Близился октябрь, вода была холодна, и задача стояла — продержаться на плаву как можно дольше, а уже течение пусть несет само.

Через час левую ногу свела судорога, но он был готов к этому, и руками стал грести к берегу. По его расчетам, от моста его отделяло сейчас километров шесть.

Берег сделался неразличим в ночи. Шея затекла, и держать голову над водой делалось все труднее. Руки делались чужими, не слушались. Он хрипел, все чаще заглотивая воду.

...Качаясь, он сделал несколько шагов по песку и рухнул. Когда очнулся — уже вышла луна, и в ее свете выступил кустарник, которым порос берег, и вдали — зубчатая черная стена леса.

Он достиг этого леса к рассвету и шел не останавливаясь вглубь его весь день и всю следующую ночь. На рассвете он упал и заснул.

Проснулся он, как от теплого толчка, от Катиного голоса:

— Эй... Ты живой?..

IV

Он вскочил, ничего не соображая спросонок, и очутилось у него перед глазами лицо пожилой женщины в крестьянском платке. Почему Катя так состарилась?! И тут же, окончательно проснувшись, понял, что к Кате, разумеется, эта женщина не имеет никакого отношения...

— Ты кто? — спросила женщина.

И Гривцов задумался: а кто он сейчас? Летчик? Беглый заключенный? Окруженец? Наконец, проговорил:

— Свой я, тетка. Летчик. Из лагеря бежал. Поест нет у тебя?

Она протянула корзинку с ежевикой. Он в несколько горстей сунул ягоды в рот, сжевал.

— Давно в лесу плутаешь? — спросила женщина.

— Три дня как бежал... Немцы есть в деревне у вас?

— Стоят, паразиты...

— Много?

— Двенадцать человек. С машиной.

- А партизаны, не знаешь, есть здесь где?
- Откуда ж мне знать...
- А до наших, до линии фронта далеко?
- Ой, далече...

Гривцов вдруг почувствовал приступ слабости, голова закружилась, он покачнулся и сел на землю. Должно быть, лицо его побледнело, потому что женщина посмотрела на него с жалостью, вздохнула и промокнула глаза уголком платка.

- Далеко до вашей деревни?
- Версты три.
- Принеси поесть, а...
- Сегодня не могу. Детишки у меня... И в лес идти второй раз если — немцы заметят, подозрение будет...

И Гривцов увидел, что лет-то ей немного. Может, на несколько лишь больше, чем ему... Несладкая, видать, жизнь-то, что чуть не старухой выглядит...

- Ладно, — сказала она, подумав, — иди со мной.

Он поднялся, с удивлением чувствуя, что дрожат ноги.

Они шли с полчаса, пока не выбрались через заросли к обвалившейся от ветхости охотничьей избушке.

- Вот здесь жди меня, — велела она. — Завтра с утра приду. Напиться захочешь — ручей рядом.

Он следил из окна, сидя на чурбаке, как она уходит в своем выцветшем платке, тяжелой крестьянской поступью, потом лег на полусгнившие нары, подумал, слез, забился под нары на пол, поглубже, чтоб было его не заметить, если кто войдет, закрыл глаза и от слабости потерял сознание.

Она пришла через сутки и из своей корзинки достала из-под листьев укутанный в тряпицу каравай свежеспеченного хлеба. Хлеб пах головокружительно. Гривцов вдруг подумал о голодных детишках, ждущих ее дома, в разоренной войной избе, о мужике ее — есть он еще где на свете, нет его?.. — о хлебе этом, взятом от собственных детей, и от голода, жалости и слабости вдруг заплакал.

— Оголодал, милый, — сказала женщина. — Как звать-то тебя?

— Андреем, — сказал он, дрожащей рукой ломая краюшку.

— Много не ешь сразу... Тяжело животу будет. Дня на три растяни. На третий день, может, придет к тебе кто... Про меня — молчок, понял?..

Она повернулась и быстро исчезла.

Три дня в избушке он ломал себе голову: пришлет она к нему партизан? Или еще что-нибудь неподвиженное с ним стряется? И что делать, если никто не придет? Пробираться на восток?

По ночам примораживало, октябрь наступил, и он дрожал в своем жалком тряпье.

Трое суток прошли. Хлеб был съеден до последней маленькой крошки. Гривцов решил ждать еще сутки, а следующей ночью идти на восток.

Он не спал, когда услышал в лесной темноте у крыльца тихие шаги. Негромкий уверенный голос приказал:

— Кто тут есть? Выходи!

— Ребята! — сказал Гривцов. — Я свой, ребята!

— А вот посмотрим сейчас, какой ты свой...

Луна светила вовсю, бросая на поляну причудливые зубчатые тени сосновых вершин. При ее свете трое придирчиво исследовали Гривцова, похлопали, обыскали.

— Из лагеря, говоришь, бежал? — с издевкой произнес тот, кто приказал выходить, хотя Гривцов еще ничего не говорил. — А вот сейчас проверим, из какого такого лагеря.

— И отправим обратно, — пообещал хриплый бас. В руках обладателя баса был короткий немецкий карабин.

«Полицаи? Неужели продала? Или проверка, провокаторов боятся? Не шлепнули бы под горячую руку...»

— Закурить дайте, ребята, — попросил Гривцов.

— Курить у самих нема, — ответил третий, по голосу — совсем мальчишка.

«Тогда — не полицан. Те должны от немцев курево получать».

Допрос был краток.

— Когда бежал?

— Шесть суток назад.

— Где сидел?

— Аэродром обслуживал.

— Немцев обслуживал, сволочь... Что делал?

— На бензоаправщике.

— Как бежал?

— Рванул через шлагбаум.

— Почему не пристрелили?

— Стемнело уже. Били по скатам. Я выпрыгнул на повороте — не заметили.

— Почему не гнались?

— Бензоаправщик на мост влетел, рухнул и взорвался. А я — ползком к реке, и вплавь.

— Складно врешь.

— Да не вру я, ребята! — взмолился Гривцов.

Басистый с карабином мирно прогудел:

— Ладно... Брось ему душу мотать, Яшка. Все сходится ведь.

Яшка возразил:

— А руки я ему все-таки свяжу!

К утру Гривцов увидел партизанский лагерь.

В его представлении партизанский отряд был чем-то вроде усиленной отдельной роты, напичканной подрывными средствами. Партизанский отряд оказался: два десятка человек, в возрасте от пятнадцати до пятидесяти, одетых кто в нашу форму, кто в немецкую, кто в штатское. Столь же пестрым было вооружение: от крупнокалиберного авиационного пулемета Кольта, добытого не иначе как с нашей сбитой «Аэрокобры» или «Тандерболта», до обшарпанного обреза, сделанного из трехлинейки еще в гражданскую войну, вероятно. Лица небритые — а чем особенно-то побреешься? Отношения не военные, а скорее, какие-то домашние: «Петька, валя в караул — сегодня твоя очередь! — Почему я! — Давай-давай!»

Над землянками поднимались в утреннем тумане уютные дымки. Пшенной кашей пахло, оружейной

смазкой, крутым мужицким духом; пила повизгивала где-то рядом.

Командир, озабоченный бородач в ватнике, жестом велел вести Гривцова к нему. В прокопченной землянке сели за дощатый стол. Гривцов коротко изложил свою одиссею.

— Хлебнул, браток, хлебнул. — Командир пошарил в ящике, достал кисет и самодельную деревянную трубочку. — На, покури. Заслужил.

И пока Гривцов с наслаждением окутывался дымом крепчайшего самосада, он внимательно буравил его маленькими карими медвежьими глазками.

— Ну что, — спросил испытующе, — партизанить будем?

— Партизанить, — повторил Гривцов. — А... летчиков здорово не хватает. С Большой Землей связи нет у вас?

— У отряда Мацилевича была летом связь, — сказал командир. — У него ребята с Большой Земли работали, железнодорожные мосты рвали. Вот это были спещы! К одному мосту — ну никак не подойти было. Пулеметы кругом натыканы, сигнализация — прямо как в швейцарском банке! Так они что придумали: за километр сверху по течению пустили чурбаки, а один сидит в лесу на самой здоровой сосне, на вершине, с биноклем, и по часам засекает секунды — сколько надо чурбаку, чтоб доплыть до моста. Потом сколотили плот, к нему — поперечные рейки, чтоб он между быками пройти не мог, на плот — взрывчатку, бикфордов шнур отмерили, и ночью пустили. Доплыл плотик, встал под мостом, и тут же рванул! Одно удовольствие!

— А связь? — спросил Гривцов, холодея от внезапной надежды.

— Со связью тоже была смехота. Подрывников этих выбросили с парашютами ночью, ну, радистка их и села на верхушку сосны, зацепилась парашютом и повисла. Ей бы подождать, пока мужики соберутся и начнут ее искать, а она давай по инструкции ножом стропы резать. Молодая — старательная и глупая. Это иногда одно и то же. Ну, перерезала стропы и гряп-

нулась с двадцати метров. И смешно, и жалко девчонку... Сбросили им вторую — они ее неделю ждали, искали, — нашли: ободранная, без рации, пистолетик держит и пищит: «Летчика тащите! Летчика тащите!»

— Я этот летчик! — заорал Гривцов не своим голосом. — Я! Где она?!

Командир ухватился двумя руками за волосы, зашевелил бородой и стал со вкусом хохотать:

— Ох-х! Ха-ха-ха!.. Где вас таких... ха-ха-ха! берут только! Простое дело... ха-ха!.. сделать не можете... ой...

Просмеявшись и вытерев глаза, он глубоко вздохнул, переведя дыхание, и сообщил:

— Они на днях уйти должны были.

— Куда уйти?!

— Куда! В отпуск! В ресторан! На Большую Землю уйти должны были.

— А радистка жива? — со страхом спросил Гривцов.

— Почему ты пошел в летчики, а не в подрывники? — поинтересовался командир. — Работал бы с ней вместе. Это что, твоя девчонка, что ли?

— Ты, братишка, до войны не иначе артистом на эстраде работал, — со злостью на его бессердечный юмор сказал Гривцов. — Не конференсье?

— Не, — сказал командир. — Я до войны в Минске, в институте, историю преподавал. Интересная наука, знаешь? Очень настраивает на юмористическое отношение к происходящему.

— А у тебя-то самого никто в войну не погиб?

— У меня-то самого все погибли, — ответил командир спокойно. — Но головой об стенку с горя мы будем биться после войны. Когда победим. Если кто доживет. А сейчас воевать надо. А воевать надо спокойно и по возможности с юмором. Это помогает лучше соображать.

Он в молчании набил трубочку, закурил, вздохнул:

— Через пару дней придет связной от Мацилевича. Узнаем, что там делается. И решим, как с тобой быть. Поживи у нас пока...

При последних словах Яшка, скуластый крепышок в немецкой подрезанной шинели, который ночью допрашивал Гривцова на поляне, сунулся в дверь:

— Что значит «поживи»? Пусть на задание сходит, а я присмотрю за ним, чтоб не сбежал! Проверим, какой он такой летчик.

— Яков, — сказал командир ласково, — пошел вон. — И, когда дверь закрылась, улыбнулся Гривцову: — Яков прав. Проверка, знаешь, — основа доверия. Тебе же самому спокойнее будет, если с нами попартизанишь немного. И здесь спокойнее будет, и на Большой Земле, когда выйдешь туда. Доверие — оно, знаешь, тяжело заслуживается. Тебе из чего стрелять больше нравится?

— Из пушки! — сказал Гривцов зло.

— Яков! — позвал командир. — Дашь ему пострелять из пушки.

— Откуда пушка? — спросил Гривцов уже с интересом.

— Для гостя у нас все найдется.

«Пушкой» оказался сорокадвухмиллиметровый немецкий ротный миномет. Это Гривцов выяснил на следующее утро, когда, накормленный горячей пшенной кашей, он сутки проспал в командирской землянке и был разбужен Яшкиным тычком: — Вставай, Чкалов! Пошли повоюем немного...

Яшка оказался командиром отделения. Отделение — те двое ребят, с которыми он ночью и пришел за Гривцовым в охотничью избушку. Оказалось, что несмотря на типично штатскую внешнюю разболтанность, дисциплина в отряде железная. Каждый отвечал головой за порученное ему дело, — на прочее внимания не обращалось.

Они позавтракали поплотней, взяли сухарей, Яшка помусолил самодельный план местности и стал навьючивать на Гривцова миномет.

— Почему я?

— Чтоб служба медом не казалась. Шагом марш!

И капитан Гривцов, скрючившись под тяжестью трофейного немецкого железа, затопал под командой вчерашнего колхозного разгильдяя Яшки.

К вечеру пришли на место. Яшка полазил по кускам:

— Объясняю задачу. Здесь деревянный мост через речку. Здесь — пост охраны. Здесь — дом, где живет охрана, два с половиной километра от нас. Двадцать ноль-ноль — время построения и проверки этих аккумулятивных. Вот мы их и угостим.

— Потом они нас догонят и так угостят — не унесем, — усомнился басыстый с карабином, Николай.

— Объясняю для несознательных: они нас не угостят. Потому что мы отделены от речки и от дороги километром отличного болота. И жалкая дюжина фрицев никогда не сунется ночью в болото, за которым лес. Вопросы?

— Промажем, — сказал Гривцов.

— А ты не промажь, — недобро сказал Яшка.

— Да я же не минометчик! И таблиц стрельбы у вас нет! И заряды наверняка сырые!

— Не саботируй, — предупредил Яшка. — Мы стреляли — и попадали иногда. А ты — человек с военным образованием, если не врешь.

Гривцов засопел над самодельным планом, пытаясь определить поточнее разницу в высотах и расстояние. Яшка достал из кармана прицел и вставил в корзинку миномета. Басыстый вынул из ящика мину и нацепил на ее хвост три круглые колбаски зарядов.

— Давай по мосту хлопнем для пристрелки, пока не стемнело, — предложил Гривцов.

Яшка посмотрел на трофейные часы:

— Десять минут осталось. Ну, хлопни без минуты восемь.

Без минуты восемь миномет хлопнул, и мина взорвалась в полукилometре от моста. Гривцов быстро подкрутил прицел, Яшка опустил в ствол вторую мину, и она пришлась далеко за домиком охраны. Оттуда высыпали почти неразличимые в бинокль фигурки — смеркалось, — и третья мина легла левее и ближе.

— Лапоть ты, — сплюнул Яшка.

— Рассеивание большое, — виновато оправдывался Гривцов.

— Большое, маленькое... Привередничаешь! Живо! Пять мин есть.

Четвертая мина хлопнулась во дворе.

— Вот так давно! Беглый огонь!

Оставшуюся они послали на том же прицеле.

— А теперь спокойно даем драла!

Они вернулись утром. Яшка отрапортовал о выполнении задания. Командир посопел:

— Хоть в одного-то попали?

— Восьмерых уложили, — ответил Яшка, не сморгнув глазом.

Командир пошевелил бородой, хмыкнул и пошел к себе. Там засветил коптилку, достал огрызок карандаша и амбарную книгу и принялся писать сопроводительную бумагу на Гривцова. Связной из отряда Мацилевича дождался тут же. Судьба сбитого, плененного, беглого и партизанившего летчика была им уже обговорена.

— Ты, что ли, Гривцов? — спросил связной, выйдя к костерку.

— Я.

— Чего радисткой интересовался?

— Да так, — глупо ответил Гривцов, чувствуя, как у него отчаянно заколотилось сердце. — А... она где сейчас?

— Они с другим отрядом сейчас работают. Вскоре уходить собирались. наших ребят подрывному делу обучили вполне. Отзывают их, вроде.

— Это далеко от вас?

— А вот послезавтра придем — узнаешь все, что тебе положено.

И послезавтра Гривцов узнал все, что ему было положено. Положено ему, как оказалось, было не так много. Но ему хватило. Главное — он узнал имя радистки...

Отряд Мацилевича был хозяйством солидным: полсотни человек, две телеги, четыре лошади и даже одна корова, дававшая молоко для раненных. Мацилевич, бывший школьный завхоз, любил обстоятельность.

— Отправим тебя завтра на Большую Землю, — сказал он.

— А... подрывники те где?

— Два дня назад пошли.

— Я их не нагоню?

— Это вряд ли. Я своих покалеченных отправляю с проводником, через болота идут. Сурожские ворота. Две недели ходу. Они быстрее идут... А то оставайся? Мне военные нужны. Молока дам.

— А выйдем мы в одно место?

— В одно.

— А задержаться они не могут?

— На той стороне, у наших, может и задержатся. А тут — вряд ли. Скорее вы задержитесь.

..Лошади были запряжены. Четверо тяжелораненых лежали на четырех тележках-волокушах, способных проходить через болото. Еще четверо шли сами. Гривцов ташил здоровенный мешок с продуктами. Проводник — седобородый дед с наганом — занял место во главе колонны. Замыкал движение вчерашний связной — Данила — с автоматом на шее.

Мацилевич заботливо обозрел обоз.

— Чтоб лошади мне были доставлены обратно, ясно! Без лошадей не возвращайтесь! Привезти мне: запалы для мин, гранаты и пару бы ручных пулеметов. Бинты. Патронов сколько сможете. Ну, с богом!

Лошади тронули. Волокуши зашуршали по палым листьям.

Лес был полон осенним солнцем, неярким и прозрачным. Разноцветные листья кружились и падали в синеве. И казалось все таким мирным и тихим, как будто не было на свете никакой войны...

На первом ночном привале Гривцов не спал. Раненые были накормлены и уложены, кони спутаны и пущены пастись, топливо для костра заготовлено. Лежал Гривцов на спине, смотрел на звезды над лесом, и перебирал, перебирал в голове то, что узнал про Катю...

..подрывники были спокойные ребята и, потеряв радистку, рацию ее припрятали в лесу: вдруг, скажем,

у партизан окажется какой-нибудь армейский радист или просто радиолобитель? Вариант с подстраховочным радистом был предусмотрен заранее, но мало ли что... Они разожгли в условленную ночь костры, самолета не дождались, и начали, как и было условлено, искать связь с отрядом Мацилевича. Услышав стрельбу в деревне, куда заходили только вчера, решили в бой не ввязываться, услышали шаги бегущего человека, — и получили свою радистку прямо в руки...

Но — жива ведь! Жива! И сейчас идет домой, к нашим — в каких-то нескольких десятках километров перед ними!

Надо же случиться такому глупому совпадению: чуть не полгода быть в паре сотен километров друг от друга, и почти встретившись — разминуться на два дня!

Посокрушавшись, Гривцов стал строить планы на будущее. Такова уж человеческая природа: достаточно человеку избежать смертельной опасности на сегодня, как он, едва переведя дух, немедленно начинает строить планы на будущее.

Не дадут ли ему несколько суток отпуска после всех передышек? Но как он тогда Катю найдет? В армейской разведке? Там с ним и разговаривать не станут — у них своя секретность... написать ее маме? Куда?.. Не может быть, чтоб никаких нитей не нашлось! Ну, выйдут они вслед за Катиной группой несколько дней спустя, там командование части, всегда можно что-то объяснить, попросить... И с этими мыслями он уснул.

У

На шестой день они подошли к болотам и увидели следы недавнего привала: кострище, наломанные ветки.

— Та группа, — сказал проводник. — Ее Евсей Антипов ведет, той же дорогой. Эту дорогу у нас человек, почитай, семь-восемь всего и знают. Сурожские ворота... Потому и не держит немец тут фронт, что

держат его негде — топи кругом. Только тропочкой и пройдешь, да и то по воде иногда.

Он выломал себе шест, посмотрел внимательно по сторонам, перекрестился и ступил в ржавую и вонючую воду болота, ведя в поводу первую лошадь. Аккуратно вытянувшись в ровную цепочку, следом за ним вошли в болото остальные, ведя в поводу лошадей с тяжелоранеными на волокушах. Данила с автоматом плюхал метраж в двухстах сзади. Гривцов шел перед ним.

Через болото шли полдня и заночевали на островке сухой земли, опять со следами недавнего привала.

— Вот и полпути, — сказал проводник. — Неделю идем. Через неделю придем, ежели ничего не стрясется.

Они шли неделю, и за неделю с ними ничего не стряслось. К вечеру пятнадцатого дня, стоя на сухой земле, проводник сказал:

— Ну, вот и прошли, слава те господи. Теперь мы у наших уже. Там за лесочком взгорок будет — с него уже все видно станет. — И вытащил из кармана жестяночку:

— Закурить по разу на всех, ребята. Премия. Теперь можно.

Все разом оживленно загалдели, вертя самокрутки из заботливо сложенных квадратиков старой пожелтевшей газеты, когда проводник сделал жест рукой:

— Цыц! Тихо!..

И в полутьме все расслышали далекий немецкий говор.

— Всем — на месте, — приказал Данила и передернул затвор автомата. — Я пойду на разведку.

Он бесшумно исчез в кустах. Остальные с напряжением вслушивались, переглядывались. И вдруг раздался смех, русская родимая ругань и откуда-то из-за зарослей голос Данилы закричал:

— Эй, ребята! Вали сюда, все в порядке! Давай-давай!

Тревога оказалась напрасной: наши бойцы конвоировали группу пленных немцев. Двое немцев что-то

не поделили между собой и принялись препираться, — их и услышал проводник.

— Ну, вот и пришли мы, — сказал проводник, когда бойцы угостились его табачком и посмеялись над их страхами. — Теперь — к месту, ребята.

Через два часа их маленький обоз окликнул часовой:

— Стой! Кто идет?

— Свои идут, — прогудел проводник. — Раненые партизаны вышли с временно оккупированной территории.

— Старший — ко мне. Остальные — на месте. — Часовой был по виду совсем мальчишка и действовал строго по уставу.

С сопровождающим их сержантом они подошли вскоре к штабу полка. Командир, усталый майор, покрутил ручку полевого телефона, вызывая особый отдел дивизии:

— Из тыла вышли ко мне. Да, партизаны. Погоди, тут еще один, говорит — сбитый летчик, из концлагеря бежал. Да. Хорошо. Есть.

И усталый майор внимательно посмотрел на Гривцова:

— Тебя отправлю в особый отдел — на проверку. Там все расскажешь. Вы, — кивнул он проводнику, — устраивайтесь пока, утром будет распоряжение насчет раненых.

Гривцов повернулся к Даниле:

— Ну, спасибо, ребята.

— Пожалуйста, — ухмыльнулся Данила. — Давай, скоро опять летать будешь! Вдруг еще и свидимся после войны...

Оба они прекрасно знали, что свидятся — вряд ли... На войне почти любая разлука — это навсегда... Да жива надежда.

Проводник погладил свою бороду, пожал руку Гривцову, лошади натянули построжки — и партизаны исчезли: раненые — чтоб вскоре попасть в госпиталя, а после — кто в армию, на фронт, кто — на тыловую работу, отвоевав свое на этой беспримерной войне.

— Садись, не стой, — майор кивнул Гривцову на самодельный табурет. — Давно сбили тебя?

— Товарищ майор, — Гривцов сглотнул от волнения, — тут наши дня три назад не выходили?

— А что? Знакомые там у тебя?

— Так точно.

— Кто?

— Девушка. Радистка. Была такая? Темноволосая, невысокая?

— Была, — утвердительно кивнул майор. — Подруга?

— Жена, — сказал Гривцов, со странным чувством слушая свой голос, произнесший вслух это слово.

— Дела... — сказал майор.

— Где они сейчас? — спросил Гривцов, прекрасно зная, что на этот вопрос майор ответить не в состоянии.

— Попробуй в особом отделе узнать, — посоветовал майор. — Сам понимаешь — откуда мне знать, куда такие группы по возвращении направляются. Ну, сейчас дам тебе сопровождающего, пойдешь в дивизию.

Ночью Гривцов сидел в землянке начальника особого отдела дивизии и, пересиливая дремоту, пересказывал свою длинную и причудливую историю. Особист спокойно кивал.

— Так как же ты все-таки, капитан, в плен-то попал, а? — спросил он наконец.

— Раненый, — снова сказал Гривцов. — Пистолет перезаряжал, еще одна обойма была, а они добежали, ну и... прикладом по голове.

— А бежал как?

— На бензовозе, — Гривцов снова пересказал этот эпизод. — Стоп, — вспомнил он, хлопнув себя по лбу, и достал из кармана сложенную вчетверо бумагу — «сопроводительное письмо» командира партизанского отряда.

Особист дважды прочитал «сопроводилку» и заметно смягчился:

— Так ты и попартизанить успел?

— Немножко, — скромно сказал Гривцов, не вдаваясь в подробности — как они стреляли из миномета наугад по домику охраны.

Особист закурил «Казбек» и вынес решение:

— Отправлю тебя завтра в армейскую контрразведку. А там уже направят тебя куда надо. А что ты сидишь как на иголках? Спросить что хочешь?

Гривцов попытался объяснить, что ему очень-очень нужно узнать, где можно найти радистку из группы, которая вышла из немецкого тыла несколько дней назад.

— А вот в контрразведке армии, может, что и узнаешь. А вообще — не мальчик, сам понимаешь — знать это тебе не положено. Да и мне, честно говоря, тоже не положено.

Но ничего нового не узнал Гривцов и в армии... Все, что он мог сделать — это написать письмо на номер полевой почты, где сообщал сведения о себе, и обещал, как только его положение определится, сообщить и свою полевую почту. И оставалось ему гадать: застало ли Катю письмо, или она уже на новом задании, или ее перевели куда-нибудь, и чья-то равнодушная рука поставит на его письмеце казенное «Адресат выбыл», и — ищи ветра в поле...

...Уже наступил ноябрь, серенький, с мелким снежком, который завивался поземкой под ветром, когда в сумерки капитан в новой необмятой шинели, в фуражке с летними крылышками, шагнул в блиндаж командира дальнебомбардировочного полка и доложил:

— Товарищ подполковник! Капитан Гривцов для дальнейшего прохождения службы прибыл в ваше распоряжение!

Командир полка вытарашил слегка глаза и с радостным недоумением переспросил:

— Гривцо-ов?! Андрей!..

— Так точно. Я.

— Откуда?!

— Долго рассказывать, товарищ подполковник. Вот, — и Гривцов протянул аттестат, командировку, сопроводительную записку.

— Садись... Ну, прибыл! Стариков-то у нас осталось — раз-два и обчелся. Садись, что стоишь. Петренко!! Петренко, сообрази-ка на стол быстренько.

Они не успели выпить по первой, как весть о том, что вернулся сбитый в мае Гривцов, с быстротой молнии распространилась по полку. Первым примчался техник Никодимов:

— Товарищ капитан! Товарищ капитан... — он неловко откозырял и обнял Гривцова. — А все... Вы один вернулись?

— Один, брат, — сказал Гривцов и вздохнул. — Помянем их... память...

Встав, они в молчании помянули их стопкой пахнувшей бензином армейской водки, командир полка, капитан, и бывший его техник, и не помянули многих — на войне всех не помянешь... И лишь вечером, укладываясь спать в отведенной ему землянке, лежа в темноте и повторяя про себя Катинo имя, думал Гривцов обо всех тех, с кем столкнула его судьба там, в немецком тылу, и без кого — как знать? — не был бы он сейчас здесь.

Он никогда не узнал, как в ночном лесу отстреливался от немцев его штурман, шутник Жора Гринько, который так хотел — в нарушение приказа — чтоб Гривцов вернулся обратно на аэродром вместе с Катей. Как пересчитывал выстрелы, сберегая последний патрон во второй обойме для себя, но из темноты вылетела, метя прямо в горло ему, овчарка, и последняя пуля из Жоринoго пистолета досталась ей, а сам он получил очередь в живот от шуплого ефрейтора, ее проводника.

Он не узнал, что старуха Глазычиха, приютившая их с Катей, была пристрелена полицией на пороге своей избы еще тогда, когда Катя бежала, задыхаясь и всхлипывая, по лесу, а сам он, без сознания, бился головой о дно телеги, которой правил с белой повязкой на рукаве и пулеметом «машиненгевер» между колен, — не потерявший человеческого облика полицей Крышук.

Не узнал он и того, что сам Крышук в конце концов сбежал к партизанам, на коленях каялся в грехах и просил смерти от руки своих, и погиб, смывая грехи

кровью, громя с партизанами проклятую полицейскую управу.

Что неверчивый Яшка был взят во время налета на немецкий гарнизон в плен, согласился пойти служить в полицию и сгинул вместе с отступавшими немцами в сорок четвертом году.

Что насмешливый бородач, командир партизанского отряда и бывший доцент-историк, прикрывая с пулеметом от карателей отход своего отряда, был взят в плен и во время допросов полицаи хохотали от его злых и безжалостных шуток — и, вспоминая, хохотали и после того, как он был повешен.

А хозяйственный командир другого отряда, завхоз Мацилевич, в сорок четвертом стал офицером и кончил войну заместителем по тылу командира артиллерийского полка.

Ничего этого Гривцов не знал и знать не мог. И думал он об этом недолго. Как, впрочем, недолго думали о нем и его экипаже и те, с кем летал он в одном полку. У войны свои законы, и у памяти на войне тоже свои законы.

И вот по этим законам памяти на войне, гораздо больше, чем предстоящие боевые вылеты, необозримое количество дней и недель войны впереди, зенитный огонь и истребители, волновало сейчас капитана Гривцова то, где Катя. Потому что больше у него не было родных людей, а за родных волнуемся мы больше, чем за себя.

Он ждал почему-то, что Катя напишет. Ведь ему посчастливилось попасть в свой полк, и номер полевой почты был прежним. И в этом счастливом ожидании он и уснул, и во сне война кончилась, на аэродроме приземлился серебряный сверкающий самолет, и из него вышла счастливая Катя в белом платье...

А наутро в дверь сунулся адъютант полка и, хлестнув себя хлыстиком по голенищу надраенного сапога, произнес:

— С планшетами — к командиру.

Гривцов пошел получать боевое задание.

— Так, — сказал командир полка, поставив задачу. — Гривцов, полетишь на «семерке». Пойдешь ведущим

звена. Если прошлый вылет считать тебе за полвылета — в один конец, в другой ты пешком шел (летчики добродушно заржали), то этот будет сотым с половиной. Желаю успеха и лично тебе, капитан. Провожая вас в воздух и сажусь писать на тебя представление на Героя.

Машины ушли в воздух, и к ним пристроились сверху истребители сопровождения, и сжимая штурвал невольно думал Гривцов о том, майском, вылете, и все чудилось ему, что в бомбоотсеке — не стальные тела стокилограммовых фугасок, а хрупкая девушка в комбинезоне, и на спине у нее парашют, на груди автомат, на поясе всякая дребедень, а через несколько часов они обязательно вернутся на аэродром.

...После пятого вылета он перестал ждать письма. Он понимал, что если б было письмо — он бы уже получил его. Но надежда — всегда живет надежда...

И иногда сбывается. Не всегда так, как мы себе представляем.

— Гривцов — к командиру, — в очередной раз произнес адъютант с хлыстиком и в надраенных сапогах — вестник авиационного бога войны. Гривцов отправился к командиру, соображая, что мог значить этот вызов. Пришла звезда Героя? Так награды вручают на построении, при всех. Приехала Катя?! Это невозможно. Переводят в другую часть? Не хотелось бы... вдруг Катя разыщет его.

Командир полка был отменно зол.

— А ты, оказывается, любитель курортов с удовольствиями, капитан, — язвительно сказал он.

— Виноват, — удивился Гривцов.

— Виноватых бьют! — взъярился командир. — Не будь отправлено на тебя представление на Героя — вломил бы я тебе так, что своих не узнал!

— В чем дело, товарищ подполковник?

— Он не знает, в чем дело... Ну, стервец!..

Зазуммерил телефон.

— Да! Так точно, у меня, товарищ полковник! Да, вломил ему уже по первое число. Есть! Даю.

Он передал ничего не понимающему Гривцову трубку. Пожав плечами, Гривцов в нее отрапортовал:

— Капитан Гривцов слушает.

Раздраженный начальственный баритон велел:

— Слушай хорошо, капитан. Очень хорошо, потому что это дело пахнет для тебя снижением, судом и всякими прочими неприятностями.

— Извольте представиться! — вспыхнул Гривцов. — Вины за собой не знаю! И с интересом выслушаю, в чем дело.

Баритон задохнулся от возмущения:

— Ты смотри, какой ершистый! Он «с интересом»... он «выслушает»!.. Полковник Иваницкий из разведки фронта с тобой говорит! Довольно с тебя такого представления? Вина твоя — ты лишил нас человека! В чем дело, говоришь, не знаешь? Интересно! Он не знает. Знаешь прекрасно! Ты знаешь Флерову?

Гривцов вздрогнул, и руки у него затряслись:

— Так точно! Знаю! Что товарищ полко...

— С ней то, что она не может быть отправлена на задание!

— Что с ней? Где она? — забыв субординацию, заорал Гривцов.

Неожиданно полковник спросил:

— Ты женат, капитан?

— Женат! — закричал Гривцов. Командир полка при этих словах удивленно поднял брови и с сомнением посмотрел в побледневшее от волнения лицо Гривцова.

— А что ж ты, негодяй, портишь девчонке жизнь и делаешь ей на фронте ребенка! — загрохотал баритон. — Много вас тут таких ухарей, а ей еще жизнь жить! Война идет, она такой же солдат, как ты! Что ж ты ей, паразит, наобещал, а?

— Да я на ней женат!! — заорал Гривцов. — На ней женат!

Баритон удивленно осекся.

— Ты, капитан, не морочь мне голову. Она не замужем, уж за это я ручаюсь — сегодня личное дело листал. Она, понимаешь, уверена, что ты героически погиб, а ты жив — и ни слуху ни духу.

— Да где она, товарищ полковник? — взвыл Гривцов, изнемогая от нетерпения.

— А где она, по-твоему, может быть в том положении, которое ты ей устроил? — с ледяной вежливостью поинтересовался полковник. — Отправлена в тыл. Рожать.

— Я ее люблю, — неожиданно признался Гривцов полковнику из разведки фронта, и даже сам удивился неуместности признания.

— Я за твою любовь выговор получил, — ответил полковник. — Так ты действительно неженат?

— Действительно.

— От этого, правда, не легче. Ты знаешь, как наказываются на фронте подобные штучки?

— Знаю... А что теперь делать?

— Ну, ты не девочка, чтоб мне такие вопросы задавать. Получишь по шее от своего начальства, на том дело и кончится. Ох, уж эти мне brave летчики... Твое счастье, что я добр. Так, говоришь, жениться на ней хочешь?

— Хочу.

— Кончится война — женишься... А вот где я, черт бы тебя драл, радисток на вас всех наберусь, таких любящих и неженатых?.. Ну, ладно. Скажи своему командиру, что я приказываю объявить тебе пять суток губы. Бывай здоров.

— Как ее найти, товарищ полковник? — торопливо закричал Гривцов.

— Найти? — миролюбиво уже переспросил полковник. — Это, брат, трудно... Ладно, — у нее, вроде, кто-то из родных есть, кому она письма писала. Личное-то дело ее ушло уже, понимаешь... Я прикажу спросить у девчонок, может, кто адрес знает. Перешлют на твою полевую почту.

Гривцов нетвердо стоял на ногах, сжимая в руке замолчавшую трубку.

— Ну? — спросил командир полка.

— Уехала, — сказал Гривцов.

— Кто?

— Катя.

— Куда?

— Рожать.

— Тьфу на тебя, — сказал командир полка. — С тобой-то что теперь делать? Ну?

— А, — весело засмеялся Гривцов, — со мной!.. Дать пять суток губы.

— Ну и прекрасно, — с облегчением сказал командир полка. — А то мне тебя в таком состоянии неохота было в воздух сегодня выпускать. Посидишь, отдохнешь. У нас, правда, помещения для гауптвахты нет, надо приказать ребятам из обслуживания, чтобы приготовили тебе какой-нибудь отдельный блиндаж.

Результатом этого разговора явилось то, что в морозный и солнечный февральский день почтальон, подрулив к столовой на своей мотоциклетке и привычно заорав: «Налетай, братва!» — сказал, подмигнув, Гривцову:

— Тебе письмишко, Герой. Пляши!

Гривцов дал щелчка почтальону, выхватил письмо, покраснел, воровато оглянулся и удрал в свой блиндаж. Там положил письмо на стол, зажег коптилку, закурил, походил рядом, хлебнул из фляжки, глубоко вздохнул и развернул треугольник.

«Андрюшенька, мой любимый и мой муж! Я знала, что ты все равно жив и мы все равно встретимся. Так много надо сказать тебе, что никакой бумаги для этого не хватит, и никакого времени, — пока не кончится война. Из войны я теперь на некоторое время выбыла, — и в этом мы оба виноваты. Но тут даже не подходит слово „виноваты“, потому что ты теперь — папа. А сына зовут Андрей Андреевич, и он совершенно вымотал нам с мамой нервы своим неутомным характером. Нужна, видимо, мужская рука. Что ж — все и будет — в свое время. А пока, в эту минуту, он спит, а я, полчаса назад получив письмо от одной своей девочки, с которой (зачеркнуто полевой цензурой), узнала о тебе, и что тебе после всех мытарств еще за меня досталось. Надеюсь, милый, что ничего уж очень страшного с тобой не сделали. Андрей, все будет хорошо, мое предчувствие меня еще никогда не обманывало, и мы с тобой еще выпьем настоящего шампанского и устроим настоящую свадьбу, хотя настоящее того, что уже было, и быть на свете ничего уже не может...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЕТЧИКА
ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА
БОГДАНОВА

Глава первая

Был СССР.

Был город Ленинград.

Было в Ленинграде издательство «Лениздат».

И была в издательстве том редакция историко-партийной литературы.

А редактором в той редакции работал некогда мой друг, замечательный писатель Олег Стрижак. Чтоб зарплату получить.

Он не только сам ее получал. Он и друзьям давал зарабатывать. Потому что издавала редакция в основном военные мемуары. А писали их ветераны войны. Когда-то они хорошо воевали и, малый процент, уцелели. Они много помнили и мечтали сохранить это для потомства. Но писали они чудовищно плохо. Невыразимо. Не их это было дело.

И редактор нанимал на договор литературных обработчиков. Нищих и безвестных профессиональных литераторов. Литобработчик брал толстенную рукопись и, вздыхая, матерясь и проклиная свою горькую участь, переписывал ее с начала до конца. Чтоб придать удобочитаемый вид.

За это ему платили деньги. От 30 до 70 процентов гонорара автора — в зависимости от того, насколько заново приходилось все писать.

Ветераны очень переживали. Литобработка их нервировала. Они дорожили своим словом. И, как правило, настаивали на всемерном освещении их личной роли и заслуги в Войне и Победе.

Итак, на дворе стояли семидесятые, расцвет брежневской эпохи; а мы были молоды, еще далеко до тридцати, — были нищи, веселы и самоуверенны.

Сентябрь стоял — теплый и солнечный, с желтой листвой.

Сентябрь стоял, а я сидел. Не в тюрьме сидел, а у себя дома, на улице Желябова, что сейчас называется взад обратно Большой Конюшенной. Пил чай, курил беломор, писал рассказ и никого не трогал.

Звонит телефон. Зараза.

— Здравствуйте, масса Майкл. Стрижак осмеливается беспокоить. Вы работаете?

— Привет. Ну в общем да..

— Двести рублей хочешь заработать?

Вопрос гадский. На шесть дюймов ниже пояса. Заработать всегда хочется. А работать для этого — никогда. Халтура!.. Шедевры писать надо.

Если наука полагает, что человек произошел от обезьяны, то я полагаю, что Стрижак произошел от Змея, который в райском саду наладил удачную торговлю яблоками.

— М-м-кхм!.. — мучительно отвечаю я.

— Слушай, подгребай в издательство. Всей работы будет тебе на один день.

— Да ну на фиг! — решаю я.

— Ты не представляешь, как это интересно! — говорит Стрижак. — Тут только ты можешь справиться! — льстит с матросской грубостью. — Ты же не знаешь, что я тебе предлагаю. Я предлагаю тебе написать на пятнадцати страницах историю Советской Дальнебомбардировочной Авиации! А?

Лесть — это агрессия на коленях. Всех льстителей я бы повесил. Но поскольку это не в моей власти, то слушать их все равно приятно. Я пострадал и пошел.

Что за люди заходили в ту редакцию! Что за судьбы, что за истории, что за невероятные случаи! Потрясающая, сногшибательная информация, состругиваясь с памяти, чтобы пропихнуть книгу сквозь игольное ушко военной и партийной цензуры, оседала в редакционной комнате.

И сейчас я расскажу только одну, одну-единственную из всех этих историй...

— А вот и наш лучший, самый (черт знает какой самый из всех) литообработчик Михаил Иосифович Веллер! — возвестил Стрижак, приветственно вставая из-за редакторского стола и протирая руки в белейших манжетах. — Мишенька, позволь представить тебе заслуженного летчика Ивана Григорьевича Богданова!

И я увидел на стуле между шкафом и окном некрупного, незаметного человека. Очень такого во всем среднего. Типичный пенсионер из толпы. Среднее сложение, средней плотности, среднее лицо, даже остатки волос какого-то среднего цвета между каштановым, седым и русым. Средней поношенности стандартный костюмчик неопределенно-темного цвета. Причем без всяких орденских планок, что для ветерана в официальном присутствии малотипично.

Он обернулся в профиль к свету, и стал заметен шрам через все лицо, от лба через нос и рот к подбородку. Шрам был широкий, сгладившийся, он придавал лицу некую старческую мягость, бугристость, и тоже был незаметным, незапоминающимся.

Отставному шпиону полагается обладать такой внешностью, а не летчику. Невозможно составить словесный портрет.

— Прощу оценить! — рассыпался Стрижак в изъяснениях любви, как если бы мы были гомосексуалистами и он мечтал меня обольстить.

— Иван Григорьевич написал книгу о боевом пути своего полка, где о себе, командире полка, умудрился не сказать ни единого слова. Ты когда-нибудь такое встречал?

Он отмел скромно-протестующий жест автора и продолжал петь, как горнист, выводящий «захождение»:

— Я много объяснять тебе не буду, Иван Григорьевич сам все расскажет. Твоя задача — написать предисловие, где об Иване Григорьевиче тоже будет достойно сказано. Да-да, тут не надо скромничать, читатель должен знать.

Иван Григорьевич, отставной стало быть летчик Богданов, выглядел человеком, из которого слово лишнее вытянуть не смогло бы даже гестапо раскаленными

щипцами. Проклиная слабохарактерность, я дал себя уговорить на эту работу.

После чего нас дружески проводили за дверь и пожелали счастливого сотрудничества — мол, давайте, освобождайте помещение, у меня другие дела.

Идти нам было некуда, кроме как в скромный номер Богданова в гостинице. Жил он в Тульской области. Дорогой я пытался его «разговорить». Разговорчив он был не более статуи Суворова на Марсовом поле.

Ну что. Бутылку брать надо. Для разговора. Производственные расходы.

Захожу в магазин. Коньяк «Плиска» — пять двенадцать. Денег у меня нет. Симулирую доставание кошелька, обозначая позой, что согласен пить за счет собеседника. Хамство, в общем. Хотя, с другой стороны: я о тебе пишу — ты меня поишь. Короче, взяли.

И вот сели мы у него в номере, и роняет он отдельные слова, и ни слова о себе, и я сбегал еще за бутылкой — уже водки, и с закуской. И к концу только литра собеседник поплыл, отмяк. Дело такое, журналистское, опыт был. Раскрутить клиента — иногда не просто.

— Ладно, — говорю, — Иван Григорьевич, давайте по-простому, конкретно. Я вам задам несколько вопросов, а там видно будет. Не получится рассказы-вать — и бог с ним. Как вам больше хочется.

— Пожалуйста, — говорит. Очень добрый такой и вежливый. Просто замкнут до чрезвычайности.

Положил я бумажку, раскрыл ручку, закурил папироску. Спрашиваю:

— Иван Григорьевич, когда лично вы начали войну? Когда состоялся ваш первый боевой вылет? Помните?

— А как же. Двадцать второго июня сорок первого года. В шестнадцать ноль-ноль мы поднялись.

— Какая была задача?

— Обнаружить и бомбардировать скопления техники и живой силы противника на восточном берегу реки Буг непосредственно южнее города Брест.

— Так. А последний ваш боевой вылет?

- Тридцатого апреля сорок пятого года.
- И какая была задача?
- Бомбардировать укрепленные точки противника в районе рейхсканцелярии в городе Берлин.
- Ничего себе... — говорю. — Что называется — от звонка до звонка. Всю войну!

Молчит.

- Вы в каком звании и должности войну начали?
- Лейтенант, командир экипажа дальнего бомбардировщика.

— А закончили?

— Майор, командир бомбардировочного полка Авиации Дальнего Действия.

— Иван Григорьевич, награды у вас, конечно, есть?

— Конечно.

— Первую в войне когда и за что получили? Какую?

— Орден Красной Звезды. В июле сорок первого года. За успешную штурмовку колонны боевой техники противника восточнее реки Березина.

— А последнюю?

— А вот тридцатого апреля сорок пятого года. За успешную бомбардировку огневых точек рейхсканцелярии.

Банку он держал исключительно. Старая гвардия. Сталинский сокол. Я взял у него еще пятерку и сбегал за третьей бутылкой.

— И какая это была награда?

— Орден Кутузова второй степени.

— Позвольте. Но ведь это полководческий орден. Давали от командиров корпусов.

— Командование сочло.

— Командование — это кто?

— Маршал Гречко.

— А прямо тридцатого же апреля — это как возможно?

— А еще в воздухе.

— ?! Простите... не понимаю. Это как?

— А он наблюдал. По рации: «Кто в воздухе?» Отвечаю: «Полк майора Богданова». — «Орден Кутузова второй степени, майор».

— Иван Григорьевич, — говорю, — сколько же у вас всего боевых орденов за войну?

— Что, — говорит, — ордена. Давайте за ребят выпьем.

И встал. Заплакал.

Глава вторая

Гадская это работа — беречь больное. Бойцы вспоминают минувшие дни — это праздник специфический...

Высморкался Богданов, извинился. Продолжает исполнительно докладывать:

— Восемь орденов и семь медалей. Не считая того, что уже в мирное время.

— А какие ордена?

— Ленина, два Боевых Красных Знамени, два Отечественной Войны, первой и второй степени, и еще одна Звездочка. Кроме тех, что говорил уже.

— Иван Григорьевич, — говорю, — это ведь большая редкость, чтобы боевой летчик прошел всю войну от первого до последнего дня.

— Да, — говорит. — Это редко бывало.

— Сколько у вас боевых вылетов?

— Сто пятьдесят шесть.

Вот тут профессионализм мой подслаб и сменился личным уже, живым уважением. Да ни хрена себе, кто понимает!

— Простите, — говорю, — так а... вы... получили Героя Советского Союза?

— Нет.

— Но ведь, если не ошибаюсь... штурмовикам и бомберам давали Героя по боевым вылетам — сначала за пятьдесят, а с сорок третьего за сто вылетов?

— Совершенно верно.

— Ну так?

— Были некоторые обстоятельства.

Значит. Советский истребитель имел запас прочности на пятьдесят-шестьдесят боевых вылетов — часов

пятьдесят в воздухе. Больше не требовалось. Столько почти никто не жил. Раньше сбивали. Если кому вдруг дико везло — ему было дешевле дать новую машину. Средняя продолжительность жизни советского истребителя в войну — шесть вылетов.

Авиация союзников при налетах на Германию теряла за вылет в среднем пять процентов состава. Двадцать вылетов — сто процентов. Норма для американских экипажей была двадцать пять вылетов. Уцелел — домой. Пять последних вылетов летчики называли «за чертой смерти».

Это при том, что союзники всячески берегли свою живую силу. В отличие от нас. Которые цену выполнения приказа признавали только одну — любую. А из всех мер наказания за невыполнение преобладала также одна — высшая.

Константин Симонов в военных дневниках признается, что всегда хотел слетать в боевой вылет на бомбардировщике, да боялся; а пересчитывая возвращающиеся назад машины, жалел, что все же не решился.

И вот простецкий скромный человек, который налетал полторы нормы Героя, и ни фи́га не получил. И молчит тихо.

— Иван Григорьевич, — говорю, — а сколько у вас налета, всего?

— Девять тысяч часов в воздухе.

— Но за пять тысяч полагается давать Заслуженного летчика СССР? Вы?..

— Да нет...

— Вам это звание не присвоили?

— Нет.

— Но почему?

— Всяко бывает.

— А какая ваша последняя должность перед пенсией?

— Заместитель начальника Центрального научно-исследовательского лётно-испытательного центра по лётной части.

— А начальником кто был при вас?

— Гризодубова.

Ох да ни фигя ж себе пилотяга мне попался! Ас из асов.

— А когда вы начали летать? Что кончали?

— В двадцать девятом году. Тогда это называлось «Московская школа военлетов».

— А первое место работы?

— Меня после окончания оставили там инструктором по пилотированию.

— А потом?

— В тридцать первом году уволили в запас и назначили летчиком гражданской почтовой авиации.

— На какую линию?

— Тифлис—Москва.

— Сложная была работа?

— Да.

— Чем?

— Во-первых, полеты часто проходили в сложных метеоусловиях. А график надо было выдерживать бесперебойно. Время было строгое. А во-вторых, это была самая длинная беспосадочная трасса в Союзе. Приходилось беречь горючее, все время в воздухе экономить.

— И как вам там работалось?

— Летал.

— На каких машинах?

— На «юнкерах».

— Судя по вашей биографии, летчиком вы были хорошим, чтоб не сказать больше?

— Нареканий не было.

— А успехи там, поощрения какие-нибудь? Были?

— В тридцать пятом году по итогам Всесоюзного соревнования был лучшим летчиком почтовой авиации. Дали Грамоту. Калинин вручал. Вызывали в Кремль. А в тридцать шестом — именные часы от наркома авиации.

— За что?

— Лето было грозное. Многие попадали в аварии. Гибли, бывало. А я летал по графику.

— Как же вам удавалось?

— Опыт уже был. Машину чувствовал. И трассу хорошо знал.

Вот что я вам скажу. Если вы никогда не выбирали адмиралтейский якорь вручную, так вам не понять, с каким напряжением я это все из него вытаскивал. Третья бутылка, однако, на донышке плещется! Я уж косой, как сизый голубь. А он сидит. Улыбается мне добро. А рот при этом сомкнут в прямую линию.

— А как вы попали в Дальнебомбардировочную авиацию?

— В тридцать девятом году ее сформировали. Шестьдесят машин — пять эскадрилий по двенадцать. Командиром назначили Голованова. И он стал из кадров гражданской авиации вытаскивать к себе самых опытных летчиков. Летали-то мы лучше военных. Много, постоянно, в любых условиях, на большие расстояния. И меня тоже призвали. В прежнем звании лейтенанта. Поставили командиром экипажа. Все это тогда считалась одна дивизия.

Все. Вот тебе и вся его биография. Что хочешь, то и пиши.

Не раскручивается. Не колетса. Не хочет про свои подвиги.

Плохо быть дураком. Не надо проламывать в лоб позицию, которую можно взять обходом. А чем его спровоцируешь?

— Иван Григорьевич, — говорю, — вы, наверное, читали ведь военные мемуары других летчиков.

— Не без этого.

— Там же, по идее, очень много умолчано. Встречаются просто фальсификации.

— Потому я и решил написать свою книгу. Уж как вышло... простите...

— Вы могли бы сейчас — в частном порядке, неофициально, — вот разоблачить какое-нибудь такое типичное вранье в таких мемуарах?

— Ну... зачем же людей порочить.

— Хорошо. А что-нибудь свое? Не для печати?

— Вы что имеете в виду?

— Иван Григорьевич, почему вам, с вашим послужным списком, не дали Героя и Заслуженного? Происхождения вы рабочего, член партии, русский, фронто-

вик, орденосец, летчик высшей квалификации. В чем дело? ЧП, аварии, выходки? А? Ведь несправедливо же?

— Ни одной аварии, — говорит, — у меня никогда не было. За все девять тысяч часов. Не считая... — и умолкает.

— Давайте, — говорит, — окошечко откроем. А то вы накурили немного... нет-нет, пожалуйста, я сам курю! Просто — тепло, свежий воздух.

Выпили мы с ним по последней, и достал он из тумбочки одинокую бутылку «Жигулевского».

— Понимаете, — говорит, — дорогой, времена ведь бывали всякие, и о многом писать нельзя. Никто не позволит, да и зачем, понимаете... не все знать надо.

Ну например. Как-то в сорок втором прикрывала нас в вылете шестерка истребителей с соседнего аэродрома. Отбомбились мы без потерь, вернулись домой, садимся. Истребители помахали нам крылышками и отвалили к себе. И только они скрылись, мы уже на стоянке заруливаем, последнее звено садится — из облака вываливаются неожиданно два «мессершмитта»! С ходу, с пикирования, срубили двух последних — и исчезли раньше, чем наша ПВО смогла открыть огонь! Потеряли две машины, два экипажа, уже дома, понимаете.

Так вот. В двадцать четыре часа командира истребительного прикрытия расстреляли полевым трибуналом. Потому что был такой приказ. Не имеет права отлучаться ни при каких обстоятельствах. Охранять ценой собственной жизни! А мы ведь еще не все зарулили и замаскировались. Все — нарушение приказа, бросил, понесли потери, виноват, — расстрел. А что вылет был на пределе их радиуса действия, что они на последних каплях горючего домой сели — это никого не интересовало.

Вот так вот. Кто это напишет...

А меня сбивали. Два раза. И оба раза — над территорией, занятой противником. Дважды выходил к своим. И все еще хорошо обошлось.

Потому что во второй раз я находился на оккупированной территории двадцать восемь суток.

А вы, дорогой, сейчас ведь не представляете, что это было такое — «находился на оккупированной врагом территории»...

Вот только один случай, который произошел с моим другом, из нашей же эскадрильи... а ведь мы еще на почтовых вместе летали.

Глава третья

— Его сбили в самые первые дни войны. Выбросился с парашютом и тут же был захвачен в плен.

Ну, документов мы ведь с собой не брали. Партбилет сдаешь перед вылетом замполиту, удостоверение личности — командиру строевой части. Так что он сказался бортмехаником — не командир, летающий рабочий, чего там, — для спокойствия, чтоб не расстреляли.

Попал в лагерь. Потом немцы начали из лагеря отбирать квалифицированных рабочих для разных своих нужд. И он попал на работу туда, куда только мечтать мог — на аэродром. И там среди таких же пленных обслуживал Ю-восемьдесят седьмые.

Конечно, немцы всю работу строго контролировали и проверяли. Возможность любого саботажа была исключена. Перед вылетом все смотрит немец, старший механик. Что заметит такое — расстрел тут же. Работали.

И он все вынашивал идею улететь к своим на немецком самолете. До кабины пленных не допускали. Заправка и непосредственная подготовка к вылету — под строжайшим присмотром. Все было у них продумано, подстраховано. И он ловил обрывки разговоров, присматривался краем глаза, чтоб представить себе детали управления.

И вот летом сорок второго их аэродром был под Псковом. И как-то выдался подходящий случай. Стоял чуть в стороне от других одинокий заправленный самолет — видимо, для воздушной разведки.

Повели пленных на обед. А он приотстал, закопался как бы в снятом на ремонт двигателе. На снятом

двигателе не улетишь, диверсию тоже не очень устроишь, и охрана слишком уж не бдела на его счет. Он старательный был, дисциплинированный, на хорошем счету. Махнул рукой им — мол, иду, иду, айн момент, работаю.

А куда ты денешься? Кругом колючка, и пулеметчики на вышках.

Те колонной отошли, он схватил коленвал на плечо и поволок к заправленному самолету на отшибе. А пулеметчики, аэродромная охрана, к летной-то службе отношения не имеют и в ней не разбираются. Чего-то пленный ремонтирует — ну и ладно, значит, так надо.

Он положил коленвал, для виду еще покопался в моторном лючке, чего-то где-то попротирил, поправил, а потом влез в кабину.

Вот тут охранник с вышки ему заорал, чтоб вылезал, это запрещено. Он охраннику трясет отверткой над головой и кричит, что у него — приказ работать. А сам лихорадочно по приборной доске шарит, где аккумуляторы включаются. Ручка — это ясно, педали — ясно, сектор газа — вот, горизонт, шаг винта... подача топлива... а где аккумуляторы?!

Охранник свистит. Кто-то уже бежит по полю в его сторону.

Он переключателями шелкает лихорадочно. А! Осветились циферблаты! Есть!

Красная кнопка — запуск! Пошел пропеллер!

Главное — он ногами незаметно колодки из-под колес сдвинул, пока для отвода глаз в самолете копался. И — с ходу вырывается на взлет.

Охрана начинает палить в воздух. Потому что жечь свой самолет — это уж самый крайний случай, немцы бережливы; а чтоб пленный, да улетел — это очень маловероятно, считалось-то, что летчиков среди них нет, только механики.

И он разгоняет самолет, уже мотоциклисты погнались, уже охрана с вышек на поражение строчит, фюзеляж дырявит. Но «Ю-87», надо заметить, к его счастью, машина очень живучая: бронированная, баки экранированы, и поджечь его довольно трудно даже из

крупнокалиберных и скорострельных авиационных пулеметов, не говоря об обычном армейском МГ-34.

И взлетел ведь! Оторвал машину и на полном газу ушел на бреющем за лес. Фюзеляж очередями ему подрали, но в общем машина вполне управляема.

И взял курс на восток, и шел на высоте десяти метров, чтоб быть как можно незаметнее. Потом сообразил, что на востоке его будут перехватывать, радиосвязь у немцев хорошо работала, и пошел на юг. И пересек линию фронта уже за Великими Луками.

Огляделся, истребителей наших не видно, поднялся повыше и стал выглядывать подходящее для посадки место.

И нашел наш аэродром. И быстро на него сел, чтоб не сбили впопыхах.

И вот садится на наш аэродром «лаптежник», все смотрят, пулеметы наводят, насторожились. Откидывается фонарь, гложет движок, высовывается рука и машет. И вылезает он, вопя по-русски, что — свой, не стреляйте.

Ну, встреча, конечно, и все такое...

Богданов замолчал, налил себе пива и выпил.

— Может, еще пивка? — предложил он.

— А дальше? — спросил я. — А потом?

— Не было дальше. Не было потом. Арестовали, допросили в «Смерше» и расстреляли.

— За что?

— Ну как это за что. Красный командир, летчик, коммунист — сдался в плен. Обязан был застрелиться. Это — раз.

Работал на врагов. Да не просто работал — обслуживал их боевую технику. Это уже прямая измена, предательство. Это два.

И, вероятно, завербован немецкой разведкой и прилетел по заданию, внедриться к нам и продолжать враждебную деятельность. Это три. Просто так-то, знаете, от немцев на их самолете не улетишь, верно?

Вот и вполне достаточно.

Потом уже, после смерти Сталина, после всех реабилитаций, в газетах писали о таких случаях как, зна-

чит, о примерах мужества и героизма. Ну, а о том, что этих героев расстреливали, писать, естественно, было как-то... ну, понятно.

— Иван Григорьевич, а когда вас сбили в первый раз?

— Седьмого июля сорок первого года.

— Где?

— Немного юго-западнее Орши.

— Как?

— Да очень просто. Истребители.

— А прикрытие?

— Не было никакого прикрытия.

— Почему?

— Этого нам не докладывали. И вообще летчики говорят, что когда Господь Бог наводил порядок на земле, авиация была в воздухе. А всерьез — практически всех истребителей немцы сожгли сразу на земле, на приграничных аэродромах.

— На каких машинах вы летали?

— Наша эскадрилья — на ДБ-3Ф. Ну, потом их стали называть Ил-4. Дальний бомбардировщик. А две эскадрильи у нас были еще ТБ-3. Эти огромные тихоходы еще в конце тридцатых устарели, у них скорость вообще была 180 километров, у нас-то хоть под 300. И все мы считались ночными. Потому что дальность полета большая, а скорости нет, днем, да на малой высоте, да без прикрытия — это воздушная мишень. Нам полагалось что? — забраться ночью тысяч на девять, чтоб даже зенитки не доставали, и пилить хоть до Берлина. А если ночные истребители — сомкнуть строй и суммировать бортовой огонь. А тут...

— А какая была задача?

— Вызвал нас к себе с утра лично Голованов, командир дивизии нашей ДБА. Нас — это пятую эскадрилью. А оставалось в эскадрилье два экипажа. Остальных уже сбили. Вот, значит, из двенадцати осталось два. Восемь человек.

Меня назначает командиром звена.

И ставит задачу. Реку Березина южнее города Борисов форсировала колонна немецкой бронетанковой и мото-

техники. Колонну остановить и уничтожить. Бомбардировать! По машинам.

Ну что. Взлетели. Легли на курс. Облачность — ноль. Дошли, обнаружили цель.

Здоровенная колонна. На несколько километров. Сбросили мы по бомбе. Колонна остановилась, люди от дороги бросились в траву, в заросли.

А как ее уничтожишь? Мы ж не пикировщики, не истребители танков.

Встали мы в карусель из двух машин и капаем на них по очереди. Загрузка у нас — тонна малых бомб, пятидесятикилограммовок. Круг — бомба, круг — вторая. Что-то опрокинули, что-то подожгли. Стоит колонна, дымит.

Когда бомбы вышли, мы еще на бреющем прошли несколько раз вдоль колонны, прочесали из пулеметов.

Минут сорок это заняло. Задержали, подавили.

Ну что, задача выполнена. Пора домой возвращаться. Идем.

А видимость — миллион на миллион. И остается только молиться, чтоб немецких истребителей не было.

И, конечно, появились.

Свалилась четверка «мессершмиттов» сзади-сверху от солнца, как полагается, и моего ведомого сожгли сразу, с первого захода. Вспыхнул он и падает камнем. Никто не выпрыгнул.

А на мне они, похоже, решили молодых потренировать. Распались на две пары и заходят сзади по очереди. Заходят, отстреливаются и проскакивают вперед.

Когда подходят ближе сзади, слышу, по ним стреляет стрелок-радиот мой. А когда проскакивают — им вслед стреляет штурман из своего фонаря, из носовой турели.

Потом слышу — перестал радиот мой стрелять. Я ему по связи: «Яша! Яша!» Молчит. Убили, значит.

А потом и штурман перестал стрелять. А он вот тут сидит, у меня перед коленями; впереди и ниже. Смотрю я — а у штурмана вместо головы одна каша. Убили штурмана. Как раз в этот день у него день рождения был. Двадцать пять лет ровно ему исполнилось.

Ну что. Они у меня вдобавок перебили сразу тяги руля, педали проваливаются, и мне даже не свернуть. Вцепился в ручку и держу себе по прямой, как по ниточке.

А они заходят сзади попарно и по очереди по мне отстреливаются. У меня уже плоскости в лохмотья, фонарь разбит, приборная доска — в щепки. А держусь! Неплохая была машина, устойчивая. Но всей бронировки на ней — бронеспинка у пилота. Я-то, как видите, ростом небольшой, сжался за ней, только в штурвал вцепился — и лечу!

Глава четвертая

— Как они сзади зайдут — по бронеспинке как го-рохом стегнет! Я в кожаном реглане был — так полы все в клочья очередями изорвало. Даже локти, рукава сбоку посечены! А бронеспинка — хорошая была броня, не пробивалась. Только она меня и спасала.

А потом чувствую — машина вверх полезла. Задирает нос и задирает. Я назад высунулся чуть, посмотрел, а хвоста-то у меня больше нет. Вообще как нет. А машина летит!! И нос кверху лезет. Уже стоймя стала. И начинает лезть прямо в мертвую петлю, вверх ногами. Штурвал — какое там, болтается... а моторы держат же обороты!

Ну, я фонарь открыл, ремни отстегнул, и когда она стала вверх дном — оттолкнулся и вывалился.

Но вывалился недалеко, и хорошо, что сразу парашют не дернул. Потому что машина полет свой, похоже, закончила — и падает следом за летчиком, прямо сверху на него. Раньше прыгать надо было.

Но я-то думал что? Хоть сколько возможно, каждый километр лишний — поближе на восток, линию фронта перетянуть. А где она точно — сказать никто не может, потому что два часа назад была в одном месте, а сейчас в другом. Немец идет быстро, на броне и колесах. Вот я и тянул.

А теперь стал барахтаться в воздухе, делать какие-то плавательные движения, чтоб из-под обломков вы-

нырнуть, с пути их отвернуть. А без самолета в воздухе, знаете, не очень-то полетаешь. Я все-таки летчик, а не профессиональный парашютист.

Не знаю, сколько я так падал рядом с машиной и отдельно от нее, но как-то все-таки она стала кувыряться и пронырнула мимо. Тогда я дернул, значит, за кольцо, хлопок, и парашют раскрылся.

И в этот миг мне стало спокойно. Чувство спасения. Хорошо так, отчетливо помню.

Дыхание перевел. В лямках устроился поудобнее. Тихо спускаюсь себе вниз. Земля внизу зеленая, небо кругом голубое, парашют над головой белый, и я цел, ни единой ведь царапины.

И только подумал: ну вот и конец пятой эскадрилье, нет ее больше.

И только я это подумал — слышу моторы, поворачиваю голову: заходит на меня пара «мессершмидтов». И открывает огонь.

Вот тут уже я закрыл глаза и думаю: ну, все. Все.

Решили, значит, в воздухе меня расстрелять. А что там. Полное господство. Почему не потренироваться.

Ударило меня по ноге, и потерял я сознание.

...Очнулся: мокро. Открываю глаза. Лежу в какой-то луже. Трава кругом, заросли. Парашют рядом, погашенный. Стал себя ощупывать. Вроде цел. Отстегнул лямки. Стал подниматься на ноги, и тут в бедре такая боль — что снова потерял сознание.

Снова очнулся, в той же луже. Вечереет уже. Нога ноет все сильнее. Проверил: пистолет в кобуре.

Ну что, думаю, у наших я или у немцев? Стреляться, или погодить еще? Стреляться, конечно, неохота. Нет желания. Да и жалко по ситуации, понимаете: такое сейчас прошел, вытянул, остался живой — так что же теперь... чего ради. Уж лучше б тогда в воздухе сразу, в бою, от немецкой пули.

А двигаться не могу. Нога не пускает. Как свинцовая стала, и при малейшем движении — боль... страшная боль, честное слово.

Ладно, думаю. Полежу тут пока. Водички похлебаю. Поглядим, что там будет. Если немцы подойдут — за-

стрелиться успею. А может, убью раньше одного. Или даже двух. Чего задаром-то умирать, да раньше времени. Воздух хороший. Птички поют. Нога не так уж и болит, если не шевелиться. Поживу еще сколько можно.

И слышу вдруг тихий такой голос: «Дяденька! А, дяденька! Эй, дяденька летчик!.. Ты живой?.. Не бойся, мы свои, русские. Мы пионеры. Не стреляй!..»

Это, значит, они видели, как меня сбили и как я с парашютом опускался, и пошли меня искать. Выручать, значит. А маленькие еще. В камыше в болоте спрятались и смотрели, как я лежу. А подойти боялись.

«Ребята, — говорю, — вы откуда?»

«Из деревни».

«Да сколько вас там, вылезайте, не бойтесь».

Один выходит — а остальные сидят, прячутся.

«В деревне-то вашей, — говорю, — наши, или немцы пришли?»

«Никого, — отвечают, — нету. — Наши ушли, и немцев нет. Но, вроде, должны прийти».

«А взрослые-то есть в деревне вашей?»

«Да никого почти и нету. А ты что так лежишь? Ты раненый? Ходить не можешь? Ты погоди тут, мы лошадь найдем, и телегу найдем, приедем за тобой. Ты есть хочешь? Ты лежи пока тут, а мы вернемся скоро».

Вот, понимаете, такое, как в книжке.

И в самом деле, вернулись они вскоре с лошадьёю и телегой, и помог я им положить меня на эту телегу — и снова без сознания.

Просыпаюсь ночью. Телега трясется мягко. По дороге едет, тихо едет, шагом. Один пацаненок вожжи держит, второй сидит рядом — на меня смотрит. Нога у меня чем-то перевязана.

«Не бойся, — говорят, — мы дорогу знаем. К нашим тебя вывезем. Завтра будем. Пить хочешь? А ты на каком самолете летал — на том самом бомбардировщике? А ты немцев много убил?»

...Ну, это все уже лирика. Детали, к делу не относящиеся. В общем, они действительно меня доставили к вечеру следующего дня в расположение наших час-

тей, сплошной линии фронта не было. И оказалось это буквально в полусотне километров от нашего аэродрома. Нас ведь использовали как фронтową авиацию и передвинули на запад после начала войны.

Бывает такое везение. Часть стояла без приказа, копала оборону, и упросил я доставить меня к своим. Выделили мне ездового с повозкой и, значит, довели.

Там уж со мной, конечно, попрощались, списали. Из вылета не вернулся. Хотели отправить в госпиталь, но я уперся, пусть своя санчасть лечит. А то пока доведут, пока то-се, это хуже может обернуться. Здесь по крайней мере свои, если что — так не бросят. И потом, после госпиталя неизвестно куда тебя сунут, обратно в свою часть никогда ведь, в общем, не попадали. А здесь дома.

Ну и... вот. Повалаялся, отдохнул, поправился.

От дивизии осталось всего несколько машин. Отвели нас под Москву, на переформирование. Развернули в корпус.

И в сентябре я уже летал. Бомбили немцев под Смоленском.

Потом — оборона Москвы. Потом зимнее наступление. Потом назначили меня командиром эскадрильи.

В общем — все обычно.

Что тут рассказывать?.. Летали.

Вот вы говорите — сто пятьдесят шесть вылетов. Так а как, спрашивается, иначе? Война, приказ — летали. Как мы летали... как щепки из-под топора мы летали. А куда ты денешься.

Правда, обычно начальство летало поменьше. Командиры полков уже старались сами-то поменьше в воздух подниматься. Что было, то было. Никому не хочется лишний раз под смертью летать.

Ну, а мне это было как-то неловко. Вроде, других отправляешь, а сам на земле отсиживаешься. Когда сам летаешь — к тебе и подчиненные иначе относятся, и настрой в полку лучше.

Бывали ведь куда более тяжелые на войне работы, чем наша. И морально, и в смысле риска.

Вот в сорок втором нас одно время использовали для связи с партизанами. Грузы доставляли, раненых забирали иногда. А пару раз диверсионные группы с воздуха десантировали.

— Из бомбардировщика — десантировали?..

— А дело в том, что мы тогда летали на американских «дугласах». У нас их обычно называли «Ли-2».

— Это те, что потом у нас выпускали как «Ил-12»?

— Так точно.

— Но ведь это транспортные машины.

— Ну и что же. Машина прочная, цельнометаллическая. Дальность неплохая, и грузоподъемность достаточная — пару тонн всегда возьмет. И скорость тоже. На ДБ-3Ф у нас было двести восемьдесят — а тут триста восемьдесят, на сто больше. И как ночной дальний бомбардировщик машина очень даже годилась.

— А куда же бомбы-то в транспортном самолете загружать?

— А это сами уже переделывали. Техники приваривали наружные бомбодержатели. И в фюзеляже прорезали бомболюк, делали стеллажи — для малокалиберных бомб. Сверху ставили плексиглазовый колпак для стрелка-радиста. И очень даже неплохо было на них летать.

И вот тогда, летом сорок второго, как-то и столкнулись с таким случаем...

Понимаете, на фронте ничего от людей утаить невозможно. Каким образом информация всегда просачивается — сказать буквально невозможно. Но, раньше или позже, — все всё знали.

Значит, дается нам задание — принять группу из четырех человек. Доставить в такой-то квадрат за линией фронта, во столько-то часов, обнаружить там внизу четыре костра квадратом и выбросить их с парашютами.

Ну, для надежности решил я лететь сам.

Привозят их вечером в «виллисе» прямо на аэродром, сопровождает офицер фронтовой разведки. Наше дело маленькое: принял — доставил.

Трое ребят и девушка-радистка. Совсем девочка, маленькая такая.

Так дело-то, понимаете, вот в чем... Как бы сказать. Мы-то это уже потом узнали...

У немцев ведь все службы хорошо были налажены. В том числе и контрразведка, и полевая жандармерия. Работать в их тылу было очень трудно. Группы эти сгорали очень быстро.

И чтоб внедриться, был такой способ.

Группа приземлялась, начинала работу — и один из них сдавал немцам всех остальных. Заслуживал, таким образом, доверие. Его, конечно, проверяли и потом обычно использовали в их разведке. А на самом деле он работал на наших.

— А остальные?

— Что — остальные... Остальные — по законам военного времени. Остальные шли под расстрел. Или в лагерь, если повезет.

И вот мы их везем. Они там сидят рядом, переговариваются о своем. И трое не знают, что четвертый их завтра выдаст. И девочка эта не знает. Что не выполнят они никаких заданий. Что все их задание — умереть у немцев.

Глава пятая

— Вышли мы вовремя в заданный район, нашли внизу костры, выбросили группу. Мы ведь тогда не знали еще, что троих привезли, можно сказать, прямо на расстрел. В том числе и девочку эту.

Потом рассказывали, что тот, который их должен был выдать, ее любил. Вот такой роман...

Правда это, нет, — кто знает. Приврать народ тоже любит. Но ведь и такое могло быть, верно?

Да... А если б мы и знали — чего нам никак не полагалось — какая разница? Наше дело маленькое. Выполнил приказ — и ничего тебя не касается.

— А что с ними было дальше — не знаете?

— Понятия не имею. Да и откуда. Тем более что в тот именно вылет меня сбили во второй раз... и своих хлопот было выше головы.

И такое совпадение — это было седьмого июля срок второго года. День в день — ровно через год после того, как меня сбили в первый раз. И тоже над Белоруссией.

Ветер был, гроза. И стали мы грозу обходить с севера. А поправку на боковой ветер учесть в воздухе довольно трудно. Короче, оказались северней, чем думали, километров на тридцать.

Темь полная, иду по приборам. И вдруг — будто взрыв у меня перед лицом, чувствую — словно глаза выжгло. Зажмурился, ничего не соображаю. Что такое?!

Штурман кричит:

— Прожектор! Уходи!

Тогда я понял, что это нас прожектор поймал. Ощущение — непередаваемое. Полная беспомощность. Будто тебя на ладонь посадили. Глаза открыть невозможно — словно бритвой их режет этот ярчайший свет, прямо в мозг ломит. Попасть ночью в прожектор, неожиданно, сразу — это очень деморализует, прямо парализующее действие оказывает.

Ну, я наощупь выдвинул до отказа газ обоим моторам, штурвал от себя, и на полной скорости — машина вниз скользит, как с горы, почти пикирует — отдаю левую педаль, чтоб как-то выйти из луча. И тут — разрыв!

Это немецкие зенитки дали залп, и первым же залпом они нас сняли. Служба ПВО у немцев, надо сказать, очень хорошо была поставлена, четко работали.

Потом уже оказалось, что мы проходили прямо над Витебским железнодорожным узлом. Они, видимо, засекли нас на подходе звуколокаторами, определили нашу высоту и курс, и когда мы подошли поближе — сразу врубили прожекторы и открыли огонь на изготовленных установках. Вот так — ошибся немного штурман мой в расчетах...

Очевидно, у меня осколком перебило бензопровод в правой плоскости, потому что оттуда сразу пошел шлейф пламени. А я был в левом повороте, на скорости, пламя срывалось — и огонь сразу перекинулся на фюзеляж, хвост гореть начинает.

Сзади — стрелок:

— Командир! Горим!

Ну а что — горим... Я сам вижу.

Единственный выход — попробовать сбить пламя. Моторы у меня на полном газу, правый уже захлебывается, я — штурвал круче от себя, пикирую с левым креном, скорость уже за семьсот, машина трещит... хорошие самолеты были «дугласы», прочные.

И как-то в самом деле удалось мне сбить пламя, бензин правому мотору я перекрыл, резко взял вправо, и вдруг — хоп! — ослеп. Ну ничего не вижу, словно черной тряпкой по глазам ударили. Это, значит, выскочили мы из прожекторного луча. Это я только через несколько мигнов сообразил.

— Вроде, погасло, — докладывает стрелок-радист.

— Ниже давай! — кричит штурман, — чтоб не зацепили снова!

А я выше и не могу. Только один двигатель тянет. Второй, погорелый, заглушенный, я уж и не трогаю, естественно.

Снизилась мы по приборам метров до пятисот, чапаем домой. Скорость — двести сорок — двести пятьдесят, сопим, значит, на честном слове и на одном крыле.

Но настроение — прекрасное! Летим — и поем: «В далекий край товарищ улетает!..» Ведь уже сбитые — а сбили пламя, ушли, не потеряли способность к полету. Как второй раз родились! Через час дома будем.

И тут — шарак! — какой-то странный свет. Откуда-то сверху, и тоже вполне яркий, ну... как фары догоняющего автомобиля.

Стрелок-радист докладывает:

— Похоже, ночной истребитель.

И начинает там сзади стрелять из пулемета. А нам в ответ — тр-р-р-р! — очередь сверху, одна пуля сквозь крышу прямо передо мной в приборную доску воткнулась, прямо в высотомер, только пыль стеклянная брызнула.

Это, значит, нас по выхлопу засек немец сверху. Они в качестве ночных перехватчиков любили исполь-

зовать Ю-88. Машина скоростная, радиус действия большой, экипаж четыре человека — вот они на малом газу патрулируют квадрат и головами вертят. А тут им, видимо, передали наши координаты, и они специально нас высматривали, чтобы добить.

— Иван Григорьевич, но ведь... Ю-88 — это же бомбардировщик.

— Ну и что? Скорость у него — 480, любого нашего ночника он догонит спокойно. Бортовое вооружение вполне мощное. А летать может долго. И бронирован. Вполне успешно они их использовали в таком качестве.

Врубает он прожектор, специально для удобства поставленный, освещает цель — и штурман, значит, садит из своего спаренного крупнокалиберного пулемета.

И бывает же такое невезение, снова поджигает мне правую плоскость и мотогондолу. А тут уже пламя не собьешь, не выскользнешь — он выше, и быстрее, и видит тебя как на ладони, а у меня уже ни скорости, ни маневра — на одном-то двигателе. У меня на «дугласе» и в целом виде скорость на сто километров ниже, чем у него, и маневренность хуже, и скороподъемность — он ведь все-таки настоящий бомбер, а я — переделанный грузовик.

— Яша, — говорю по связи стрелку-радисту, — давай, милый, тут уж последняя надежда только на тебя... а то сожжет он нас сейчас, паразит, как головешку.

И представляете — Яша его сбил! Как он там исхитрился, куда попал, может — прямо в носовой фонарь очередь уложил и летчика убил со штурманом — а только прожектор погас, стрельба по нас прекратилась, а Яша орет так, будто ему Героя Советского Союза дали:

— Все!!! П...ц! Срубил! Валится!!!

Ну, мне назад ничего на «дугласе» не видно, да и темно, да и мне не до сбитого немца — мне своих хлопот хватает. Потому что я горю, и никакой надежды сбить пламя нету. Выжимаю последний газ — какое там...

Когда машина в воздухе горит — это такое ощущение, будто кто-то тебя держит за хвост и старается не пускать вперед. Прямо физически ощущаешь, как машина задерживается, не лезет вперед, тормозится. И уже вся в огне, мы уже дым глотаем!

Ну что делать. Чувствую — запас живучести на исходе. Сейчас падать будем. Еле удерживаю машину, чтоб не свалилась, она уже рыскать начала, рулевые тяги, похоже, перегорают.

Даю команду:

— Экипажу — покинуть машину.

А сам-то я сижу без парашюта. Кабина-то у меня — транспортного самолета. Сзади за спину парашют поместить некуда — там дюралевая переборка, она в жесткости фюзеляжа встроена, не уберешь. И снизу — тоже некуда, кресло низенькое и пол, так что штурманский парашют под себя тоже не приспособишь. И поэтому мой парашют лежит в фюзеляже прямо за переборкой, там всегда его и оставлял, потому что в кабине-то некуда, нет лишнего места.

И я ребятам говорю:

— Вы мне только мой парашют подайте сюда, помогите лямки накинуть. — Потому что управление мне не отпустить ни на секунду.

Ну и по запарке, все-таки горим, падаем, они мне в толкучке как-то парашют дать и забыли. Выпрыгнули все, значит, и остался я один.

Ну, что мне остается? Все... Единственная возможность — это все же попытаться как-то посадить машину. Шансов, конечно, немного. Что внизу — не вижу. Топлива у меня в баках еще много — взорваться могу в любой момент. А чем я уже рискую? Да ничем. Так что можно спокойно пытаться сажать машину.

Открыл я форточку, буквально высунул в нее голову — смотрю, что внизу. Снижаюсь. Ни хрена, конечно, не видно.

Еще ниже. Разбираю: лес.

Ну — лес, ночью, горю — это, конечно, конец. Сейчас зацеплю за верхушку, удар, взрыв, — прощай, Родина.

Но, думаю, а дай я поищу — вдруг какая поляна, прогалина там попадетсЯ? Чем черт не шутит. Терять-то мне нечего.

И, значит, изо всех сил стараюсь замедлить снижение и делаю маленькие довороты влево-вправо: а вдруг?

И представьте себе: ведь действительно нашел вырубку! И притер, как мог, аккуратно машину, сажая на брюхо, но рубка-то все же в пнях, и вот в один пень, высокий такой, больше метра, наверно, прямо по курсу — я и воткнулся.

Наделся фонарем на пень, машина скапотировала и начала разрушаться. Тащит ее по инерции, развернуло... Я уж в штурвал вцепился обеими руками, напряг все мускулы, но меня от удара приложило лицом о приборную доску — сломало челюсть, зубы все выбило, рассекло язык, глаз поврежден... но понимаю — сел! живой!

Выбираюсь я кое-как в фюзеляж, ползу на четвереньках к двери — а она закрыта... Значит, они все попрыгали через бомболюк, штурман открыл, мне было не до этих подробностей... а сейчас его прижало к земле, не выберешься. А дверь от удара заклинило. И никак мне ее не открыть.

А машина пользает! на мне уже комбинезон дымится!

Ох, как обидно. От прожектора ушли, пламя сбили, от истребителя избавились, на лес сел, жив остался — и вот сейчас, уже на земле, заживо сгореть.

Пихаю я эту проклятую дверь — а сил-то уже никаких нет, сознание теряю.

И тут слышу:

— Эй!!! Командир!!! Эй!!!

И вижу, что в пламени скачет какая-то фигура. Приплясывает, как индеец, руками машет и матерится отчаянно!

Глава шестая

Оказалось что. Яша передавал на землю сообщение, что полет наш, так сказать, прекращается, и замешкался. Все уж попрыгали, а он только закончил

свой прощальный сеанс связи. Прыгать поздно, деревья под брюхом летят, что делать? А он старый воздушный волк, на гражданке пятнадцать лет бортрадистом отлетал. Ну, он схватил оба чехла от двигателей, которые в хвосте лежали в полете, и вот на них в самом хвосте устроился, обложился, расперся в борта руками. Правильно зная, что хвост всегда страдает в самую последнюю очередь при вынужденной посадке. Даже при скоростном падении тут уцелеть можно.

И представьте — ни одной царапины! Нос мы разбили — а он в хвосте цел абсолютно. А дверь в огне найти не может!

Я ору:

— Сюда давай! Дверь здесь!

— Командир, это вы?! — он ко мне прыгает.

Ну, вышиб он кое-как ногами дверь, помог мне выбраться, машина горит как костер... и только мы метров на сто отбежали с той скоростью, на которую были способны, как остатки топлива в баках взорвались.

У меня уже и ноги не идут. Полежать хочется. Вести шок, травма, явная контузия. А лежать некогда. Потому что слышим мы: мотор где-то тарахтит; может быть и за нами пожаловали. Зона же немецкая.

А я бежать не могу. Тащусь кое-как, а иногда Яша поднимает меня на закорки и тащит на себе.

А там уже у самолета мотоциклы тарахтят, собаки лают: точно, отрядили группу поглядеть, что там со сбитым русским самолетом и нельзя ли захватить летчиков, если живы. Нет, все-таки наземные службы были у немцев очень хорошо поставлены.

Ну что, держим мы темп, как можем. А можем не очень. Собачки след наш взяли, и голоса немецкие слышим все ближе.

И тут на наше счастье болото на пути. Тут уж особо опасаться не приходится: или плен, или болото. Влезли мы в воду подальше, по самые ноздри, за кочку с кустом каким-то спрятались, и стоим: стараемся даже не дышать. Собаки — такое чувство, что прямо над головой лают. Это они бегают взад-вперед по берегу,

явно в воду след, а дальше его нет. И люди в болото соваться не хотят...

Солдаты покричали:

— Рус, выходи! Рус, капут! Жить, хорошо, капитулирен!

Попускали ракеты над болотом, дали несколько очередей поверх голов — одна листья прямо с нашего куста срезала, — плюнули и через какое-то время ушли. А мы всю ночь и утро, до ясного света, так в воде и простояли. Убедились — точно ушли немцы.

Вылезли, обсушились, и тут я чувствую — жар у меня. Яша там клюковки собирал, а я даже ее есть не могу: рот разбит, язык рассечен, распухло все и горит. Только водички могу попить.

Ремешок планшета оборвался у меня, когда Яша меня в дверь тащил, так что карты нет, да и толку с нее было бы немного, эти белорусские болота ни на каких картах не обозначены. Но все же надо двигаться на восток, в сторону своих... а что еще делать. Может, на партизан наткнемся, если повезет.

И вот так мы шли восемнадцать дней. Яша хоть ягоды собирал, корешки там какие-нибудь, а я мог только воду пить. И сам идти уже не мог, он меня поддерживал. На лбу у меня, где рассечено, рана нагноилась, видеть хуже стал, потом совсем почти ослеп. Если бы не Яша — конечно пропал бы. Но у него даже мысли не было меня бросить, все подбадривал... хотя в такой ситуации бросить обузу, тяжелораненого, — довольно естественно ведь, чего там, прямо сказать надо.

И набрали мы на восемнадцатый день на какую-то избушку в лесу. Я уже наполовину без сознания все время, вообще плохо соображал. В избушке бабка какая-то жила, и вот Яша ее спрашивает (я-то уж и говорить практически не мог): мать, значит, где тут у вас партизаны, мы советские летчики, наши, нам к своим надо, сбили нас, пробираемся к фронту, значит. А она все отнекивается.

Но потом пришел парень какой-то назавтра, с лошадей и телегой, меня положили на телегу... и привезли нас в партизанский лагерь. Там Яша рассказал

все, что с нами было. А мне срочная помощь нужна, я уже, в общем, одной ногой там, на том свете.

И что ж вы думаете. У партизан в деревне неподалеку была знакомая врачиха, она им помогала. А здесь-то операцию делать надо, а меня в деревню как приволоочь? Полицай в деревне! Вот ночью партизаны пришли к врачихе, и она сама вызвалась, обо всем они договорились. Партизаны симулировали налет на деревню, как будто силой захватили врачиху и увезли к себе в лагерь. А инструменты и лекарства та взяла с собой, естественно.

И вот прямо в лагере, на пне, застеленном куском парашютного шелка, инструменты в котелке прокипятили, она сделала мне операцию. Вскрыла нагноение, все вычистила, продезинфицировала, зашила рану. Гноя вышло много. И мне сразу стало легче, видеть стал немного уже на следующий день.

И зубы она мне осколки корешков повытаскивала, и на язык рассеченный несколько швов наложила, и уже вскоре мог кашу кушать, стал поправляться.

И партизаны говорили же ей: нельзя в деревню возвращаться, полицайи все равно подозревают! Оставайся в лагере, с нами, нечего тебе в деревне больше делать. Она ни в какую — у нее там дети остались. Они ей предложили детей тоже выкрасть, увезти, и будут они тут всей семьей. А она: нет, ни в какую. Огород там, хозяйство, все знают ее, везите обратно.

А потом оказалось, после войны уже я узнал, что вернулась она — и расстреляли ее полицайи вместе с детьми, прямо на их же огороде.

Это я узнал уже потом. А сейчас в лагере стал собираться транспорт — идти через линию фронта. Трое девочек там было из армейской разведки, после глубокого рейда, и человек десять тяжелораненых. И мы с Яшей.

Раненых привязали на волокуши, и пошли, значит. Вел проводником старик один, который эти места всю жизнь знал. И прошли мы фронт через так называемые Сурожские ворота — там болота непролазные, и по ним линии фронта не проходило.

Ну, и перешли нормально, прибыли в свое расположение. Тут, значит, партизаны пошли в госпиталь, на них были соответствующие документы. Девочки из разведки — в особый отдел и дальше по своей линии. А нас с Яшей прихватил прямиком СМЕРШ:

— Кто такие? Откуда? Какие задание?!

Мы им все рассказываем: как и куда летели, как сбили нас, как выбирались, — нет, ни в какую слушать не хотят. Крики, оскорбления, бьют, грозят расстрелом. И ничего же слушать не желают!

Яша уж говорит: лучше бы, говорит, нас немцы тогда перестреляли.

Глава седьмая

Мы говорим:

— Ребята, да пошлите вы запрос! Вот номер полка, полевая почта такая-то, дислокация такого-то числа, когда мы улетали, была там-то, фамилии командира, начальника штаба, задание было такое-то! Командир второй эскадрильи Богданов и воздушный стрелок-радист Яков Туликов! Чего же проще — вот все данные, убедитесь сами.

Ни в какую. Бьют они нас и слушать не хотят. Сознавайся, сволочь фашистская, кто тебя и зачем застрелал! И хоть ты тресни.

Плохо дело. Расстрелом грозят. А это ведь — очень запросто. Расстреляли двух диверсантов — и дело с концом. Кто нас искать станет. В полку наверняка давно списали.

Кинули в подвал. Лежим в грязи. У меня опять рана моя нагноилась.

И пальцы они мне ломать стали. Каблуками. Боль большая. Иногда думаешь, что если они с нами так подольше — тут во всем, знаете, признаться можно.

Но все же не расстреляли. Кинули в грузовик и отправили в корпусной СМЕРШ. Мол, там с вами не так поговорят.

Лежим в кузове, трясемся, стонем иногда невольно. Руки связаны. У Яши ребра поломаны, зубы выбиты.

А конвоир в кузове — молодой такой парнишка, светлоглазый. Лицо чистое, хорошее.

Я говорю ему:

— Братишка. Как солдат солдата, прошу тебя. Ошибка вышла, клянусь. Позвони ты в Москву. Хоть телефонограмму отправь, хоть радио, хоть как. Лично генералу Голованову, он при Ставке, командующий Авиацией дальнего действия. Скажи — Богданов, старший лейтенант Богданов, я из его дивизии был, мы войну начинали вместе, он меня хорошо знает. Лично знает, он друг мой. Нас всего несколько человек осталось, кто войну в дивизии ДБА начинал. Сделай, прошу... не бери ты греха на душу.

А конвоир наш:

— Р-разговорчики!

Ну что. Стали нас пытаться в СМЕРШЕ корпуса. Мы им говорим — они гнут свое. Сказка про белого бычка. Прямо сказать — били смертным боем. Жрать не давали. Пить не давали. На оправку не водили, ходили под себя, простите за подробность.

Но, видно, паренек тот все же хороший оказался. Видно, дозвонился он до Москвы, или еще как доложил.

Потому что через два дня прибывает самолет лично от Голованова. С офицером фельдсвязи. Нас в самолет — и в Москву.

Положили в Центральный госпиталь ВВС.

Ну, вот и вся история.

Вылечили. Дали новое назначение.

И в декабре я уже летал бомбить Сталинград.

...Но вот эти, понимаете, двадцать восемь суток на оккупированной территории — так они на мне и остались. Это, конечно, тормозило. И награды, и рост по службе... ведь как: кадровик личное дело посмотрит — ага! ну и, естественно, притормаживали.

Поэтому войну я кончил майором. Понятно, многие летчики росли быстрее. Но уж это дело такое... военное счастье.

И подполковника получил аж в пятьдесят третьем году. Я был тогда заместителем командира дивизии по летной части. Летали мы в Арктике. Да в общем, даже, почти не летали, а все больше строили.

Про это тоже пока писать нельзя. Это уж я так рассказываю.

Аэродромы мы в Заполярье оборудовали. Как можно севернее. Ракетных войск ведь тогда еще не было. И главной стратегической ударной силой были стратегические бомбардировщики. Вот мы и строили полосы для этих бомбардировщиков.

А бомбардировщики были, я вам скажу, дерьмовые. Может, слышали — М-3, конструкции Мяснищева? Огромные такие машины. Сделаны были специально под водородную бомбу.

Доктрина была — через Северный полюс, через ледяной, значит, купол, по кратчайшей прямой — удар по американским агрессорам.

И, значит, как можно севернее — аэродромы подскока. Для последней дозаправки и проверки.

А машина была капризная, ненадежная. Летчики ее не любили, побаивались. Бились довольно часто. Крыло очень длинное, жесткости не хватает, а посадочная скорость низкая, а на низкой скорости она довольно плохо слушалась управления. Свалиться норовила.

Вообще они были рассчитаны на дозаправку в воздухе. А дозаправка тоже происходит на малой скорости. И вот то танкер начинает сваливаться, то управляемый, летчик чуть по газам даст, педали двинет — и сталкиваются.

Вот и решили — аэродромы подскока. А это — Север, метели, пурга. А полосу полагается постоянно поддерживать в рабочем состоянии. В любую погоду, круглосуточно, над полюсом болтались на боевом дежурстве наши бомберы с водородными бомбами на борту.

Нервное напряжение было очень большое. На постоянной связи с Москвой, в постоянной полной боевой готовности. У каждого командира в воздухе — черный пакет. Приказ по радио — и пошел на цель: вскрыл пакет — а там уже цель указана.

Так что... и седели, и лысели, и спивались, откровенно скажем, некоторые.

Но это все... ничего тут такого интересного. Служба.

* * *

— Иван Григорьевич, — спросил я, — а семья у вас есть? Дети?

— Своей личной жизни, — вежливо сказал он, — я бы не хотел касаться. Это, знаете, к делу ведь не относится.

Вот и поговори с ним.

— А то, что у нас писали про бомбардировки Берлина еще летом сорок первого — это насколько соответствует истине?

— В какой-то мере соответствует.

— В какой?

— Ну. Летали. Бомбили.

— Вы сами участвовали в таких операциях?

— Естественно.

— Почему — естественно?

— Я ведь был в дальнебомбардировочной авиации.

— Что было самое трудное?

— Самое трудное было долететь.

— ПВО мешала?

— Да нет. Горючего не хватало.

— А как же?

— Очень просто. У нас была оптимальная высота полета — три тысячи метров. А на трех тысячах, в августе сорок первого, — и думать нечего было до Берлина дотянуть. В прожекторах ты как на ладони. Любой истребитель тебе король. И эффективность зенитного огня максимальная на такой высоте. Потому что у тебя и угловая скорость небольшая, и в то же время высота небольшая, даже малокалиберные зенитки, скорострельные автоматы, достают отлично. А им смести тихоходную машину, идущую на средней высоте, — ничего не стоит хорошему наводчику.

Поэтому летали на максимальной высоте. Залезали под девять тысяч.

А это что значит?

Во-первых, это значит, что прожектора тебя практически не берут. Луч на такой дистанции сильно рассеивается, иссякает.

Во-вторых, тебя вообще засечь трудно. На земле тебя практически не слышно. Звуколокаторными батареями ведь всю Германию не перекроешь, а если локатор звук и возьмет — черт его знает, кто там летит и зачем, по чьему приказу.

В-третьих, зенитки тебя на такой высоте тоже не берут. Практически не достают. Даже от восьмидесятивосьмимиллиметровок разрывы ниже остаются.

В-четвертых, «мессеры» на такой высоте резко теряли свои боевые качества. Моторам кислорода не хватало, падала скорость, и главное их достоинство — скороподъемность, маневренность на вертикалях — сходило на нет.

А теперь про недостатки.

Ну, то, что холодно было, коченели — кабины-то не герметичные — это ладно. Летали на высоте в кислородных масках, кое-как дышали.

Главный был недостаток — что на такой высоте резко повышался расход топлива. Воздух-то разреженный. Машину он держит хуже. Моторы режут на полных оборотах, шаг винта минимальный — а воздушная струя-то все равно не той плотности, винтам тащить машину трудно.

Но это я ударился в технические подробности, это, наверное, вам не интересно. В общем — если лететь на такой высоте до Берлина и обратно, то на бомбовую загрузку уже никакого ресурса грузоподъемности не остается. А чего тогда лететь? Чтоб одну малокалиберную бомбу капнуть?

А нам был поставлен приказ — не менее полутонны. Это было решено наверху. Тоже, причем, не бог весть что...

Ну, Голованов собрал нас, опытных летчиков, все бывшие почтовики, к дальним трассам привыкли: давайте, говорит, советоваться, что делать будем.

Первое, конечно — облегчать машины. Снимали все, что можно. А с самолета много не снимешь. Убрали бронезащиту... да сколько ее было.

Поставили дополнительные баки.

Разработали кратчайший маршрут. Выбрали оптимальную скорость, экономическую. Вроде — получается, достаем.

С метеорологами посоветовались, карту ветров тоже постарались учесть.

Ну, значит, наберешь высоту — и ползешь себе, только на расход горючего поглядываешь. Мотор регулируется, начнет пережигать бензин сверх расчетного — можешь не дотянуть домой потом.

Долетим, разгрузимся — и обратно. Эффективность таких бомбардировок была, конечно, очень низкая. Скорее, тут политическая задача, психологическое воздействие. Во всех газетах назавтра: «Сталинские соколы обрушили бомбы на логово фашистского зверя!»

А куда мы их обрушили — черт его знает, честно говоря. Бывало, как половина топлива сожжена — ищем любой огонек внизу, разгружаемся по нему — и назад. А что делать? Иначе назад не вернешься. Бывало, и без всякого огонька бомбы сбрасывали. Штурман на карте отметит где надо, в бортовой журнал запишет, что цель была затемнена — вот и все.

В октябре сорок первого фронт был уже под Москвой, и мы эту затею бросили — до самого сорок пятого.

* * *

Потом и предисловие, и саму книгу, долго и поступенчато кромсала военная цензура и ГлавПУР. Выходила она, как было принято, около трех лет.

Иван Григорьевич Богданов дождал до ее выхода. И умер через несколько месяцев.

Что тут скажешь. Достойный был человек.

О ДИКИЙ ЗАПАД!

— Как они там кино делают — черт их знает! Ну ладно — плохо поставлено. Ну ладно — плохо играют. Ну ладно — дешевый фильм, мало декораций, слабая работа. Но ведь все равно — миллионы денег ухлопано! Так ведь еще и изначально придумано плохо! Ведь самое простое, самое дешевое в кино — это сценарий: один человек плюс один карандаш. Ну хоть придумать-то можно хорошо? Время на это-то есть? А то ведь смотришь боевик: убожество слезное, мозговая плесень! Хороший сценарий — так хоть есть что ухудшать. Они же нулевыми средствами тянут нулевой сценарий — бред обреченных. Вот же окопались сценаристы в кино — гранатометом не вышибешь, на смерть держат рубеж у заветного пирога.

— Да? Напиши хороший сценарий. И посмотри, как от него в кино ничего не останется: режиссер гений, актеры гении, сценарист дурак, пшел вон, болван, не путайся под ногами.

— Да я бы им под холодную закуску левой ногой такое заворачивал за полгонорара — никакой постановкой не утробить, за счет голого сюжета и раскладки ситуаций фильм бы на ура держался. Народу простого кина охота, чтоб дух захватывало, и похотать, и слезку вытереть.

— А-а! Так что ж ты тут сидишь? Давай, заворачивай.

— Да элементарно! Сейчас я тебе кинуху расскажу — финиш. Еще все будет перед глазами стоять, покажется потом, что ты это точно в кино видел!

— Ну-ну. Гомер из Конотопа. Представляю себе эту развесистую клюкву.

— Слушай внимательнее и тогда представляй. Сейчас.

Вот. Допустим, так.

Кадр первый.

Смоленный борт шхуны, нос режет морскую волну. Солнце, голубизна, чайки кричат, кружась над мачтами. У фальшборта — обросшие, обветренные моряки жадно вглядываются: родной берег!

Пыльная улица китобойного поселка на Восточном побережье Штатов: темные домики с садиками, собаки у заборов, баркасы и сети у причалов, дымок кузницы, крест церкви. Вниз, к берегу, несутся мальчишки с воплем:

— Шхуна пришла!

Девушка, красивая, юная, белокурая — шемящая сказка, а не девушка! — поворачивает лицо. Видит что-то вдаль: бледнеет, вспыхивает, розовые детские губы приоткрываются...

— Слушай, ты когда-нибудь в Штатах был?

— Нет; а зачем? А ты?

— Зачем же ты берешься за то, что знаешь только по глупым фильмам и книжкам? Я бы сказал, что это вторично, если бы это не было третично и четвертично! Раскрашенный картон, а не жизнь.

— А наплевать — зато интересно. Зрителю нет дела до эстетических тонкостей — какая разница, что там вторично, а что нет, главное, чтоб здорово было. Итак, повторяю для дундуков:

...розовые детские губы приоткрываются. Приоткрываются, понял? Я сказал! Ага... приоткрываются, что-то беззвучно и счастливо шепча, слезинки тихо скатываются из сияющих глаз, грудь ее вздымается от прерывающегося взволнованного дыхания.

Во — именно это лучше пустить первым кадром.

А дальше:

Белый парус на грани синего неба и синей воды.

А дальше — борт шхуны и моряки.

А дальше — возбужденная и восторженная суета на берегу: толпа у причалов машет, вытягивает шеи, галдит. А шхуна близится к берегу.

Или нет — лучше так:

Первый кадр:

Прелестная девушка, несчастное лицо, отрицательное движение, прерывающийся голос:

— Нет... никогда. Он вернется. Он сказал, и он вернется...

Угрюмое и сильное лицо молодого мужчины, черные кудрявые волосы, резкие черты, мрачно горящие глаза:

— Два года прошло. Он не вернется! Его давно нет, нет! А я — я умру за тебя... Я люблю тебя. Я сделаю все, чтоб ты была счастлива...

— Нет!.. Я буду ждать его тысячу лет. Стариком. Калекой. Даже в могиле я буду ждать его! — Голос девушки дрожит, звенит от слез.

Вот тут она и замечает парус.

Итак: толпа на берегу: женщины и принаряженные, и растрепанные — только от корыта, старики с палками, шейные платки, кожаные куртки, морщины выдублены соленым ветром, кто-то смотрит в подозрную трубу, кто-то держит ребенка на руках.

Мужские замечания:

— В полном грузу.

— Верных три тысячи бочек ворвани.

— А грот-стенга-то у них заменена! Здорово, видно, потрепало...

— Ты хоть знаешь, что такое грот-стенга?

— Неважно. Знаю. А что?

— Нельзя же лепить такие дикие стертые штампы!

— Почему это нельзя? Можно. Ты не знаешь, что такое сила штампа! Это ж готовые образы, страсти, — только платок от слез выжимай! Я такое штампами наштампую — не оторвется ни один эстет: губки покривит, а проглотит, еще и поскребет его по сердечку!

— Да мне неинтересен этот какой-то детский наивняк!

— Гражданин, заткнитесь или выйдите из зала! Кино началось!

Так на чем я остановился? Да:

...Стучает о доски причала швартов, плещет волна, падают сходни.

Прелестная наша девушка и светловолосый, небольшой и крепкий юноша на носу шхуны неотрывно смотрят друг на друга.

Идут титры — на фоне счастливых встреч, объятий и слез на причале, отцы подбрасывают выросших без них детей. На встречу нашей влюбленной пары мрачно смотрит с краю толпы тот самый молодой мужчина: кожаный фартук, тяжелые руки — очевидно, он кузнец.

— Все вернулись! Все!

— Три тысячи двести бочек!

— У гарпунера рука — тверже железа! — Здоровенный детина с пиратской повязкой через глаз любовно хлопает по спине светловолосого крепыша. Тот замер, осторожно глядя волосы приникшей к его груди девушки.

Внезапно юноша обводит взглядом толпу:

— А где мать?

В кадре оживление стихает. Резкая смена настроения. Люди молчат, не встречаясь с ним взглядом.

— Почему моя мать меня не встречает?

В тишине юноша бросает взор вдаль: на холме над берегом — кресты поселкового кладбища под зелеными вязами.

— Мать...

Пастор в черном приближается в раздавшейся толпе.

— Мужайся, сын мой... Нет, она жива. И ждет тебя — в твоём доме. Она уже услышала Господа, призывающего ее... Но не могла уйти, не простившись с тобой...

Кадр следующий:

Тяжело дыша от торопливого шага, почти бегом вверх на крутой берег, юноша почти вбегает в калитку: скулит и счастливо машет хвостом старый пес. Рассохшееся крыльцо, ветхая дверь: юноша влетает в дом.

И застывает: тревога на лице сменяется счастливым удивлением:

Мать, прямая и строгая старуха со следами редкой красоты в прошлом, стоит у накрытого стола и тихо улыбается.

— Мама!..

— Почему ты так тяжело дышишь? Я просто хотела встретить тебя на пороге родного дома. Люди сказали тебе что-нибудь? Глупости, мой мальчик... Материнское сердце просто чувствовало, что ты вот-вот вернешься, и от волнения я немножко ослабла. А сейчас все хорошо. Ну, помойся с дороги, сынок: я испекла твой любимый яблочный пирог. И зажарила индейку. Только мой руки как следует, а не растирай грязь по полотенцу!

Оба улыбаются.

— Теперь мы будем хорошо жить, мама! Я вернулся!

— Таковую чушь могли сочинить пятиклассники в пионерлагере.

— Пятиклассники в пионерлагере начистили бы тебе чайник, если б ты мешал им так, как мне. Но я выше ваших укусов, ясно?

Кадр следующий:

Вечер в таверне: празднуется возвращение шхуны. Свечи на грубых столах, пиликают скрипки, дым глиняных трубок, эль в кувшинах и виски в квадратных бутылках, моряки с женами за одним длинным столом, смех, рассказы, гарпунер с невестой на почетном месте.

— А теперь — за того, чей гарпун принес нам удачу!

— Он получает два с половиной пая — а добыты им все пай!

— Не красней, как девушка!

— Твое здоровье!

Танцы. Все слегка пьяны, говор громок, лица покраснелись, пламя свечей пляшет.

И мрачно смотрят из угла на невесту глаза кузнеца: при встрече с ними она слегка вздрагивает и отворачивается.

— Кто этот парень, который так на тебя смотрит?

— Не обращай внимания, милый...

Застолье распадается на группки; гарпунера угощают за своим столом колоритный старик с ногой-деревяшкой:

— В мои времена таких вещей не прощали. Два года он не давал проходу твоей невесте...

Гарпунер подходит к столу кузнеца, встающего под его взглядом. Оба чуть пьяны. Кузнец вдвое крупнее невысокого, несильного на вид гарпунера.

— Я не хочу драки в этот день. Я вернулся, и пусть будет забыто все. Но если еще раз ты на нее помотришь... — сжимает кулак.

Кузнец заносит свой огромный кулачище.

Наступает мертвая тишина.

Гарпунер резко бьет — кузнец застывает и мешком рушится на пол. Но пока гарпунер возвращается на свое место, хлебнув из чьей-то кружки по дороге, кузнец поднимается и сзади, зверским ударом по уху... — нет — гарпунер успевает пригнуться, и удар достается одноглазому детине. Тот, даже не покачнувшись, в ярости швыряет кузнецу в голову кружку — он пригибается — кружка разносит кувшин пива в руках моряка за другим столом. Начинается всеобщая драка: женский визг, бутылки бьются о головы, разлетается мебель, рушатся перила, звенькают ломающиеся скрипки, миски с салатом надеваются на головы. И после каждого наносимого удара — замахи его стремительны и страшны — скупое и обаятельно усмехается гарпунер, обнажая ровные белые зубы: его враги разлетаются, как кегли.

Кадр следующий: утро, парень этот с кряхтением встает с кровати дома, держась за поясницу, хромая: огромный синяк под глазом, нос распух, на лбу шишка. Пьет воду на крыльце: собака в ужасе от вида хозяина скулит и закрывает глаза.

Он корчит рожи в зеркало: смех и кошмар! Погуляли...

И вдруг замечает: что-то не то... Тревожно проходит в другую комнату. А там:

Мать в черном платье лежит поверх убранный постели, бледная как смерть.

— Мама!..

— Не пугайся, сынок... Я встретила тебя... теперь все в порядке. Вчера... я не должна была портить этот день... мой сын вернулся настоящим мужчиной... Таким может гордиться любая мать.

Ну, что ты меня так сжал... У тебя будет хорошая жена. Верная, любящая... работающая, скромная, красивая. Я благословляю ваш брак. Но раньше... Раньше, чем я прощусь с тобой, раньше, чем ты женишься и станешь главой семьи... У вас будет много детей... жаль, не успела понягчить их... Уж прости старуху-мать.

Слеза стекает по его разбитому лицу на дрожащие губы.

— Мой сын не должен уметь плакать. Я запрещаю тебе. Так вот... Раньше ты сделаешь одну вещь. Обещай мне.

— Обещаю, мама...

— Помни.

— Клянусь, мать.

— Хорошо...

Я никогда не говорила тебе об отце. Говорила, что он умер, когда тебя еще не было...

Твой отец был красив, весел... по нему сходили с ума все девушки... Нет, я зачала тебя не в грехе... мы обвенчались — ночью, тайно. Моя семья никогда не отдала бы дочь за нищего бродягу... но мы были молоды, и любили, и не знали препятствий. Мы бежали; семья прокляла меня; братья искали с ружьями... я умерла бы с ним вместе.

Я прожила счастливую жизнь... каждую минуту ее я любила своего мужа. Но он, он не знал, что такое верность... кровь играла в нем, и он не мог противиться. Он изменил мне! я носила тебя под сердцем... я ушла ночью. Говорят, он искал меня долго...

Прошло уже двадцать лет. Иногда доходили слухи: он сейчас где-то на Западе — где сходят с ума по золоту и становятся миллионерами. Год назад приезжал человек из Калифорнии... он его видел... богатым...

Ты найдешь его. Это моя последняя воля. Ты отдашь ему вот этот медальон... это его свадебный пода-

рок... Скажешь, что я любила его и была верна... я вырастила его сына настоящим мужчиной... что перед смертью я простила ему... но не освободила от слова — он навсегда мой! Только мой...

На столе, рядом с горящей в свете дня свечой — медальон на золотой цепочке: юное девичье лицо, лукавое и печальное, в обрамлении пепельных кудрей. Внизу ажурной золотой рамки — крестик, вспыхивающий крохотными лучистыми камнями.

Крестик расплывается, увеличиваясь и бледнея, сквозь него проступает массивный и простой чугуновый крест.

Кладбище. Свежий надгробный холмик с крестом. Молчаливый кружок народу. Пастор со скорбным, простым и величавым лицом. Опустив головы, все расходятся. Колокольный звон плывет над старыми вязами, стелюшейся под ветром травой; рваные тучи, пенное серое море. Невеста идет, обняв обеими руками руку юноши.

...Вечерняя заря — малиновая кромка — гаснет над краем пшеничного поля. Он и она.

— Что я сделала... Я ни о чем не жалею... Я люблю тебя. Ты мой муж. Мой мужчина. Сильный... Справедливый...

— Теперь я буду с тобой всегда. Всегда, жена моя... Ночь, дерево, калитка.

— Это надолго? Надолго? — Она тревожна, чуть не плачет.

— Я вернусь скоро. — Он печален, но тверд и уверен.

Хмурый рассвет: он выходит на крыльцо — в высоких сапогах, широкополой шляпе. Ставни закрывает, их и двери заколачивает досками крест-накрест. Отвязывает с цепи собаку, целует ее в морду.

У забора привязан конь. Садится в седло, опустив в переметную суму узелок: носовой платок с горстью земли с родного порога.

Уходящая вдаль к встающему солнцу дорога, силуэт удаляющегося всадника, сидящая на дороге собака с задранной мордой тихонько скулит, и девушка, тонень-

кая, с распущенными золотыми волосами — смотрит вслед, и опускается ничком в дорожную пыль.

Дальше: палящий полдень, он скачет на лошади невероятно комически, кособоко подпрыгивая и трясься.

— Тпр-ру!..

Охая с мученическим лицом, держась за зад, кое-как сползает на землю.

— Ох-х... сплошная мозоль. И как на них люди ездят?..

Умывается и пьет из ручья, ложится в тени, кричит — и, потирая зад, переворачивается на живот. Лошадь трясет головой и сочувственно ржет.

...Веранда салуна: ковбой в качалках закинули на перила ноги в сапогах с высокими каблуками. Дым сигар, кони у коновязи.

Легкое оживление на невозмутимых лицах: появилась наш ковбой. Язвительные замечания.

Он, растерзанный и потный, с грохотом спешивается, чуть не падая. Вростопырку, старательно и неумело привязав лошадь, поднимается по ступеням, неумело и вежливо приветствуя. Все обмениваются ироническими взглядами. Вслед ему — издевательский хохот.

Салун: расхлябанное пианино, дым, игра в кости. Он спрашивает у стойки пиво — и вливает в себя кружку, как в ведро опрокидывает. Вторую. Четвертую. Блаженная улыбка. Шестую.

— Не подать ли ведро, сэр? — осведомляется бармен.

— По-моему, этот парень дырявый.

— Просто он работал раньше пожарным насосом.

Подходит громила:

— Поставьте кружечку, мистер. — Вежливо-нагл.

Приветливая улыбка:

— Пожалуйста.

— И мои друзья — они тоже истомились жаждой. — Широкий жест назад — полдюжины обросших оборванцев нахально ждут. — Правда, желудки у бедных малюток малы для пива, приходится пить виски.

Наш ковбой отворачивается. Шуточки: «Он пьет за свою лошадь тоже». «Отодвиньтесь, джентльмены — сейчас из него брызнет».

— Вам не залило пивом уши, сэр? — Громила наклоняется к нему. — Разве вы не слышали просьбы? — Льет на него пиво из кренящейся кружки. Хохот.

Наш ковбой последним усилием воли сдерживается — и резко бьет его. Колотуха у него — пушка! (Ну, рука-то — гарпун в кита всаживать!) Громила безжизненно валится на пол.

Оборванцы бросаются на него — разлетаясь под ударами. Всеобщая махаловка: рушатся перила, разносятся столы, со звоном разлетаются бутылки, на рояле визжит задрывшая юбки девица — пьяный нежно лапает ее за ноги, удивленно их разглядывая — и с аккордом падает на клавиши.

За столиком в тихом углу — крупный немолодой человек с сильным резким лицом: тяжелая челюсть, седые виски, ковбойский костюм — мэн что надо. Когда очередной драчун летит на его стол — он смахивает его в сторону или отшвыривает ногой, не выпуская сигары из зубов и стакана из руки. С одобрением следит за нашим.

Перед ним — карты и кучки денег: шла игра.

Нашего парня одолевают: целая куча держит и бьет.

Седоватый мэн сгребает все деньги со стола в карман, допивает стакан и спокойно подходит к махаловке. Раскидывает всех:

— Здесь кто-то хотел пить? — Кидает ожившего громилу через стойку в лохань с водой.

— И бедные малютки тоже? Они пьют только виски?

«Малютки» поочередно летят в стойку с бутылками: грохот, звон.

Бармен:

— Сэр, у меня салун, а не похоронная контора. Зачем в моем бизнесе столько покойников? Неплатежеспособных покойников, сэр!

Обходя стойку, громила — после лохани вода течет с него — поднимает руку с кольцом. Мэн хватается стакан, швыряет: громила со стоном роняет колыт, с его запястья капает кровь.

Мэн вытаскивает свой кольт. Гробовая тишина.

Выстрел. Громила отшатывается: в стене сбоку его головы дырка от пули. Выстрел. Отшатывается: дырка с другой стороны. Мэн, холодно:

— Ну, прочистило тебе уши? Или требуется сквозняк в чердаке?

Швыряет бармену деньги из кармана — они, кружась, опускаются.

— О! — Бармен кланяется. — Можете продолжать, джентльмены, если вам это доставляет удовольствие. Девиз моего заведения — клиент не получит отказа ни в чем.

И вот, значит, раскачиваясь рядом в седлах, едут верхом по дороге среди зарослей мэн и наш парень, — один спокоен, ловок в седле, другой — растерзан и неуклюж.

— Зачем ты вмешался?

— Я люблю, когда один бьет всех. И не люблю, когда все бьют одного. — Мэн почти не шевелит ртом с сигарой.

— Чего они ко мне привязались?

— Разве сильному нужен предлог, чтоб бить слабого?

Мэн бьет ребром ладони по нависшему над дорогой суку — сук переламывается и падает.

— Ого!

— Этому меня научил один японец в Сан-Франциско.

Вынимает кольт, сшибает на лету птичку.

— Ого!

— Взамен я научил его стрелять.

— И где он теперь?

— Кто? — Мэн с затяжкой цедит слова.

— Ну, тот японец.

Мэн многозначительно-иронически смотрит на небо:

— Он оказался слишком способным учеником. Достиг больших высот, чем рассчитывал.

— Как это?..

— Довольно просто. Перестрелял столько народу, что восхищенные жители в знак его превосходства повесили его повыше.

...Короче, мэн тоже держит путь на Запад — «есть у меня там одно дельце». А с попутчиком веселей. И вообще ему нужен напарник в пути. А парень ему нравится.

И мэн начинает учить его всем ковбойским премудростям: кадры так и меняются:

Мэн лихо вскакивает в седло — парень неуклюже подражает и валится, как куль, с лошади, — мэн изумленно кривится.

Мэн швыряет кольт из правой руки в левую и шестью выстрелами сносит с черты шесть камешков; парень роняет кольт, мажет пять, а шестым дырявит ведерко, из которого пьет лошадь — она укоризненно ржет.

Мэн бьет ладонью левой руки по курку, сажая барабан пуля в пулю в толстый ствол дерева — парень неуклюже хлопает по кольту.

Мэн прыгает на коне через ручей — парень с брызгами летит в воду.

Мэн набрасывает лассо на горлышко бутылки — парень комично-неловко набрасывает лассо ему на голову.

Мэн легко парирует его удары, швыряя его в разные стороны, как тряпичную куклу. Но раз парень попадает ему в челюсть — мэн валится. Придя в себя — парень перепугался — мэн одобрительно усмехается: «Уже лучше...»

В одежной лавке мэн выбирает ему экипировку: замшевую куртку с бахромой, стетсон, шейный платок. В сапожной — сапожки с высокими каблуками: парень на них спотыкается. В шорной — седло и сбрую. В оружейной — револьвер и патронташ. На ярмарке — коня.

Качаются рядом в седлах два ковбоя — хана всему: старый волк и юный.

— Но я истратил почти все деньги!

— Зато теперь ты доберешься до места. Покойникам деньги еще никогда не помогали.

Заходят в салун, парень небрежно швыряет последние монеты на стойку. Их повадка всем внушает почтение.

За столиком мэн достаёт карты, предлагает парню перекинуться на последние его деньги. Тот непонимающе берет карты. Играть в покер не умеет. Один его поправляет, не выдерживая, — парень молча, не вставая, бьет его ребром ладони по горлу — тот улетает.

— Возможно, у вас принято вмешиваться в игру и говорить под руку, джентльмены? — Мэн разряжает обстановку. — Если ему угодно проиграть мне, это только наше с ним дело.

Пара человек подсаживается, завязывается игра. Мэн живо обдирает парня, потом спускает почти все одному местному, потом кучу выигрывает. Из выигрыша ставит всем выпивку — задабривая.

Вечером в комнате салуна наверху при свече отсчитывает парню половину выигрыша: «Твое». В ответ на недоуменный взгляд: «Это справедливо. Завтра объясню...»

Парень в темноте, шепотом: «Ну почему?..»

Мэн: «Послушай, я ведь тебе не жена, и ночью хочу только спать. Что за объяснения при луне... романтика...» — Храпит.

В лесу играют вдвоем в карты на пне. Мэн с треском тасует колоду, пуская карты веером. Парень пытается повторить. Мэн: «Следи внимательнее за моей правой рукой». Сдаёт, открываются: у парня каре, у него — флешь-рояль. Сдаёт парень: все вразной. Мэн сбрасывает три карты: «А теперь следи внимательнее за моей левой рукой», — добирает до флеша. Парень изумлен.

— Если на дороге валяются деньги — надо уметь наклониться, чтоб их подобрать. Дело любит профессионалов.

— А ты по какой части профессионал?

— По главной, малыш. По части жизни. Я был в плену у малайских пиратов, перегонял скот через мексиканскую границу, торговал пушниной на Аляске, искал алмазы в Южной Африке. — С каждым словом мэн выбрасывает из колоды туза.

— Тебе не везло?

— Мне всегда везет.

— Тогда почему?..

— Почему я здесь? Я из гордости смеялся над удачей. Чувствовал себя выше ее. А она этого не любит. — Выбрасывает из колоды смеющегося джокера в шутовском колпаке. Проводит над ним рукой: и это уже дама червей. Проводит еще раз: двойка пик...

— Вот так-то. — Отхлебывает из бутылки.

Салун, вечер, большая игра. Мэн с парнем, обмениваясь взглядами, выигрывают кучу денег. К ним подсаживается тощий белобрысый дурачок, вынимая пять долларов из-за подкладки засаленной шляпы, — они уже собирались кончать игру. Выигрывает десятку. Мэн хлопает его по плечу и хочет встать.

— А можно еще разочек, мистер?.. — Дурачок восхищен.

Выигрывает еще. Салун грозно настроен в его пользу, руки на кобурах:

— У нас не принято прекращать игру, сэр, когда банк полон, и кто-то хочет рискнуть счастьем.

В общем, дурачок раздевает их в прах: руки его делаются очень ловкими, дурашливость сменяется грозностью отчаянги-негодяя и хитреца.

Перед сном в комнате наверху:

— Нарвались, — констатирует парень.

После долгой паузы, мэн:

— Дурак-то дурак, а пять тысяч за вечер имеет.

Ночью мэн шепотом будит его, зажимая рот:

— Тсс-с!.. Спускаемся, тихо.... Кони уже оседланы.

— Что стряслось?

— Тсс-с... живо, если хочешь унести башку целой...

Бесшумно едут во тьме.

— На, спрячь половину, — мэн сует ему толстенную пачку денег.

— Ты... — парень потрясен, ужасается.

— Да нет. Я заткнул ему рот и привязал к кровати.

— Кого?!

— Хозяина. Конечно — деньги оказались у него в сейфе: я всегда мечу несколько купюр на такой случай. Меня — меня!! — решили в дураках оставить... ловушка для сопляков, — ворчит.

Далекий топот погони в ночи. Прерия залита ярким лунным светом — скрыться некуда.

— Ну, малыш, вот и твой экзамен. Перед выстрелом не забывай ослаблять мизинец, как я тебя учил.

Погоня приближается. Стреляют на скаку через плечо назад — несколько падают.

— Пока неплохо... Но не стреляй в лошадей — они не виноваты в подлости тех, кого несут. Главное в работе — чистота, — с этими словами мэн сбивает с седла еще одного.

Свалка и стрельба под луной: выстрелы, проклятья, ржут падающие кони, волочатся в стременах люди. На мэна набрасывают лассо, он задыхается — парень выстрелом перебивает веревку.

Мэн, оглядывая поле победного сражения:

— Ну, пора и на следующую станцию, — как сказал машинист, переезжая начальника вокзала.

Скачут рысью в ночи: мягкий стук копыт, луна, крик ночной птицы. Мэн все ниже клонит голову, и тень шляпы постепенно зачерняет все его лицо. Глухо стонет и клонится к шее лошади.

Парень, испуганно:

— Что с тобой? Ранен?.. Почему ты молчал?..

— Запомни заповеди мужчины: Знаешь? — молчи. Видел? — молчи. Слышал? — молчи.

Стоя на коленях, парень отрывает подол и рукав белеющей во тьме рубахи, пытается перевязать лежащего, хрипящего мэна.

— Не суетись... не мужское это дело — суетиться. Дай-ка глоток виски. Лучшее лекарство... для души и тела мужчины, покуда он жив.

По лицу парня сползает слеза.

— Держи при себе свое горе... оно печалит друзей и радует врагов. Я встретил мальчишку — а покидаю мужчину... Возьми деньги, — достает пачку из кармана.

— Конь, седло, кольт — задержек не дает... Своего коня продашь, за него на Западе дадут четыре сотни.

Помни мой секрет в картах... пригодится.

И последнее... там, на Западе, я должен был... — теряет сознание. Приходит в себя: — ты должен обещать мне... — откидывает голову. Умирает.

— Я обещаю! — трясет его. — Очнись, слышишь! Я все сделаю, но что? Слышишь! Не умирай! Я обещаю!..

Рассвет. Могила у дерева, и мэн лежит в ней. Юноша кладет ему под правую руку кольт, под левую — бутылку, вкладывает патроны в пустые гнезда патронташа и кладет ему на живот.

— Мужчине нельзя отправляться в дальний путь без оружия и выпивки. — Достает стодолларовую бумажку, вкладывает ему в нагрудный карман. — Ты не должен ждать в очереди перед дверью, а швейцары любят деньги — даже если это швейцар при дверях в рай. Надеюсь, доллары там в ходу.

Восход солнца в прерии. Свежий холмик у дерева, в изголовье лежит широкополая черная шляпа... Юноша стоит над могилой со шляпой и револьвером в руках. Шесть раз стреляет в небо, лицо застывшее и яростное, будто стреляет в самого бога. Опустившись на колено, кладет руку на могилу.

Встает, надевает шляпу, вскакивает в седло.

Лицо его теперь — жестковатое, у глаз и рта намечаются морщинки. Губы, прежде пухло-детские, крепко сжаты.

Уменьшающаяся вдаль фигура всадника скачет к встающему солнцу.

Ну, а теперь —

Разухабистый, буйный золотоискательский городок на Дальнем Западе, Диком западе. Пьяные на грязных улицах, аляповатые вывески, музыка из салунов, визитки и полосатые брюки бизнесменов соседствуют с ковбойскими гетрами и стетсонами, веселые девицы в пестрых юбках, мексиканцы в сомбреро.

Наш парень едет посреди улицы: как влитой в седле, жесток, уверен в себе.

— Эй, красавчик, заходи отдохнуть, — машет девка из дверей.

Входит в салун.

— Двойной виски. Яичница с беконом и кофе.

Ест, поглядывая по сторонам, — никто на него не обращает внимания. Пьяная девка хочет обнять, сесть к нему на колени, — молча поднимает ее, не вставая, и вежливо ставит на пол от себя.

За столиками пьют, подписывают контракты, вербуют на работу, играют в карты и кости.

За одним столиком карты сдает, ловко тасуя изящными руками, сухошавый немолодой человек, в сюртучной паре, при галстукке. На пальце его бриллиант, стопка денег придавлена золотым портсигаром. Оглядывая зал, на миг задерживает взгляд на юноше.

Мимо проходит невзрачный человек, ловит взгляд банкюмета, делает едва уловимый ответный жест. У столика юноши он вежливо просит разрешения сесть, заказывает пиво, извиняется, он здесь человек новый, почти никого не знает, жизнь дорогая, золотоносные участки все застолблены. Юноша ставит ему рюмку, тот в ответ. Подсаживается еще один, жалуется на скуку, предлагает в кости на выпивку, проигрывает: «Мне всегда не везет». Первый говорит, что лучше в карты, просят хозяина подать, играют по маленькой. Подсаживается еще один, игра завязывается.

Учтиво подсаживается банкюмет с бриллиантом. Юноша выигрывает все чаще, кучка денег перед ним растет.

Большая игра. Толпа крутом. Джентльмен, тот банкюмет, достает пачки денег. В глазах у юноши напряжение, неуловимо быстро тасует. Ставки между ними двумя летят вверх! Каре у джентльмена — он явно профессиональный шулер. Медленным движением юноша вскрывается: флешь-рояль! Деньги — его.

Гул зрителей. Растерянность и недоумение в глазах шулера. Юноша сдает. Себе — флешь. Шулер прикупает вкрадчивым скользящим движением: покер!

Нервы на пределе. Один из игроков приказывает выпивку, подмигивая официанту. Бармен за стойкой высыпает что-то в бокал.

Парня опаивают. Он проиграл все. Шулер согласен поверить в долг. Один из подсевших — галстук, сюр-

тук — предлагает ссудить под расписку. Юноша проигрывает десять тысяч. Подписывает бумагу.

У стойки пьяная девка пристаёт к бармену:

— И этого втянули! Кровопийцы проклятые! Мало вам таких, как я! Бедный мальчик...

Юноша обрубается, его тащат наверх.

Утро.

Он встает. Худо. Вспоминает вечер. Тихо одевается, тихо приоткрывает дверь — хочет смыться.

За дверьми сидит на стуле, скрестив вытянутые ноги, два кольта на поясе, сигара в небритой челюсти, огромный амбал: «Доброе утро, малыш. Похвально — встать пораньше, чтобы уплатить долг».

Парень бьет его и бежит вниз. На лестнице бросаются еще несколько. Дикая махаловка: полет мебели и разгром салуна.

Несколько мордovorотов держат:

— Что, денежек нет?.. — Один выразительно играет ножом. — А ты знаешь, что за это бывает? Десять косяк зажать хотел?

— Я отыграюсь...

— Молодчина! Вот уплати долг — и отыгрывайся. Мм?

Амбал с ужасной рожей приставляет ему нож к животу.

— Джентльмены! — в панике бежит хозяин из-за стойки. — Только не у меня! Вы правы, но шериф этого не поймет! В моем заведении пьют и бьют, но не до смерти. Заплати им, мальчик.

— У меня нет денег...

Входит один:

— Его конь стоит сотни три.

— Четыре!

— Так, — говорит амбал. — Уже две. С каждым твоим словом он падает в цене.

Вытаскивает его кольт:

— Хм... Питтсбургская работа... тридцать монет.

— Он стоит пятьдесят!

— Уже двадцать. — Швыряет кольт одному из своих.

— Может, кто-нибудь заплатит за тебя? — спрашивает бармен.

Входит решительный, крепкий джентльмен. Резко, властно:

— Что здесь происходит?

— Да вот... решил улизнуть, не уплатив должок.

— Веревка по вам плачет, висельники. Кто так разукрасил парня? — Смотрит на неподвижные тела на полу, побитые лица. — Гм. Он не похож на человека, который не платит по счету, — с иронией.

Один из амбалов злобно трет подбитый глаз.

— Сколько ты им должен, парень?

— Я проиграл вчера десять тысяч...

Джентльмен протяжно свистит.

— Вот что... У меня здесь серебряный рудник. Люди нужны. Работа тяжелая, надо торопиться — серебро падает в цене. Плачу своим сто монет в неделю, одежда и еда мои. За полгода отдашь долг. Что скажешь?

Амбал: — А если он улизнет?

Джентльмен: — Если он подпишет контракт и сбежит, то будет преследоваться законом Соединенных Штатов.

Бармен: — А вы знаете другой способ получить с него деньги, джентльмены?

Юноша подписывает контракт...

...Палящее солнце, рудниковый карьер, оборванные люди с кирками, ломами, тачками.

— Он же обещал рабочую одежду, — говорит юноша.

— Всем нам обещают царствие небесное, — отвечает изможденный старик.

Удары в рельсу. Оборванцы строятся в колонну, тянутся на обед. Под навесом разливают черпаком по миске бурды, худые темные руки берут со стола по небольшой пайке хлеба.

Часовые с винчестерами на краю огромного карьера и грифы в белесом знойном небе. Коншлагерь, в общем.

Мимо проходит юная брюнетка в расшитом мексиканском костюме с хлыстом: дочь хозяина рудника.

Два детины обходят длинные столы под навесом: передний запускает лапу во все миски поочередно, выуживает кости с мясом, получше жрет, похуже отдает другу. Иногда передумывает: вырывает у друга и дает ему другую. Все боязливо подчиняются.

Сует лапу в миску нашего парня. Тот бьет, детина падает. Наш надевает миску на рожу его другу и звонко бьет по миске.

Брюнетка хохочет, одаривает его взглядом.

Когда он опять с киркой, она подходит:

— Тебя научили так драться в воскресной школе?

— В школе, которую я кончил, не было воскресений, мэм.

Она, резко, — вообще она броско-красиво-вульгарновата:

— Как ты сюда попал?

— Мне понравился ваш отец. Дай, думаю, помогу разбогатеть доброму человеку. — Издевается.

Она топает ножкой, закусывает губку, отворачивается. Ясно — он ей понравился.

Вечером эти рабы-бедолаги у костра. Мексиканские песни под гитару, стук кастаньет, два оборванца блестяще танцуют румбу.

Зверь-надсмотрщик:

— Эй, ты, новенький. К хозяину!

В темноте его ждет эта девица:

— Это я велела тебя позвать. Зачем ты приперся на Запад, юнец?

— Я уже сказал: прослышал про твоего папашу, решил помочь.

— Упрямый мул! Беги отсюда, пока цел!

Он выразительно смотрит: луна и силуэт часового над обрывом.

— Я покажу тебе тропинку!

— Я здесь уже полтора месяца! Фургон с деньгами из окружного банка должен прийти через несколько дней! Вы хотите, чтоб я подарил вашему папаше шестьсот монет? Хорошая мысль. Это он вас надоумил, м? Поработал — и беги, пока цел, да?

Она, тихо, зло и печально:

— Я дам тебе денег, мой желторотый.

Он, задумчиво:

— Не знаю, в чем тут дело, но что-то нечисто... Нет, мэм, я привык платить по своим счетам сам.

— Ну так плати, олух!

...Прерия вечером, дорога среди кактусов, мчится фургон с конвоем — четверка кавалеристов в синей форме. Щелк кнута, хвост пыли.

Всадники, десятка полтора, бандитского вида, выносятся из-за холма. Погоня.

Догоняют, стрельба, валятся в пыль люди и кони. Выкидывают из фургона ящик-сейф, рвут динамитной шашкой, бросаются к нему.

— Назад! — Властный молодой человек, главарь банды — эдакий тип смуглого красивого негодяя.

Один перегружает золото и кредитки в переметные сумы коня главаря, и банда уходит.

Под фургоном шевелится раненный кучер, стреляет из винчестера, один падает. Главарь не глядя, через плечо на скаку, сажает из кольца пулю кучеру между глаз.

— Вот это выстрел!

— Я не так богат, чтоб сорить патронами. Проматов не даю.

Один, богомольно-анархистского вида, в очках:

— Да упадет зерно в почву, а не мимо, чтоб дать урожай божий. Мозги дурака — лучшее удобрение для урожая, который снимают умные люди. А пахари угодны господе, — елейно возводит глаза, — и простится им грех, что пашут они без устали на большой дороге. Всякий труд почетен. Должен же кто-то взять на себя и этот тяжкий удел. Аминь. — Складывает руки и крестится.

Главарь:

— Почему ты не стал проповедником?

— Я им был. Но проповеди мои были слишком убедительны, и мне пришлось удалиться. Увы! — люди не прощают тем, кто талантливее их...

— Что же ты проповедовал?

— Что для спасения души необходимо расстаться с богатством. Нерадива была паства моя, и внимала лишь дополнительным аргументам.

— И много у тебя было дополнительных аргументов?

— Всего шесть в барабане, но еще тридцать в патронташе.

— И сколько же душ ты спас таким образом?

— Мои бедные родители научили меня считать в детстве только до двадцати...

Вечер на руднике: факелы, волнующаяся толпа перед домом хозяина. Он выходит на крыльцо:

— Друзья мои! — снимает шляпу. — Ужасную весть принесли мне только что: бандиты перебили сопровождающих и конвой, все деньги, которые везли вам для зарплаты, похищены негодяями.

Из толпы:

— Опять это, твою так, в какой раз!

— Пусть серебром платит!

— Сколько мы еще будем работать даром!

— Как рабы здесь! Хуже негров!

Из толпы выдвигается фигура:

— Смерть проклятому кровососу! — швыряет камень, хозяин еле увертывается, гремит стекло на веранде.

Выстрел. Фигура падает. Из темноты веранды подвигаются к хозяину пяток охранников, шелкают затворами винчестеров.

— Ребята! Каждому из вас в тяжелый час я пришел на помощь. Каждый — добровольно! — подписал контракт, где указано, что я не отвечаю за грабеж, которому может подвергнуться ваше жалованье. Я плачу штату налог, банк платит вам жалованье. Я такой же наемный рабочий, как вы!

В придавленной толпе:

— Ловко они устроились. Им — прибыли, а убытки — нам...

Ночь, барак, мрачные люди:

— Я здесь уже второй год... И всего три раза довели жалованье. И то уходило за его вонючую баланду и сломанные лопаты. Да дерьмовый виски в его лавке — по двойной цене...

Полдень, карьер. Наш парень, дочь хозяина:

— Ну, ты не передумал? В полночь придешь к колодцу. Так надо.

Ночь. Он ждет. Подходит она: пьяна, с бутылкой. Обнимает его. У него в глазах — та: белокурые волосы, морской берег... Брезгливо отстраняется и уходит. Вслед — крик:

— Пошел вон! Постой!.. Тупой раб!

Ночью он ползком пробирается по горной тропе. Шуршит сорвавшийся камешек. Лезет под колючей проволокой. Встает, хочет бежать. Силуэт часового.

— Стой! — Выстрел, топот, на него накидывают лассо, валят.

День. Он спиной вверх привязан к скамье, нагой. Два зверя-надсмотрщика хлещут его плетьюми.

Дом хозяина. Дочь входит в кабинет отца: роскошное убранство, — он поднимает лицо от бумаг на рабочем столе.

— Это ты приказал бить его? — Она слегка пьяна.

— Порядок — основа любого хозяйства. — Он добр на вид, спокоен.

— Бывает порядок, который хуже любого преступления!

— Я тружусь, как вол, чтобы тебе...

— Скажи лучше — как ядовитый паук, плетущий сети! Твои надсмотрщики, сообщники, шулера, бандиты...

— Замолчи! — зажимает ей рот. — Вся в мать... шлюхино отродье!

Она вырывается:

— Это ты убил мать! И меня хочешь убить!

— Ты пьяна! Как...

— Как кто? — спрашивает она вкрадчиво. — А? Ну, скажи? А ты что — не знал, что я пью? А может ты думаешь, что я еще девушка? — Издевательски хохочет. — А все для тебя, для твоих поганых денег! Это ты, ты сделал меня такой!

Дает ей пощечину. Она плачет. Отталкивает его руку со стаканом воды, проливает. Он со вздохом наликает виски — она принюхивается, глотает залпом, успокаивается.

— Ты отпустишь его, папа? Я так редко прошу тебя...
— Не нужно заниматься не своими делами, моя девочка...

Она в ярости бьет бокал:

— Ну так ты еще пожалеешь! — хлопает дверью.

Он ей вслед, восхищенно и печально:

— Вся в мать!..

...Этот наш парень — без сознания стонет, лежа в тени.

Дочь — надсмотрщикам:

— Перенесите его в комнату для гостей.

Они в замешательстве.

— Я не повторяю дважды! — Щелкает хлыстом.

Он в шикарных покоях приходит к себя: она поит его с ложечки.

— Ну, очнулся? Упрямая башка...

— Где я?

— У меня.

— Зачем?..

— Я никогда не отчитываюсь ни перед кем. Есть хочешь?

— Пить...

Она приподнимает ему голову, осторожно поит. Глазит его руку.

Вечер, комната, он почти здоров, она подносит огонь к его сигаре:

— Твое сердце занято?

— Да...

— Она красивая? Лучше меня?

— Ты очень красива. Но я люблю ее. Мы обручены.

— Я никогда не была обручена... — шепотом. Пьет. — Тогда беги. Не упрямясь больше. Я тебе все сейчас расскажу. Ты никогда не заработаешь здесь своих денег.

— Я — заработаю! — Он тяжело-упрям, весок.

— Банда... в стоворе с банком. Они перехватывают деньги все время!

— Как?! — он ошарашен. — Так надо что-то делать!

— Что?.. Отец... — она заминается, отводит глаза. — Отец тоже им платит, чтобы не грабили хотя бы прииск....

— А полиция?!

— Что полиция... Там у них свой человек, подкуплен...

— Но есть же закон!..

— Есть. Закон сильного. И он на их стороне... Ты в их власти.

Молчат.

— Ты очень любишь ее?..

— Просто — люблю.

— Послушай... ладно, я откажусь от гордости! я очень несчастна здесь... и выхода для меня нет. А! — машет рукой, меняет тон: — Завтра вечером должны привезти деньги. Их снова не довезут... я думаю. Для тебя один способ бежать — уйти вместе с бандой. Тогда охрана не станет тебя преследовать...

— Зачем тебе это?..

— За эту ночь. Это не будет слишком большой выкуп за твою свободу? Или ночь с тобой стоит дороже десяти тысяч? Ну, ты ведь настоящий мужчина, привык платить по счетам, м? — Хочет обнять.

— Я еще не сказал «да». — Он отстраняется.

— Но ведь «нет» ты тоже не сказал, — нежно, вкрадчиво шепчет она.

И гасит свет. В темноте припадает к его груди.

— Я люблю тебя... мой дурачок... милый... никогда никому не говорила, только тебя одного прошу — пожалей меня, милый...

Ночь, и она стоит нагая у окна — смуглое серебро стройного юного тела в лунном свете. Безмолвные слезы на ее лице.

— Смотри на меня... Помни меня... Она дала тебе только любовь... Я даю жизнь и свободу.

Он подходит к ней. Чокаются два бокала с тихим звоном.

— Ты рожден быть победителем, милый. Сладко любить победителя.

Объятие. Далеко за окном — костер, перебор гитары, протяжная и печальная мексиканская песня.

Багровый закат. В клубах пыли с гиканьем вылетает банда. Опрокидывается уже въехавший было на рудник фургон, падают под пулями солдаты, звенят стекла хозяйского дома, горит барак.

Над обрывом лежит под кустом наш бой. Банда пронесится обратно. Выстрелы вслед — один бандит валится из седла. Парень вскакивает, догоняет замедлившую шаг лошадь, вскакивает в седло и, оглядываясь, мчится вместе с последними из бандитов.

Ущелье, кусты, палатки — лагерь бандитов. Один внимательно оглядывает парня, его коня:

— Конь-то Кривого... Ну, если ты Кривой, то здорово же ты изменился со вчерашнего дня.

Бандиты верхами обступают его угрожающим кругом. Подъезжает главарь — тот смуглый красавчик-мерзавец.

— Говори, пока можешь, — тянет кольт.

— Я бежал с рудника.

Очкастый анархист-проповедник:

— Негоже человеку бежать от трудов. Каждый должен трудиться. А ты еще обманул человека, давшего тебе хлеб и кров — твоего доброго хозяина. Хочешь помолиться?

Парень понял — погиб. Гордо поднимает голову:

— Бандитское отродье!

Главарь:

— Короткая молитва. Мне нравится ее краткость — без лишних слов.

Очкастый:

— Да и не стоит затруднять господу лишними речами.

Парень:

— Стой! Если ты не трус — у меня есть последнее желание!

— Вот оно есть — а вот его уже нет, — главарь тянет спуск.

Напряженный взор парня. Медленно поднимается курок. Выстрел — молниеносно он уклоняется одновременно. Гул среди бандитов. Главарь впечатленно хмыкает и стреляет еще раз. Снова молниеносный уклон в другую сторону.

Очкастый:

— Я видел много обманщиков, но чтобы так нагло и бесцеремонно обманывать собственную смерть... А ведь она все-таки леди!..

Главарь:

— А ты упрям!.. Ну ладно, какое у тебя желание? И приготовьте петлю — свинец ему не по вкусу. Надо быть гостеприимными и уметь угодить вкусам гостя. А мы гостеприимны.

Мгновенно перекидывают через сук веревку с петлей.

Парень в обреченной ярости:

— Желание?! Дать тебе раз по slashавой морде!

Одобрительный гогот бандитов.

Главарь, ласково:

— Если дотянешься. — Спешивается. Парень тоже.

Ходят друг вокруг друга. Парень наносит свой коронный страшный удар гарпунера — но главарь уклоняется, бьет его сам, парень четко парирует. Зрители гудят.

Главарь на голову выше, руки длиннее. Бьет его ногой, парень перехватывает и выворачивает ее, главарь прыжком выворачивается — встает на ноги. Тащит из-за голенища кинжал, бросается.

Тот перехватывает руку с кинжалом, кидает главаря через себя, кинжал падает, но главарь снова в прыжке встает на ноги.

Драка — ага! все дела! Парень подбирает дубину, бьет — тот перехватывает ее, дергает — парень летит на землю, лежа уворачивается от удара, вскакивает, тот дубину двумя руками за концы — угрожает — парень перебивает ее ребром ладони. Гул зрителей.

Главарь отступает к фургону, от удара парня — мимо! — ломается стойка фургона, оседает тент.

Схватываются руками, дрожат от напряжения — никто никого!

Постепенно видно — жажда крови у обоих прошла, симпатичны друг другу как сильные противники. Захват правых рук как-то превращается в рукопожатие — скупая улыбка у обоих.

Анархист-проповедник:

— Гимнастика полезна для аппетита. Перед едой — но не вместо ее!

Костер, мясо на вертелах, бутылки по кругу, смех. Главарь пьет, передает бутылку парню. Жуя:

— А ты мне почти нравишься. Умел бы ты еще стрелять...

Тот протягивает руку. Главарь испытующе смотрит и — рукояткой вперед — протягивает ему свой револьвер. Выстрелы не целясь:

Один снимает вертел с мясом — он падает ему в миску, в руке остается кончик перебитого вертела;

Другой, прикурив сигару, кладет обратно в костер горящую ветку — горящий конец падает в костер, отбитый пулей;

Анархист-проповедник тянется к запечатанной бутылке — от нее отлетает горлышко. Анархист, невозмутимо:

— Благодарю. Я и не ожидал встретить официанта, — льет в глотку.

Парень и главарь курят в палатке при свече, лежа перед сном.

— Не хочется убивать тебя. А отпускать нельзя. Так что будешь со мной. Согласен? Я не каждому предложу это.

— Вот я и не каждый. Я не буду бандитом.

— Пути два: живым грабителем или законопослушным покойником. Выбирай.

— Я найду третий путь.

— Трудно найти то, чего нет... Какого черта ты ишачил на руднике?

— Расставался с иллюзиями.

— А расставался — так расстанься! — Главарь глотает из горла, слегка пьян. — Мужчина расстается с иллюзиями, как младенец с пеленками, как нож — с ножнами. И вот когда слетят эти заслюнявленные покровы, эти тюремные оковы с души, — клинок обнажен, отточен, блестящ, — тогда ты мужчина, и готов к жизни и действию. — Берет нож и показывает парню. — Горе тому, кто встанет у тебя на пути! — По рукоятке всаживает нож сквозь доски стола...

— Ставлю свой кольт с золотой насечкой против твоего медальона, что утром ты пойдешь со мной.

Парень поспешно прячет под рубаху цепочку с медальоном.

— Не трясись: я не так глуп, чтоб брать у своих. С волков шерсть не стригут. О'кэй: мой кольт против твоей шляпы.

Парень поднимает свою рваную шляпу, вопросительно смотрит.

— Так слушай, и выплюнь соску, когда дослушаешь. Тебя обыграл в Красном Салуне шулер, ведь так? И опоил тебя! Это старый номер, не ты первый. Хозяин прииска — с ним напару, понял? Он платит ему за то, что тот поставляет ему обобранных простачков вроде тебя!

— Вот как!..

— Еще не все! А я в доле с хозяином рудника — захватываю фургоны с жалованьем его рабочих, чтоб они работали на него подольше, ведь они все должники!

— Вот ка-ак...

— Пока еще не так! А его дочь сообщает мне, когда и по какой дороге пойдет фургон!

— Врешь! Зачем это ей?

— За это я не отвергаю ее ласк, — самодовольно. — Ей взбрело в голову наставить меня на путь истинный и женить на себе. Ну, так я наставил ее на другой путь и сделал из нее то, что хотел.

— Ты негодяй!

— Теперь я сказал тебе все. Ну, так кто выиграл пари?

Парень смотрит ему в глаза, швыряет ему свою шляпу и выходит в ночь. Стоя один в ущелье:

— Ты прав. Нельзя найти пути, которого нет. Тем хуже для нас обоих...

Окружной городок, здание полиции — на стене плакат с портретом главаря, обещающий за его голову 5 000. Наш парень — отлично экипирован, свеж, — спешивается, привязывает коня, входит.

Входит в кабинет командира отряда легкой кавалерии: массивный лысый сержант в синей форме:

— Что скажешь?

Парень молча швыряет на стол бумажник. Сержант поднимает брови, осматривает; удивленно-непонимающе:

— Пустой?

Парень:

— Ошибаешься. В нем пять тысяч.

— Пять тысяч?.. Так почему я их не вижу?

— Положи — увидишь.

— Что-о?! А-а... понимаю: ты знаешь, где...

— Клади пять тысяч — узнаешь и ты.

— Сначала покажи мне его голову.

— Клади пять косых. За эти деньги ты имеешь право увидеть не только голову, но и все остальное.

— Я не так любопытен... — Сержант звонит в колокольчик, входят двое солдат и встают у дверей. Сержант открывает сейф, достает пять пачек, кладет в бумажник — и кидает бумажник в сейф.

— Ну, показывай.

Парень, сержант и четверо кавалеристов сворачивают с дороги за куст. Фургон и двое с карабинами.

Парень: — Это мои ребята, сержант. Все в порядке, ребята.

В фургоне — связанный главарь. Бьется в веревках, сыпля проклятиями.

— Хотел заработать на мне, акулья душа? Так я сам на тебе заработаю, — говорит парень.

Сержант хохочет и хлопает его по плечу.

Связанного главаря втаскивают в кабинет сержанта, кидают на стул. Парень кивает своим двоим с карабинами:

— Все, ребята; сейчас я спущусь. — Они выходят.

Остаются сержант, парень, главарь, два солдата. Сержант кидает парню бумажник с пятью тысячами.

Главарь:

— Иуда!

Парень бьет его. Сержанту:

— Мне надо сказать тебе кое-что еще.

— Ну? Хочешь показать мне что-то еще?

— Да. Пусть они, — кивает на конвойных, — выйдут. Те выходят. За дверью двое с карабинами бесшумно бьют их по голове и утаскивают в пустую комнату.

В кабинете, парень:

— Пять тысяч — маловато за предательство, правда? Но я не мелочен. — Бьет сержанта, тот падает без сознания. Парень мгновенно разрезает веревки на главаре.

Входят те двое — уже в солдатской форме, еще одну швыряют на пол. Главарь, расстегивая мундир на сержанте:

— Живей!

Они четверо, в форме, выходят из здания, вскакивают на коней и уносятся.

Один часовой у дверей — напарнику:

— Хм. Опять что-то стряслось?

— А тебе-то что? Целы — и ладно.

— Интересная закономерность: чем больше суетитесь полиция, тем больше почему-то преступлений.

— А ты что предлагаешь? Нельзя же перевешать всех.

— Почему? Можно хотя бы попробовать.

Вывеска над крыльцом: «Банк». Быстро входят наши четверо:

— Все на местах! В кладовой преступники. Кассир, ключи быстро!

Всеобщее замешательство, паника, кассир открывает бронированную дверь, его оглушают, выносят мешки с деньгами, швыряют в фургон у крыльца:

— Помогите, ребята, живей, сейчас здесь будут бандиты!

Сержант в кабинете, очнувшись, бьется в веревках, мычит.

Служащие бегом носят деньги в фургон.

— Скорее, скорее! Вы что, хотите, чтоб деньги достались бандитам? А?!

Один:

— Нет, что вы, сэр!

Главарь, издевательски:

— Ну и дурак! Кто считает чужие деньги — своих иметь никогда не будет. Понял?

- Да, сэр... — растерянно говорит служащий.
В кабинет сержанта заходит солдат: изумлен, освобождает его.
- Банк: сверху сбегает управляющий с револьвером:
— Стой! Задержать! Это бандиты!
- Пальба. Бандиты прыгают в седла, рвет с места фургон, падают тела из окон и с крыльца.
- У полиции часовые флегматично прислушиваются:
— Вот народ — хлебом не корми, лишь бы пострелять.
- И откуда они столько денег на патроны берут...
Выскакивает разъяренный сержант в одном белье:
— Догнать! Идиоты! В погоню! Крепины! На коней! — выскакивает на дорогу.
- Первый часовой:
— Что-то сержант сегодня не в духе.
- Второй:
— Ну можно ли так напиваться с самого утра!..
- Лагерь бандитов: оживление, восторги, парень стал героем. Дележка денег: передвигают кучки банкнот и монет, шевелят губами.
- Парень разваливается в тени:
— Имею право отдохнуть. — С треском пускает веером колоду карт. — Никто не составит компанию?
- Вечером у костра — парень обыгрывает последнего.
Бандит:
— Фул! — Открывает карты.
- Флешь. — Парень вскрывает червовую масть. Подгребает его деньги к огромной куче рядом с собой.
- Главарь:
— Не думал, что я буду работать на тебя.
- Анархист-проповедник:
— Все крупные состояния нажиты нечестным путем, сын мой. Хорошо ли вступать в ряды финансовых акул и отбирать у честных тружеников большой дороги те крохи, что они нажили в поте лица? У нас ведь вредная работа: от стрельбы ухудшается слух. Что станешь ты делать с такой кучей денег, этого вместилища зла?
- Отдам тебе.

— Ты хочешь меня усыновить?

Парень швыряет ему несколько золотых:

— Поезжай в город и купи себе костюм джентльмена.

Анархист-проповедник, гордо:

— Джентльмен — и без костюма джентльмен. А покупать мне не позволяют принципы. Если все принадлежит богу — то почему мне не пользоваться необходимым? Я возьму костюм вместе с деньгами — если они окажутся в карманах.

Главарь:

— Что ты задумал?

Парень:

— Мы откроем счет в банке.

Главарь:

— В том самом? Боюсь, они так обрадуются, что не захотят нас отпускать.

— У тебя не ум, а стальной капкан. Разве мы посетили уже все банки? Остались и еще — про черный день.

Банк, анархист-проповедник: костюм джентльмена, трость:

— Я хочу снять со счета. Присмотрел подходящую усадьбу.

— Пожалуйста, сэр.

Кассир открывает сейф в кладовой. Рядом возникает главарь, бьет его. Вбегают бандиты, стрельба, все ложатся на пол. Выносят деньги, уносятся.

Плакат с портретом парня на стене: 1 000 за поимку.

Банда догоняет поезд, захватывает, рвет динамитом сейф, течет золото.

Плакат с его портретом: 3 000 за поимку.

Респектабельные джентльмены играют в карты в задней комнате салуна. Входят бандиты во главе с парнем, все поднимают руки: золото, перстни, золотые портсигары — сгребаются в мешок.

Плакат: 5 000.

Торжество в зале с хрустальными люстрами: ска-терти, серебро. Бандиты возникают в окнах и дверях.

Главарь — светской красавице:

— Ваша красота не нуждается в оправе, синьора.

Она снимает серьги, перстни, кольцо и кидает в шляпу, подставленную бандитом. Главарь целует ей ручку и щелкает шпорами. Она смотрит на бледного, дрожащего мужа и в ярости дает ему оплеуху. Он: «Не сердись, дорогая, я куплю тебе новые». И получает по другой щеке.

Анархист-проповедник вертит вилку, сует ею в рот что-то, жуя:

— Серебро! Наконец я смогу есть вилкой и ножом, как подобает порядочному человеку! — Сгребает серебряные приборы в мешок.

Парень:

— За любовь, леди! — Пьет и бьет бокал.

— За удачу, джентльмены! — Главарь делает то же.

Офицер в эполетах шипит сквозь зубы:

— Негодяи!

— Где же ваша офицерская вежливость, полковник?.. — укоризненно качает головой парень и двумя выстрелами сшибает с его плеч эполеты.

Анархист, уходя последним, с мешком, от порога:

— Простите за беспокойство! — снимает шляпу. —

Но бедным мальчикам так хотелось на праздник... И взываю к вашему милосердию: не обращайтесь к полиции — зачем множить число вдов и сирот.

Плакат с портретом парня: 20 000 за живого или мертвого.

Кабинет полковника:

— Бездельник! Олух! — Он срывает петлицы и шевроны с сержанта. — Вон!! — И машинально трогает, держатся ли на плечах его собственные эполеты, отстреленные накануне.

Сержант один у себя: бьет по лицу парня на плакате и трясет ушибленный кулак: «Ну погоди, сука!» Коля пальцы иглой, со зверской рожой неуклюже пришивает шевроны толстенной бечевкой, пробуя на прочность.

Парень, лежа при свече в палатке, прислушивается: голос дочери хозяина:

— Неужели ты забыл, что обещал мне?..

— Ты хочешь мне что-то напомнить? — вкрадчивая угроза в голосе главаря.

Он и она — стоят под звездами у куста.

— Ты больше не любишь меня?.. И боишься сказать это? Какие все мужчины трусы!

— Кто играет со смертью — не боится ничего, — холодно говорит главарь. — А любовь моя стоит дорого, крошка, ты знаешь.

— Прежде плата тебя устраивала...

— А теперь — нет.

— Вспомни — я все тебе отдала!..

— Спасибо. Если хочешь — возьми обратно. — Он глумится.

— Подлец!

Он звонкой пощечиной валит ее наземь:

— Ну, так тебе понятно, что ты мне надоела, потаскуха?

Она мотает головой:

— Ты?! ты говоришь мне это?.. как ты можешь!..

— Я все могу, пора бы тебе и знать. — Главарь поворачивается, чтобы идти, и натывается на парня. Тот, глухо:

— Проси у нее прощения.

— Поди прочь!

— Я не повторяю дважды.

— А я повторяю: прочь с моей дороги!

Тяжелая пауза.

— Ты сделал роковую ошибку, — говорит парень и страшным ударом рушит его на траву.

Девушка приходит в себя.

— А, благородный рыцарь! — саркастически. — Священные воспоминания, честь дамы! — Кричит: — Я шлюха, шлюха, шлюха, а не дама! У меня нет чести — такие, как ты, лишили меня ее. И не только ее — права на честь, памяти о чести — ничего у меня нет! Грабители, бандиты, убийцы — будьте вы все прокляты!

Ну что же ты молчишь? А, нечего сказать. Ну, так ударь меня, ведь ты настоящий мужчина — меньше слов, больше дела! Или ты хочешь другого, а? А-а... — начинает расстегивать ремень брюк.

— Замолчи! — он трясет ее за плечи.

— Ну нет, я скажу все! Ты был рабом — а стал убийцей! Раны на твоей спине зажили — раны в душах вдов и сирот, чьих отцов и мужей ты убил, не заживут никогда. Лучше бы отсохли мои руки, ласкавшие тебя в ту ночь — единственную ночь моей жизни, когда я была счастлива... — Она плачет, обессилив. — Иди... убивай и грабь дальше. Жги дома... разорь фермеров и золотоискателей... ведь ты настоящий мужчина, что тебе закон, он только для слабых, для вдов и сирот, для жалких неудачников, стреляющих не так метко, как ты...

И неси на себе проклятие той, кому ты обязан жизнью и свободой. Ты еще хуже, чем тот. Он был таким всегда, он таков от рождения. А ты захотел стать таким — и стал, превзошел даже его. Ты не забудешь меня даже в аду: на тебе будет моя кровь!..

Покачиваясь, она уходит во тьму. Из сумки на поясе достает маленький никелированный револьвер. И стреляет себе в сердце.

Парень бросается на выстрел, трясет ее — мертва. Он снимает шляпу, закрывает ей глаза и целует в лоб. И неподвижно стоит.

Палатка, свеча, парень подпер виски кулаками. Две бутылки — начатая и уже пустая. Пошатываясь, входит главарь, выпивает:

— Забудем. Я сам виноват.

— Да.

— Если позволил себя ударить, не ударил первый сам — так тебе и надо, плати за глупость!

— Ты совершил роковую ошибку, — угрюмо повторяет парень.

— Э, — главарь небрежно машет. — Приласкаю — она и размякнет.

— Не приласкаешь.

— Что, уже уехала? Хм, горячая душа!

— Уехала.

— Приедет еще.

— Нет.

— Я их всех знаю. Приедет и эта.

— Эта не придет.
— Что такое?..
— Выйди и посмотри... — парень пьет и с грохотом ставит кружку.

Главарь возвращается спокойный:

— Вот дура. Отцу отвезти? милый подарок, порадуем старика. Да никто из ребят и не захочет тащиться с падалью.

— Ты зря сказал это... — медленно, мрачно говорит парень.

— Ты хочешь сказать, что отвезешь сам? — главарь не понимает смысла его слов.

Парень седлает коня. Заглядывает в палатку:

— И сделай так, чтобы я никогда ничего больше не смог услышать и узнать о тебе, — говорит он главарю.

— Я легко могу это сделать, — главарь поднимает руку с колен (сидит за столом) — в ней наведен кольт. — Покойники ничего не знают и ничего не слышат.

— Так что тебе мешает? — кричит парень.

— Мне ничего не мешает. Я просто не хочу. Езжай.

— Прощай, — говорит парень.

— Мы еще встретимся, — говорит главарь.

Луна над прерией, парень на коне поддерживает перед собой мертвую девушку.

Вносит ее в дом на прииске, опускает на кровать, где одну ночь они любили друг друга. Зажигает в изголовье свечу и, обнажив голову, смотрит, прощаясь.

— Кто здесь? — со свечой и револьвером входит хозяин.

Бросается к дочери. Рыдает. Горько и гневно:

— Это ты убил ее!!

— Я, — тихо говорит парень. — Но раньше ее убил ты. Своей жадностью, своей ложью, своим богатством, ледяной расчетливостью своей души. И меня ты убил...

— Еще нет, но сейчас убью! — Поднимает револьвер, парень легко выбивает его.

— Я мог бы разmozжить тебе голову, ничтожная ящерица. Но ты сам разmozжишь ее, когда будешь в отчаянии биться ею о стену. Живи теперь, если сможешь. Это твое наказание. Твоя казнь.

Звеня шпорами, медленно выходит.

Хозяин в оцепенении смотрит на дочь. Идет в свою спальню и на коленях молится перед портретом жены. В кладовой берет факел — глаза безумны, седые волосы дыбом, — и обходит дом, поджигая занавесы, шкафы книг, бумаги в кабинете. Комнаты пылают: хозяин стоит на коленях, прижавшись лицом к ногам дочери...

В ночи парень оборачивается в седле: высокое пламя над прииском. Отблески пламени и мука в его глазах:

— Твоя кровь на мне... но она не останется неотомщенной. Я не боюсь крови, но не хочу больше проливать ее. Пусть решит закон.

Мучение и решимость в его лице. Шагом идет конь.

Сержант в белье мочится с крыльца домика, смотрит на луну, сплевывает, зевая входит обратно.

У стола сидит парень, колыт на сержанта:

— Добрый вечер, сержант.

— Что тебе нужно? — тот заикается от страха.

— Наденьте брюки и не трясите челюстью — не люблю, когда что-то мельтешит перед глазами.

Тот одевается, косясь на колыт. «Виски, сэр?» — угодливо кивает на бутылку.

— Твоя рожа вызывает у меня желание выпить воды.

— Воды? — удивляется сержант. — Пожалуйста, — наливает.

— Чтоб справиться с приступом тошноты от твоего вида.

— Ты пришел сказать мне это? — сержант выпил воду, очухался.

— Нет. Я пришел сделать тебя офицером.

— Ты уже назначен к нам полковником? — Сержант овладел собой.

— Бери бумагу. Ручку. Пиши: «Порядки стали строги. Я не могу больше предупреждать вас о действиях полиции. Ваш налет на бал губернатора едва не

стоил мне места и чина. Я не могу рисковать за прежние деньги. Или вы удваиваете плату за мои услуги, или я нахожу более щедрых партнеров». Написал? Давай сюда.

— Что теперь будет? — от ужаса под дулом сержант опять ничего не сообщает. — Не убивай меня!

— Теперь, — парень прячет листок, — это письмо получит губернатор, если ты не будешь делать то, что я тебе скажу.

— Не надо горячиться, — лебезит сержант.

— Так вот слушай. Ты все равно не поймешь... Но сделаешь то, что я тебе скажу... Дай карту!

Сержант расстилает на столе карту. Парень обводит кружок:

— Банда здесь. К утру твои люди должны быть вот тут, — ставит несколько значков вокруг кружка.

Утро в ущелье. На фоне неба показываются со всех сторон головы солдат.

Стрельба, сражение, разгром. Раненый главарь захвачен живым.

— Может, я и неправ, парень... — тихо говорит он сам с собой. — Но ты обошелся со мной хуже, чем я с тобой...

Сержант торжествующе хохочет ему в лицо.

Колонна тянется из дымящегося ущелья под солнцем дня.

Здание полиции. Парень спешивается у крыльца, швыряет поводья часовым, обомлевшим на фоне его плаката, и четко проходит в кабинет сержанта.

— Добрый день, сэр, — угодливо приподнимается сержант.

— Я свое слово сдержал. А письмо в надежных руках. Если волос упадет с моей головы — то повесят нас вместе. Где деньги?

Сержант угрюмо выкладывает из сейфа на стол горю пачек денег. Парень сгребает их в мешок:

— Здесь только половина. Где еще двадцать тысяч?

— Какие?.. — Сержант растерян. — За что?..

— За МОЮ голову, — жестко говорит парень. — Она тоже оценена в такую сумму, не так ли? Ну, так

я имею большее право, чем кто бы то ни было, зарабатывать на собственной голове. Живо!

Сержант выскребает из сейфа все до мелочи:

— Меня сошлют на каторгу за такую растрату!

— Не сошлют... Завтра я буду здесь, в твоих лапах...

Но помни: его не должны повесить раньше, чем я явлюсь. Ты понял меня?

— Д-да. Нет... Кто из нас рехнулся: я или ты?

— Я. До завтра, сержант.

Парень едет по пустой улице с мешком у седла. В глазах его встает лицо невесты, ее улыбка, летящие под ветром золотые волосы, а за ними морская голубизна. «Я уже никогда не вернусь к тебе... Но ты не будешь нищей. Ты будешь богата и счастлива и выйдешь замуж за того, кого выберешь... И забудешь меня... Ты должна забыть меня...»

На выезде из города — толпа. Парень кладет руку на рукоять кольца. При встрече с его взглядом мужчины боязливо отводят глаза. Толпа раздается перед его конем. Один сзади взводит затвор — парень чуть оглядывается — тот отводит глаза, опускает винчестер.

Женщина в трауре загораживает дорогу коню:

— Проклятый убийца! Продал своего дружка — и думаешь, что этим откупился? Они все трусы, — жест на молчащую толпу, — но я не побоюсь сказать тебе правду в лицо! Ты убил моего мужа — убей и меня! Ты сделал их сиротами — (трое ее детей в стороне держатся за руки) — убей и их! Они все равно умрут от голода — без отца, который кормил их!..

Парень швыряет в пыль к ее ногам мешок с деньгами.

— А-а, ты даешь мне деньги? За моего мужа! Мало: мне нужна твоя жизнь!

— Ты получишь ее завтра, — тихо говорит парень.

— Нет, сейчас! Почему не сейчас? Ты не хочешь умирать, ты хочешь жить! — а те, кого ты убил — они не хотели жить?!

— Я не хочу жить. Потерпи чуть-чуть, — тихо говорит он.

Салун, с которого все началось. В дверях встает парень — шум стихает, все смотрят. Тапер растерянно

встает, снимает котелок, кладет его на роуль, кланяется с сигарой в зубах, ничего не соображая от страха и почтения, вынимает сигару, кладет на котелок, снова кланяется. Парень делает разрешающий жест, тапер садится, надевает котелок, играет в бешеном темпе, дым из тлеющей дыры в его котелке — сигара прожгла и провалилась, шум возобновляется.

У стойки:

— Позвольте угостить... за счет заведения, сэр... — бармен льет полный бокал, течет через край.

— Твою щедрость я помню, — парень выглекивает ему в лицо, швыряет бокал не глядя, бармен ловит, утирает лицо, кланяется.

За одним из столиков тот самый джентльмен-шулер банкует в карты. Парень подходит. Шулер спокоен:

— Хотите сыграть, сэр?

— Я однажды уже играл с тобой. Помнишь?..

— Разумеется, сэр. Итак, карту?

— На этот раз сдавать буду я. — Шарах его, тот через голову.

Метелит шулера. Его телохранители хотят вступить — и летят через столы в нокауте. Тапер бешено играет, дым валит из шляпы.

Шулер делает жест: на балюстраде второго этажа возникают двое с карабинами — два выстрела, и они рушатся вниз, ломая перила; парень, не глядя, сует кольт в кобуру.

Шулер с трудом приподнимается:

— О'кэй: крупную игру лучше вести без свидетелей.

Они поднимаются на второй этаж, заходят в комнату — шулер впереди, делает гибкое движение: со щелчком выскакивает узкое лезвие пружинного ножа. Парень выбивает нож, тот взлетает и падает на постель, в стыке двух кроватей застревая ручкой, лезвие торчит вверх.

— Где же твоя ловкость рук? — Удар — шулер летит. Лежа швыряет кувшин с водой — вдрызг о стену. Парень поднимает его:

— Еще карту? — Посылает его в другой угол, спиной тот разбивает зеркало.

Внизу — бармен, прислушиваясь, через стойку клиенту:

— Тихий, вежливый... такого клиента у меня больше не будет...

Рядом с упавшим тазом — бритва. Шулер раскрывает ее и бросается вперед — парень перехватывает, швыряет его. Тот падает спиной на кровати, вскрикивает и изгибается, обмякает. Парень, не понимая, подходит: тот упал спиной на острие ножа.

— Ты выиграл...

— Значит, счет один-один.

— Вытащи нож...

Парень вынимает нож из раны, откидывает. Рана явно смертельна. При движении медальон на цепочке выскальзывает из выреза блузы парня. Он:

— На, глотни. Я ничего не примешал сюда, как ты тогда. Моя игра была честной.

Шулер пьет, не отрывая глаз от медальона:

— Послушай... откуда у тебя это?.. — Силы покидают его.

Парень хочет спрятать медальон, но шулер хватается пальцами:

— Это она... она... Господь призывает меня... я знал, что он меня покарает... Зачем ты ушла... Ведь я искал... — он в предсмертном полузабытьи.

На лице парня: непонимание, догадка, потрясение, ужас:

— Что ты мелешь?!

Стеклоеющий взгляд умирающего:

— Скажи... откуда он у тебя?..

— Какое тебе дело!! — кричит парень.

— Я сейчас умру... Этот медальон... свадебный подарок моей жене... как он у тебя очутился?..

— Нет!! — парень в ужасе мотает головой.

— Мы были молоды... я любил ее... ради меня она бежала из дома...

— Это моя мать. — Парень как в кошмаре, неподвижное серое лицо, смертная тоска в глазах.

— А... — слабая улыбка озаряет лицо умирающего. — Как хорошо.

— Что — хорошо? — шепотом спрашивает парень в безумии.

— Что умираю я, а не ты... сынок... Она жива?..

— Нет...

— Как хорошо... что я умираю. Я всю жизнь любил ее, знаешь...

— Она тебя тоже... — Парень прикусывает губу, струйка крови.

— Она всегда была непреклонна... Умерла, не про- стив меня...

— Она тебя простила...

— Это правда?..

— Я ехал сюда сказать тебе об этом...

— Вот и сказал... Ты все сделал... очень хорошо, сынок...

Послушай... Полковник... я спас его от бесчестья... картежная игра... махинации с участками, контрабанд- ный мексиканский скот... он должен мне пятьдесят тысяч... расписка в бумажнике... возьми... и уезжай от- сюда... тебе здесь не место... Где убивают друг друга из-за денег... там можно быть богатым, но нельзя быть счастливым.

— Я уеду далеко... — Со странным лицом парень смотрит в пространство. — А деньги мне не нужны. Утром у меня было сорок тысяч.

— Ты богат?..

— Я продал две самые дорогие головы на Западе — по двадцать косых штука.

У шулера последний прилив сил. Он внимательно смотрит — и понимает.

— Но твоя голова здесь...

— Завтра она будет выше.

— О господи... А он?..

— Утром мы с ним встретимся... там.

— Где он?

— В камере смертников.

Умирающий откидывается на подушки:

— Несчастный безумец... Бедный мой мальчик... мой мальчики... Тяжка карающая десница твоя, о гос- поди...

— Что?!... — кричит парень.

— Это твой брат... — шулер умирает.

И парень срывается с места.

Бешено скачет в сером рассвете.

Алый край солнца встает над горизонтом. Конь хрипит.

Частокол форта, оцепление солдат, виселица.

Парень бешено скачет, шепча коню: «Скорее, скорее же, ну...»

Главаря ведут на виселицу, он всходит на помост.

Конь парня в мыле, храпит, он хлещет его плетью и несется.

Сержант зачитывает приговор.

Парень несется, конь при последнем издыхании, форт близок.

Барабанная дробь, каре, главарь с петлей на шее.

Парень соскакивает у оцепления с падающего коня. Цепенеет.

— Вот мы и встретились... — шепчут его губы.

Подходит сержант:

— А я уже волновался. Люблю парней, которые держат слово. — Гнусно ухмыляется.

— Тебе мало, что ты жив, а он мертв? — парень указывает на виселицу.

— Но ведь ты обещал... двадцать тысяч... меня упекут в тюрьму, если ты не сдашься, — бормочет растерянный сержант. — Нельзя же так обманывать, это нехорошо...

Парень сдергивает солдата с коня, вскакивает в седло:

— И помни про письмо: ты у меня в руках! — Уносится.

Сброшенный копошится на земле. Пара выстрелов вслед. Сержант делает было призывный жест — «В погоню», — спохватывается, орет: «Отставить!», бьет себя кулаками по голове и мычит в бессилии.

Вечер, полковник входит в свой домашний кабинет: кожа, мореный дуб, паркет. В кресле сидит парень с кольцом:

— Добрый вечер, полковник.

- Тот белеет, губы прыгают: «Что тебе надо?..»
- Я покидаю ваши края, полковник. Вы не откажете мне в деньгах на билет?
 - Сколько ты хочешь, проходимец?
 - Пятьдесят тысяч.
 - Что-о?..
 - Именно столько вы были должны одному человеку, не так ли?
 - Ложь!
 - Он умер и не может дать вам пощечину. Но я могу это сделать.
 - А тебе какое дело, кому я сколько должен?!
 - Считайте, что я исполняю его волю, полковник.
 - Ты никому не докажешь. Свидетелей нет.
 - А я и не собираюсь доказывать. — Парень со щелчком взводит курок.
 - Но у меня нет таких денег!
 - Сегодня вам привезли шестьдесят тысяч за контрабандный скот, который перепродали ваши люди.
 - У меня нет денег!
 - Пусть эти слова высекут на вашем надгробном камне, — парень поднимает колыт.
- Вбегает прелестная девочка:
- Папа, а беленький котенок уже сам пьет молоко! — Видит парня: — Ой, у тебя гости?.. Извините...
 - Уйди! — кричит полковник.
 - Только не давай ему слишком много молока, а то у него может заболеть животик, — ласково говорит парень, и она уходит.
 - Если я отдам тебе эти деньги, я разорен, — говорит полковник. — Останется только пустить себе пулю в лоб. Так стреляй ты.
 - Хорошо. Хотите предоставить решение судьбе? Сыграем на них.
- Садятся играть, полковник достает пачку денег из шкафчика: карты, виски, свечи на зеленом сукне.
- Твоя ставка?
 - Пятьдесят тысяч.
 - Деньги на стол.
 - Вы не одолжите мне для игры?

— Нет. Я играю только на наличные. Таков мой принцип.

Парень, глядя ему в глаза, снимает медальон, кладет на стол:

— Не трогать!

Полковник, приблизив лицо, рассматривает, достает лупу:

— Старая работа... чистая огранка. Четыреста долларов.

Вскрываются: двойка у полковника, тройка у парня. Он надевает медальон, придвигает к себе деньги:

— Итак, четыреста.

Вскоре перед парнем куча пачек.

— Ты шулер!

— Да, я играю с вами нечестно. А разве вы, у которых деньги и власть, играете честно с нами, у которых нет ничего, кроме рук? — Сурово смотрит на него. — Но я буду честен с вами! — Кладет на стол кольт. — Здесь двадцать пять тысяч — ровно половина. Хотите пойти ва-банк — в последний раз? На выстрел!

Полковник облизывает пересохшие губы:

— Хорошо.

Парень смешивает карты рубашкой вверх.

— Тяни ты первый.

Парень тянет карту: туз!

— Ты опять жульничал!

— Вы будете брать карту, полковник? — с ледяной любезностью.

— Будь ты трижды проклят! — Полковник мучительно не решается и, наконец, тянет: — Джокер!! — Упивается восторгом.

— Ну, что же ты?

Парень выщелкивает патроны из барабана и вкладывает обратно один. Вращает барабан об рукав и поднимает кольт к виску. Лицо его спокойно и задумчиво. Золотые волосы невесты выются перед ним, и море блестит за ними. Он тихо улыбается и спускает курок.

Щелчок бойка. Кладет кольт на стол.

— Прошу вас, полковник.

Полковник берет кольт, бледнеет, крутит барабан, подносит к виску, закрывает глаза, кадык его прыгает. Отшвыривает оружие.

— Забирай!

— Правильно. Солдату подобает умирать на поле брани, а не за карточным столом. — Берет кольт, щелкает бойком — гнездо пусто. Полковник в ярости и досаде бьет по столу. — Вы не подарите мне на память вон ту чудесную переметную суму тисненой кожи?

Полковник швыряет ему суму. Парень сгребает в нее деньги.

— А это вам, ответный подарок, на память. — Кладет на стол его долговую расписку. И уходит, позванивая шпорами. Полковник выпивает стакан и тупо сидит. Стучат за окном копыта и стихают.

Полковник в служебном кабинете трясет за грудки сержанта:

— Догнать! Немедленно! С одним отрядом еду я сам, а ты со взводом вот по этой дороге, — указывает на карте на стене.

Несется отряд во главе с полковником.

Неторопливой рысью скачет парень.

Несется отряд во главе с сержантом:

— Вон он!

Сержант:

— Ждать здесь. Я сделаю это один.

— Он хочет сам заработать двадцать тысяч, — бурчит солдат.

— Это будет трудная работа, — хмыкает другой, ну, тот часовой.

Сержант догоняет парня, поджидающего его:

— Тебе все равно не уйти!

— Тебе так жаль расстаться со мной, что решил висеть рядом?

— Где я возьму деньги — вернуть в кассу?..

— Возьми у полковника. Он получил вчера шестьдесят тысяч за скот, угнанный некими неуловимыми бандитами у мексиканцев.

— А-а-а! — сержант в злобной радости. — Ты не врешь? О'кей, тогда он в моих руках! Это стоит двадцати

тысяч и офицерского чина — я сумею содрать с него и то, и другое! Теперь он не отвертится, поганый инднок!

— У тебя больше нет ко мне дела?

— Тебя ждет засада.

— Боюсь, что тогда тебе не видать ни денег, ни чина.

— Я скажу, где она. Но сначала скажи, у кого письмо.

— Говори первый. Я уезжаю отсюда, ты меня больше не интересуешь.

— Засада за перекрестком дорог, у спуска в каньон.

Письмо!

Парень достает письмо из седельной сумы — сержант видит пачки денег.

— Держи!

Сержант берет письмо, не отводя взгляда от сумы:

— Так оно было у тебя?!

— Чем ты недоволен? Прощай, — парень поворачивается и едет неторопливым шагом.

Сержант медленно поднимает револьвер.

Парень шепчет: «Раз, два, три, четыре...»

Выстрел — одновременно парень молниеносно пригибается, соскальзывая вбок седла, и выстрелом выбивает револьвер у сержанта.

— Это дьявол, а не человек, — суеверно шепчет сержант.

— Слезай. Раздевайся.

— Не убивай меня, — сержант стаскивает брюки.

— Дарю тебе лычку за рану в бою, — выстрел, сержант хватается за оцарапанный зад. — Коня я пока прихватчу для смены, чтоб быстрее уйти и не причинять вам больше несчастий, сержант.

Взвод ждет — вдруг у капрала сигара падает изо рта: показывается сержант, в белье и кепи, хромяя и держась за зад.

— Молча-ать! — орет сержант, хотя взвод остолбенело молчит.

Малиновый диск закатного солнца, дорога и одинокий силуэт всадника, устало движущийся нам навстречу.

Дорога спускается в китобойный поселок на морском берегу. Молодая женщина с ребенком за руку: это уже не та юная девушка, какая была в начале...

Наш парень едет навстречу, она смотрит вначале не узнавая, бледнеет и подносит руки ко рту.

— Здравствуй, — тихо говорит он.

— Ты...

— Я немного задержался в пути...

— Ты... — Еще не веря, она мотает головой.

На ее пальце обручальное кольцо. Парень молча показывает на него взглядом. Она опускает глаза и кивает...

— Он?..

— Он...

— Ты поступила правильно...

— Я столько ждала тебя... Так ждала!.. Я выплакала по тебе все слезы, никогда больше я не смогу заплакать. Я думала, что ты умер, иначе бы ты вернулся ко мне, потому что... потому что... мне было некуда деться!.. — она молит в отчаянии.

Он молча показывает глазами на мальчика.

Она кивает, шепчет:

— Он был согласен простить все... — Прижимает к себе сына. — Теперь уже ничего нельзя поправить...

— А если я...

— Нет. Поздно. Теперь все так, как есть. — Она справляется с дыханием, поднимает глаза, смотрит на его шикарный экзотический наряд. — Ты, наверное, разбогател за эти годы там, на Западе?

— Разбогател...

— Я рада за тебя. Теперь ты можешь жениться на ком угодно. Я рада, что ты вернулся. Что я смогу тебя иногда видеть. Хотя для меня было бы легче, если бы ты уже не возвращался никогда.

— Я завтра уеду. Прощай. — Трогает коня.

— Прощай, — шепчет она ему вслед непослушными губами. И мальчик, прижавшись к ней, исподлобья следит за удаляющимся всадником.

— Мама, кто это?

— Просто прохожий, сынок.

- А про что ты с ним говорила?
- Уже ни про что. Просто так... Просто так...
- А почему ты плачешь?
- Я не плачу. Это просто ветер...

Парень привязывает коня у таверны, входит. Спрашивает у хозяина выпить, берет из его рук бутылку, наливает полную кружку и засаживает залпом.

Один из стариков за столом в углу:

— Где-то я этого парня уже видел...

В доме кузнеца: тот кричит жене:

— Ну что, счастлива, что вернулся твой бродяга!

— Я не хочу больше о нем слышать, — говорит она очень тихо... — Прошу тебя...

— Не-ет, я все чувствую!

— Я верная жена тебе. Чего ты еще хочешь?..

— Жена? Жена? Ты ни одного дня не переставала любить его! Блудница!

— Я отдала тебе все, что могла. Ни одна женщина не может дать больше, чем у нее есть.

Он в ярости не находит слов, ударяет ее и уходит, хлопая дверью.

В таверне в дым пьяный парень хвастается своими подвигами. Выстрелами гасит свечи. Приносит пачку денег и лассо (конь по-прежнему привязан у входа), лассо сдергивает со стойки бутылки и ставит всем выпивку. В другом конце коптит свеча — кидает нож, срезая конец фитиля, — тот падает и догорает рядом со свечой. Восторженный гул, бьют в ладоши, пьяное веселье.

Из угла мрачными горящими глазами, как когда-то давно, следит угрюмый кузнец. И видно, что он — опять — дико, смертно завидует. Хозяин ставит ему кружку (парень всех поит) — он зло отодвигает: «Я заплачу за себя сам».

Парень видит его, подходит, качаясь:

— А, вот и ты... Хочу выпить с тобой... я завтра уеду... ну, выпей со мной... ведь ты получил все, что хотел...

Кузнец в ярости вскакивает. Страшно бьет его в лицо.

И тот впервые — на полу. Лежа, с разбитым лицом:

— Ты победил...

В спальне кузнец: он в бешенстве:

— Что думаешь, я ничего не понимаю, дурак!

Жена:

— Да.

— Почему?! — вопит он глупо.

— Потому что ты не должен был жениться на мне.

— Ах, не должен?! Не должен?!

— Ты знаешь, почему я за тебя вышла...

— Потому что твой убудок обрюхатил тебя и бросил! — орет он.

— Не смей говорить о нем! Он лучше тебя в тысячу раз! Он добрый, и веселый, и все его всегда любили, а ты, ты...

— А я дурак, да! да! И дурак, что связался с тобой! И теперь этот подлец купается в деньгах, а я надел себе ярмо на шею и кормлю его шлюху и его убудка!..

— Лучше бы я умерла... — тихо говорит она.

— Вот и подохни! А я больше не буду дураком! Я тоже хочу быть умным и купаться в деньгах! — хлопает дверью, выскакивая.

Утро: пошатываясь, парень выходит из задней комнаты в таверну. Хозяин наливает на опохмелку. Он хлопает его по плечу и выходит. С крыльца оборачивается через открытую дверь:

— Где моя лошадь?

— Кузнец с вечера поставил ее у себя.

Он возвращается, садится:

— Пошли за ней кого-нибудь. И налей еще.

Вскоре прибегает мальчишка:

— Кузнеца нет дома!

— А в кузнице? — спрашивает хозяин.

— Там его тоже нет!

— Посмотри везде получше, — велит хозяин.

Парень безучастно ждет и пьет.

Уже толпа пацанов, теснясь и восторженно оглядывая его:

— Его нигде нет, сэр! И вашей лошади тоже!

— И на пристани!

— И в огородах!

— И в роше тоже!
— И на кладбище!
— Даже на кладбище? — философски удивляется парень.

— Не мог же он сбежать с твоим конем, — тревожно говорит хозяин. — Послушай! — а все твои деньги?..

Парень роется по всем карманам — пусто:

— Ты запишешь мне бутылку в долг?

Залпом пьет, мрачно смотрит перед собой — и вдруг хохочет. Хозяин испуганно наблюдает и крестится.

Пьет пиво пожилой моряк.

— Когда отходит шхуна? — спрашивает парень.

— Завтра с первым ветром.

— Тебе еще нужен хороший гарпунер?

— Нужен, если он не разучился метать гарпун, — невозмутимо говорит моряк.

— Тогда поставь-ка мне рюмку, — говорит парень.

Моряк садится рядом, хохоча хлопает его по спине и орет:

— Я же говорил, что его все равно потянет обратно!

Парень задумчиво идет вдоль прибоя. На берегу сын кидает в волны камешки:

— Мама! А вот опять тот просто прохожий! — подбегает к нему.

— Настоящий? — трогает пальцем его револьвер.

— Настоящий....

— А ты умеешь стрелять?

Подходит женщина. Молчит.

— Говорят, он ограбил тебя... сбежал с твоими деньгами.

— Нет, — говорит парень, странно улыбаясь. — Нет. Не было ничего. — Молчание. — Если это еще имеет для тебя значение, то я не уеду сегодня.

Сын тербит его кобуру:

— Научи меня стрелять!

Парень расстегивает патронташ с кобурой и закидывает его далеко в воду:

— Я лучше научу тебя метать гарпун, — он поднимает сына на руки, гладит по голове. Надевает ему свою ковбойскую шляпу и отпускает бегать.

Женщина смотрит ему в глаза. Он обнимает ее, она сопротивляется, но вот сплетает руки вокруг его шеи. Ветер раздувает их волосы, и грохочут пенные валы прибоя.

Две головы на подушке в сером свете рассвета:

— Теперь я могу ждать еще годы, ждать всю жизнь, ты вернулся, и будешь возвращаться всегда, и я буду ждать тебя, что бы ни случилось... — захлебывающийся шепот и слезы.

— Днем ближе к разлуке — днем ближе к ночной встрече, — говорит он.

Солнце, море, пристань, уходящая шхуна, толпа. Женщина с сыном за руку, и парень у борта на баке — где и стоял вначале...

— Я буду ждать тебя, слышишь!.. Я буду ждать тебя-а-а!..

Мальчуган машет ручонкой.

Паруса поднимаются и наполняются ветром, полосу воды между бортом и причалом ширится. Среди моряков у борта стоит парень и с грустью и улыбкой смотрит на удаляющийся причал, где в толпе машет ему платком она и кричит:

— Я дождусь тебя обязательно, возвращайся скорее, слышишь!..

И белые паруса тают в голубой дали моря и неба.

А?

— М-да... Бред сивой кобылы в лунную ночь. Это что, пародия?

— А ты что, сам не можешь различить?

— Нет.

— Тогда какая тебе разница? Отчасти и пародия. Главное — чтоб было интересно, захватывало. Ну скажи — ты что, не пошел бы на такое кино?

— Пошел. Отдохнуть, мозги проветрить. Но ведь, понимаешь, здесь искусством и не пахнет. Детская игра какая-то, несерьезная забава. Все это было, все старо, вторично, безумно банально.

— В жизни все банально. На такое кино валом повалят!

— А вот что вынесет зритель из такой твоей карусели-то?

— Удовольствие! Эмоциональный заряд! Волю к жизни! Отдохнет два часа от своей конторы или конвейера. Плохо, что ли?

— Эскейпизм проповедуешь?

— А сажать цветочки — не эскейпизм? А вязать, смотреть футбол или пить водку — лучше, что ли?

— А тебе не кажется, что твой фильм, между прочим, воспитывает эдакую легковесность в людях, жестокость, и вообще проповедует насилие?

— Вот уж ярлык! Почитай лучше народные сказки — там отрубленные головы горохом летят! Смелость он воспитывает, веру в свои силы и в удачу, — или тебе хлюпки нравятся?

— Но ведь он по сути абсолютно пуст!

— Протестую. Это вечные чувства в общедоступной, условной форме. Ничего зазорного. А что на отвлеченном, облегченном материале — так зрителя это больше развлечет, развеет, порадует.

— Зрителя надо воспитывать, развивать, заботиться об его вкусе, а не потакать примитивным наклонностям!

— Вот пусть это и служит первой ступенью в развитии и воспитании. Не с Феллини же начинать человеку. Начинают с букваря, с раскрашенных картинок, приключенческих книжек, — они тоже нужны.

— Так придумай хоть что-нибудь оригинальное!

— Да зрителю-то какая разница!! Людям надо, чтоб интересно и здорово! а на остальное плевать. Что, плохо накручено?

— Накручено... Все равно это никто не поставит.

— Поставит. Не все же такие лопухи — проходить мимо лежащего куска теплого хлеба. С маслом.

МОСКВА БЬЕТ С НОСКА

русский роман в форс-мажоре

Вообще-то это был очень длинный роман. Автор тихо сидел в тихой Эстонии и тихо писал тихим летом 93-го года.

И тут в сентябре Москва засуетилась: обнесли парламент колючкой, отключили свет и воду, загрузили в танки боеукладки. Жизнь обогнала мечту, как говорится.

Засуетился и автор: идею украли из-под носа! Роман был в бешеном темпе очищен от лирики и меликлюндий, сокращен, завершен и загнан прямо по факсу в «Независимую газету», которая прямо с факса отправляла текст в набор — в номер! В качестве политического прогноза на завтра.

Но цензура не любит нострадамусов. Цензура вздрыгнулась в последнем пароксизме деятельности — и московские газеты вышли с белыми полосами.

И лишь после расстрела Белого Дома «НГ» постфактум напечатала выжимку сего текста — один разворот.

Жизнь, однако, продолжает кипеть и булькать непредсказуемо.

Не стреляйте в писателя — булькает и он, как может.

Будем надеяться, что когда эта книга попадет к Вам в руки — все нижеизложенное останется неправдой. А если нет — ну, тогда я не знаю.

1. Операция «ГЮРЗА»

Ельцин был застрелен в своем кабинете в десять часов тридцать две минуты утра.

Капитан группы «Альфа», в дорогом двубортном костюме с крокодиловым «дипломатом» в левой руке и револьвером с глушителем — в правой, приблизился к президентскому столу и произвел второй, контрольный, выстрел в голову.

Это был тридцативосьмикалиберный кольт-«коммандо», и от удара пули раздробленная голова откинулась на спинку кресла. Капитан невольно поймал себя на мысли, что впервые видит густую седину модельной стрижки президента растрепанной.

Он убрал оружие под пиджак, прощупал отсутствие пульса на сонной артерии и зафиксировал время для рапорта. Щелкнув замками «дипломата», достал радиотелефон и произнес одну фразу:

— Восьмой приказал звонить.

* * *

В десять часов тридцать четыре минуты охранник из подъезда бывшего политбюровского дома позвонил в бывшую брежневскую квартиру и сказал жене Хасбулатова, что второй помощник секретаря поднимется за зеленой папкой, которую Руслан Имранович забыл на своем столе.

В десять тридцать пять группа мужчин вошла в открывшуюся на звонок дверь хасбулатовской квартиры. В десять тридцать семь жена Хасбулатова, его дочь, сестра и двоюродный брат со своим сыном были выведены из подъезда, посажены в два черных «Мерседеса» с парламентскими номерами и увезены в неизвестном направлении.

В десять тридцать восемь перед Хасбулатовым, председательствующим на утреннем заседании парламента, положили записку. Хасбулатов побледнел зеленоватой неживой бледностью, черты его лица заострились и выступили. Заседание было прервано.

Через десять минут парламент принял экстренное решение о срочном внеочередном созыве съезда Советов России.

* * *

«Скорая», вызванная к знаменитому адвокату и члену Комиссии по коррупции Андрею Макарову, зафиксировала наступление смерти вследствие острой сердечной недостаточности и отека легких.

* * *

— Дмитрий Васильевич, сейчас или никогда. Решайся. Твои ребята могут склонить чашу весов. Святой час наступил, святой час!

Васильев потер рукой лысину, колыхнув тяжелым животом под черной майкой с колоколом. Охрана, кинув руки за спину и раздвинув ступни на ширину двух ружейных прикладов, не сводила глаз с гостя.

— Собственно, мне вовсе не все подчиняются...

— Тебя все знают. Верить больше некому. Американско-сионистский капитал проник повсюду, все куплены, все воруют. Русские дети мрут без лекарств, а еврейские банкиры строят виллы в Москве. Чего ты ждешь? Что ребята устанут верить в идеалы и пойдут торговать американскими сигаретами?

— Мы не хотим крови.

— Никто не хочет. А сколько ее льется сейчас? Я повторяю: охрана предупреждена и сражаться не будет.

В десять пятьдесят четыре автобуса остановились перед Российской товарно-сырьевой биржей. Две сотни крепких ребят в черных гимнастерках, перепоясанных офицерскими ремнями с портупьями, гремя сапогами, всеокрушающей лавиной ринулись внутрь, сокрушая все со звоном и грохотом.

«Ордер на арест

Гр. Чубайс Игорь Борисович, 1954 г. р.

прож.: г. Москва, Кропоткинская наб., 7, кв. 40

председ. Госкомимущества РФ

предъявл. обвинен. ст. №№ 64, 87, 92, 94, 95/1, (хищен. в ос. крупн. разм., взят. в ос. кр. разм., нанес. ущерб. в ос. кр. разм., созд. преступ. орг. с целью хищ.) УК РФ.

Генеральный прокурор Российской Федерации
В. Степанков.

(подпись)».

— Эту передачу полуденного выпуска телевизионных новостей я открываю страшным, трагическим сообщением, в которое отказывается верить разум.

Час назад, в одиннадцать часов две минуты по московскому времени, взрыв огромной мощности прогремел в городе Казани. По предварительной оценке специалистов, мощность взрыва эквивалентна десяти тысячам тонн тринитротолуола. Весь центр города практически перестал существовать. Город охвачен пожарами. Количество жертв и разрушений уточняется.

Причина катастрофы пока неясна, но некоторые признаки указывают на ядерный характер взрыва. Средствами ПВО нарушителей воздушного пространства зафиксировано не было.

2. Переворот — это наука

Наука о совершении государственных переворотов называется кудетологией.

Господа курсанты, прошу всех держать руки на столах. Вести какие бы то ни было записи запрещено.

Во вводной лекции мы рассмотрим основные моменты подготовки и совершения переворота на материале страны, все условия которой вам наиболее хорошо известны, — России.

Первый этап — аналитический. Здесь главное — достоверная информация. Какие группы населения недовольны существующим положением? На кого можно опираться? Что следует обещать людям? Разрабатываются лозунги и призывы. А недовольны все, кроме бизнесменов, преступников и творческой интеллигенции, получивших свободу богатеть, грабить и кричать.

Внизу следует опираться на обнищавшие массы, вверху — на людей, потерявших власть. Пообещайте им власть — и они станут верными союзниками. Это — генералитет, директорат и номенклатура, не сумевшая перестроиться в коммерческие структуры.

Второй этап — подготовительный. Мнение населения подготавливается путем распространения соответствующих слухов. Наука об изготовлении и распространении слухов называется руматология, этот курс будет читаться через месяц. Слух должен быть прост для понимания и отвечать желанию масс. Исходные места — очереди, общественный транспорт; большой технической подготовки требует использование средств массовой информации.

На этом этапе собирается и используется компромат на лидеров, которых необходимо устранить.

Одновременно составляются и тщательно выверяются по времени рабочие планы переворота — с двойным и тройным дублированием всех ответственных моментов.

Третий этап — собственно переворот. Одновременно берутся под контроль аэропорты, вокзалы, радио, телевидение, а также электрораспределительные подстанции, позволяющие обесточить нужные объекты. Далее — телефонные подстанции и радиостанции глушения, позволяющие блокировать радиотелефонную связь противника.

Изоляция всех лидеров и намеченных правительственных структур производится строго одновременно в самые первые минуты с началом действий.

Привлеченные к содействию армейские части действуют по четким планам, включающим точные расписания маршрутов с детальным расписанием времени.

Сразу после изоляции намеченных лидеров новые лидеры выступают с готовыми обращениями.

На этом этапе необходимо предусмотреть события, служащие поводом к введению чрезвычайного положения: массовых беспорядков, погромов, террористических актов. К их проведению привлекаются люмпенизированные элементы и экстремистские организации, создание и деятельность которых находятся под контролем специально с этой целью.

И четвертый этап, господа, самый важный, — потому что без него предшествующее ничего не стоит. Время, как вы знаете, собирать камни, и время их разбрасывать. Почему большинство удачно проведенных переворотов вскоре выливалось в смуту и затяжную гражданскую войну? Потому что в перевороте обычно соучаствуют очень разные люди, которым по пути было лишь на этом коротком отрезке пути. Следовательно, сразу по завершении третьего этапа лидер и его команда должны немедленно приступить к плановой изоляции всех сподвижников, которые отныне будут только мешать! И делать это следует раньше, чем разногласия успеют выявиться...

* * *

«...Россия безусловно не в состоянии нести бремя бесплатного снабжения остальных государств СНГ энергоносителями. Поставки нефти и газа Украине прекращены вплоть до полного погашения Украиной задолженности в сумме 500 миллиардов рублей...

Премьер-министр РФ В. Черномырдин».

«...Взрыв газопровода есть акт неприкрытой агрессии со стороны экстремистски настроенных националистических групп, направленный против России и провоцирующий ухудшение отношений между братскими государствами. Верная своему интернациональному долгу, Россия согласилась помочь законному правительству Украины в сохранении порядка и мира между нашими странами.

...Приказываю: 7-й и 9-й воздушно-десантным дивизиям принять под свою охрану территорию вдоль всей трассы газопровода в ее части, проходящей по Украине...

Министр обороны РФ П. Грачев».

«...отменить отпуска и увольнения. С 00.00 часов объявляю по всем судам, экипажам, батареям и эскадрильям вверенного мне флота полную боевую готовность.

Командующий Черноморским флотом
вице-адмирал К. Чернавин».

Бронетехника с лязгом втягивалась в московские улицы, блокируя площади и перекрестки; на броне в пятнистом камуфляже алели лозунги: «МИР — РАВЕНСТВО — ЕДИНСТВО». Снайперы и пулеметчики заняли позиции на высотных зданиях. С крыши Исторического музея и меж зубцов кремлевских башен отблескивали оптические прицелы.

В двенадцать сорок Александр Руцкой, вызванный по радиотелефону прямо с выступления перед шахтерами Воркуты, прилетел в Домодедово. В час сорок пять чрезвычайным заседанием Верховного Совета он был введен в должность президента и принес присягу.

Толпы валили по мостовым, разбиваясь о сверкающие линии фебирглассовых щитов ОМОНа.

Руцкой чапаевским жестом поправил усы и подтянул узел галстука. Президентская охрана, проходя через людей, как утюг сквозь масло, сопровождала его к выходу из здания.

Рота приземистых, в фасетчатой противоккумулятивной броне Т-80, паслась вдоль фасада. Граждане — в основном домохозяйки, нищие и ребята в кожаных куртках — выжидающе стояли за оцеплением.

Руцкого подсадили на танк. Держа в руке напечатанную речь, он другой рукой надел очки. Посмотрел сквозь очки на народ, отшвырнул запорхавшие листки и, сорвав очки, глуховатым напряженным голосом бросил:

— Вот мы с вами и дошли до края!

Предупреждали умные люди, что к этому все неизбежно придет? Предупреждали.

Слушали их те, кому мы доверили власть над собой? Не слушали.

До каких пор руководители государства будут выступать с танков и броневиков? Кому это нужно? Думаю, что не вам. И не мне. Я этой техники в своей жизни нанюхался достаточно. Там, куда меня отправили воевать те самые, кто сейчас довел нас всех до гибели. Во где у меня их власть, — провел рукой по горлу.

— Что произошло? А очень просто. Объявили, что социализм был всеобщей ограблкой, — и выдвинули старый лозунг: «Грабь награбленное!». И стали грабить — те же начальники, у них все было под своей рукой, и еще все самые жадные, самые хищные и самые бессовестные. Результат — ваше нищенство.

Объявили, что СССР был тюрьмой народов, — и провозгласили еще один «свежий» лозунг: «Спасайся, кто как может! Пусть каждый отвечает за себя сам!». И на смену тюремному порядку пришло сведение счетов и резня на развалинах тюрьмы. Результат — миллионы бездомных беженцев, десятки тысяч погибших людей, еще недавно живших в мире друг с другом.

Объявили, что не нужен полицейский режим, прописка, КГБ, воинская повинность — и теперь страшно ночью выйти на улицу, в центрах городов гремят взрывы и выстрелы, а самые умные и талантливые бегут за границу, молодые и энергичные бегут за границу, специалисты и изобретатели бегут за границу.

Мы хотели свободы, равенства и справедливости.

Мы получили нищету, преступность, непрекращающиеся войны, всеобщую продажность властей и повальное бегство в другие страны.

Русская культура заменяется американскими комиксами и мыльными операми. Раньше на красном полотнище были нарисованы серп и молот, а теперь — «Кокка-кола».

Мы получили анархию. А анархия — это свободы для волков: драть с овец сколько угодно шкур.

Так вот: сдирать шкуру с себя я никому не позволю. И другим не советую.

Зачем нужно государство? Чтобы обеспечить каждому — самому слабому, больному, обиженному судьбой — право жить безбоязненно. Право есть досыта. Право лечиться, а не подыхать под забором. Право работать по специальности, а не торговать заграничными сигаретами на панели. Право быть хозяевами в своей стране — а не унижаться всеми, от кавказских спекулянтов до американских миллионеров.

Вот для чего нужно единое и сильное государство — с умными и справедливыми законами. Чтобы никто не смел рвать его на части, изгоняя людей и проливая кровь ради собственных амбиций. Чтобы никто не смел строить за границей дворцы на украденные у нищего народа миллиарды.

И у нас будет такое государство!

А кто против — может пристрелить меня здесь и сейчас. Я не боюсь — в меня много в жизни уже стреляли. А присягаю я вам, народу России — а не парламенту или конституции, которую переписывают все, кому не лень.

Толпа уже редела, и рев перешел в скандирование:
— Руц-кой! Руц-кой! Руц-кой!

За этим ревом в махании трехцветных флагов не слышны звон и хруст разбиваемых витрин и киосков: погромы шли по всему городу.

4. Что творят слуги народа в отсутствие хозяина

Депутату Ионе Андронову врезали по морде прямо перед микрофоном. С этого началось вечернее заседание.

Микрофон многократно усилил в зал хрусткий чмок плюхи. Депутат от Новосибирской области Сидельников, прославившийся своей подзорной трубой, в которую он наблюдал парламентские драки, стремясь не упустить подробностей, немедленно направил на место происшествия этот оптический инструмент.

— М-да, — миролюбиво прокомментировал из президиума Хасбулатов, — это, понимаете, депутату Андронову не на Америку клеветать безнаказанно.

Оскорбленный Андронов мгновенно продемонстрировал, что в оклеветанной им Америке чему-то сумел научиться, и ответил драчливому депутату от Ямало-Ненецкого округа точным апперкотом, свалившим того на депутата-актера, любимого всеми и безвредного Олега Басилашвили.

— Господа депутаты... Актеров, вообще людей творческой интеллигенции мы должны беречь, — урезонил Хасбулатов.

Зал засмеялся. Упавший под грузом ямало-ненца Басиладзвили, нервный и обидчивый, как все актеры, усмотрел в этом личное оскорбление, скакнул к микрофону и заорал в бешенстве:

— Поберегите лучше свою брежневскую квартиру, Руслан Исфаганович! Родина в опасности! А вы все бубните свои школьные шуточки, как второгодник!

— Отключите третий микрофон, — отреагировал Хасбулатов.

— Я тебе сейчас отключу, — сказал Андронов, сплевывая на ковровую дорожку половину зуба.

И оказался прав, потому что команда технического обеспечения имела приказ микрофоны не отключать ни при каких обстоятельствах.

— У вас, Иона Александрович, — злобно ответил Хасбулатов, — один сын учится в Гарвардском университете, а другой — в Оксфорде. Интересно — на какую такую депутатскую зарплату? Так что — не надо, понимаете, не надо... Чья бы корова, как говорится, мычала.

— А чья подпись на фальшивой авизо чеченского банка? — загремел Андронов.

— Чья? Интересно. Доложите.

— Вашего зятя, вот чья!

— Мой зять не чечен.

— А хоть китаец! Подписываться умеет! За два миллиарда рублей любой дурак подпишется!

— Я прошу оградить меня...

— Я б тебя хорошей решеткой оградил, — прогудел депутат Михаил Ульянов с вьезшимися в натуру интонациями своего любимого киногероя — маршала Жукова.

— Кто жил с ассистенткой своей кафедры?! — надрывался Андронов.

— Ассистент, — пожал плечами Хасбулатов.

Генерал-лейтенант авиации Ведерников схватил микрофон за стойку, как ручку бомбосбрасывателя:

— Армия! — ревел он, как турбина на форсаже, — развалили армию! Кто — я спрашиваю парламент: кто?! — кто раскрал армию!!!

— Воры. Успокойтесь, генерал: воры и раскрали.

— Не раскрасили, а разворовали, — простонал в отчаяньи филолог, академик Лихачев. — Боже, кто вокруг сидит...

Вокруг уже никто не сидел: стояли, подпрыгивали, отпихивали друг друга, оттаскивали за галстуки.

— Мы должны очистить свои ряды от коррупции!

— Сначала очисти от своей любовницы дачу Косыгина!

— Ах, на «жигулях» ты едешь? А чей брат — президент концерна «Московская недвижимость»? Да ты уже пол-Москвы украл!

— Почему Лужков такой жирный? Мэр столицы не смеет быть жирным, когда в стране нечего жрать!

— У меня диабет!

— Так не жри шоколад!

— Господа! господа! в то время, как в Таджикистане льется русская кровь...

— Волнует его кровь: ему таджики подарили «мерседес»!

— Да? Да? А кому «Инкомбанк» подарил виллу в Сан-Диего за семьсот тысяч долларов? Чего «нет», когда твоя семья там уже полгода живет!

— Уберите телевидение! — надрылся Хасбулатов. — Телевидению немедленно покинуть зал заседаний! Я прекращаю...

Но телевизионщики работали под охраной, также имевшей приказ обеспечить прямую трансляцию при любых обстоятельствах.

* * *

Антипарламентские демонстрации, возмущенные увиденным и услышанным в такое ответственное для страны время, прошли в крупных городах в тот же день.

Парламент выполнил свою роль: привел к присяге законного президента. Более он был не нужен.

Требования об аресте или минимум разгоне парламента Руцкой, верный конституции, решительно отклонил.

Хасбулатову оставалось только подписать решение о самороспуске и досрочных перевыборах.

5. Вам привет от Железного Феликса

Голые девицы, прикрывая руками загорелые груди и подстриженные по моде путан «гребешком» лобки, стояли в очередь у подъезда пятизвездочного отеля «Националь».

Очередь с двух сторон оцепили сумрачные ребята в черном.

— Так. Следующая!

Переднюю в очереди слегка подпихнули сапогом под круглый зад, так, что полукружие смазного сапога отпечаталось на пухлой ягодице.

Деловитый блондин в португее окунул кисть в ведро с дегтем, которое держал его напарник, и начал красить проститутку в черный цвет ровными движениями сверху вниз, как красят забор.

— Повернись!.. Теперь туда.

Еще один поднял над ее головой распоротую наволочку и потряс, стараясь, чтоб все перья прилипли к свежеекрашенной фигуре.

— Садись!

В тачке ее довели, под улюлюканье собравшихся зрителей, до спуска в подземный переход и вывалили на лестницу.

Мастера уже трудились над следующей.

— А вот так! Хватит России задирать ноги под иностранцами!

— А слышали? Директора «Менатела» так повесили. Прямо на люстре в его кабинете. Хватит, говорят, родной торговать. Они все деньги в Америку переводили.

— И правильно сделали! Банкир — это кто? ростовщик, он деньги под проценты ссужает. А ростовщики все кто? евреи. А в Америке все банки чьи? их. Вот то-то!

— Болтается под люстрой, язык на плечо, а на груди приговор приколот — чтоб все знали, за что.

— Теперь порядок быстро наведем. На госбезопасность генерал Стерлигов посажен — наш человек.

Миновав очередь, у тротуара остановился «москвичок»-пикап, сопровождаемый бэтээром. Из «москви-

ча» вылезли двое в спецовках, первый мазнул по стеклу витрины клеевой кистью, второй налепил бумажку:

«Приказ

В целях немедленного пресечения бесчинств и преступных действий, производимых уголовными элементами, наводнившими страну и уже повлекшими за собою варварское уничтожение государственного и личного имущества, сопровождаемое грабежами, убийствами мирных граждан и подстрекательствами к противоправным действиям, данной мне властью приказываю:

1. В Москве, Санкт-Петербурге и всех столицах федеративных образований ввести чрезвычайное положение с 21.00 часа сего дня с установлением комендантского часа с 22.00 до 5.30.

2. Застигнутые на месте преступления армейскими патрулями и прочими представителями власти подлежат изоляции. В случае любого неповиновения оружие будет применяться без предупреждения.

Министр безопасности РФ А. Стерлигов».

Из бэтэера вылез безоружный лейтенант спецназа и, заведя руки за спину, негромко скомандовал:

— Разойдись.

— Чего-о? — обернулся ближний чернорубашечник. — Давай, езжай отсюда! тебя не касается.

— Отказ подчиниться, — спокойно констатировал лейтенант. — Отделение — ко мне!

Башенный пулемет, задрав ствол, прогрохотал короткой очередью. Дюжина солдат высыпала на тротуар, выставив короткие десантные автоматы.

— Вы чего, ребята? — чернорубашечники оскалились.

— По погромщикам, врагам Родины — огонь!

Автоматы затряслись с отрывистым стуком.

— Стой! суки... за что?! своих... а-а-а!

Через минуту бэтээр, пригнувшись к тротуару пулеметным стволом, продолжил свое движение. Разбросанные в разных позах трупы остались под разбитыми

окнами «Националя»; алые пятна цвели на черном сукне униформы.

В штаб-квартирах «Памяти», «Отечества» и «Союза русского народа» забаррикадировались и приготовились отражать штурм насмерть, но были расстреляны и сожжены сквозь двери и окна из противотанковых гранатометов.

Вечером генерал Стерлигов выступил по телевидению. Его страшноватое аскетичное лицо маньяка горело праведным благородством.

— Народ требует: не давать пощады убийцам, насильникам, грабителям! Довольно крови невинных жертв! Довольно разгула погромщиков и рэкетиров! Каждого, кто посмеет поднять руку на простого человека, постигнет немедленная кара.

Автоматная стрельба на улицах не прекращалась. Теперь акции проводились по спискам и адресам.

Возвращаясь из телецентра в министерство, лимузин Стерлигова лоб в лоб столкнулся с грузовиком, и еще полчаса пожарные не могли погасить бешено полыхающие обломки.

6. Оружие и деньги

Союз российских офицеров овацией приветствовал Закон об армии: право на отставку в любой момент, с сохранением пенсии за выслугу; основной оклад не менее двух средних по стране, не считая надбавок за звание, должность, отдаленность и боевые дежурства; получение жилья не более чем в месячный срок; пожизненная пенсия семьям погибших в размере полного жалования; бесплатное обучение детей во всех государственных учебных заведениях; пожизненное сохранение всех льгот генералитету; контрактная профессионализация всего личного состава.

— Армия существует для того, чтобы охранять страну, — кратко прорычал генерал Лебедь, вступая в командование сухопутными силами. — И она сохранит страну от дальнейшего развала и уничтожения, я вам обещаю.

Деньги, деньги, деньги?! Министерство финансов впало в прострацию: все кредитные линии заморозились мгновенно. В разоренной тишине федоровской приемной загудел факс: президентским указом все банковские средства страны передавались Центробанку.

— Только жесточайшая государственная монополия спасет нас от краха и поглощения Западом, — прочитал журналистам заготовленный текст Виктор Герашенко.

Владельцев выросших под Москвой вилл брали в конторах и аэропортах. «В этот трагический для Родины час, когда каждый отдает все, что может...» Стараясь не коситься на обнаженные стволы, бизнесмены подписывали передачу недвижимости и всех активов государству, с надеждой прикидывая остаток на зарубежных счетах. После чего их свозили на Лубянку, где и вытряхивали номера этих счетов с безостановочностью картофелеочистного конвейера.

На Манежной собрался митинг солидарности с экспроприаторами, который был без шума разогнан по приказу префектуры: «Поддержка красных флагов нам не нужна, это компрометирует власть...»

А радио «Эхо Москвы» на знакомой частоте, но голосом незнакомого диктора безостановочно выстреливало триста новостей в минуту:

«Президент Украины Леонид Кравчук вотировал единогласное решение парламента о полном воссоединении Украины с Россией. Братские народы двух стран единодушно поддерживают это решение.

Все страны Содружества подписали соглашение о снятии всех таможенных и пограничных барьеров на едином экономическом пространстве.

С чувством глубокого удовлетворения встретили народы Центральной Азии указ о переводе всех вооруженных сил Содружества под юрисдикцию Москвы. Это положит конец национальной розни, сказала знатный хлопкороб Амангельды Тулиева.

По требованию трудящихся в Тамбовской области прекращена демонстрация западных кинофильмов, пропагандирующих упадок нравов и насилие. Мы не позволим расстлять наших детей, заявили матери Тамбовщины».

— Начальнику аптечного управления. В десяти аптеках центральных районов Москвы завтра начать бесплатную выдачу лекарств пенсионерам и малоимущим. Осветить по телевидению.

— Директору хлеботорга. Все коммерческие булочные с завтрашнего утра — твои. Продавать по фиксированным ценам, не выше пятидесяти.

— Жилуправлениям. Организовать раздачу одежды из экспроприированных запасов криминальных торговых структур.

«Строго секретно

В Министерство безопасности РФ

В кратчайшие сроки создать службу внешней экономической разведки, в которую привлечь всех бывших сотрудников, как работающих ныне в аппарате, так и уволенных или работающих в других структурах 9-го Главного Управления КГБ СССР. Вновь созданному Главному Управлению действовать в тесном контакте с 1-м Главным Управлением (внешней разведкой), но независимо от него, в прямом и непосредственном подчинении Президенту РФ.

Все усилия сконцентрировать на выявлении средств бывшей КПСС, средств других структур бывшего СССР, средств нового бизнеса, находящихся в западных банках и в оборотах коммерческих структур Запада, с тем чтобы в кратчайшие сроки и любыми приемлемыми методами передать их под контроль государства.

Министр безопасности РФ
(В. Баранников)».

В своей квартире в Нижнем Новгороде сидел за столом, вцепившись в мятые кудри, Григорий Явлинский перед полупустой литровкой «Смирновской».

— Банды воров и идиотов... Банды воров и идиотов... Просто одна банда хитрее и решительнее другой.

Все прожрут!.. все провалят!.. и — строим, с песней, добровольно — за лагерной пайкой чернухи.

В ночной тишине загремел ночной звонок. Трое в штатском. Ага.

— А я вас жду, господа. Что ж, думаю, про меня-то забыли?..

— Скажите жене, чтобы не волновалась. Президент ждет вас лично. Самолет на аэродроме; переоденьтесь, пожалуйста. Что? кофе у нас есть, протрезвитесь, ничего.

7. Порядок против мафии

По пустынной ночной улице, цокая каблучками, шла девушка. Редкие фонари бросали уродливые тени на грязный тротуар.

Два силуэта возникли в темноте, заступая дорогу.

— Куда торопимся? — спросил первый, коренастый качок в кожаной куртке.

— Развлечемся немножко? — поинтересовался другой, высокий и светлый.

— О, сережки-то, похоже, золотые!

— Да никак с брильянтиками. Дай-ка поглядеть.

С глумливым спокойным удовольствием они смотрели, как девушка поднимает дрожащие руки к лицу.

— Да какие у тебя ножки! Мы их сейчас как следуем позадираем, правда, кисонька?

Неуловимым движением девушка выдернула из левого рукава плаща короткий пистолет, с гулким треском полыхнул ствол короткой вспышкой. Качок в куртке отлетел к стене и сполз в лужу.

— Э... ты что... — второй мгновение помедлил и бросился бежать.

Девушка утвердила пистолет в вытянутых руках, совместила мушку в прорези с серединой удаляющейся спины и плавно потянула спуск. Девятимиллиметровая пуля с мягким кончиком, разбив позвоночник, швырнула его на асфальт.

Девушка убрала пистолет в наручную кобуру и достала из-под плаща радиотелефон:

— Скоротечный огневой контакт, двое на месте. Аргуновская улица, в районе семидесятого дома. Нет, я в порядке. Продолжаю патрулирование.

Поправила прическу и скрылась в проходном дворе. До конца ночного дежурства было еще три с половиной часа.

* * *

Оба входа в казино были заблокированы автоматчиками ОМОНа. Группа проверки, в тонких титановых бронезилетах, с аварийными фонарями (на случай, если вырубят электричество, чтоб пробиваться на волю в темноте) — шагнула внутрь. Обезоруженная входная охрана уже кряхтела в фургоне.

— Все на месте! Руки за голову! К стене!!!

— Проверка документов. Подходить по одному.

В наступившей тишине еще трещал шарик в крутящемся колесе рулетки. Белели карты на зеленом сукне столов, где играли в «Блэк Джек». За пуленепробиваемым стеклом распялил рот кассир, обложенный зелеными пачками.

— Этого — в фургон. Следующий. В фургон. В фургон.

— Товарищ капитан, иностранец.

— Давай. Так... американец, значит. Катя, переведи: здесь торговали наркотиками, казино закрыто. Сколько он проиграл? Вот так — скажи ему, что здесь работали шулера. Пусть идет на хрен отсюда и благодарит американского бога, что мы ребята вежливые и зря не стреляем. Бай-бай, янки дулды.

Цивильного вида человек рядом с капитаном внимательно оглядывал лица проверяемых.

— Ба-а, — протянул он. — Карасик — собственной персоной. А ты здесь чего — за своим наваром заехал или так, развлечься?

— Не понимаю, — с достоинством отвечал крепкий мужик с отяжелевшей фигурой отставного спортсмена, в роскошном итальянском костюме и сто-долларовом галстуке. — Все по закону, зашел отдохнуть.

— Вот и отдохнешь, — согласился оперативник. — Один из боссов нашего рэкета, шеф команды «Выдра», — пояснил он капитану. — Кто тут твои телохранители? — рявкнул капитан. — Конечно, у них разрешение на оружие, частное бюро, это нам знакомо. Ребята, этих троих — в гардероб.

— У вас есть ордер на задержание? — поинтересовался Карасик. — Документы в порядке, валюты и оружия не имею: в чем дело?

— Теслин, — коротко бросил капитан рослому сержанту. Рэкетира выволокли на лестницу, и сержант коротко рубанул его ребром ладони ниже затылка.

— Упал на лестнице, сломал шею, — доложил он, вернувшись.

— После дежурства напишешь докладную, — кивнул капитан.

* * *

Колонна рефрижераторов с мороженым мясом стояла за окружной кольцевой дорогой. Шофера мрачно курили кучкой. В белом «мерседесе» и потрепанных «жигулях» слушали музыку смуглые парни в «адидасах».

Спецназ вывалился из двух реквизированных накануне «бьюиков»:

— Почему стоим?

— Сансправок на ввоз не дают, — мрачно сказали из кучки.

— Сейчас дадут!

Из заднего «бьюика» выбрался бледный санврач с пачкой бланков. Спецназ рванул дверцы «мерседеса»:

— Оружие на землю! По одному! Ложись! Ты — ползком! — в кювет!

Коротко протрещали короткие автоматы.

— Колонне — проезжать. Хватит, кончились солонья-разбойники.

...Столкнувшись с жестоким государственным террором вне законов и ограничений, мафии таяли, как снежные хлопья...

— Встать! Суд идет.

Главный зал Конституционного суда был полон. Телеоператоры приникли к камерам. Замитали фото-вспышки. Трое в черных мантиях заняли свои кресла.

Генеральный обвинитель отпил воды и продолжил речь:

— ...Итак, признано, что КПСС была преступной организацией, безоговорочно повинной в:

а) совершении государственного переворота;

б) расхищении как государственного имущества, так и личного имущества граждан в беспрецедентно крупных размерах;

в) уничтожении свободы голоса, свободы совести, свободы печати, свободы передвижения;

г) массовых убийствах миллионов ни в чем не повинных граждан, в том числе стариков, женщин и детей;

д) применении пыток;

е) финансировании, организации и прямом участии в многочисленных террористических актах по всему миру.

Существование преступной организации грабителей и убийц и одновременно отсутствие личной вины кого-либо из ее руководителей — нонсенс, господа. Тот, кто отдавал преступные приказы, — преступник, не правда ли? Тот, кто исполнял преступные приказы, — также преступник. Тот, кто добровольно помогал преступникам материально, — соучастник преступления.

Непосредственных преступников и соучастников мы обязаны отграничить друг от друга. Одни платили КПСС добровольные взносы, и только. Их дела будут рассматриваться районными народными судами в процессе всеобщей департизации.

Те же, кто функционировал в номенклатуре КПСС, виновны уже в том, что принимали свою долю награбленного у народа и страны. Их дачи, машины, спецпайки, санатории и медицинское обслуживание — преступная добыча, награбленная организацией, активными членами которой они были, у нищего и бесправного

народа. Если мы не осудим их — следует отменить в Уголовном кодексе статьи за скупку и укрывание краденого.

Но если оставить без наказания тех, кто отдавал приказы и издавал законы, ведущие к уничтожению невинных людей, — то мы обязаны отменить в Уголовном кодексе и статьи, карающие за убийство.

* * *

— Подсудимый Горбачев, какую должность вы занимали в апреле 1986 года?

— Генеральный секретарь ЦК КПСС.

— Когда вы получили информацию о взрыве Чернобыльской АЭС?

— Примерно через сутки.

— Вы знали, что это угрожает жизни миллионов людей?

— Согласно рекомендациям специалистов, было принято решение об эвакуации из пораженной зоны.

— В мае в Киеве наблюдалась массовая паника, уходили переполненные поезда с детьми. Кто был наказан за проведение в зараженном Киеве первомайской демонстрации?

— Такие вопросы украинский ЦК решал самостоятельно.

— Видите ли вы в чем-либо свою вину в связи с сокрытием информации о катастрофе от населения пораженных территорий?

— Нет. По мере того, как ученые разбирались и давали нам свои рекомендации, мы принимали меры и оповещали население.

— Я представляю на рассмотрение суда Постановление Министерства здравоохранения СССР от 2 июля 1986 года за номером 227, с грифом «Секретно. Только для служебного ознакомления». Этим постановлением всем врачам было запрещено ставить диагноз «лучевая болезнь» и «радиационное поражение», ставя вместо него «ОРЗ» или «вегетососудистая дистония» и назначая соответствующее лечение. В результате этого преступного приказа тысячи людей уже погибли, десятки тысяч обречены на скорую и мучительную гибель. Понятно,

что минздрав не может дать такой приказ без указания свыше. Было ли вам известно об этом массовом убийстве? Кто понес наказание за это преступление?

* * *

— Подсудимый Язов. За время вашего пребывания в должности министра обороны СССР 19426 военно-служащих, почти все — рядовые срочной службы, погибли от рук своих сослуживцев, то есть убиты. В 19 101 случае следствия не велось, убийц даже не искали. Военные прокуратуры ссылались на устное указание свыше заминать такие дела.

* * *

«Сегодня в 4 часа утра в Лефортовской тюрьме был приведен в исполнение приговор 27 главным коммунистическим преступникам, проходившим по процессу над КПСС. Специальная медицинская комиссия констатировала наступление смерти вследствие асфиксии у всех приговоренных. Представители прессы и телевидения в помещение, где был приведен в исполнение приговор, допущены не были».

9. Панихида по вождю пролетариата

— Наши телекамеры установлены на Красной площади. Вы видите, как волнуется толпа за военным оцеплением. Кажется, сейчас ОМОНу придется применить свои дубинки... Нет, пока обошлось. В самом деле, не хотелось бы, чтобы беспорядки омрачили торжественную церемонию.

Внутри Мавзолея сейчас тело Ленина извлекают из саркофага, чтобы поместить в гроб. Ровно в полдень гроб должен быть вынесен из Мавзолея.

Вы слышите звон курантов. Стрелки часов на Спасской башне сошлись на двенадцати... Да! Вот распахиваются двери... и мы видим, как шесть рослых солдат в парадной форме выносят на своих плечах дубовый гроб, украшенный венками и лентами.

Смотрите! впервые за семьдесят лет часовые у дверей изменили своей знаменитой каменной неподвижности. Своими карабинами с примкнутыми штыками они берут «на караул», отдавая честь покойнику, покидающему свою обитель.

Гроб ставят на орудийный лафет за бронетранспортером. А от Спасских ворот тем временем подходит церемониальным шагом разводящий караула. Впервые он проделал этот путь один, без караульной смены... Вот он подходит к часовым, чтобы снять навсегда «Пост № 1».

Сводный оркестр войск Московского гарнизона играет «Реквием» Шопена, и под эти скорбные и величественные звуки бронетранспортер медленно трогается с места... Цветы! Вы видите, как из толпы летят под колеса лафета живые цветы. Да, у вождя Октябрьского переворота, главы первого советского правительства, осталось еще немало поклонников.

Бронетранспортер удаляется по живому коридору, сдерживаемому вооруженным оцеплением, а тем временем камера показывает, что у дверей Мавзолея караула больше нет! Караул, чеканя шаг, в последний раз демонстрирует свою всемирно знаменитую выправку. Сколько телекамер, сколько корреспондентов! — еще бы, мы присутствуем при историческом событии: почетный караул навсегда уходит от опустевшего Мавзолея!

Слышен рев тяжелых моторов. Это из-за Исторического музея уже выдвигается на Красную площадь колонна строительной техники. Впереди — мощный подъемный кран, за ним — тяжелые грузовики, бульдозеры, асфальтовые машины.

Вот колонна подходит к Мавзолею. Кран выпускает опорные плиты, выдвигает стрелу. Стропальщики вбегают на трибуну Мавзолея: они закрепляют тросы... И вот полированная гранитная плита поднимается в воздух! Медленно плывет она над Красной площадью и опускается в кузов самосвала...

С поразительной скоростью разбирается усыпальница. Так и хочется сказать: если б наши строители умели с такой же скоростью воздвигать жилье для населения! Уже на подходе новая техника, ковши с го-

рячим асфальтом вращаются: в течение нескольких часов место, где поколения привыкли видеть Мавзолей, должно быть заасфальтировано.

А со стороны Храма Василия Блаженного приближается тяжелый трейлер. Вы видите, как тщательно закреплен на платформе памятник Минину и Пожарскому, святыня русского народа. Сегодня он должен вернуться на свое историческое место в центре площади.

Ну как тут не воскликнуть: господа, великий исторический эксперимент завершился!..

* * *

— Господин министр, у Святой Церкви есть свои законы. И даны они не людьми, а Богом. Примите мои уверения в лояльности режиму и прочая, но мы не можем вершить службу над прахом безбожника, антихриста, подвергнувшего христианскую веру неслыханным гонениям и обрекшим на мученическую смерть миллионы невинных.

— Ваше высокопреосвященство, я не могу дискутировать с вами по религиозным вопросам. Но здесь речь идет о спокойствии и мире в огромной стране, населенной вашей паствой. Осмелюсь вспомнить, что милосердие Божие безгранично.

— Я не правомочен сам решить столь серьезный вопрос. А созыв Собора может вызвать нежелательный резонанс...

— Напомню, что наша встреча абсолютно конфиденциальна. Вы понимаете, что несложно найти священника, который совершит обряд. Если даже вы потом отлучите его от церкви, мы можем обеспечить ему безбедную жизнь. Но посудите: выгоден ли сейчас кому-либо новый раскол между церковью и государством?

* * *

Над Санкт-Петербургом висел серый дождь. Голые ветви Волкова кладбища роняли капли в раскисшую грязь.

Оцепление у ворот, кутаясь в плащ-накидки, проверяло пропуска.

Четверо служащих в новых спецовках с натугой подняли на белых льняных полотенцах тяжелый дубовый гроб и опустили в прямоугольную глинистую яму.

Застучали комья земли. Володя Ульянов, сполна и на века отомстивший за смерть старшего брата, присоединился к своей семье...

— Со святы-ыми упо-окой... — гудел голос дьякона, и сладкий дым ладана плыл в серой полумгле...

10. «Как нам обустроить Россию»

Стоя в переднем ряду молящихся перед алтарем маленькой русской православной церкви в Вермонте, Солженицын осенил себя широким крестом — и вдруг почувствовал легкий укол в бедро сзади. Оталеченный этим, он мгновение колебался, обернуться ли, или потереть рефлекторно место укола, и не нарушит ли он неуместным жестом торжественный ход молитвы, но тут свечи на алтаре накренились, золотое шитье священника вспыхнуло расплывчатым огнем, купол церкви устремился ввысь, и Александр Исаевич мягко осел на пол и потерял сознание.

Он пришел в себя в больничной палате.

— Ничего страшного, — с мягкой улыбкой сказал врач. — Духота, переутомление: обычный спазм. Свежий воздух, положительные эмоции, смена обстановки — и еще двадцать лет жизни я вам гарантирую. — Он выговаривал слова с аристократической оксфордской растяжкой. В вырезе зеленоватого халата на загорелой груди врача поблескивал на короткой цепочке православный крестик.

— Вы русский? — выговорил Солженицын.

— Дед был русский, — со вздохом отвечал по-русски врач.

Он примерился шприцем к вене и ввел желтоватую жидкость в бессильно лежащую поверх простыни руку.

— Я бы на вашем месте поехал в Россию, Александр Исаевич, — мягко, с огромной убедительностью сказал он. Сверкающая игла шприца притягивала взгляд Со-

лженицына, мешала думать... — Это ваша миссия, ваш долг! — глаза врача сделались черными, огромными.

— Да... конечно... конечно! — Солженицын уже сам не понимал, почему он еще не в России.

* * *

— Пусть Шумейко проконтролирует лично — это государственная акция: телевидение, газеты, цветы в аэропорту. И если старик хоть на пять минут выйдет из-под контроля — я с тебя голову сниму!

— Но старику восьмой десяток — он на этих препаратах через неделю впадет в необратимое слабоумие. Могут же заметить.

— Недели хватит. Пусть заявит на весь мир то, что от него требуется, — и на дачу, под охрану. Писать бесконечный новый роман, мол, не до встреч.

— Но ведь семья...

— Пусть эта семья пикнет — своих не узнает. Это не при Брежневе — отпищались, хватит. Свистел на весь мир, что хочет умереть в России, — ну так вот тебе все условия.

* * *

Опереточный оливковый френч Солженицына был украшен свежей звездочкой Героя России. Переполненный зал слепил светом и фотовспышками.

Всех немного удивило, что Духовный Отец России читает речь по бумажке. Но это, как и его сомнамбулический вид, приписали переутомлению от понятных волнений.

— Историческая миссия святого русского народа-богоносца не позволила ему пропасть, не позволила отклониться с предначертанного великого пути.

Тысячу лет складывалась наша Родина, сплачивая вокруг себя соседние народы. Лукавцы и стяжатели попытались разрушить наше единство. Смерть, кровь, огненная геенна гражданской войны захлестнули нас. Не спасемся поодиночке, ибо сказано: «Дом, разделенный внутри самого себя, не устоит».

Общинность, присущая русскому народу... Миротворение... Братский союз всех славян, историческая общ-

ность... Единые духовные корни христианства и ислама... Сатанинские козни врагов...

* * *

Смонтированная телепередача выглядела так, что Совесть Нации — Солженицын — благословляет российское правительство на все дальнейшие действия по единению державы. Газеты перепечатали речь с редакционными комментариями, из которых явствовало, что единственное спасение — маршировать колоннами, исполняя приказы.

А в Шереметьево-2 прямо с трапа «Боинга» тощий и морщинистый Евтушенко в невообразимо пестром костюме скандировал, маша очками:

Сквозь грозы и трудности мой народ
в светлые дали прорвется вперед!

Поклонницы далеких шестидесятых, невзрастеничные старушки, визжали в экстазе и метали букетики.

В Санкт-Петербурге же, на Дворцовой площади, Иосиф Бродский картавил в микрофоны:

Ни страны, ни погоста не хочу выбирать,
на Васильевский остров я приду умирать.

* * *

«От Российского Информбюро.

Под совместным управлением России и Японии Приморский край, получивший сорок миллиардов долларов инвестиций, приступает к массовой модернизации промышленной базы...

Торжественный праздник воссоединения Украины с Россией состоялся вчера в древнем Киеве...»

* * *

По Москве, лишенной наглых американских реклам и киноафиш, крутили в кинотеатрах доброго старого «Чапаева». Строчил пулемет, бежали враги, мечтали о светлом будущем борцы за счастье народа:

— Че-орный во-орон... что ж ты вье-ошься... над мое-ею головой!

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕСТОКИЙ	3
НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ	93
КАВАЛЕРИЙСКИЙ МАРШ С ВАРИАЦИЯМИ	159
БАЛЛАДА О БОМБЕРЕ	229
О ДИКИЙ ЗАПАД!	317
МОСКВА БЬЕТ С НОСКА	371

Первое полное собрание сочинений Михаила Веллера в 9 томах

Творчество Михаила Веллера отличается исключительным разнообразием — стилистическим, тематическим и жанровым. Книги знаменитого писателя представляют едва ли не все виды современной прозы и не похожи одна на другую ничем, кроме увлекательности и блеска.

«Легенды Невского проспекта» — национальный бестселлер, прославленный иронией и непревзойденной легкостью. Стилизация под советский фольклор настолько мастерская, что вымышленные автором новеллы становятся нашей историей.

«Приключения майора Звягина» — шедевр забытого жанра «романа воспитания». Тираж его также достиг миллиона экземпляров. Это детальный учебник «науки побеждать», исполненный доброты и несущий огромный заряд оптимизма.

«Гонец из Пизы» — «роман предсказаний 1999 года, продолжающих сбываться». Дикая фантазия сугубо реалистического в современных бытовых деталях повествования превращает исторический выстрел «Авроры» по Зимнему в пальбу по Кремлю.

«Хочу быть дворником» и **«Разбиватель сердец»** — сборники изящных и жестких, изобретательно и неожиданно построенных рассказов, принесших автору первую славу у знатоков короткой прозы. Еще в 80-е они явились новым словом в новеллистике.

«Все о жизни» и продолжение этой книги **«Кассандра»** — последняя в XX веке и первая в русской культуре законченная философская система, оригинально, всеобъемлюще и неопровержимо объясняющая мир и нашу жизнь — простым и чистым языком.

«Жестокий» — остросюжетные повести, изложенные с лаконичностью и красочностью кинофильма так, что картины происходящего невольно встают и движутся перед глазами.

«Долина идолов» — завораживающие внутрилитературные эссе, анализы, размышления: нестандартные, порой вызывающие и даже шокирующие. Высокая литература о литературе.

Литературно-художественное издание

Веллер Михаил

**Жестокий
Такое кино**

Сборник повестей

Верстка

А.Р. Вальского

Компьютерный дизайн:

С.В. Шумилин

Корректоры

И.В. Фатеева, Т.В. Никонова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Фоллио»

141300, Московская обл.,

г. Сергиев Посад

ISBN 5-94966-009-9

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

BAYLOR UNIVERSITY LIBRARIES

3 1263 01661 5376

«Мужчина живет, пока сам этого хочет».

Харальд Хардероде